

Алиса Элер

В ПОГОНЕ ЗА СОЛНЦЕМ

Когда в пламени войны сгорает все, чем ты дорожил, тяжело научиться жить заново и поверить в себя. Маг, лишенный дара, он почти смирился с утратой, но не может о ней забыть. Но когда тьма, идущая из седых веков, безумие ненависти и любви и вязь интриг, в которой переплелись судьбы престолов закручиваются бурей, нет времени на раздумья и сомненья. Остается только принять предначертанный судьбой путь, следуя за долгом — и тем, что выше долга. За своим предназначением.

Элер Алиса
В ПОГОНЕ ЗА СОЛНЦЕМ

В погоне за солнцем

«...Все бессмертные — авантюристы; кто-то больше, кто-то меньше. «Наша маленькая вечность» — в шутку зовем мы свою жизнь, и отчасти правы: то, сколько она длится, зависит только от нас.

Люди ограничены жесткими рамками, заданными природой. Их краткая жизнь — вспышка новорожденной звезды. Редкий человек без примеси крови aelvis проживет больше полувека, и виной тому не слабость тела и духа, а жесткая борьба, которая не затихает ни на мгновение. Страстная, яркая, насыщенная, но жестокая, кровопролитная, беспощадная — вот она, человеческая жизнь.

Мы же редко болеем, почти не стареем. Размеренный ход долгой, бесконечно долгой жизни усыпляет, убаюкивает, и зимняя стужа поселяется в сердце, пустота — в усталых, слишком старых для юных лиц глазах. Скука становится извечным спутником, заклятым другом, идущим под руку и толкающим на безрассудство, гибель. Мы могли бы жить вечно: легенды гласят, что некоторым из aelvis — тех самых, n'orre Llinadi, «первопришедших» — было более тысячи лет.

Могли, если бы захотели.

Ныне редкий aelvis разменивает пятое столетие. Участившиеся войны, виной которым — человек, уносят наши не столь многочисленные жизни. Мы так же смертны, как бы не хотели доказать обратное; так же погибает от яда и холодной стали. Мы все более, век за веком, очеловечиваемся. Песок времени утекает сквозь пальцы, унося с собой бывшее могущество, и на смену таинству волшебства приходит наука магии. Чудо сменяется феноменом и тщательно изучается, анализируется, препарируется. Абсурд, нелепица, бессмыслица: вольная птица сладкоголоса потому, что воспекает свободу. Весь мир принадлежит ей, и она — ему. Запри ее в клетке, спрячь за семью замками, заставь повторять заученные слова — и ее голос пропадет, лишится силы и красоты. Волшебством мы воздвигали горы, волновали моря, вздыбливали океаны, волшебством раскололи некогда единые земли на островки, острова, континенты... Волшебством изгнали за край севера драконов, проклятых порождений нижних Граней, чей пламень дыхания обращал мир в ничто, порядок — в хаос.

Но тысячи лет прошли, и волшебство исчезло. Осталась лишь магия — отголосок себя прежнего. И ветер, идущий с моря, шепчет на разные голоса: «Закат близится». Отпущенному времени выходит срок.

Сто, двести, триста лет — и мы уйдем вслед за ним, растаем в златоглавой заре нового дня, станем безмянными тенями прошлого. Последние крупинки волшебства развеются по ветру, погаснув, как искры, вырвавшиеся из костра — и вернутся драконы, сжигая в черном пламени горизонт».

Солнце ослепительной волной пробежало по утреннему городу, и черепичные крыши загорелись червонным и охряным, золоченые шпили окутались сияющей дымкой, а лужи, брызгами ртути разбежавшиеся по мостовым после недавнего дождя, вспыхнули серебром.

Я заслонил глаза, щурясь от света, и остановился, не решаясь идти дальше. Меня переполняли противоречивые чувства, и сердце жалобно замирало, ища и боясь найти в переплетении улиц, в грубой мозаике мостовых, в угловатых и нестройных фигурах домов отголоски воспоминаний. В гомоне бесконечно чужих голосов — голоса прежние, среди спин прохожих — выющуюся по ветру ленту в золоте волос и черный край плаща; в этой весне — ту весну...

Боясь — и надеясь найти.

Город моих снов, город воспоминаний... я не был здесь столько лет и почти не помню его. Город-волнение, город-печаль... город прошлого. Моего прошлого. Я боюсь столкнуться с ним — и с прежним собой. И замираю, не решаясь сделать шаг.

Тогда, прощаясь, я обещал, что больше никогда не вернусь сюда. Не вернусь, пока у меня будет хоть какая-то возможность не-возвращения, хоть один шанс избежать встречи. И вот я здесь.

Здесь, чтобы поставить, наконец, последнюю точку. И избавиться от иллюзий... и кошмаров.

Меня бесцеремонно толкнули — кажется, уже не впервой, но обратил на это внимание я только сейчас. И, смутившись, посторонился, пропустив бойкую торговку с плетеной корзинкой. Я остановился прямо посреди дороги в нескольких шагах от городских ворот, изрядно затруднив движение. Стражники уже бросали на меня недобрые взгляды. Немного нервно улыбнувшись, я поспешил убратся, пока их слабый интерес не перерос в назойливое внимание.

Людской поток захлестнул меня, закружил и вынес на тротуар по левую сторону мощеной дороги. Здесь было еще теснее, но, во всяком случае, сбивать и затаптывать меня никто не собирался. Я завертел головой, пытаясь хоть немного сориентироваться в таком родном и таком чужом городе.

Война коснулась Торлисса сильнее, чем я думал. В ее огненном дыхании сгинули запутанные улочки окраин, серым пеплом развеялись по ветру библиотеки и школы, музыкальные классы и консерватории, маленькие, но с любовью вытканые, а не высеченные из гранита театры.

Сгинули, как и мои воспоминания. Сейчас, спустя столько лет, я мало что помню. Черты поблекли, утратили четкость и ясность, как чернильные строки под поцелуем воды. Остались лишь образы, смутные и противоречивые, где ложь и вымысел сплелись в одно.

Забавно, но единственное, что я помню об улочке Старых Монеток, которой ходил каждый день — запах корицы и свежей выпечки. В пекарню, притулившуюся на углу, я забегал пару раз на неделе за сладостями-извинениями: так уж вышло, что удавались мне они лучше обычных словесных. Пекарни, конечно же, уже не было, и запах, прежде щекочущий нос, давно не пробегал по улицам, а мое глупое сердце не могло поверить, что это город моей юности.

Я шел и гадал, в подвале какого дома в Тихом переулке расположился маленький

трактирчик, где проходили наши совсем не тихие студенческие посиделки и пирушки. Обшарпанная дверь на входе, запах кислого, многожды пролитого вина, вьевшегося в стены и разошедшиеся столы, ругань и смех, шумные споры и драки так и стояли перед глазами, но фасад дома я не вспомнил бы ни за что на свете.

А здесь, на Скрипичной — или Струнной? Память, память... — улице каждый день в три часа по полудню из-под тяжелой крышки фортепиано вырывались прозрачные и хрустальные мелодии. То робкие и нежные, то сильные и страстные, они одинаково волновали сердце. Порою в них вплетался серебряным перезвоном голос — высокий и тонкий, ясный и чистый. Мы не раз останавливались под окнами, увитыми дикой розой, чтобы его послушать.

Или не розой?

...Я не узнавал улиц, которыми шел, и если бы меня заставили сказать, как и куда идти, я бы непременно заплутал. Но, по счастью, ноги были гораздо умнее меня, и, не размениваясь на сомнения, направлялись к цели.

* * *

— Молодой человек, я повторяю: книги с грифом «магия» не-магам не выдаются!

— Это замечательно, потому что я как раз маг, — попробовал отшутиться я, но безуспешно: библиотекарь зло сверкнула глазами из-под скособочившихся круглых очков и, поправив их нервным жестом, отчеканила:

— «Магом считается человек или альв, чей магический потенциал превышает двадцать пять процентов». А у вас едва ли не абсолютный ноль!

И, предвосхищая мои возражения, отрезала:

— Прибор не ошибается!

— Значит, это будет единственный случай, когда он ошибется, — пытаюсь свести все к шутке и разрешить дело миром, улыбнулся я. От слова «альв» меня покорило, но спорить с библиотекарем мне было ни к чему, и я не стал заострять на этом внимание.

— Исключено!

— ...госпожа, — после паузы рискнул обратиться к ней я, лихорадочно вспоминая, как же пристало называть женщину ее сословия. Библиотекарью, на чьем лице отчетливо проступало происхождение отнюдь не благородное, я бессовестно польстил. — Я принадлежу к роду aelvis, и в принципе не могу быть не-магом.

— У вас это на лбу не написано, — язвительно сказала она, заслужив мое невольное восхищение: нести откровенную чушь с такой уверенностью нужно уметь.

Я кашлянул, понимая, что несколько переоценил умственные способности собеседницы. И не знал, смеяться или плакать. Ситуация сама по себе меня забавляла, но вносила в мои планы непредвиденные коррективы... да что там: губила их на корню!

...нет, все-таки кем нужно быть, чтобы в городе магии и науки не научиться с первого взгляда отличать бессмертных?!

Спокойнее.

Я глубоко вздохнул, беря себя в руки, и вновь улыбнулся, на этот раз вымучено:

— Даже если, как вы утверждаете, способностей к колдовству я не имею, что мешает мне работать в теории магии?

Она смерила меня уничижительным взглядом и поразила повторно:

— Магия — прикладная наука. Что вы можете наизучать там, если ничего в ней не смыслите и не понимаете?

«Прикладная», говорит! «Наука»!

Изумительно! Я едва удержался от аплодисментов. Ругаться разом перехотелось, зато язык так и зачесался ей подыграть.

Увы, я по-прежнему нуждался в помощи, и приходилось сдерживаться.

Теперь я не вымучивал улыбку, а боролся с ней. Кое-как натянув маску безразличия, я предпринял последнюю попытку вразумить библиотечную фурию:

— Я утратил дар, а не никогда его не имел.

— Магический дар не утрачивают! — с непоколебимой уверенностью брякнула она.

Она, смертная из смертных, в глаза волшебство не видевшая!

— Утрачивают! — оскорбился я уже вопиющей безграмотностью, даже позабыв, зачем затеял разговор. — Имя Тералина Вольного вам ничего не говорит? Или, например...

— Мне неинтересны байки!

— Это факты и ваша история! — возмутился я и не выдержал, обрывая бесполезные пререкания. — К чему этот спор? Спросите меня о чем-нибудь, что, в вашем понимании, должен знать «маг» — и убедитесь, что я не лгу.

— Я не маг!

— Ну, так позовите мага!

— Хватит! — окончательно взбесилась библиотекарь, грохнув об стол пачку бумаг. — Радуйтесь, что вас вообще пускают в Королевскую библиотеку! В других вы и этого не получите! Ничего не желаю слышать, убирайтесь, немедленно! — взвизгнула она. — Или я вызову охрану!

Я закрипел зубами, но вынужден был уйти.

Драконов ей в печенки!

Пылая праведным гневом, я зашагал в направлении центрального фонда Королевской библиотеки. Новый Торлисс все больше злил своими нелепыми насквозь бюрократическими правилами. «Только магам», раздери ее дракон!

Самое печальное, что «фонд литературы по магии, чародейству, колдовству и иным манипуляциям» — один на весь город, а значит...

Значит, я зря приехал в Торлисс.

— О, господин Мио! — весело поприветствовала меня светловолосая девчушка на приставной лестнице, заведовавшая главным залом. Она же и отправила меня к строптивой коллеге. — Вы уже все?

— Да если бы! — в сердцах воскликнул я и поведал о своих злоключениях.

— Ну-у... Эби права: формально решение о том, кого пропускать в отдел, а кого нет, действительно принимают только исходя из показаний магометра... да вы не переживайте так! — участливо всплеснула руками она. Лестница едва заметно покачнулась, но устояла, а девушка, усвоив урок, накрепко вцепилась в прибитый к стене стеллаж.

— Вы сможете ее переубедить? — усомнился я, вспоминая горящий взгляд «Эби».

Библиотекарь, имя которой узнать я так и не удосужился, смутилась, но помогать не передумала.

— Придержите, пожалуйста, лестницу! Неудобно же говорить, право слово! На всю библиотеку кричать приходится.

Несколько секунд поколебавшись, стоит ли тратить на это время, я решил, что ничего не теряю, и поспешил на подмогу.

По лестнице она спустилась чуть ли не кубарем. И, поманив пальчиком, зашептала интригующе-кокетливым тоном:

— Я, вообще-то, не должна вам об этом говорить, но не все книги хранятся в отдельной секции. Сами посудите: со всех библиотек города свезли-то их ого-го сколько, а места почти не выделили! Многие тома очень старые, и не рассыпаются в пыль только благодаря постоянному уходу и наложенным на них заклинаниям, поэтому их следует держать в спецхране...

— Ближе к теме!

— Часть книг из фонда маглита находится в моей секции, — быстро закончила она.

— И какие книги хранятся в общем зале? — рискнул спросить я, не веря своему счастью.

— Те, которые реже всего спрашивают, — пожала она плечами, словно говоря нечто очевидное. — Как правило, пяти нелестных отзывов достаточно, чтобы книгу отправили «на задворки». А между тем, часто именно эти «непонятые» аудиторией книги имеют наибольшую ценность. Вот я как-то директору Академии искала один томик именно в...

— И что чаще всего «не спрашивают»? — перебил ее я.

— Большинству нужны уже готовые решения, — пренебрежительно, точно копируя чью-то интонацию, фыркнула девчонка. — Мало кого интересуют сугубо теоретические выкладки и выведение формул.

Я возвел глаза к небу, поблагодарив всех богов, выдуманных и существующих, за то, что нынешнее поколение торлиских чародеев отличалось непроходимой глупостью.

— Вам подходит? — уже не понижая голос, спросила она.

Я яростно закивал.

— Тогда пойдемте: покажу все, что есть.

Чуть ли не пять минут я плелся за плутающей среди стеллажей девицей... чтобы оказаться в кулинарном отделе.

— Гм... а мы точно пришли, куда надо? — подозревая какую-то ошибку или еще чего похуже, засомневался я.

— А вы что, ожидали табличку с надписью: «здесь находятся книги из закрытого фонда»? — возмущенно спросила девушка.

Выражение моего лица выказало крайний скепсис, но библиотекаря это не смутило. Кстати...

Я не выдержал и все-таки полюбопытствовал:

— Позвольте задать вам несколько странный вопрос, но... почему вы мне помогаете? Ведь сами признались в незаконности ваших действий.

— Я вам верю, — пожала она плечами и улыбнулась, как будто это было в порядке вещей. — Тем более, запрет действительно глупый — зачем человеку, незнакомому с магией, книги по ней? А ущерб в читальном зале книгам не причинить, — и добавила, хитро сверкнув глазами: — А еще вы кажетесь очень добрым и милым!

— Э-э-э...

«Милый и добрый»! Смешно, право!

Но приставать с дальнейшими расспросами было неприлично, и я вынужден был удовольствоваться ее ответом.

— В каких стеллажах, говорите, я могу найти нужные книги?
— Начиная во-он с того...

* * *

— Господин Мио! — воскликнула мне прямо в ухо. Я подскочил от неожиданности, да так, что чуть не сшиб стоящую передо мной стопку толстенных талмудов.

Талмудов?

Я осоловело замотал головой, спешно пытаюсь сообразить, что происходит.

Так. Книги. Много книг...

Ах, да! Торлисс, библиотека...

— Господин Мио! — повторил голос уже с оттенком укоризны. — Вы уснули?

Гудящая голова и затекшие суставы говорили именно об этом, но признаваться в оплошности не хотелось, и я только смущенно кашлянул, промолчав.

— Мы закрываемся, — не дожидаясь моих слов, продолжила девушка. — Я должна расставить книги.

— Да-да, конечно, — поспешил ответить я, вставая из-за стола. — Я уже закончил.

— Нашли, что искали? — любопытствовала моя спасительница.

— Нет. Увы.

— Зайдете завтра?

— Боюсь, я просмотрел все, что могло меня заинтересовать.

— Жаль, — искренне огорчилась библиотекарь.

— В любом случае, спасибо за помощь, — вымученно улыбнулся я, отбрасывая косу за спину. — Отрицательный результат — тоже результат. Еще раз спасибо — и всего доброго!

— Вам показать выход? — запоздало окликнула она, когда нас разделяло уже шагов двадцать.

— Нет, не стоит.

Тяжелая дверная створка поддалась с трудом, а вот захлопнулась с превеликим удовольствием, чуть не наподав мне напоследок. Я погрозил ей кулаком и быстро зашагал... хм. А, собственно, куда?

На город тихо опускались сумерки. Тени сгущались там, куда не могло дотянуться солнце. В южных городах темнеет рано и стремительно: не успеешь оглянуться, а кругом уже черным-черно. До непроглядной темноты, конечно, оставалось чуть больше часа (середина весны на дворе), но рыскать в поисках временного пристанища глубокой ночью мне не хотелось.

Я ускорил шаг, стремясь как можно скорее добраться до городских окраин: снять сколько-нибудь приличную комнатуху в городе не позволяло плачевное состояние кошелька. Я утешал себя тем, что на каморку с кроватью денег точно хватит, и не придется ютиться в общей комнате на кишашем клопами тюфяке, а значит все не так уж плохо.

Выплутать из кварталов знати удалость за каких-то пятнадцать минут, а вот с купеческими вышла заминка. В голову закралось подозрение, что я хожу по кругу. Вся нелепость ситуации заключалась в том, что до окраин, по моим ощущениям, оставалось едва ли полмили — вот только я совершенно не представлял, в какую сторону.

Да что за чушь! Этот дурацкий столб с полусодранными афишами я точно вижу уже раз

в третий... минимум — в третий! Еще и пусто кругом, как назло.

Словно откликаясь на мой отчаянный призыв, с противоположного конца улицы слышались тихие голоса и смех, заслышав который я не обрадовался, а, не раздумывая, бросился в ближайший переулок.

За свою долгую жизнь я научился неплохо разбираться в окружающих и вполне мог определить по голосу человека его статус и род занятий.

Крестьяне смеются грубо, раскатисто, с отчётливой хрипотцой. Купцы и важные мещане — спокойно, степенно, с легкой снисходительностью. Разбойники и худшие из наемников — грубо и хрипло, словно каркая, или глумливо, когда выгорает очередное дельце. Знать или сдержана и холодна, или излучает презрение, насмешку.

...так, как сейчас, при мне смеялись всего один раз. Всего один, но я до сих пор помню каждый перелив этого смеха, каждый вплетенный в него тревожный обертон.

Так смеялся наемный убийца. Тот, для кого ты всего лишь вещь, короткий чернильный росчерк в контракте, оттиск печати или помеха-случайный свидетель, не вызывающий жалости.

Голоса приближались, и мне захотелось ругнуться. Они разговаривают! Разговаривают, и умолкать не собираются!

...то есть если наткнутся на меня — прирежут.

— ...удачно сложилось... так просто поймать... это отродье... сегодня... доказательство, — доносились бессвязные обрывки фраз, подтверждая худшие из моих опасений.

Из услышанного меня смутило только «отродье». Обычно убийцы равнодушны к своим жертвам, а в их словах звенела явственная, почти кожей ощутимая неприязнь.

Шаги раздавались все ближе.

— Долго же ты от нас бегала, хвостатая дрянь, — почти дружелюбно, пожурил один из убийц — и это прозвучало особенно жутко.

— Где бы с ней разделаться? — скучаяще, не столько спрашивая, сколько рассуждая вслух, проговорил другой.

Шаги стихли, а голос зазвучал совсем рядом.

— Как насчет этого? На него как раз не выходят окна.

Да, окна в мой переулок действительно не выходили. По всей видимости, это и натолкнуло жителей на мысль устроить здесь самую настоящую помойку.

Что-то подсказывало мне, что к волшебству лучше не прибегать. Времени на размышления почти не осталось, и я в панике нырнул за гору мусора, доходившую мне едва ли не до пояса, затаившись и стараясь не вдыхать лишний раз.

И вообще — не дышать.

Еще не совсем стемнело, и можно было разглядеть четыре силуэта: троих высоких мужчин крепкого телосложения, типичного для людей, и... кошку в пол их роста, которую волоком тащили следом.

«Nieris»! — ахнул я.

О кошках с полуострова Семи Бурь я только слышал, но, увидев, сразу же узнал.

Грациозные и свободолюбивые, гордые и на редкость смышленные — эдакий венец хвостатой эволюции. Сложно представить себе того, кто не был бы очарован ими.

Сложно, но можно. Например, карающих.

Я не верил глазам. Гончие псы Ордена в Торлиссе, городе магии и магов! Немыслимо!

Оставалось только порадоваться тому, что от самоубийственного чародейства у них под носом меня спасли сначала рефлексy, а позже — катастрофическая нехватка времени.

Ненависть Ордена Пылающей Истины к волшебству, aelvis и всему с ними связанному была безграничной. Впервые на Севере карающие объявились, кажется, столетия три назад, и с тех пор Орден только креп, ветвился и разрастался. Безумцев искали с небывалой тщательностью — еще бы! Высшая аристократия Северы сплошь маги — но безуспешно: стоило разворошить одно змеиное гнездо, как тут же появлялось новое.

Для самих aelvis Орден едва ли представлял угрозу — чаще всего столкновение заканчивалось не в пользу карающих — но нет-нет, а пару-тройку жизней в год уносил. Еще пяток-десяток лет, и терпение владык бессмертных окончательно иссякнет, и тогда я не поставлю на безумцев и ломаного гроша. А пока больше всего от Ордена страдала знать, вынужденная тратиться на охрану, fae — духи воды и лесов, гор и полей, цветущих лугов и домашнего очага... и nieris.

Давным-давно, когда первые из них ступили на большую землю, Северу всколыхнула волна слухов. «Слишком умны! Почти как люди!» — гудели растревоженным роем города, и одна за другой расцветали красивые легенды. Тогда же кто-то впервые сказал о том, что nieris и не кошки вовсе, а души бессмертных, не нашедшие покоя. Эта мысль, как ни странно, завоевала симпатии нескольких чародеев, вызвав тем самым шквал обсуждений в торлисском магическом сообществе. Сколько диссертаций и кандидатских было защищено сторонниками и противниками теории — не перечсть. В свое время даже я не преминул черкануть статейку, в которой обосновал «ум» nieris, вслед за предшественниками, исключительными способностями к эмпатии. Но сколько бы волшебники не опровергали красивую легенду, ничего не менялось. Столь прозаическое объяснение не пришлось по нраву широкой общественности, и nieris, вопреки здравому смыслу, прочно утвердились в сознании людей как посмертное воплощение душ бессмертных. За что и расплачивались теперь.

...Кошка, даже будучи связанной, вертелась и глухо рычала. Карающие почему-то медлили — видимо, хотели разделаться с «отродьем» одним ударом, нанести который пока не представлялось возможным — но было бы глупо надеяться, что эта заминка продлится вечность.

План, созревший у меня, был прост, как разменная монетка: отвлечь карающих, разорвать путы и бежать сломя голову вместе с nieris. Все это нужно каким-то чудом повернуть за пять-десять секунд, пока не прошел эффект неожиданности. Вот только как их выиграть? И чем перерезать веревку?

«Если бы я был прежним...» — тоскливо подумалось мне. Но я почти сразу отмахнулся от этой невеселой мысли: предаваться унынию было решительно некогда.

Так-так-так...

Волшебство я отмел сразу: на плетение чар мне нынешнему нужно непозволительно много времени, которого сейчас нет. Чуть промедли — и спасать будет некого. И некому: ных на колдовство у карающих — обзавидуешься! Вмиг засекут и пресекут.

Хотя... но тогда шансы убежать значительно уменьшаются...

А так их нет совсем.

Промявшись с полминуты, я все-таки смирился с неизбежным. Пан или пропал. Главное все верно рассчитать.

Я нащупал в кармане тоненький стебелек, перевязанный ленточкой — амулет с

небольшим количеством энергии, припасенный на черный день, и сжал его в ладони. Осторожно, чтобы не привлечь к себе внимание шумом, приподнялся — и, сжав тростинку, переломил ее пополам. Еще до того, как услышал сухой треск, я зажмурился и вскинул руки. Ослепительно-яркий луч вырвался из раскрытых ладоней, обоюдоострым клинком вспоров сгустившиеся сумерки — и крошечный переулочек потонул в жгущем глаза свете.

Нескольких выигранных секунд мне хватило, чтобы подскочить к несостоявшейся жертве, магией разорвать путы и броситься прочь, ухватив упирающуюся кошку за цепочку-ошейник. Впрочем, недолго упирающуюся: почти сразу она сообразила, что вот оно, спасение, и припустила со всех лап — да так, что стало непонятно, кто кого тащит.

Запоздалая ругань настигла нас секунд через десять, подхлестнув получше иной хворостины, а я и думать забыл о накатывающей слабости.

Как же все-таки паршиво создавать заклинания за счет собственных жизненных сил!

Каким-то совершенно невероятным образом мне все же удалось выбраться на окраины. Но радовался недолго: следующий же поворот окончился тупиком. Я резко затормозил и остановился, тупо уставившись на кривоватый, но крепкий двухметровый забор, с приколоченной полуоблезшей надписью «здние а ремнте», и отказываясь верить, что это конец.

Кошка, не будь душой, останавливаться и не подумала, сходу взяв высоту. Несколько мгновений я просто стоял и смотрел вслед удирающей предательнице, продолжая зачем-то сжимать лопнувшую цепочку. Потом опомнился, затравленно огляделся и дернулся было шагнуть за Грань, но не успел: меня рывком притянули к себе, выбив воздух из легких, и отработанным движением прикрыли рот.

— Где кошка? — спокойным, ничего не выражающим голосом спросил тот, кто меня схватил. — Не скажешь — хуже будет.

— Как он тебе ответит? — развил мою мысль его напарник, недвусмысленно намекая на мой зажатый рот. — К тому же, в этом нет необходимости. Отродье сбежало, бросив своего спасителя на произвол судьбы.

Мне оставалось только грустно вздохнуть.

— Точно, отродье, — фыркнул третий. Лиц карающих — а это, несомненно, были именно они — я по-прежнему не видел, стоя спиной. — Достойная благодарность за геройство.

— Отблагодарим сейчас мы, — все также безэмоционально пообещал держащий меня.

— Но мы не можем убивать людей...

— А это и не человек, — с улыбкой проговорил третий из услышанных мной голосов. — Так что считайте, нам повезло. Пожертвовать кошкой, чтобы схватить бессмертного, стоило.

— Что-то не похож он на мага, — недоверчиво заметил первый, рывком разворачивая меня и стальной хваткой впиваясь в предплечья.

— Почему же? Похож. Чистая аэльвская кровь... Не правда ли? — нож из черненой стали промелькнул в опасной близости от моего лица. Крутанулся — и плашмя прижался к щеке.

Я закусил губу, чтобы не взвыть от боли: клинок жег, точно раскалённый добела. Во рту стало солоно.

Убийца прижал нож сильнее, продлевая пытку и наслаждаясь моей болью. И, с улыбкой сказав:

— Что и требовалось доказать, — милостиво отнял нож.

Я безвольно обвис на держащих меня руках.

— Магия — грех, уподобление Создателю. От нее все несчастья. Вы, проклятый род, посмели восстать против Творцов и низвергнуть Их. Вы чудовища, и стремитесь заполнить такими же чудовищами весь мир. Нечисть, нежить — все это ваших рук дело, — с ненавистью вещал первый, с каждым словом сжимая все сильнее.

Свергли? Творцов?.. Видит Воля, давно я не слышал такой откровенной чуши и такой жалкой попытки оправдать первый грех.

— Даже эта кошка не была такой всегда. Вы извратили ее природу. Теперь она чудовище, противная воле Всевышних. Ей суждено страдать, пока смерть не подарит освобождение.

— Если это освобождение, — негромко спросил я, поднимая голову, чтобы заглянуть ему в глаза. Похожие на два черных провала, они фанатично горели, — то отчего же она не желала его принять?

— Вы оскверняете своим присутствием землю, — продолжил он, проигнорировав мои слова. — Наш священный долг — уничтожить вас. Рано или поздно, но мы очистим землю от скверны.

— Так уничтожайте уже! — зло бросил я, отчаянно рванув из сцепленных рук. Затянувшееся представление, конец которого был очевиден для всех, начало меня раздражать. Смерть меня не страшила, но ожидание ее было невыносимым.

Удар сердца — и весь мир сузился до одного-единственного чувства, до одной-единственной мысли.

Боль — короткая, ослепительная вспышка, от которой померкло перед глазами и перехватило дыхание. Кинжал вонзился в бок, между ребер.

Я не падал только потому, что фанатик по-прежнему сжимал меня в стальном захвате, продолжая вдохновенно вещать. Слов я не слышал: только отдельные звуки, которые никак не мог собрать. Черные омуты глаз орденовца затягивали, сознание мутилось, и мрачное, уже по-своему уютное для меня небытие готово было распахнуть свои объятия.

Но что-то было не так, неправильно; я никак не мог понять, что. Только этот вопрос, на который я отчаянно искал, но не находил ответ, удерживал меня в сознании.

Думать было тяжело. То и дело, отвлекая, всплывали какие-то обрывки воспоминаний. Взгляд выхватывал из темноты одиозные образы: качающийся и лукаво подмигивающий фонарь, карающий, ослабившийся в хищной нечеловеческой улыбке, скачущие вприпрыжку тени...

Нож! Ну, конечно же! Он зачарован! Поэтому всего один удар!

Один удар — и ни единого шанса выжить.

Это привело меня в такой неопиcуемый восторг, что хотелось пуститься в пляс с тенями и кокетливым фонарем, расцеловать моих убийц-спасителей, простив им глупость, и смеяться, смеяться, смеяться...

У меня появилась надежда, самая настоящая надежда. Впервые за целый век! Больше никаких поисков, никакого опостылевшего, бессмысленного, проклятого существования! Только свобода! Настоящая и недостижимая прежде свобода!

Я обезумел от счастья.

— Спасибо... — совершенно дурным голосом и по-идиотски улыбаясь, выдохнул я.

— Что?! — и меня жестко встряхнули, не дождавшись ответа.

— Спасибо! — воскликнул я и зашелся в захлебывающемся кашле. Руки моего мучителя

разжались, и я рухнул на землю, неудачно подмяв под себя руку.

«Будет растяжение», — как-то промежду прочим, буднично подумалось мне.

Но это все ерунда.

— Я умру... наконец-то... насовсем... — прошептал я и чуть не заплакал от счастья и неописуемого облегчения.

Мир, кружащийся в вальсе, утомлял. У меня больше не было сил удерживать потяжелевшие веки. Глаза закрылись... и все исчезло.

* * *

Скрестив ноги, заложив руки за голову, я бездумно смотрел в потолок. Взгляд, изредка отрываемый от него, свободно скользил по комнате, ни на чем не задерживаясь.

...по совершенно незнакомой мне комнате.

Я очнулся несколько минут назад, не помня, кто я и где нахожусь. И если первый вопрос разрешился довольно-таки быстро, то второй все еще меня тяготил.

Ладная деревянная кровать, на столике рядом — свежий букет фиалок, напротив — обыкновенный скупой комод с тремя выдвижными ящичками и зеркало в витой бронзовой оправе. Окно — огромное, в полстены — распахнуто настежь. Занавески из плотной ткани словно бы укоризненно покачиваются на широких петлях в такт ветру, а лунный свет сбегает по спинке старого кресла и падает на ковер косыми лучами.

Я мог поклясться, что не был здесь прежде, и совершенно не представлял, как оказался теперь. Это не давало мне покоя: пытливый ум тщетно старался осмыслить происходящее. Мысль прокручивалась в голове с сухим шестереночным шелестом — и каждый раз останавливалась, упираясь в тупик.

Комната, небольшая. Обставленная скупой, но со вкусом и непозволительной для гостиниц расточительностью. Милых сердцу хозяина комнаты вещей — красивых, но бесполезных — нет совсем; поверхность комода пуста. На съемную непохожа, на жилую — тоже. Я бы сказал, что это гостевая комнатка в доме купца или богатого ремесленника.

Между проворачивающимися шестеренками вновь попал сор — железная стружка. Зло лязгнув, они остановились. Мысль уперлась в тупик.

Купец, ремесленник... замечательно! Но это ни коим образом не приближает к разгадке!

Память сопровождала меня аккуратно до момента отъезда в южную столицу республики, а после — позорно капитулировала. Ни одного воспоминания о последних часах и днях, ни одной зацепки, ни единого ключика к пониманию происходящего. Только уже успевшая набить оскомину комната, окно, выходящее на освещенную фонарями улицу, темнота провалов окон напротив... и дверь.

Обычная, в сущности, дверь; цвет древесины не разобрать. Но она раз за разом притягивала блуждающий по комнате взгляд, и в какой-то момент я уже просто не смог думать ни о чем другом.

Я поерзал. Повернулся. Перекатился на другой бок. Вытянулся на спине. «Дурная голова...» — сам себе вспомнил я, надеясь хоть так урезонить беспокойное любопытство, но — тщетно.

Нет уж! Я упрямо скрестил руки на груди, как бы показывая всем своим видом, что не

собираюсь вестись на поводу у глупых желаний.

— Это глупо, — сказал я вслух, когда уже готов был плюнуть на все и броситься к двери.

Получалось по-прежнему плохо.

— Глупо! — терпеливо повторил я, стараясь отвлечь себя рассуждениями. — Что толку выходить из комнаты ночью? Стены и картины — плохие собеседники. Просто посмотреть дом? А смысл?.. Только если соберусь уйти... но откуда, зачем? И кто тогда объяснит мне...

Тут я замолчал, смущенный внезапно пришедшей мыслью.

А хочу ли я знать ответ?

Я заерзал уже нервно. Комната, вытканная в полумраке лунными бликами, вдруг стала неудобной, кровать — жесткой и неудобной, а дверь — зловещей. И когда она с надсадным скрипом открылась вовне, обнажив темный зев коридора, я резко подался назад, вжавшись к кровати.

Оцепенение спало почти сразу: я увидел того, кто решил нанести мне столь поздний визит.

Снежно-белые волосы рассыпались по плечам, алебастровая кожа в холодном лунном свете казалась мертвенно-бледной, а аметистовые глаза насмешливо поблескивали. Скучное освещение резко, почти с геометрической четкостью линий обозначило и без того острые скулы, угольно-черные брови и хищный разрез ноздрей.

— Значит, мне не показалось. Я действительно слышал ваш голос.

Скрипнули половицы под мягкими вкрадчивыми шагами, тихонько вздохнуло кресло.

Я молчал, стараясь не выдать напряжение ни позой, ни жестом, ни взглядом. Только пальцы сцепил в замок.

— Что ж, я вас слушаю.

Голос — холодный и незнакомый. И глаза — непроницаемые фиалковые зеркала. Будто прорези маски, насмешливой и снисходительной.

— Простите?..

Вопрос, недоумение, непонимание. На этот раз — искреннее.

— Почему вы еще живы?

* * *

«Еще жив»? О чем он?

— Я не...

...не успеваю договорить: воспоминания обрушиваются штормовым валом, ударной волной — и захлестывают с головой; и несут, уносят в сердце закручивающейся бури.

— ...Почему вы еще живы? — терпеливо повторил thas-Elv'inor, откинувшись на спинку кресла и сплетя пальцы.

— Почему я еще жив? — медленно, как бы пробуя на вкус каждое слово, проговорил я. — Что вы имеете в виду?

— Вероятно, лишь то, что чрезвычайно удивлен этим обстоятельством. Вы были мертвы — решительно и бесповоротно.

— «Были мертвы»?.. «Были»? — переспросил я. Голос — чуть ироничный, немного насмешливый и ровный; не дрогнувший и ничем не выдавший тщательно скрытого

волнения. — Надеюсь, вы отдаёте отчет в том, насколько нелепо звучат ваши слова?

— Я отдаю отчет в том, — вкрадчиво начал aelvís из рода Отрекшихся, — что, в силу профессиональных навыков, могу безошибочно определить, жив человек или нет.

— «Профессиональных навыков»? И кто же вы? — не смог удержаться я. — Гробовщик?

— Лекарь, — и бровью не повел бессмертный. — Моему мастерству вы обязаны тем, что от ожога на вашем лице не осталось и следа, а о ножевом ранении напоминает лишь порванная рубашка.

Я невольно потянулся к щеке. Пальцы коснулись мягкой, а не обуглившейся кожи — и все равно вздрогнули, до последнего не веря.

— Прошу меня простить, но целительство — редкая стезя для thas-Elv'inor, — кашлянув, смущенно пробормотал я. — И... спасибо.

— Подозреваю, у вас и без моей помощи все было бы прекрасно, — иронично заметил он.

— Обычно лекари стремятся приписать выздоровление собственным талантам, а не стечению обстоятельств... или клиенту.

— Но вы и не мой клиент, — улыбнулся бессмертный. — Итак, вы были мертвы. Когда я вас обнаружил, с момента смерти прошло около получаса...

— «Ожил» я, надо полагать, тоже не сразу?

— Примерно через два часа, — пожал он плечами. — Я как раз гадал, что с вами делать.

— То есть вы хотите сказать, что я был мертв больше двух часов, а потом очнулся как ни в чем не бывало? Вы действительно верите, что это возможно?

— До вчерашней ночи — не верил. И поднял бы на смех любого, сказавшего подобную чепуху. Но обстоятельства изменились. Так что... — Thas-Elv'inor резко сменил позу, придвинувшись ближе, и доверительно спросил: — Ответьте: почему вы еще живы? Мне безумно любопытно.

— Сперва ответьте, на основании чего вы сделали вывод о том, что я умер? Вы проверили, началось ли отмирание мозга, внутренних органов? Кажется, именно это, а не стагнация жизненных процессов, является убедительным доказательством смерти.

Тень странной улыбки, которую я никак не мог прочитать, пробежала по лицу Отрекшегося.

— Да, вы правы. Не является. Но, полагаю, вы не хуже меня знаете, сколько может длиться такая остановка. Поэтому...

— Поэтому вы не стали проверять? — вздернул бровь я, не дав ему увильнуть.

— Не стал. Я счел это бессмысленной тратой времени, — легко признал он. И я заподозрил, что его интересовал вовсе не вопрос, который он задавал вот уже в который раз. Вот только что?

— То есть уверенности в том, что вы утверждаете, у вас нет? — помедлив, нарушил затянувшуюся паузу я.

— Нет, — он улыбнулся уже открыто, но от этой улыбки почему-то сердце неприятно дрогнуло. — Вы правы. Но чем больше говорите, тем сильнее я сомневаюсь в правдивости ваших слов.

— Желаете, чтобы я поклялся? — иронично спросил я, выбрасывая главный козырь с невозмутимостью опытного шулера. Козырь, конечно же, крапленый. — Я могу. Но вот хотите ли вы этого? Обещания обоюдоостры.

— И вы готовы рискнуть? — выдержав долгую, почти минутную паузу, с все той же непонятной улыбкой спросил он.

— «Рискнуть»? Говоря правду, я ничем не рискую.

— А я, пожалуй, пас. Хватит и одного обязательства на сегодня.

— Обязательства? — нахмурился я. Фраза, ничтожная по своей значимости, брошенная вскользь и в шутку, казалась обращенной ко мне. — О чем вы?

— Странно, что вы еще не поняли. Я обязан вам за спасение моей *piegis*. Она привыкла гулять, где ей вздумается. Но с приходом в город карающих ей, видимо, придется отказаться от этой маленькой радости.

— Думаете, это не единственный отряд?

— Карающие не приходят по одному или по двое. Орден — крысиная стая. Десятки мелких отрядов, дюжина укрытий-нор в недрах города... Похоже, время беззаботной жизни подошло к концу.

— Как я, однако, вовремя... — пробормотал я, невольно озвучив мысли.

— Вы нездешний?

Я прикусил язык, но было поздно. Вопрос прозвучал спокойно, как бы скучающе и просто из вежливости, но пристальный взгляд, который Отрекшийся не сводил с меня, ясно говорил об обратном.

— Я долго жил в Торлиссе... а потом уехал, — помолчав, нехотя сказал я. — Вернулся только сегодня... или уже не сегодня? Какой сейчас день?

— Вчера. Сегодня двадцать седьмое число месяца Поющей воды, — вежливо поправил он. — Вы очнулись почти сутки спустя. Если не секрет, почему вы вернулись в город?

— Ищу материалы для исследования, — уклончиво ответил я. Очень уклончиво.

В таких случаях говорят — подозрительно.

— Может быть, я смогу вам чем-нибудь помочь? — поняв, что сам я откровенничать не собираюсь, напрямую спросил Отрекшийся.

— Хотите побыстрее избавиться от долга? — усмехнулся я уже дружелюбнее и незаметно перевел дух.

С одной из целей определились. Даже, может быть, с двумя: узнать, с кем угораздило связаться, и побыстрее отделаться. Но сколько их, этих целей, на самом деле?

— Спрашиваете!

— Боюсь, вы не сможете помочь. Я хотел попасть в Королевскую библиотеку, но мне отказали в доступе к фонду магической литературы. Какие-то книги просмотреть удалось, но того, что я искал, среди них не было, — грустно улыбнулся я. — Больше мне незачем оставаться в Торлиссе.

— Вот как? То есть вы собираетесь покинуть город в ближайшие дни? — задумчиво спросил он, сосредоточенно барабанил пальцами по подлокотнику.

— Полагаю, что так. Оправлюсь от нападения, поброжу по улицам, предаваясь воспоминаниям — и уйду.

— Что ж, в таком случае, вам непременно нужно еще раз столкнуться с охотниками, — серьезно сказал Отрекшийся, поднимаясь из кресла. — Потому как иного способа отплатить вам я не вижу. А *Она* не любит невыполненных обязательств, сами знаете. Да, кстати! Если вы еще нигде не остановились, могу предложить вам свой дом.

В его предложении отчетливо слышался подвох, но я был не в том положении, чтобы отказываться.

— Спасибо, это было бы замечательно, — сдержанно поблагодарил я, не сводя взгляда с моего новоявленного благодетеля.

Что-то еще крылось за желанием поскорее расплатиться по счетам, но что? Интерес к моему «бессмертию», о котором он так старательно выпрашивал добрых пять минут, а потом с легкостью отступился? Какие-то свои многоходовые интриги и далеко идущие планы?

— Ах, простите. Совсем забыл представиться.

Я, провалившийся в мысли, как в омут, вздрогнул от голоса thas-Elv'inor.

— Нэльвё, — сказал он, с улыбкой протягивая руку. — А вы?..

— Мио.

Рукопожатие — короткое, скорее символичное, едва ощутимое. Мы сплели ладони на мгновение — и почти сразу разомкнули, отпрянув.

— А теперь, простите, но я, пожалуй, пойду. День выдался очень... суматошным. Да и вам не помешало бы поспать. Продолжим разговор завтра.

Нэльвё едва кивнул на прощание и, дождавшись моего рассеянного кивка, направился к двери.

— Погодите! Как вы нашли меня? — спохватился я, когда он уже коснулся ручки. — И как узнали о карающих и о том, что действительно мой должник?

— Как нашел? — удивился он такому простому вопросу, полуобернувшись. — У вас же остался кошачий ошейник в руках. Зачарованный. А карающие... ожоги от каленой стали, удар под грудь, яд в крови — явный почерк Ордена. Да и я совершенно не представляю, кому и зачем еще может понадобиться nieris. Поначалу я, правда, еще сомневался в ваших благих намерениях и решил прихватить как свидетеля — живого ли, мертвого ли, не суть важно. Но потом вы вдруг ожили, и путы долга недвусмысленно намекнули мне, кому и чем я обязан. А потом и Риин вернулась, под утро. Всклобоченная, со следами от веревок. Да, кстати!

Он, до того смотрящий куда-то мимо, сфокусировал взгляд на мне. И улыбка зазмеилась по тонким губам.

— Вы же не думаете, что я так просто оставил желание разобраться в вашем загадочном... воскрешении?

— Ни на секунду, — выдохнул я, даже в чем-то облегченно. И отшутился: — Будете ставить на мне опыты? Или установите слежку?

— Увы, теперь мы почти друзья, — с деланным сожалением вздохнул Нэльвё. — Поэтому придется обойтись без этого. Конкретного плана у меня пока нет, но... так шансы на разгадку все-таки возрастают. Ищущему да откроются двери, не правда ли? — подмигнул он, вспомнив один из негласных принципов aelvis.

— И зачем вы все это мне говорите? — губы невольно растянулись в улыбке.

Thas-Elv'inor пожал плечами и улыбнулся в ответ. Очень лукаво.

* * *

Я заворочался, ежась от забирающегося под одеяло холода. Свернулся калачиком, подтянув ноги к груди, укрылся с головой — и сладко вздохнул, вновь оказавшись в объятиях тепла. Сон, робко отсевший на самый краешек кровати, потихоньку перебрался обратно. И я задремал, вдыхая хрустальный, почти звенящий от утренней свежести воздух с тонкими

нотками фиалки.

В сладкую дрему ворвался плескавшийся где-то внизу, среди скалистых стен, шум. Назойливый, навязчивый, он все нарастал и нарастал, становился отчетливее, и в шелесте набегающих волн уже можно было различить голоса: высокий и низкий, звонкий, как трель флейты — и мягкий, приглушенный, покатый. Я накрылся подушкой в слепой, почти детской вере, что перестану их слышать, смогу спрятаться от всего мира. Но тщетно: голоса становились все отчетливее, и с последней разбившейся волной прибоя вылились в слова.

— Нет, Камелия. Даже не просите, — услышал я. В невысоком голосе, приглушенном расстоянием, я с удивлением опознал моего вчерашнего знакомого. Как же его звали? Нэльвё?

— Но мастер!.. — зазвенел юный девичий голосок. — Пожалуйста!

— Камелия, — медленно, почти по слогам начал он. — Сегодня ко мне на прием записаны двое пациентов, еще один ждет со вчерашнего дня. Я не имею никакой возможности помочь.

— Но вы же друзья... — робко напомнила девушка.

— И?.. — в голос *thas-Elv'inor* вкрались первые опасные нотки.

Его собеседница что-то тихо пробормотала. Так тихо, что я не расслышал.

— Друзья, Камелия, навещают друг друга, интересуются делами, а не забывают «друга» до следующей проблемы.

— Но...

— «Дружба» и «использование» — это разные вещи. О, Безликая, да о чем разговор, если теперь он даже не удосуживается прийти сам и посылает ученицу?!

— Но мастер не мог прийти сам!

— Да он никогда не приходит сам! — рявкнул Нэльвё. И продолжил уже сдержанно, но откровенно зло. — Я сыт такой «дружкой» по горло. Поэтому будьте любезны: покиньте мой дом. И передайте Игнису, что я не желаю иметь с ним дел.

— Но мастер! — взмолилась девушка. — Прошу!.. Ему правда очень-очень нужна ваша помощь!

— Камелия...

— От вас зависит его жизнь! — в отчаянии воскликнула она. Голос задрожал, как скрипичная трель — будто от слез. — Пожалуйста!

Ее крик повис в звенящей тишине комнаты, безответный. Нэльвё молчал, не соглашаясь и не отказываясь.

— Мастер будет вам благодарен, только помогите! — не выдержав муки ожидания, сделала еще одну попытку девушка.

— «Благодарен»! — передразнил бессмертный. — На что мне его благодарность?

— Прошу вас!.. Мастер... оплатит, чем захотите; всем, чем угодно! Только помогите!

— «Всем, чем угодно»? — насмешливо переспросил Нэльвё. Я почти видел его ироничный фиалковый взгляд.

— Всем, чем сможет! — твердо сказала Камелия, поправив себя, но не думая отступить.

— «Чем сможет», говоришь? — и фыркнул: — Чем сможет! Мне ничего не...

И внезапно осекся, замолчав.

— Вот что, — спустя томительную минуту продолжил он уже совсем другим голосом, мягким и вкрадчивым. Теперь мне приходилось напрягать слух, чтобы его расслышать. — Вот что. Жди меня внизу.

— Что?.. — растерянно спросила девушка, кажется, не веря своему счастью.

— Жди здесь! — повторил Нэльвё с прежним раздражением. — Я проведу пациента наверху и отправлюсь с тобой. Ясно?

Видимо, девушка молча, беспрекословно подчинилась: в доме воцарилась долгожданная тишина, нарушаемая лишь деловитым поскрипыванием старых половиц.

«Проведать пациента?» — насмешливо повторил я за ним.

Интересно, на что же его натолкнул этот разговор?»

Дверь распахнулась рывком, в едином порыве — точно под ударом ветра. Да и сам Отрекшийся ворвался в комнату радостным вихрем: ни намека на вчерашнюю задумчивую меланхолию, ни намека на сегодняшнее раздражение.

Удивительно!

Вихрь-Нэльвё обрушился в кресло, закинул ногу на ногу, сбросил с пальцев паутинку-заклинание, скрадывающее звуки, и милостиво объявил:

— Можете не умирать!

Я поперхнулся смешком.

— Спасибо за разрешение! Непременно воспользуюсь!

— Кроме шуток, — серьезно сказал он, отбросив легкомысленный тон. — Я придумал, как отплатить вам за помощь.

— С этим, вероятно, как-то связан ваш друг?

Нэльвё странно посмотрел на меня, словно что-то про себя отмечая, и, помедлив, кивнул.

— Правильно поняли. Мой друг — декан факультета магических искусств и наук в Академии. Думаю, его письменного разрешения более чем достаточно для местной бюрократии. Если захотите, сможете воспользоваться и библиотекой при Академии. Что скажете? Вас такая плата устроит?

— Вопрос скорее в том, устроит ли она Волю, — улыбнулся я.

— Все зависит от того, действительно ли вы так отчаянно нуждаетесь в помощи, как пытаетесь показать.

— Действительно. Конечно, устроит. Даже более чем, — и смущенно добавил: — Извините, я всегда ужасно шучу.

— Тогда решено, — Нэльвё хлопнул по подлокотникам и поднялся, проигнорировав последние слова. Улыбка, сбежавшая было с его губ при моих неосторожных словах, вернулась. — Я пришлю за вами Камелию, когда мы с магистром уладим возникшую проблему. Не волнуйтесь: мой дом в нескольких кварталах от Академии, доберетесь быстро.

— А сколько займет это... «улаживание»?

Он только руками развел.

— Не могу сказать. Может быть, пару минут, а может — несколько часов.

— И все это время я должен находиться в вашем доме? Я правильно понимаю? — кисло скривившись, спросил я.

— Боюсь, что так. У меня собрана неплохая библиотека. Можете ей воспользоваться, — добавил Нэльвё, сжавившись.

— По какой тематике? Ментальная магия, магия иллюзий? Целительство? — прикинул я набор книг, который просто обязан быть у thas-Elv'inor, избравшего, к тому же, такую странную профессию.

— И первое, и второе, и третье. Надеюсь, что-нибудь вас заинтересует.

«О, да, — иронично подумалось мне. — Особенно целительство. Мои «исследования» касаются противоположного направления».

Впрочем, выбирать было не из чего. Уж лучше листать книги, чем сходить с ума от скуки и ничегонеделанья.

— Спасибо за гостеприимство, — вымученно поблагодарил я, стараясь не выказывать строго противоположные чувства.

— И да, — замерев на пороге, обернулся Нэльвё. — Можете одолжить у меня чистую рубашку. Шкаф в спальной: дверь напротив вашей, не ошибетесь.

— Право, в этом нет никакой необходимости! — запротестовал я. — Я вполне могу обойтись...

— Вашу прежнюю я выбросил, — нетерпящим возражений тоном заявил Нэльвё. И, не дав мне разразиться гневной тирадой, продолжил: — Не валяйте дурака: она разодрана и вся пропитана кровью. Ее даже на тряпки пускать противно — не то, что надеть!

— Даже если так, вы не имели никакого права... — раздраженно начал я, все больше распаляясь.

— У вас есть сменная рубашка? — нетерпеливо перебил меня Нэльвё, выведя меня этим коротким сухим вопросом из негодования и вернув способность трезво мыслить.

Я растеряно кашлянул.

— Ну...

— Одно слово: да или нет?

— Нет, — вынужденно признал я.

— Тогда, повторяю: дверь напротив.

Настроение казалось безнадежно испорченным. Мне еще много чего хотелось сказать самоуверенному бессмертному, решившему, что он вправе распоряжаться чужими вещами, но я молчал, скрипя зубами. Молчал, потому что прекрасно осознавал глупость претензий — и от этого злился только больше. Дело ведь не рубашке, драконы ее раздери, а в отношении к другим!

А это его «ждитесь, я непременно за вами пришлю, сам-не-зная-когда»! Я вовсе не собирался сидеть в четырех стенах, изнывая от скуки. Мне так хотелось пройтись по набережной, вдыхая знакомый соленый бриз моря Изменчивых Грез, еще раз вспомнить улочки моего прошлого, памятные места и любимые скверы...

Отвлечшись на свои мысли, я только через минуту спохватился, что не спросил самого главного:

— Пойдите! А как быть с завтраком?

Но Нэльвё уже и след простыл: только покачивалась на петлях, жалостливо поскрипывая, дубовая дверь, да звенел колокольчик над входом, соперничая с серебристым смехом что-то щебечущей в прихожей Камелии.

* * *

Я заподозрил, что с едой в этом доме что-то неладное, еще когда Нэльвё удрал, проигнорировав мой животрепещущий вопрос. И оказался прав. Создавалось ощущение, что Отрекшийся и еда — заклятые враги, находящиеся в состоянии если не открытой конфронтации, то, как минимум, холодного нейтралитета. Завтракать было решительно

нечем.

После длительных поисков в кухонных шкафчиках, кладовках и иже с ними обнаружили только две жестяные банки с крупнолистовым чаем, коробка пшеничного печенья и прошлогоднее абрикосовое варенье. Выбора не было, и я, евший последний раз позавчера, удовольствовался этой скромной находкой. Вышло на удивление вкусно, а под чтение сборника сказок — и вовсе отлично.

Да-да, сборника сказок. Остальные книги я забраковал, едва открыв: написанные смертными и сводившие волшебство к одному лишь набору формул, они меня только смешили. Я уж было совсем отчаялся, когда случайно обнаружил на столике в гостиной томик в старом, потрепанном переплете. Обнаружил — и обрадовался, как ребенок: точь-в-точь такой же сборник был у меня в детстве. Я бережно листал страницы, водил, как раньше, пальцем по строкам, вчитываясь в тяжелые, вычурные обороты аэльвского, с нежностью касался иллюстраций. Белокаменная, сказочно-прекрасная Ильмере, первородный грех, расколовший aelvis на Сумеречных и Зарерожденных... и любимая гравюра: тонкостанная девушка на краю обрыва, воздевшая руки к небу. Ветер треплет ее волосы, срывает с плеч плащ, но она, такая хрупкая, нежная — непреклонна. Ее воля не сломлена. И пикирующий на Аэлин-сказительницу дракон еще не знает, что обречен.

...Минутная стрелка крутанулась вдоль циферблата уже трижды и теперь карабкалась на четвертый заход, а от Нэльвё не было ни слуху ни духу. Меня это начинало раздражать. Поглядывая на часы, я тихо злился и уже подумывал отправиться по его душу без приглашения, как вдруг в дверь постучали.

Я звучно захлопнул книгу — о чем, впрочем, тут же пожалел, закашлявшись от взвившейся в воздух пыли — и пристроил ее между чашкой и вазочкой с вареньем.

Обещанная провожатая — или?..

Побарабанив по столешнице в напряженной задумчивости, я нехотя встал.

«Надеюсь, это не пациенты и не недоброжелатели», — мрачно подумал я, свернув в коридор — и с разгону врезался в висящие у двери колокольчики.

Дом сотряс многоголосый перезвон, а я безнадежно выдал свое присутствие.

Да чтоб вам всем!

— Господин Мио, это вы? — тут же донеслось из-за двери, приглушенное.

Я молчал, не собираясь отвечать, пока непрошенный гость не изволит сообщить причину своего визита.

И он не заставил себя долго ждать:

— Меня отправил мастер Нэльвё, чтобы сопроводить вас в Академию!

Услышав причину ее прихода (голос все же был отчетливо женским), я успокоился, даже слегка подобрел и, немного поколебавшись, соизволил открыть дверь.

На пороге стояла совсем юная девушка. В платье просто кроя, с ниткой речного жемчуга вокруг изящной шеи и собранными в высокий хвост золотисто-медовыми волосами, она казалась особенно хрупкой, почти невесомой; будто fae. Застенчивая улыбка и нежно-розовый румянец смягчали утонченные, чуть резковатые черты лица, а лучистые светло-голубые глаза озаряли весь ее облик ласковым светом. Так, что я невольно улыбнулся в ответ.

— Здравствуйте! — звонко поприветствовала она меня.

Я спохватился и смерил ее строгим взглядом — вести разговор на равных мне не хотелось.

— Почему так долго? — с деланным неудовольствием спросил я. Камелия смутилась. Улыбка погасла.

— Я... но... — растерянно начала девушка. — Мастер Нэльвё задержался: очень сложное растяжение...

Вот болтушка! С таким «доверенным лицом» шпионы не нужны! Я ведь даже не спрашивал еще — а она уже все как на духу выложила!

Искреннее негодование по этому поводу, вероятно, отразились на моем лице, и Камелия окончательно стушевалась, начав нервно теревать край платья и опустив взгляд.

— Простите, пожалуйста, за задержку! — пискнула она, так и не придумав достойного оправдания «промаху» и окончательно уверовав в значимость моей скромной персоны.

Я важно кивнул и «величественно» (чуть, при этом, не споткнувшись и не пробороздив носом мостовую) шагнул за порог.

— Веди!

Девушка вспорхнула с места вспугнутой пташкой и полетела впереди, не отдаляясь больше чем на несколько шагов.

...Я шел не спеша, наслаждаясь шумом и привычной суетой столь родного и столь далекого теперь города. От неожиданно хорошего настроения хотелось приплясывать на каждом шагу и улыбаться случайным прохожим.

И юным купеческим дочкам, хихикающим и толкающим друг друга локоточками, как только завидят что-нибудь интересное. И хмурым стражникам, ссезживающим зевоту в кулак. И знатым дамам, прячущим за распахнутыми веерами непозволительные улыбки. И кривляющимся шутам, и взрывающейся хохотом толпе, и важным, надутым купцам...

И даже недоумкам, мчащимся по оживленным улицам во весь опор. Впрочем, с последними я погорячился.

Не прекращая мило улыбаться, я пожелал всадникам, чуть не зашибившим меня, провалиться в бездну. Прекрасный и красочный мир немного поблек, но настроение не подпортилось ни на чуточку. Я сам себе диву давался. «Варенья, что ли, объелся?» — шутливо подумалось мне.

Но дело, конечно же, было в другом: меня переполняла уверенность в грядущих переменах. В воздухе витало почти осязаемое радостное ожидание, и от этого тело, как по волшебству, преисполнялось какой-то неопишуемой легкости.

Горечь первой встречи ушла, оставив после себя светлую грусть ностальгии. Знакомые улицы я приветствовал теперь как старых приятелей, с улыбкой принимая их новые причуды — смешные фасады; не «неправильные», а просто другие вывески, сады и ограды... Да, они изменились — и остались прежними. И эта «прежнестъ» была вовсе не в тех же запахах и звуках, не в тех же вывесках и фасадах. А в чем-то неуловимом, непостижимом; в чем-то, что безошибочно позволяло угадать, по какой улице я иду.

В чем-то, что заставляло сказать, что это — мой город. Мой любимый город.

Время, казалось, повернулось вспять. Будто не было этих лет разлуки... будто бы я — прежний.

...Я шел не спеша, всюду наслаждаясь музыкой, льющейся с площадей и утопающих в зелени скверов, и улыбаясь прохожим. Ветер, по-южному легкомысленный и игривый, кружил голову сладостью цветущих яблонь, ласково перебирал волосы и нашептывал, что совсем скоро все переменится к лучшему.

И я, пожалуй, уже готов был поверить в чудо, которое вот-вот должно произойти.

Острые шпильки некоего широко известного учебного заведения замаячили впереди, выдернув меня из мечтаний. Сама Академия вынырнула из-за следующего поворота, и мы нос к носу столкнулись с ее кованой оградой.

Оценить величие работы мастеров — а она была, поверьте, выше всяких похвал! — мне помешал плакат, наспех приклеенный к тому месту, где чугунные прутья ограды причудливо изгибались и сплетались причудливым цветком, в который изящно вписывался герб Академии.

Некоторое время я отрешенно созерцал изображение с вежливой (и, что удивительно, грамотной!) надписью: «Разыскивается за вознаграждение». И созерцал бы и дальше, если бы моя проводница с совершенно недостойным благородной леди негодованием и восклицанием:

— Это еще что за безобразие?! — не сорвала плакат.

— Да тут их целая дюжина! — выдохнула девушка мгновением позже. Плакат выпал из ее ослабевших пальцев, и, покачиваясь, грациозно спланировал на мостовую. Я лениво проследил за ним взглядом... и осекся. Глаза удивленно расширились. Кое-что в проскрипциях показалось мне странным.

Воспользовавшись тем, что возмущенная подобным пренебрежением к Академии девушка увлеченно сдирает плакаты, я, воровато оглядевшись, присел и подхватил один из них. Мазнул отрывистым взглядом, коротко выругался и, сложив лист вчетверо, торопливо запихнул его в карман.

Все это заняло не более двух вдохов. Камелия уже разделалась с половиной проскрипций и почти добралась до ворот. Я нагнал ее в три размашистых шага и пошел рядом.

Увиденное никак не шло из головы. И не мудрено, ведь на копировальной бумаге красовался, безупречно выполненный, мой детальный портрет.

Мы окунулись в прохладу дикого парка, и я едва удержался от блаженного вздоха, но почти сразу вновь утонул во взволнованном омуте мыслей, идя и не замечая ни светлой дубравы, ни поблескивающей сквозь листву глади озера.

Я решительно не понимал, кому понадобилось меня искать. Да что там: я не представлял, кого вообще может заинтересовать моя скромная персона! Нынешняя моя жизнь — зауряднее некуда, а прошлое... давно осталось в прошлом. Слишком давно, чтобы об этом еще кто-то помнил.

Конечно, можно предположить, что искали не меня, и все это просто совпадение...

Но я не верю в совпадения.

Вымощенная плитами дорожка уводила вперед, туда, где среди переплетения ветвей уже маячил белокаменный силуэт — и вывела из-под сени деревьев.

Отсюда остроконечные шпили и игрушечные башенки-надстройки были видны отчетливее. По мере приближения все четче вырисовывался причудливый силуэт Академии наук с высокими потолками и окнами, белокаменными статуями и колоннами и двумя изломанными под острым углом крыльями.

Я поднимался по ступеням Академии с противоречивыми чувствами. Тревога уходила, вновь уступая ностальгии, и исчезла совсем, стоило мне шагнуть в распахнутые двустворчатые двери.

По перламутровому мрамору лестницы, мерцавшему в льющемся из многочисленных окон свету, ступать казалось почти кошунственным. И так странно, так здорово было вновь ощутить это чувство!

Мы поднялись на второй этаж и свернули налево. По обеим сторонам тянулись двери аудиторий, перемежавшиеся вазами с цветами. За очередным поворотом пряталась галерея, невесомая и ажурная, словно висящая в воздухе. Стен почти не было: только тонкие перегородки-нервюры и прозрачные, не расписанные красками стекла.

В крыле, где располагались личные апартаменты преподавателей, я бывал очень редко (и в такие моменты, когда было откровенно не до осмотров), и оттого вертел головой с неподдельным интересом. Правда, почти сразу разочаровался: коридор абсолютно ничем особенным не отличался. Разве что на прибитых к дверям табличкам красовались не номера аудиторий, а именем и должности. Как то: «М. вьер Сиз, мастер иллюзий», «Р. Альдис, магистр фундаментальных магических наук», «С. Ниман, мастер». Моя проводница уверено направилась туда, где красовалось «К. Игнис, магистр прикладной магии».

Дверь бесшумно отворилась. Девушка зашла в кабинет, не сбавив шага, а я, не зная, нужно ли мне проходить, в нерешительности замер на пороге. Взгляд пробежал по причудливым цветным квадратикам, выпускаемым витражами, прошуршал по пушистому ворсу светло-бежевого ковра и остановился на письменном столе из мореного дуба. Спина ко мне сидел Нэльвё, а напротив, вероятно, обещанный мне «декан».

Короткие, отпущенные всего на пару дюймов непослушные волосы смоляного цвета торчали во все стороны, встопорщенные небрежным движением руки. Брови нахмурены, губы поджаты, пальцы неосознанно вертят перо... нервничает? По холодным провалам черных глаз невозможно сказать, о чем он думает. Точеный нос удивительно правильной формы, четкий овал лица с волевым подбородком и восковая бледность кожи придавали ему

странное сходство с мраморной статуей.

Что-то в его облике, в окутывающем шлейфе эмоций — свежем и ясном, чуточку терпком и сладком, как молодое вино — казалось смутно знакомым, хотя я был совершенно уверен, что мы не встречались.

— Мастер Корин, мастер Нэльвё, мы здесь! — звонко отчиталась девушка.

Мои глаза резко расширились. Захотелось выругаться — не витиевато и утонченно, а емко и грязно. Проклятье! Ну, конечно же! «Облик и шлейф эмоций знакомы»!

Корин вздрогнул и поднял по-прежнему отсутствующий взгляд на девушку, не замечая меня.

Пока — не замечая.

Если играть, то по моим правилам.

Я расслабленно оперся о стену, скрестил ноги и с улыбкой сказал:

— Здравствуй, Корин.

Маг нахмурился, перевел взгляд на меня — и его лицо поочередно исказили неверие, изумление... и жгучая злость, недостойная почтенного магистра.

* * *

Не давая возможности перехватить инициативу в разговоре, я невозмутимо продолжил:

— Какое дивное у тебя проклятье. Кому обязан?

— Проклятье? — ресницы Камелии взметнулись вверх. — Но вы же сказали, что...

— Вон! — взревел Корин, мгновенно утратив самообладание, и грохнул кулаком об стол.

— Но... — неубедительно начала девушка, побледнев и медленно попятившись к двери.

— Прочь! — рывкнул маг. Его глаза почернели от гнева, уродливо обозначились и болезненно запульсировали желваки. Корин грохнул кулаком снова, да так сильно, что стол жалобно скрипнул. Люстра качнулась туда-сюда, и грустный перезвон хрустальных подвесок невесомой мелодией впелся в пронизывающие кабинет цветные лучи, покачнув застывшие в сонном летнем воздухе пылинки.

Девушка вылетела из кабинета, чуть не сбив меня с ног. Дверь алчно клацнула захлопнувшейся мышеловкой.

— Вы знакомы? — с показным безразличием спросил Нэльвё, едва повернув голову в мою сторону — так, чтобы лишь продемонстрировать вежливый интерес к диалогу, но не больше.

— Знако-омы... — тихо и невыразительно, словно обращаясь к самому себе, протянул Корин, медленно поднимаясь из-за стола. Только вот плещущийся в глазах мрак никуда не ушел, а голос подрагивал от едва сдерживаемой ярости.

— Все-таки, совершенно дивное проклятье, — продолжил я, не давая разговору протекать в неудобном мне направлении: — Сколько силы, неистощимой ярости, злости, трагической любви...

И закончил безо всякого перехода, уже совершенно серьезно и жёстко:

— Дивное и совершенно бездарное. Складывается ощущение, что его создатель не имеет никакого представления о векторах приложения силы, шумах и искажениях энергетического поля. О структуре проклятий, в конце концов. Кто вообще его творил?

Ведьма-самоучка из глухой северной деревушки?

Корин внимал молча, дожидаясь, когда я закончу затянувшийся монолог, чтобы разбить его одним едким замечанием. Лицо оставалось непроницаемым, лишь сильнее хмурились брови.

Но последняя реплика откровенно смутила мага. Неловкая пауза, повисшая в воздухе, затянулась — и была красноречивее любых слов.

— Стесняюсь спросить, что ты ей сделал, — убийственно спокойным тоном, без тени издевки, сказал я.

Корин покраснел.

— Скорее чего не сделал! — в сердцах бросил он, желая хоть как-то прояснить ситуацию, оправдаться — и стереть с наших лиц многозначительные ухмылки. Злость никуда не исчезла, просто сменила предмет.

— Чего же? — уцепился за вопрос Нэльвё, разом отбросив ставшую ненужной маску скучающего лорда, и хищно качнулся в сторону мага.

— Не ответил взаимностью, что еще!

— И чем же тебя не устроила очаровательная провинциалочка? — щедро рассыпал шпильки Отрекшийся. — Говорят, они милые, добрые, неизбалованные... и заговоры за спиной не плетут. Ценное качество, между прочим!

— Спасибо, как-нибудь обойдусь, — с кислой миной процедил Корин.

— Полагаю, ты так ей и сказал? — улыбнулся я. — Причем не сразу.

— Да за кого ты меня принимаешь?! — возмутился было Корин, но быстро сник под ироничным взглядом Нэльвё, слишком хорошо его знавшего, чтобы поверить. — Ну ладно, ладно! Может, я и не самых честных правил, но с Нэриссой у нас вообще ничего не было! — и, видя повальное неверие слушателей, торопливо пояснил: — Я оказал ей одну услугу, которую она никак не может забыть.

— Настолько не может, что только твоя смерть позволит ей освободиться? — не удержался от подколки Нэльвё.

— Настолько, что никак не оставит меня в покое! — взорвался Корин. — Начиналось-то все хорошо: Нэрисса — очень милая и умная девушка, как раз из тех, с кем действительно получаешь удовольствие от разговоров и походов в театр.

— И что, в таком случае, тебя не устраивает? — прервал его душеизлияния я, не имея никакого желания выслушивать мелодраматическую историю. Корин мог сколь угодно отрешиваться от своих нежных чувств к загадочной Нэриссе, но не увидеть их мог разве что слепой. Таковых среди нас не было. И, в отличие от наслаждающегося ситуацией Нэльвё, я честно пытался свести ее на нет.

Увы, почти безуспешно.

— Полагаю, тем, что с такими барышнями не заводят мелкие интрижки. А серьезных отношений, похоже, наш Рыцарь не хочет, — ответил за него Нэльвё, усмехаясь. — Но прояснить ситуацию и не подумал. Вот бедняжка и не понимает: вроде и нравится, и знаки внимания оказывают, а называют другом. Дай угадаю, чем все кончилось: твоя прекрасная ненаглядная Нэрисса случайно застала тебя с, хм, «мелкой интрижкой» — и от души пожелала всего самого наилучшего. Это и есть наше «смертельное, неснимаемое» проклятье, не так ли?

Корин, до того порывавшийся перебить его, насупился, но отступать не собирался.

— Да даже если так. Что же, — с вызовом спросил он, уйдя в глухую оборону, — это

что-то меняет?

— Нет, — невозмутимо пожал плечами Нэльвё. — Ничего. Особенно в ключе неснимаемости проклятия.

— Какой «неснимаемости»?! — взвыл Корин. — Это же просто проклятье! Самое обыкновенное!

— Мы провозились с ним целый день — целый день, Корин! — и ничего! «Самое обыкновенное», говоришь?

— Раз это «просто проклятье», — саркастично вмешался я. — То как оно вообще на тебя подействовало?

— Иначе говоря, почему твой щит настолько слаб, что пропустил огромный заряд неупорядоченной отрицательной энергии? — с вежливой улыбкой перефразировал thas-Elv'inor. С вежливой и настолько безукоризненно доброжелательной, что обвинить его в издевке язык бы не повернулся.

Корин окончательно стушевался, невнятно буркнув:

— Стихийные выбросы слишком сильны, вот он и...

— Что за бред?! — искренне возмутился я. Непрофессионализм — единственная вещь, которая приводила меня в бешенство, не взирая ни на какие обстоятельства. — Что значит «слишком сильны»?! Что значит «не выдержал»?! А многоуровневую сеть создать? А ловушки, замкнутые циклы?! Возвратные алгоритмы, в конце концов, которые позволят потихоньку свести на нет импульс?.. Чему я тебя учил?!

Маг выглядел донельзя смущенным и теперь виновато помалкивал.

— «Учил»? — заинтриговано спросил Нэльвё, соизволив, наконец, сесть в пол-оборота, и переводя взгляд с меня на горе-ученика. — То есть вы его учитель?

Мне захотелось голыми руками придушить мерзавца (а заодно и себя — за возмутительную, вопиющую несдержанность), который разом свел все мои старания на нет. Тема безнадежно возвращалась в первоначальное русло, и сбить мага с толку повторно мне вряд ли удастся.

— «Учил», — с мрачным удовольствием просмаковал Корин. — Учил. А потом — перестал.

— Спокойно! Иначе не сниму проклятье, — предупредил я, резко меняя тактику. Излишняя спесь мигом слетела с мага.

Что ж, играем в открытую.

— Простите, но почему вы решили, что можете его снять? — вмешался thas-Elv'inor, кажется, порядком уязвленный моей уверенностью.

Я, проигнорировав вопрос, подошел к Корину и слегка повел рукой перед ним, взглядом привычно скользнув за Грань.

Мир преобразился. Реальность посерела, поскучнела и ушла с авансцены, уступив место ярким всполохам аур, колыханиям энергетических полей и тончайшим плетениям волшебства. Изодранное кружево-паутинка заклинания затрепетала на ветру, доверчиво потянулась к протянутой руке.

Что-то неуловимо очаровательное крылось в переплетениях неосторожного колдовства. Нелепое, наивное, спонтанное и неустойчивое, оно напоминало новорожденного ягненка на тонких и ломких ножках. Проклятье с беспощадной точностью и правдивостью рассказывало о создательнице и чувствах, обуревавших ее в момент заклинания — так что мне сложно бы было удержаться от смущения, встретиться с ней взглядом. Не люблю чужих

тайн.

Проклятье не было доплетено, а Корина и Нэльвё совместными усилиями его еще и изрядно подпортили: местами кружево свисало неопрятными лохмотьями. Но это не давало ровным счетом ничего. Мне нужна одна-единственная нить. Та, на которой она завершила плетение, не закрепив, как следует.

Или там, где сбилась с ритма — и поставила неловкую затяжку. Но первое лучше.

Ага!

Я ухватился за нить и потянул на себя. Волна тепла прокатилась по тончайшему кружеву. Оно затрепетало — и беззвучно распустилось, распавшись и растворившись в потоках энергии.

— Вуаля!

— Все? — недоверчиво спросил Корин, приоткрыв один глаз. — Что-то я не чувствую изменений. Кстати... — вдруг насторожился он. — А ты что тут делаешь? Или ты и есть та самая маленькая просьба, о которой упоминал Нэльвё?

Его голос по мере произнесения становился все более и более медовым.

— Мне следовало бы догадаться, — продолжил он вкрадчиво. — «Талантливейший, но не очень сильный маг, занятый изысканиями и не имеющий допуска в Закрытый отдел!» Не правда ли, удивительно знакомо?

— Ты ведь выполнишь его просьбу, не так ли? — с нажимом спросил я.

— Выполню, — покладисто согласился Корин. И жестко добавил: — В обмен на ответную услугу.

— Какую еще услугу? — нахмурился Нэльвё. — Не забывайся! Ты мой должник.

— О, сущий пустяк! — мгновенно сменив тактику, заулыбался Корин: — Это и услугой-то называть стыдно. Столько лет столько зим, Мио... ты ведь не откажешься от беседы?

Проклятье! Лицо свела болезненная судорога... чего? Страха? Стыда? Нежелания оправдываться за то, в чем нет моей вины?

Давно мне не было так сложно выдавить хотя бы подобие улыбки — мышцы словно окаменели.

— Конечно, — из горла вырвалось хриплое карканье, противно резанувшее слух. Сказать что-нибудь вроде «с удовольствием» я не смог бы даже под угрозой смерти.

— Вот и замечательно! — хлопнул в ладони маг и улыбнулся. В отличие от меня — вполне дружелюбно и радостно, но одними губами. Глаза по-прежнему источали могильный холод.

— Нэльвё, сердечное спасибо за помощь! — продолжил он, по-прежнему улыбаясь. — И за то, что поспособствовал встрече старых друзей! Подумать только — если бы не ты, мы, быть может, так и не встретились бы!

Нэльвё бросил что-то саркастичное в ответ, вставая из-за стола, но я уже не слушал. Несмотря на свойственную thas-Elv'inog бестактность, в умении понимать тонкие намеки ему нельзя было отказать: стоило Корину начать рассыпаться в благодарностях, как он засобирался и поспешил откланяться. Маг, продолжая заливаться соловьем, проводил его до двери — да так там и застрял, что-то шепотом обсуждая с Нэльвё. Я постоял немного в нерешительности, отбивая пальцем тревожную дробь по столешнице, и все же занял опустевшее с уходом Нэльвё кресло. Задумчиво посмотрел в окно: закатное солнце ласково обнимало раскинувшийся внизу золотисто-алый город, прекрасный, как никогда.

Тогда была зима...

Зима выдалась снежная и холодная. Трескучий мороз кусал за опрометчиво подставленные щеки, пальцы медленно коченели. Мир — светлый и радостный, умопомрачительно звонкий и яростный, свежий, юный и оттого прекрасный — вызывал не восторг, а тихую вялотекущую ненависть. Тянущиеся по обеим сторонам дороги полусасыпанные снегом домишки крошечной деревушки, в которой даже захудалого трактира не было, а люди проявляли совершенно изумительное равнодушие, не проходящее даже после посулов в пару медяков за обогрев и чай, — тоже. Как и то, что до ближайшего крупного поселка три километра по рыхлому свежевыпавшему снегу, белой пуховой шалью окутавшей тракт.

Внезапно раздавшееся чуть справа и позади звонкое «Пчхи!» заставило насторожиться. Оно и понятно: кроме меня на единственной улочке деревеньки совершенно никого не было!

Пройдя еще несколько шагов, я «подвернул» ногу, да так старательно, что чуть не вышло взаправду. Присел, заохал, запричитал — а сам стал осторожно косить глазами в нужную сторону.

Ко мне потянулась цепочка маленьких, будто детских, следов. Это еще что? Где расшалились? Да нет, чепуха! Едва заметно сощурившись, я позволил глазам заглянуть за Грань. Хм... аура типично аэльвская.

Я едва удержался от того, чтобы не стукнуть себя по лбу. «Следы, будто детские!», тьфу! Не будто, а детские — от маленьких башмачков!

Мой любопытный гость в нерешительности замер, не дойдя пары шагов. Помялся минутку и деловито зашуриал свежим снегом.

Наугад выкинув руку, я ловко перехватил протянутую ко мне лапку. Раздался тоненький вскрик. Невидимость схлынула рокотливой волной, ударилась о снег и разлетелась во все стороны мириадами солнечных зайчиков-брызг, обнажив маленькое испуганное черноглазое создание, по бледности лица способное соперничать с запорошившим все снегом.

— А ну цыц! — грозно шикнул я, нахмутив брови. Мальчишка перестал голосить и замер, боясь даже лишний раз моргнуть. Редко сыплющийся с неба снежок смешно посеребрил его смоляные кудряшки: казалось, будто бы в них прокралась седина. — Ну и что это мы тут делаем?

Мальчишка зажмурился, побледнев еще больше — хотя, казалось, сильнее уже некуда — но бесстрашно молчал.

— Кто научил тебя невидимости и неосязаемости? — сурово продолжил я.

— Сам, — тихонько буркнул он, но я жестко оборвал его, хорошенько тряхнув сжимаемую руку:

— Врешь!

— Дяденька, не вру! — заголосила малявка, вырываясь. — В книжках прочитал!

— В каких книжках? — мой голос угрожающе повысился.

— Я сирота! У ведуньи нашей жил, у нее и книжки были!

— Воровать надоумила тоже она?

— Я не... — отчаянно краснея, стал оправдываться он, боясь смотреть мне в глаза.

— Просил же — не врать, — строго напомнил я.

— Она умерла по зиме. Теперь ученица ее заправляет, Маська. Она чародейничать не умеет и грамоте не обучена. И меня выгнать хочет. Говорит, или путников обирай, или с голоду помрешь! — захлёбываясь от возмущения и обиды, протараторил мальчишка

срывающимся голосом. Нос покраснел уже вовсе не от стыда и подозрительно захлюпал.

— Вот уж точно ведьма, — проворчал я. — И сколько несчастных по твоей воле распрощалось с кошельком?

— Нисколько, — шмыгнул носом он. — В прошлый раз меня злой господин поймал. И старосте отвел, а тот розог всыпал, — и он поднял на меня наивные детские глаза, в которых забрезжила надежда, будто я могу оказаться Добрым господином и спустить оболтусу шалость. Но, не увидев в моем строгом взгляде ни тени снисхождения, он потупился и грустно закончил: — А больше и не пытался. Только сегодня...

— Про то, кто науськал, говорил?

— Она сказала, что голову мне оторвет, а из сердца декокт сварит, если проболтаюсь! — смешно коверкая взрослое малопонятное слово, наябедничал мальчишка.

— Врет, — спокойно сказал я. — Не рискнет с магом связываться, пусть даже маленьким. Тем более не зная, что именно было в книгах.

— Вы меня к старосте не поведете? — осмелился-таки пискнуть он, смотря на меня щенячьими глазами.

— Не поведу. Но заколдую так, что если украдешь что — тут же умрешь! — припугнул я. Радость, озарившая было черные бездны глаз, тут же сменилась суеверным ужасом. — А Маське своей скажи, что если еще тебе угрожать будет — в лягушку трансмутируешь.

— Транс... что? — жалобно переспросил он, нахмурившись от нового сложного слова.

— Транс-му-ти-ру-ешь.

Он попробовал повторить, но сбился на втором слоге. Мы поразучивали коварное слово пару минут, и совместными усилиями враг был повержен (то есть, наконец, выучен). Но любопытный мальчишка все-таки не удержался:

— А зачем слово такое мудреное? И что это вообще такое?

— «Трансмутирую» — «превращу». А мудреное, чтобы не усомнилась, что можешь.

— Но я не могу, — шепотом, будто по секрету, поделился мальчик.

— А это неважно. Главное, чтобы она поверила. А науки и «мудреных слов» безграмотные большие заклинаний боятся, — так же заговорицки поведал я и подмигнул.

— А я правда-правда умру, если украсть попробую?

Шепот приобрел взволнованно-испуганные тона.

— Правда, — я сурово кивнул и прибавил. — Как в Торлиссе: за кражу с применением магии — голову с плеч! — и выразительно стукнул кулаком по раскрытой ладони.

Мальчишка нервно сглотнул, но убираться по своим делам отчего-то не торопился, топчась на месте. И вновь зашептал, требовательно дернув меня за рукав:

— А Торлисс — это что?

— Торлисс — это город, где много-много волшебников. Они там учатся, работают... и живут, — с улыбкой ответил я, позабавленный его неосведомленностью.

У мальчонки аж глаза заблестели, и он, захлебываясь от восторга, спросил:

— Настоящие волшебники? Как в сказках: в синих мантиях, расшитых звездами, и с бородой?

Мне захотелось рассмеяться самым гнусным образом: «Торлисс» и «настоящие волшебники» вызвали в голове образ самой влиятельной из моих знакомых — магистра Анарилл, директора Академии. Уж кто-кто, а утонченная и безупречная aelvis в расшитой звездами мантии, колпаке и с нацепленной ватной бородой смотрелась бы крайне забавно.

С трудом подавив недостойное хихиканье, я лукаво сверкнул глазами и задал встречный

вопрос:

— Ты ведь сам волшебник. Где же твоя мантия и борода?

Он посмотрел на меня укоризненно и возмущенно, словно я только что сказал очевидную глупость.

— Так я же маленький еще! — таким тоном, будто это все объясняет, заявила малявка. — И разве я волшебник? Всего два заклинания знаю — и все! Но вы... — он внимательно заглянул мне в глаза и уверенно заявил. — Но вы — точно волшебник!

— Но я же тоже без мантии и бороды! — вновь прибег я к железному аргументу, честно пытаясь скрыть ехидство, так и сквозящее в голосе.

Мальчишка возмущенно притопнул ножкой.

— Значит, необязательно мантия и борода должна быть!

— А почему ты решил, что я волшебник? — отсмеявшись, зашел я с другой стороны. Мальчишка просиял и стал с важным видом загибать пальцы, перечисляя доводы:

— Меня сквозь невидимость увидели — раз!

— Тебя же и в первый раз поймали. Или тоже чародей был? — иронично заметил я.

— Там меня поймали, когда я уже в карман полез, — залившись пунцовым румянцем, но не теряя решимости, ответил он. — А вы — заранее! А еще названия заклинаний знаете, много-много всего о волшебниках и... — и торжествующе закончил, загибая третий палец: — И заколдовать меня обещали!

— Ну, если заколдовать обещал, то уж точно чародей, — продолжал бессовестно веселиться я, дивясь детскому простодушию.

— Возьмите меня к себе в ученики! — внезапно тоскливо и не очень-то рассчитывая на успех, попросился он, вновь дергая меня за рукав.

Улыбка криво сползла с моего лица. Проклятье! Ну и что мне теперь отвечать?

Для разнообразия, правду?

— Когда-то, — вздохнув, начал я, — я действительно был волшебником. Но меня заколдовали.

— Как? — поразился мальчишка. — Разве волшебника можно заколдовать?

— Увы. И теперь я никакой не волшебник. И колдовать не могу, — грустно улыбнулся я.

— Совсем-совсем? — разочарованно протянул мальчишка.

— Совсем-совсем.

— Но учить ведь вы все равно можете? — неуверенно спросил он. И неожиданно твердо продолжил: — Возьмите в ученики, мастер!

— Могу, но... у меня нет дома, вся жизнь — одно сплошное странствие. И ищу я не героические подвиги, а мелкую работу. Ничегошеньки интересного и захватывающего. Еще и голодать порой приходится... Какие уж тут ученики?

— Мне тут не лучше, — упрямо заявил он, глядя исподлобья. — Возьмите в ученики, мастер! Я помогать вам буду, правда-правда, чем смогу! Пожалуйста!

— Ну, смотри, — неубедительно пригрозил я, надеясь, что хоть это возымеет результат. — Я предупреждал! Обратно сюда не верну!

— И не надо! — обрадовано запищал мальчишка и радостно вцепился в меня, словно боясь, что я могу передумать. Теперь отказываться от опрометчивых слов было поздно.

— Как тебя зовут, мелочь? — проворчал я, впрочем, больше делая вид, чем сердясь на самом деле.

— Корин, мастер! Меня зовут Корин!

— ...Куда ты пропал?

Я вздрогнул и очнулся. Воспоминание растаяло сизой дымкой, мимолетным видением.

Корин сидел напротив, мрачный и полный решимости. А еще — смешно всклокоченный и по-детски растерянный. Он побарабанил по столу, сцепил руки в замок, хлопнул по столешнице, вскочил, прошелся туда-сюда перед окном — и остановился, разразившись новой репликой:

— Нет, не так! Почему ты бросил меня?

— Корин, послушай...

— Как ты мог?! — совершенно не слушая, что я говорю, продолжил он. — Как мог бросить меня — ребенка! — одного, без гроша в кармане? А я ждал, ждал — слышишь?!

— Корин!

— Ждал, волновался, боялся, как бы с мастером не случилось чего плохого! И все эти годы считал погибшим. А ты... ты...

— Хватит! — не выдержав, рявкнул я. Корин вздрогнул и остановился, смотря на меня с непередаваемым удивлением. Похоже, такой отповеди он не ожидал. — Что за детские обиды?! Кого я вижу перед собой: взрослого или ребенка? Не перебивай! Да, со мной действительно «что-то» случилось! И я никак не мог ни прийти к тебе поначалу, ни разыскать — потом!

— Да? И что же это за причина? — саркастично спросил он, побледнев, но взяв себя в руки.

— Смерть.

— Что за бред?! Не мог придумать что-нибудь правдоподобное?! — вновь разозлился Корин, сейчас как никогда похожий на прежнего мальчишку. — Не помню, чтобы ты питал особую любовь к театру — а сюжетец-то банальный! «Ах, меня хотели убить, но я чудом спасся! Добрая сестра милосердия выходила меня, но пока я оклемался, прошел целый месяц, и...»

— Прекрати паясничать!

— А ты прекрати лгать! Я хочу услышать нормальный ответ, а не какую-то чепуху! Я не идиот!

— А по-моему — очень даже! — вызверился я. — Во всяком случае, ведешь себя именно так, отказываясь меня слушать и требуя не правды, а правдоподобия!

— То есть, по-твоему, я должен съесть любую твою байку, даже если она не имеет ничего общего с действительностью?! — фыркнул Корин, непробиваемый в своем упрямстве.

— «По-моему», ты должен меня хотя бы выслушать. Так, знаешь, для разнообразия. И только потом уже думать, что правдиво, а что нет. Правдиво, а не «правдоподобно»! На «правдоподобии» зиждется только ложь.

Короткий поединок злых колючих взглядов окончился ничьей.

— Мы друзья? — полуутвердительно спросил я, решившись, наконец, на откровенность, и желая убедиться в том, что моя тайна останется тайной и не выйдет за пределы этой комнаты.

— Когда-то были! — огрызнулся Корин.

— Ты знаешь, зачем я это спрашиваю!

— Да, друзья, — сквозь зубы процедил он. — Поэтому будь любезен не лгать.

— Я и не лгал.

Корин красноречиво молчал, не глядя на меня.

— Я действительно умер, — с нажимом сказал я.

— Как бы тебе объяснить, Мио... Смерть — она, знаешь, обычно случается раз и навсегда.

— В моем случае — нет, — жестко оборвал я. — Поэтому будь любезен заткнуться и выслушать меня.

Корин, наконец, посмотрел на меня — впервые за всю беседу. Посмотрел с непонятым выражением, словно пытаюсь заглянуть за край, за волнующееся, тихонько перешептывающееся море диких трав, за тонкий лед сдержанности и холодок спокойствия, за зелень глаз; разглядеть что-то неуловимое, невыразимое, но очень важное.

Бесконечно долгое мгновение взгляда — и время вновь набирает ход.

Внешне ничего не изменилось. Корин отвернулся и нарочито грубо спросил:

— Дальнейшие объяснения будут?

Но отчего-то я был уверен, что теперь, несмотря на показную браваду, он готов меня выслушать.

— Думаю, с чего начать.

— Например, с правды. «Для разнообразия», — беззлобно поддразнил меня Корин. — Итак, ты, якобы, умер. Но сидишь сейчас здесь, напротив меня, вполне живой. Как такое возможно?

— Я не могу умереть. Вообще. Считаю, что это проклятье.

— Любое проклятье бессильно перед смертью, — спокойно напомнил Корин: — Между прочим, ты сам мне это говорил. И что значит «считаю»? Я просил правду.

— Это... не совсем проклятье, — поморщившись, уклончиво исправился я.

— Любая магия бессильна перед смертью, — пожав плечами, переиначил Корин. И рассмеялся: — О, нет! Только не говори мне, что это была необычная магия! — и прибавил, уже раздражённо и потеряв терпение: — Мио, прекращай ломать комедию! Это не смешно.

— Ты слышал об универсальном преобразователе материи?

— Я же просил не...

— Да чего ты хочешь?! — взорвался я. — Чтобы я умер прямо здесь и воскрес?! Только тогда поверишь?!

— Нет, но... — смутился Корин, не зная, что сказать.

— Ты мне веришь? — в лоб спросил я.

Он ответил не сразу. Но, колебавшись, все же решился:

— Да.

— Тогда к чему этот сарказм и проверки?! Не надо пытаться подлавливать меня на несостыковках и заставлять решать здесь и сейчас проблемы, над которыми уже тысячи лет бьется наука магии! Причина моего «бессмертия» действительно преобразователь. В этом я могу поклясться, если мое слово для тебя недостаточно веско.

— Не надо, — Корин покачал головой, откинулся на спинку кресла и нервно закусил губу, о чем-то напряженно думая и буравя взглядом потолок.

Поверил или нет?

Я поерзал на стуле. Прошло уже несколько минут, а Корин по-прежнему молчал. Было отчаянно скучно. Взгляд безнадежно скользил по уже успевшей набить оскомину комнате, не зная, за что зацепиться. Не вышивку же на шторах рассматривать, право слово! Квадратики витражей и то считать интереснее.

Один, два, три...

Взгляд остановился.

За стеклом, в неге воздушных потоков, в ласковых объятиях солнечных лучей вилась муха. Она могла бы купаться в прозрачной закатной выси, нежиться в потоках теплого ветра, кружиться в умопомрачительном счастье...

Но вместо этого она, глупая, билась в стекло.

— Нэльвё обрисовал мне ситуацию. Те исследования, о которых он говорил... они ведь связаны с твоим бессмертием, верно? — спросил Корин, не глядя на меня:

— Это было очевидно, — рассеянно бросил я.

Муха заломила крутой вираж и со всего размаху врезалась в зеленое стеклышко.

Она на какую-то долю секунды замерла в воздухе, покачнулась — и стремительно ухнула вниз. Я замороженно следил за ее свободным падением.

— И, вероятно, ты пытаешься от него избавиться...

Синее, фиолетовое, лиловое, бордовое, красное, оранжевое, желтое... вереница витражных стекол оборвалась — и темная точка исчезла совсем, растворившись в пронзительной нежности летнего вечера.

Корин резко выпрямился и, опершись о стол, впился в меня взглядом.

— Вот только зачем?

Сердце предательски екнуло и пропустило удар. Я натянуто улыбнулся и, мысленно проклиная пронизательность «воспитанничка», стал лихорадочно подыскивать адекватный ответ.

— Только честно, Мио. Мы же «друзья».

Да, друзья.

Друзья... как непривычно, неправильно, почти позабыто.

Друзья, которым можно доверять — и довериться. Все осталось там, в прошлом, среди дымных пожаров, всполохов взрывов и алчного лязга стали.

Нет, не могу. Не сейчас.

Не могу рассказать всю правду.

— Память, — помедлив, сказал я. — Это напоминание. О том, что было и чего уже никогда не будет. О невыносимой боли. Живя прошлым, сталкиваясь с ним каждый день, нельзя найти силы двигаться дальше.

— Все это замечательно, Мио, — вкрадчиво сказал он, меняясь на глазах. Легкая ленца, тень превосходства в голосе — едва заметная, на грани вежливости. Словно ведет переговоры, находясь в заведомо выигрышном положении. — Но слишком... неконкретно. И уклончиво. Твои слова можно трактовать как угодно. К тому же, — его голос приобрёл откровенно ироничный оттенок: — Прости, но я привык, что люди редко говорят правду сами по себе, без принуждения.

— Ближе к теме, — нахмурился я.

— Мне нужны гарантии, — коротко бросил он и улыбнулся. — Пока ты не пообещаешь, что не будешь искать смерти, я даже пальцем не пошевелю.

Шах!

Ожидаемый. Я задумчиво облизнул пересохшие губы.

В принципе, я ничего не теряю. Хотя бы потому, что избавление от бессмертия остается лишь мечтой. И он ошибается: я не собирался, едва вновь обретя жизнь, отказывать от нее. Но само обещание... обстоятельства могут измениться каждый миг, и любое обещание,

ограничение, любой долг может поставить в тупик.

Обязательство, не выполнить которое — невозможно...

Или почти невозможно.

— Именно в этой формулировке, — прибавил маг.

Взгляд заполошно заметался. Контролировать каждое действие, не-действие, мимику и речь, лихорадочно при этом соображая, стало чудовищно сложно. Я закрыл глаза.

Спокойствие!

— Это глупо, Корин, — терпеливо, словно объясняя неразумному мальчишке, начал я. — Если я вдруг захочу, хм, покончить жизнь самоубийством, обещание меня не удержит. Наказание страшно живым, но не мертвым. Полумифическое «возмездие в следующей жизни» звучит неубедительно, прости.

— Как ты мог заметить, «искать смерти» — отнюдь не то же самое, что «покончить с жизнью», — спокойно парировал Корин. И холодно добавил: — И ты об этом прекрасно знаешь. Обещание, Мио, обещание. Если, конечно, ты хочешь получить мою помощь.

Хороший вопрос. А хочу ли я?..

— Хорошо. Я обещаю, что не буду искать смерти ни мыслью, ни делом. Устраивает? — голос звучал ровно и отстраненно; как будто мне действительно было все равно. Браво, Мио! — Ты выпишешь мне пропуск в библиотеку Академии? Хотелось бы приступить уже сегодня.

— Да, конечно, — подозрительно легко согласился он. Обворожительная улыбка расцвела на его губах. — Сию минуту.

Корин полез в лежащую перед ним пухлую папку и зашуршал бумагами. Нахмурился. Отложил в сторону. Приподнял папку и сунул любопытный нос под нее. Беспомощно обернулся к окну. Потер подбородок. Заглянул поочередно во все правые ящички. Потом — в левые. Не обнаружив искомого, скорчил горестную гримасу и, с видом естествоиспытателя, столкнувшегося с чрезвычайно интересным явлением, принялся за завал на столе.

— К чему это представление? — раздраженно спросил я, не выдержав. И только сейчас понял, какой я идиот. Как я мог не потребовать у Корины встречных гарантий?! Он вполне может мне не помогать и... нет, что за бред?! Какой в том ему прок?

Корин положил подбородок на сцепленные пальцы, хитро сверкнув глазами.

— Я, конечно, могу выписать тебе пропуск... — протянул он. — Но, видишь ли, почти уверен, что это бесполезно. Ты не найдешь ответа ни в академической, ни в Королевской библиотеке.

— Почему? — невольно удивился я.

— Потому что твое бессмертие связано с преобразователем. В открытом доступе этих книг нет. Вернее, не так. *Здесь* этих книг нет.

— Здесь — это...

— В Торлиссе. Новая, республиканская, власть стремилась утвердиться как можно прочнее. Большая часть прежних учреждений закрыта. Академию, Королевскую библиотеку и сам Торлисс не тронули, памятуя о дарованной со дня основания автономии, но, как могли, взяли под контроль. Новый город ученых и магов — полностью подконтрольный аристократам, конечно же — создали на острове близ южной оконечности материка. Высшая школа заменила Академию, тамошняя библиотека — Королевскую. Поэтому если ты действительно хочешь получить ответы, боюсь, тебе придется отправляться туда.

— Потрясающе. Ты не мог сказать об этом раньше? — ядовито процедил я, уже не

считая нужным сдерживаться.

— А что не так? — невинно хлопая глазами, спросил Корин.

— Все не так! — рыкнул я. — Ты заставил меня пойти на клятву, чтобы ничем не помочь?! Замечательно!

— То есть я не зря просил? Мои подозрения верны? — Корин вопросительно изогнул бровь.

— То есть любое обещание — слишком большой риск, чтобы разбрасываться ими налево и направо!

— Не нарушай — и не будет риска.

— Типичное человеческое суждение, — презрительно бросил я. — Ничего не знать и искренне верить в обратное!

— При чем тут это?

— Почему невыполнение обещаний влечет за собой такие последствия? — резко переменял тему я.

— Это непреложный закон бытия, — пожал плечами Корин.

— Да? И что же это за закон? В чем он заключается? Каков его механизм? Почему не всегда приходит расплата, и почему в схожих ситуациях она так отличается?

— Исключения лишь подтверждают правило, — стоял на своем Корин. — Мир зиждется на объективных рациональных законах. Собственно, он и есть закон.

— Мир не обязан быть рациональным только потому, что тебе так этого хочется.

— Только не говори, что ты из тех, кто верит, что за всем в мире стоит некая Воля. Глупые фейские сказки! — он выразительно поморщился. — Ложь, чепуха, суеверие. Только атомы, энергия — и непреложные, фундаментальные законы.

— Не собираюсь вступать в бесполезные споры, — и бровью не повел я. — Просто послушай дружеский совет: никогда не делай то, последствия чего не можешь предугадать.

— Это не тот случай, — уперся Корин.

— Можешь думать, что хочешь, но факты неумолимы. Обещания принципиально непредсказуемы, механизм их работы — не ясен. Поэтому не надо разбрасываться ими налево и направо.

— До этого момента как-то все обходилось.

— Знаешь, цыпленок тоже считает, что птичник всегда будет приходить лишь за тем, чтобы вкусно его накормить. А в один день — вот же незадача! — он придет — и свернет цыпленку шею. Аналогия ясна?

— Она неуместна. Птичник — разумное существо.

— Зато отлично показано, что, не зная целей, мотивов или механизма чего-либо, не стоит слишком уж истово верить в правильность собственных выводов. А иначе можно оказаться этим самым цыпленком.

— Детские байки.

— Дурак ты, — беззлобно, почти с жалостью, сказал я. — Сам не знаешь и советов не слушаешь. Будь по-твоему, если тебе так больше нравится. Просто учти, что, по большому счету, у тебя будет всего одна попытка. И после уже ничего не исправишь.

— А ты как будто знаешь!

— Да, знаю, — спокойно осадил его я. — Даже слишком хорошо. Поэтому и предостерегаю.

— Неужели? Откуда? Сорока на хвосте принесла? — саркастично спросил Корин.

— Я знаю, — так же спокойно продолжил я, — что потерял самое дорогое из того, что у меня было. Да, я нарушил данное слово. Но оно касалось только меня; моей судьбы, моей свободы, моего выбора. Меня заставили его дать. Считается, что такие обещания не имеют силы. Но жизнь рассудила иначе. И теперь я не «великий волшебник», а безродный бродяга, которому некуда и незачем идти. Забавно, не правда ли? Смысл жизни, талант, путь, сокровище — вот ставка в этой игре. Самое ценное, самое дорогое. Все еще желаешь рискнуть?

— Но ты же говорил, что... — начал Корин и растеряно замолчал.

— А что я должен был сказать десятилетнему мальчишке? — вопросом на вопрос ответил я. Он молчал, огорошенный, сбитый с толку. Я великодушно продолжил, обрывая затянувшуюся паузу: — Теперь ясно, отчего я разозлился?

— Вообще-то, нет, — Корин прочистил горло, выравнивая голос, и деловито продолжил: — Не знаю, с чего ты это решил, но я не собирался отказывать тебе в обещанной помощи.

Расстегнув ворот рубашки, он царапнул по горлу, пытаясь подцепить что-то. Наконец, это ему удалось. Корин выудил из-за шивороты серебряную мелкозвенную цепочку, стянул ее через голову и теперь держал на вытянутой руке, давая мне как следует ее разглядеть. Вернее, не её, а покачивающуюся подвеску. Она ослепительно сияла в солнечном свете и испускала скачущие по стенам, книжным стеллажам, витражу блики.

Я сощурился. Сквозь яркий свет совершенно невозможно было разглядеть саму подвеску. Цепочка колебалась, словно натянутая струна; подвеска описывала неправильные круги. Я следил за ней, заинтересованный. И, подгадав момент, качнулся вперед.

Корин проворно отдернул руку. Пальцы сомкнулись на пустоте.

— Что это? — спросил я, заинтригованный больше прежнего, и откинулся на спинку кресла. Взгляд был прикован к подвеске, которую Корин теперь неосознанно крутил в руках.

— Пропуск. На Арлетту вообще и в тамошнюю библиотеку в частности. Конечно, он не самого высокого ранга — таким могут похвастаться, пожалуй, только арлеттские, проверенные Советом, исследователи — но для тебя вполне подойдет.

— Ты отдашь мне его? — спросил я, смотря на подвеску уже совсем иным, хищным и расчетливым взглядом.

Идея путешествия мне неожиданно понравилась. И я уже почти не жалел о том, что вынужден был дать обещание.

Корин скорчил жалостливую гримасу:

— Я бы с удовольствием, но передавать ключ третьему лицу запрещено. К тому же, это допуск к сети магических учреждений вообще. Без него обходиться мне будет очень сложно... — маг с сожалением развел руками и поджал губы.

— Хватит кривляться, — раздраженно прервал его я. Меня это начинало злить. — Я же вижу, что ты хочешь что-то взамен. Так называй цену, и закончим с этим.

Он недоуменно нахмурился:

— Mio, за кого ты меня принимаешь?

— За шантажиста, — честно ответил я.

— Я не отказываюсь помочь, — раздраженно проговорил Корин. — Просто прошу оказать небольшую услугу, которую никому больше доверить не могу. К тому же, тебе все равно по пути. Впрочем, если не хочешь...

— Ты откажешься от шантажа? — искренне удивился я.

— Нет, — также искренне ответил он. — Потому что мне действительно некого больше просить.

— Прости, но я не собираюсь соглашаться на кота в мешке. Поэтому смогу дать ответ только после того, как узнаю, в чем заключается просьба, — пожал плечами я.

Это был чистейшей воды блеф. Сейчас я, не раздумывая, дал бы еще сотню обещаний, лишь бы получить заветный ключ, потому что вновь видел перед собой цель, впервые за долгое время. Да, пустяковую, да временную, надуманную и ненужную, — но все-таки цель. И одно это стоило всех неудобств и неурядиц, которые могли повлечь за собой обещания.

...А еще у меня вновь появилась надежда. Та самая, что вела меня все эти годы призрачной тенью, голубым цветком из сна, наваждением. Та самая, что теперь не отпускала, отравляя ядом сомнения и нерешительности; не давала найти новый, настоящий путь. Я не могу отказаться от нее, даже если шансы стремятся к нулю. И остается только следовать за ней, искать — и найти.

Или развеять.

— Я и не собирался что-то скрывать, — улыбнулся Корин. — Тебе всего лишь нужно передать... письмо. Одному человеку.

— Так просто? — не поверил я. — В таком случае, почему ты не можешь отправить ее почтой? Телепортировать, в конце концов? — я нахмурился: — Или там что-то противозаконное?

— Нет, конечно! — отмахнулся Корин. — Просто... это слишком важно для меня. Я не могу рисковать, отправляя его с вестником или птицей. Телепортировать разом не получится — слишком велико расстояние, а пересылка обычной почтой чревата досмотрами, бюрократической волокитой... и оседанием в карманах проверяющих.

— «Я не могу рисковать»... — со странной смесью горечи и усмешки повторил я. — Корин, я, если честно, даже представить не могу, кто справится с твоей просьбой хуже меня. Только подумай, что будет, если я уйду в...

— Это все неважно, — перебил он. — Главное, что я тебе доверяю.

— Послушай! Я не возьму на себя такую ответственность просто потому, что не могу гарантировать...

— Это просто письмо, Мио! Обычное письмо. Не секретный протокол, не тайная переписка, не документ. Здесь нет никакого подвоха, второго дна.

— Тогда что в нем такого важного?! И кому оно адресовано? — не выдержал я.

— Верховному правителю Зеленых Холмов, — поколебавшись, все же сказал Корин, болезненно сжав пальцы и отведя взгляд.

— Правителю Холмов?... — я ожидал чего угодно, только не этого. И растерялся, не зная, что сказать. — Но зачем?

— Я... хотел попросить... — Корин говорил отрывисто, словно каждое слово давалось ему с трудом. Он замолчал, помедлив, и быстро, разом, на одном вдохе, договорил: — Я хотел попросить о помощи в поиске родителей.

— Почему Холмы?

— Что? — растерялся Корин.

— Почему именно Холмы? Ты узнал что-то о родителях?

— А где еще я должны искать Действующих? — язвительно спросил маг.

— Ты узнал, что они из Alle-vierry? — уточнил я вопрос.

— Дай-ка подумать: кем же, интересно, могут быть родители, если во мне течет

чистейшая кровь Действующих? — саркастично ответил Корин, нарочно назвав aelvis Зеленых Холмов на языке смертных.

Я проигнорировал его выходку и смерил внимательным взглядом.

— Что-то не так? Я не похож? — скрывая за бравадой страх услышать не то, что хочется, откровенно грубо спросил он.

— Ты не бессмертный. И не похож на бессмертного. А уж на кого из бессмертных ты не похож, я сказать не могу, — пожалуй, излишне резко сказал я. И почти сразу об этом пожалел, но менять что-то было уже поздно.

— Но я же альв! — с какой-то детской обидой воскликнул он.

— Но не бессмертный, — жестко сказал я. — Одна аэльвская кровь не подарит бессмертия. В тебе слишком много человеческого, Корин. Слишком. Ты жил среди людей — и вырос человеком. С типично человеческими достоинствами и недостатками... и типично человеческими суждениями.

— Ты все еще злишься на меня за слова о Воле? — «догадался» Корин, отказываясь слушать то, что я говорю, и ища словам какое-то оправдание.

— «Все еще»? Я не злился тогда и не злюсь сейчас. Ты спросил — я ответил. Не более того, — отрезал я, раздраженный его глупым предположением. И, не давая ему сказать, продолжил: — Я передам письмо и твою просьбу правителю. Если будет нужно, сделаю все, чтобы добиться аудиенции. И хватит с этим. Давай сюда ключ.

Корин молча перебросил подвеску.

— Письмо передам завтра, — ровным, ничего не выражающим голосом сказал маг, но почти сразу спохватился, растеряв спесь: — Ты ведь не торопишься, верно?

— Нет, — покачал головой я, с любопытством разглядывая переброшенную мне подвеску. Увы, моих надежд она не оправдала, оказавшись обыкновенным металлическим кругляшком размером с монету. Отшлифованную до зеркального блеска поверхность грубо рассекали выгравированные буквы и цифры, понять смысл которых мне не удавалось, сколько я не выглядывался.

Я подбросил ее на ладони и сунул в карман.

— Выпиши, все-таки, допуск в библиотеку, — попросил я миролюбиво. Недавнее раздражение улетучивалось, истаивало в лучах льющегося из окон света. Я вообще не умел долго дуться и пребывать в плохом настроении: почти сразу чем-нибудь увлекался и забывал, что должен сидеть мрачнее тучи и выражать вселенскую скорбь. — Сколько сейчас времени? Часов пять? Как раз успею осмотреть за вечер. Все равно нечем заняться.

Корин безошибочно выудил из стопки бумаг лист с личной печатью, черкнул пару слов и протянул мне:

— Держи. Сам найдешь?

— Спрашиваешь! — фыркнул я, поднимаясь и протягивая руку за документом.

Разговор казался оконченным. Я бережно сложил бумагу пополам и убрал в карман, здраво опасаясь, что иначе только еще больше помну или вообще потеряю. Задвинул кресло, кивнул молчаливому Корину на прощание и повернулся, чтобы уйти.

...Его оклик настиг меня в дверях. Я, совершенно не представляя, что еще он может сказать, обернулся.

— Кхм... — замялся он, стушевавшись, а я удивился еще больше. — В общем, я хотел сказать, что... М-м-м... если ты... проклятье! — он коротко выругался и раздраженно замолчал, не собираясь продолжать.

— Корин, — мягко сказал я. — Ты меня пугаешь. Что случилось?!

— В общем... если захочешь, я всегда могу устроить тебя преподавателем теоретической магии в Академию, — выпалил Корин и отчего-то смутился. Совсем по-детски. Я невольно улыбнулся.

— Да какой из меня преподаватель! Академию и ту не закончил, позор, — пошутил я.

— Но ты же говорил...

— Я учился. Но не закончил. Война грянула в последние дни весны — и нам, честно сказать, стало совсем не до защиты дипломов, — пояснил я. И усмехнулся: — Впрочем, звание магистрау меня было задолго до этого.

— Ты стал магистром, еще учась в Академии?

— Ну да.

— Так не бывает!

— В моем случае было, — пожал плечами я, и пояснил, видя его недоверие: — Корин, серьезно! Я родился в семье талантливейших волшебников, магистров изящных искусств. Темные годы, да я летать научился раньше, чем ходить! Ты все еще сомневаешься? Может, теперь тебе, наконец, станет понятно, *насколько* мне тяжело без колдовства. Словно руки отрезали, честное слово. Причем обе.

— Ты ничего не ответил на мое предложение, — настороженно напомнил Корин.

— Не ответил, — согласился я. — Спасибо, Корин, это правда очень здорово. Несмотря даже на то, что любой ученик утрет мне нос.

— Это лучше, чем подрабатывать писцом в провинциальных городках. Или гувернером высокородных бездарных детишек. О неудачных попытках варить снадобья и эликсиры и выступлениях в трактирах я даже не говорю, — за его злыми словами вновь прорезалась детская обида. Ну да, как же так: он искренне хочет и готов помочь — а неблагодарный я отказываюсь!

— Забыл еще помощника в лавке торговца артефактами, — напомнила с улыбкой. — Корин, твое предложение действительно замечательно: я смогу обрести свое дело и какое-то подобие дома — как раз то, в чем нуждаюсь больше всего. Но сейчас я, честно говоря, даже не вижу смысла этого обсуждать. Поговорим позже, хорошо? Когда я вернусь.

Он кивнул, приняв мои слова. Приняв — и поверив.

Зря. Потому что я беззастенчиво лгал.

— Жду завтра, после полудня. Тебе, кстати, есть, где жить?

Я кивнул и гордо заявил:

— У Нэльвё!

— Неужели вы и впрямь закадычные друзья? — маг только покачал головой. — А я не верил!

Я расхохотался в полный голос, вызвав еще большее недоумение бывшего ученика.

— Да-а... закадычные... — многозначительно протянул я. И сквозь смех закончил: — Со вчера!

— И ты остановился у него? — уточнил Корин, медленно проговаривая каждое слово. Кажется, он хотел спросить что-то еще, но погряз в паутине формулировок и двусмысленностей и промолчал.

— Я спас его кошку от клинков карающих! — торопливо пояснил я, пока он не начал озвучить интригующие догадки. — Долг и все такое!

— Дай-ка угадаю, — прищурился Корин. — Он пообещался достать тебе пропуск в

нашу библиотеку в счет обязательства?

Я скромно промолчал, потупив глаза.

— Вот же сволочь! — восхищенно прицокнул маг. — Враль расчетливый! А заливался-то соловьем как! «Мой лучший друг», «могу поручиться, чем хочешь»! Тьфу!

Улыбнувшись и весело помахав рукой на прощанье, я вышел из кабинета, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Я покинул стены Академии глубокой ночью, когда солнце с головой нырнуло под теплое покрывало-небо, а тонкий ободок месяца затерялся среди темных перистых туч — его неряшливых складок. Дикий парк, тонущий в иссиня-черной, непроглядной мгле, безмолвствовал.

Улыбаясь своим мыслям, я толкнул створку ворот.

Тьма — густая, вязкая горькая патока, почти ощутимая на вкус — навалилась на плечи, облепила стены домов, просочилась в щели мостовой. Я, точно муха, влетел в нее со всего размаху — и увяз, отчаянно трепыхаясь.

Ничто не могло нарушить ее господства: ни робкий фонарь, ни оконце, ни потеряшка-луна — тьма затопила маленькую улочку до краев, погасив все, до чего смогла дотянуться.

Лишь в самом конце брезжило маленькое пятнышко света, такое робкое, блекло и трусливо жмущееся к камням, что его можно было принять за наваждение. Но я уцепился за него, как за соломинку; рванул изо всех сил сквозь осязаемую липкую тьму, в три длинных, размашистых шага преодолел разделяющее нас расстояние — и вылетел на соседнюю улочку.

«Улица Ста Солнц», — припомнил я мелькнувшее днем название. Тогда оно лишь позабавило. Но сейчас, стоя посреди широкой, утопающей в свете мостовой, я не мог сдержать рвущуюся наружу улыбку — и почти детский, давным-давно позабытый восторг.

По обеим сторонам улицы тянулись фонари. Лиловые, фиолетовые, оранжево-алые, молочно-белые, золотые, цвета весенней зелени и искристого меда — они беспорядочно, не подчиняясь никакой логике, сменяли друг друга в сумасшедшем калейдоскопе Ста Солнц. Мостовая, частично тонущая в чернильном мраке, частично расцвеченная островками света, казалась нереальной, эфемерной, зыбкой — как сон или видение.

Почти тысяча медленных, заплетающихся от пьянящего счастья шагов слились в один миг, упоительно прекрасный. И когда я, наконец, вышел на соседнюю улицу, то чуть не умер от разочарования — такой отвратительно-скучной и чудовищно невыразительной казалось она после великолепия Ста Солнц. Почти физическая брезгливость свела челюсти, искривила лицо уродливой маской.

Я вздрогнул, точно очнувшись ото сна — и насторожился. Даже для меня подобная одурь была странной.

Вернее, странной была именно одурь, так разительно отличающаяся от периодически накатывающих, накрывающих с головой приступов восхищения и миром вокруг и каждым, даже мельчайшим его проявлением. Неконтролируемое счастье, восторг, легкость и щемящее, трепетно замирающее сердце мне знакомы. Но брезгливость, злость, ненависть?.. Никогда.

Оборачиваться и провожать взглядом великолепие Ста Солнц я не рискнул — от одной мысли о повторном «очаровании» меня передернуло. И вообще на душе стало как-то мерзко: словно что-то жуткое непонятное только что, пусть и на краткий миг, овладело мной, подчинило собственной воле — и, наигравшись, отпустило.

А могло и не отпустить.

«Да что за чушь?! — взорвался я, стряхивая оцепенение. — Что я несущу?! Ауру блокировать надо, а не впитывать все эманации мира! И не приписывать собственные

низкие мысли и чувства внешнему злу».

Но ощущение липкого ужаса, сжимавшего сердце маленькой потной ладошкой, не проходило.

Я прибавил шаг. Страх гнал меня вперед, по полужнакомым улицам, укутанным полуночным кружевом светотени. Мелькали размашистые кляксы фонарей, дома слились в размытую полосу — а я все ускорял и ускорял шаг, почти срываясь на бег.

...Он нагнал меня, когда до дома Нэльвё оставался всего квартал. Сорвался в длинном смазанном прыжке, настигая, разом преодолевая разделяющие нас шаги, и пригвоздил к мостовой.

Только сейчас, столкнувшись с овладевшим мной страхом, я, наконец, понял, что вызван он был не улицей Ста Солнц, а домом Нэльвё.

Из горла вырвался нервный смешок: это же надо так себя накрутить и загнать! Идиот!

Страх — наконец, опознанный, проанализированный и убранный в дальний ящик, как надоевшая игрушка — потерял власть надо мной. Тревога никуда не ушла, но, лишенная мистического ореола, который я ей придал, теперь маячила на самом краешке сознания белокошой баньши, не угрожая, но бередя душу своими жалобными песнями.

Я нетерпеливо переступил с ноги на ногу. Тревога... Нэльвё... неужели действительно что-то произошло? Проклятье! Даже вероятности не просмотреть, чтобы подтвердить или опровергнуть подозрения! И ветер молчит.

Поиграем в угадайку?

«Неприятности связаны именно с домом?» — задал себе вопрос я и нахмурился.

Выходило, что да.

Погодите-ка. Меня ведь никто туда силком не тащит, так что я вполне могу развернуться и...

А что — «и»? Мне ведь совершенно некуда идти. Не возвращаться же обратно в пустующую Академию! Главный корпус давно закрыт, в студенческое общежитие ломиться бесполезно, а искать преподавателей — чревато. Где живет Корин, я как-то позабыл спросить, а с теми жалкими грошами, что тоскливо позвякивают в карманах, я могу рассчитывать на ночлег лишь в портовом клоповнике.

Трущобы вызывали у меня гораздо большие (и, в отличие от мифической угрозы, исходящей от дома — вполне обоснованные) опасения, так что из двух зол я малодушно выбрал меньшее.

«Осмотрю дом, поброжу за Гранью — и уйду, если что-то пойдет не так», — решил я.

С каждым шагом походка становилась все более напряженной и жесткой, скованной, словно у диковинных шарнирных кукол с далекого Востока.

Как оказалось — не зря.

Дом не понравился мне сразу, с первого взгляда. Хотя бы потому, что в нем не горели окна. Вообще. Ни одно. И дверь при моем приближении тихонько закрипела, покачиваясь на петлях.

«Открыто», — мрачно подумал я. Поверить в то, что дотошный и заботившийся о сохранности собственной шкуры thas-Elv'inor так пренебрежёт безопасностью, мог только полный дурак.

Окинув дом внимательным взглядом, я понял, что ошибся. Тоненький луч света пробивался сквозь тяжёлые, но неплотно задернутые шторы. Кажется, здесь должна быть гостиная.

Какое-то время внутри меня боролись пытливый ум (или, попросту говоря, любопытство) и рациональное логическое мышление (зачем лезть в мышеловку, если знаешь, что это мышеловка, и сыра в ней нет?). Впрочем, недолго: последний капитулировал, и я тихонько, на полусогнутых, прокрался к окну. И привалился к стене, переводя дух и успокаивая бешено колотящееся сердце.

Отдышавшись, я развернулся, ухватился за ящик с цветами и подтянулся, моля *Ее* об удаче. Шутки-шутками, а риск был вполне себе: моя русая, вызолоченная солнцем макушка, мягко говоря, не способствовала маскировке, и даже напротив — служила отличной мишенью. По счастью, под облюбованным мной окном пламенели бархатцы, и затеряться среди них было плевым делом.

Глаза удивленно расширились. Мне хватило нескольких секунд, чтобы, заглянув в просвет между шторами, оценить обстановку в комнате. И понадобился целый десяток, чтобы, наконец, оторвать взгляд. Сначала — шокированный, потом — откровенно недоумевающий.

* * *

Я увидел Нэльвё сразу: на стуле посреди гостиной с неестественно прямой спиной, безвольно обвисшими, как у тряпичной куклы, руками и гордо вскинутой головой. В невыразительной, казавшейся расслабленной позе *thas-Elv'inor* читалось напряжение сжатой пружины, натянутой, вибрирующей от звонкого нетерпения тетивы. А в потухших глазах, неотрывно смотрящих в лицо сидящей напротив бессмертной — затаенная, глухая ненависть.

Вернее, это она него смотрела. И ее лукаво-сощуренного, дивно-фиалкового взгляда было достаточно, чтобы играючи сломить волю Нэльвё, пригвоздить его к стулу и контролировать каждый вздох.

Жрица Льор. Собственной полуполегендарной персоной. «Непревзойденные мастера ментальной магии», драконье пламя им под лопатки! При нынешней правительнице — почти личная гвардия, элитные воины для особых поручений. Что же Нэльвё натворил на своей жестокой родине, что по его следу отправили душу двоих жриц, наплевав на негласный запрет выезда за территорию *Orfen di-erre*?

Нет, не двоих. Трех. Я вжался в стену и до побелевших костяшек вцепился в ящик с цветами, когда третья из жриц прошла прямо перед окном, рассеянно мазнув по нему взглядом — пронзительным, томно-вишневым и удивительно цепким. Она бы непременно заметила меня, если бы не была поглощена собственными мыслями: жрица нервничала. Что-то неуловимое выдавало это в каждом ее движении. Резкость на поворотах, напряженный, исполненный трагизма излом рук, наклон головы... или плетка, которую она постоянно крутила в руках, и которой то и дело рассекала воздух злым хлестким ударом.

Трое, значит? Одна не сводит с Нэльвё взгляда, не давая ни малейшего шанса вырваться из под гнета ее воли. Вторая стоит на страже, а третья в это время методично обыскивает комнату. Умно.

Жрицы... а внешне ничего особенного. Таковую увидишь в толпе — и в жизни не догадаешься о таящемся за обманчивой юностью могуществе. Они казались сестрами: что-то общее проглядывалось в их чертах лица, хоть характер и наложил на каждую неизгладимый

след. Возраст я сходу определить не смог (хотя это, как ни смешно звучит, было самым важным сейчас: именно от него зависел уровень мастерства), но по импульсивности и неумению прятать эмоции предположил, что девушки вряд ли достигли совершеннолетия. Нет, то, что посторонних в комнате нет, их не оправдывает: мы вообще не приветствуем бурное проявление чувств, а у *thas-Elv'inor* это едва ли не культ.

Все интереснее и интереснее.

...Та из жриц, что обыскивала комнату, обернулась и медленно покачала головой. В то же мгновение плеть взвилась в воздух — и впилась в спину Нэльвё. Ни единый мускул не дрогнул на его лице; лишь осанка стала еще прямее, еще жестче, и тень на секунду затмила непроницаемый взгляд.

Взмах, другой, третий... люстра, задетая в один из ударов, раскачивалась из стороны в сторону, точно укоризненно качая головой.

Я брезгливо отпрянул, не желая наблюдать пытку. Но почти сразу, скрипнув зубами, вынужден был вернуться, чтобы убедиться, что обыск не перейдет в другую комнату (а если перейдет — то в какую именно). Столкновение со жрицей Льор не входило в мои планы: подозреваю, одного ее взгляда будет достаточно, чтобы моя ментальная защита, вот уже столетие толком не возобновляемая и держащаяся на честном слове, рассыпалась, как картонный домик.

Thas-Elv'inor опустила плеть и что-то отрывисто выкрикнула-спросила. Не получив ответа, повернулась к заклинательнице, удерживающей Нэльвё. Та едва заметно кивнула и ослабила путы. Ровно настолько, чтобы он мог чуть повернуть голову и, слабо улыбнувшись, с чувством что-то сказать.

Судя по злости, исказившей лицо «палача», и немедленно последовавшей пощечине — не очень лестное. И вряд ли цензурное.

Голова Нэльвё дернулась и безвольно обвисла.

Люстра качнулась как будто бы еще укоризненнее, еще сильнее, и ускорила темп. И этим, наконец, привлекла мое внимание.

Действительно: с чего бы ей раскачиваться? Второй этаж пуст, землетрясения нет... И я заподозрил, что дело вовсе не в плетке. Да и как бы она задела? Тяжелая, витая, с пятью лапками-веточками и шарами со светящимся газом люстра нависала аккуратно над впившейся взглядом в Нэльвё *aelvis*.

Вот уже пятнадцать лет, как торлиссские чародеи изобрели шары со светящимся газом — простой и дешевый способ освещения. У него был только один недостаток: в случае утечки светящийся газ вызывал затруднение дыхания, обмороки, в редких случаях — полный паралич, и так до полного выветривания. Горожане прикинули, как часто приходится тратиться на свечи, сравнили с риском разбить новоявленное изобретение... и теперь почти в каждом доме красовались новенькие, рассчитанные под шары со светящимся газом люстры.

Я отвлекся от мыслей, увидев, как девушка с плетью прикрикнула на обеих спутниц, и одна из них безропотно скрылась в коридоре. Лестница была в другой стороне, поэтому я небезосновательно решил, что направилась она в библиотеку.

...Нет, вы только посмотрите, какая возмутительно шаловливая люстра! Качается и качается себе, не думая останавливаться! С какой такой радости?!

«Кстати... а где кошка?» — вдруг спохватился я. Взгляд, как магнитом, притянуло к потолку. Я сощурился, заглядывая за Грань.

Стены расплылись сизой дымкой. В пустоте зазмеились причудливые узоры защитного заклинания, опутывающего дом.

Что тут у нас интересного? Три пульсирующих ауры в гостиной, еще одна — в соседней комнате...

Взгляд скользнул выше. Ага! Что и требовалось доказать!

Клочок живой тьмы сосредоточенно прыгал по полу аккуратно над тем местом, где тоскливо раскачивалась люстра. Все-таки не врут про ум и сообразительность *nieris*! Или Нэльвё воспользовался телепатией прямо под носом у жриц и отдал соответствующий приказ?

Да неважно! Вот он, шанс: пробраться наверх и обрушить люстру! Остальное сделает светящийся газ.

В плане была только одна загвоздка: я не представлял, как буду вытаскивать Нэльвё. Задержать дыхание я смогу от силы на минуту-полторы, а этого точно не хватит, чтобы волоком оттащить к входной двери.

«На месте разберусь», — храбро решил я, и, воровато оглядевшись, исчез. Просто вот я здесь — и вот меня нет. Безо всяких надрывов реальности.

К этому фокусу я прибегал редко, бережно распоряжаясь крупицами силы. Но сейчас время играло против меня.

Затаив дыхание, я потянул дверь на себя. Услышат скрип — пиши пропало. Конечно, меня, балансирующего на Грани, они не увидят, но насторожатся и смешают все карты.

Обошлось.

Я, облегченно выдохнув, проскользнул в прихожую и аккуратно прикрыл дверь.

Стараясь не потревожить капризные половицы, вжимаясь в стену, прокрался к лестнице. Спрятавшись за столбик-балюстраду, опасливо выглянул. Коридор безмолвствовал и как будто выжидал, насмешливо говоря: «Ну-ну? Дальше, дальше! Не трусь!». Уже почти не таясь, я быстро взбежал по лестнице.

Второй этаж встретил мертвым безмолвием, и необъяснимая дрожь пробежала по спине, рукам. Напротив, в конце коридора, зиял провал распахнутого окна: чернильное небо с белыми крапинками звезд. Узкий прищур молодого месяца давил тяжелым слепым взглядом. Белый тюль плескался на ветру, протягивая полупрозрачные, как у привидения, руки...

«Руки. У тюли», — саркастично одернул себя я. Зловещее очарование рассеялось извиняющейся дымкой вместе с моим изрядно потрепанным терпением. Что было в чае у этого Отрекшегося?!

...или что сейчас бродит по улицам?

Есть на просторах Северы создания, что упиваются ужасом и страхом, точно редчайшим вином. Но здесь, в Торлиссе?.. В центральных кварталах? Нет, исключено. Слишком легко они вычисляются — и уничтожаются. Скрипя зубами, я списал очередное помутнение на воображение.

Мне нужна комната над гостиной... то есть правая. Ага!

Дверь тихонько скрипнула, и на меня устрашающе зашипели из ее голодного нутра.

— Но-но-но! — пригрозил я. — Не балуй!

Предупредительное шипение сменилось угрожающим рычанием.

— Киса-киса-киса! — мгновенно сориентировавшись, противно засюсюкал я. *Nieris* это понравилось немногим больше. Рычать она, конечно, перестала, но потеряла ко мне

всяческий интерес.

— Не проломишь, — с сожалением покачал головой я, немного понаблюдав за ее усилиями. Пол вздрагивал от прыжков, но едва заметно. Нужно что-то другое, чтобы его проломить. Ну, скажем...

— Зелья! — щелкнул пальцами я. — У Нэльвё ведь есть зелья, хоть какие-нибудь? Где он их хранит?

Кошка замерла. Подняла на меня янтарно-пронзительный взгляд, в котором в равных пропорциях смешивалось недоверие и заинтересованность. В нем отчетливо читалось то задумчивое «а ты не такой идиот, как я думала», то недоверчивое «а не врешь?», и она никак не могла решить, на чем же остановиться.

— Будешь долго думать — опоздаем! — пригрозил я. Nieris зло вильнула хвостом, но дольше упираться не стала, потрусив к столу в дальнем конце комнаты.

Я нагнал ее в три шага и торопливо стал выдвигать и задвигать ящички, вороша склянки. «Болеутол.», «от живота», «стим-ты рег-ции»... не то, не то... Да чтоб ему! Никогда не поверю, что у thas-Elv'inor, даже прячущегося под маской целителя, одни только лечебные эликсиры!

Последний ящичек я рванул с силой. И выругался, не сдержавшись. Бинты, ножницы, щипцы... Безнадёжно проржавевшее и рассыпающееся от времени старье! Я грубо выгреб хлам на пол, уже не заботясь о его сохранности, но все было тщетно. Ни склянок, ни двойного дна...

Я осекся и только сейчас увидел лежавшую у ног коробочку из плохо обструганного светлого дерева, видимо, выгребенную мной вместе с остальными. И как я не заметил ее раньше? Присев, отбросил крышку — и едва удержался от торжествующего вопля. Ну, конечно же в «аптечке» Нэльвё держал отнюдь не лекарства! Яды, алхимические субстраты и эликсиры, вытяжка из белладонны, непонятный прозрачный раствор... все, как заказывал. Я кое-как опознал в густо-синем, непрозрачном эликсире взрывоопасную смесь. Схватил склянку, неловко плюхнул коробочку на стол (запоздало сообразив, что от такой тряски они могли рвануть). И, предварительно трусцой перебежав на более выгодную позицию (у двери), швырнул зелье об пол — туда, где по моим расчетам, была люстра...

И ничего не произошло. Во всяком случае, так мне показалось в первую секунду.

Я с ужасом понял, что перепутал склянки. Вместо того чтобы хорошенько рвануть, эликсир за каких-то несколько секунд разъел пол.

Раздался глухой, приглушенный удар, звон бьющегося стекла и тихое, зловещее «ш-ш-ш!» — звук, прекрасно знакомый всем, кто когда-либо ронял шары со светящимся газом.

Счет пошел на секунды. Я попятился от провала и, развернувшись, стремглав вылетел в коридор. Звуки, то и дело вспарывающие тишину, подхлестывали и гнали вперед. Сердце отчаянно колотилось, а в голове бился, как пульс, только один вопрос: пора задерживать дыхание или нет? Пора или нет?..

Ступени лестницы прыгали перед глазами, как будто нарочно уходя из-под ног. Я сбежал, а не скатился по лестнице только потому, что отчаянно цеплялся за перила, и затормозил, почти влетев в туманное облако.

Я глубоко вдохнул, задержав дыхание — и тут же поперхнулся воздухом, когда из клубов белесого дыма вывалился Нэльвё. Живой, невредимым и очень злой.

— На выход! — скомандовал он. Я не шелохнулся, оторопело уставившись на него и пытаюсь осмыслить, как такое возможно.

— Вон отсюда!!! — рывкнул Нэльвё повторно, и я, встрепенувшись, рванул назад и влево, к темнеющему в конце коридора прямоугольнику двери. Следом за мной, под испуганный плач колокольчиков (все-таки врезался! Да чтоб им!), златоглазым призраком выскользнула кошка.

Нэльвё не спешил. Я успел досчитать до трехсот (дважды сбившись на пятом десятке), когда он, наконец, вывалился из дома. Туман хлынул на улицу вместе с ним. Я торопливо заслони́л лицо рукавом, стараясь дышать через ткань, пока газ не рассеется.

Thas-Elv'inor молча сбежал по ступеням и, не сбавляя темп, размашисто зашагал во тьму, даже не взглянув на меня. Выглядел он неважно — едва стоявший на ногах, в неловко наброшенном на плечи сюртуке, чтобы скрыть оставленные плетью полосы, и с застывшим на виске кровоподтеком. От прежнего насмешливого и щегольского вида Нэльвё ничего не осталось.

Выказать сочувствие я не мог — thas-Elv'inor воспринял бы это как унижение — и потому поступил иначе. Нагнав его и приладившись к шагу так, чтобы не отставать, я весело полюбопытствовал, как-то незаметно переходя на «ты»:

— И где спасибо?

— «Спасибо!» — огрызнулся Отрекшийся.

— Не больно-то ты и благодарен! — притворно возмутился я. И продолжил изводить вопросами: — Кто это был?

— Жрицы Льор, — скрипнул зубами он, ускорив шаг.

Конечно, я не рассчитывал, что он ответит мне правду... и вообще, что ответит — не рассчитывал. Но мне показалось, что злость будет полезнее апатии. И потому я старательно выводил Нэльвё из себя, задавая заведомо «взрывоопасные» вопросы.

— Это я и так понял, спасибо. Зачем ты им понадобился?

— Понадобился — и понадобился! — рыкнул он, остановившись и повернувшись ко мне.

Я невольно отшатнулся, столкнувшись с его злым взглядом, и благоразумно проглотил готовое сорваться с языка уточнение. Кажется, и так уже достаточно... приободрил.

— Куда мы идем? — спросил я уже нормально, нагоняя вырвавшегося вперед Нэльвё.

— К Корину, — лаконично ответил он. И хищно добавил: — Получать «ответную услугу»!

— О-о-о... — многозначительно протянул я. И добавил Кое-что еще, невнятное и непечатное, споткнувшись о невесть как появившийся на дороге камень.

Раз уж пошло такое непечатное дело, сам-собой вспомнил беспокоивший меня вопрос.

— Кстати. Почему ты не попал под действие газа?

Нэльвё резко остановился и медленно повернулся ко мне.

— Я же просто спросил!

— Если существует угроза отравления, логичным будет принимать противоядие, — едко (прямо-таки кислотно!) процедил он, возобновляя ход.

— Если существует угроза опасности и есть безопасная альтернатива, логичным будет выбрать безопасность, — огрызнулся я. И проворчал, уязвленный таким пренебрежением моими скромными заслугами. — Еще скажи, что ты это заранее рассчитал.

— А то! — с непонятым воодушевлением и уже вполне благожелательно кивнул он, то ли всерьёз, то ли шутя. Я покачал головой и зашагал уже молча. Адреналиновый выброс потихоньку сходил на нет. Меня стало клонить в сон, и вновь вернулось чувство легкой

тревоги — бессмысленной, иррациональной и оттого особенно дурацкой.

«Да что за ночь такая?! — разозлился уже я. — Это когда-нибудь кончится или нет?!»

— Это заклинание, — словно почувствовав мое беспокойство, негромко проговорил Нэльвё. От голоса, неожиданного глубокого и глухого, мне стало не по себе. — «Полог Снов». Жрицы раскинули его, чтобы немногие, решившиеся выйти на улицы этой ночью, не вспомнили назавтра, где правда, а где причудливая игра воображения. Раскинули, чтобы спокойно выполнить то, зачем пришли, — с отвращением выговорил он. И, помолчав, продолжил, беззлобно и даже вымученно улыбнувшись. — Еще немного и придем. Зажжем везде свет — и эта дрянь не посмеет переступить порога. И знаешь что, Мио?

— Что? — спросил я невпопад, пытаюсь отыскать следы загадочного колдовства, о котором он говорил. Они постоянно ускользали, мастерски сливаясь с силовыми линиями и вплетаясь в ауры. Нет, не разглядеть структуру...

— Спасибо.

Я снова споткнулся — на сей раз на пустом месте и от удивления. Поднял голову и, увидев на лице Нэльвё настоящую, вполне себе дружескую улыбку, улыбнулся в ответ.

Даже кошка ткнулась мне в ногу и с урчанием потерлась, напоследок мазнув пушистым хвостом по лицу. Ну, спасибочки!

Кажется, меня официально признали заслуживающим доверия и — чем Сумеречные не шутят! — дружбой. Обе стороны.

И я, кажется, был совершенно счастлив.

* * *

После очередного поворота Нэльвё остановился как вкопанный. Я с размаху врезался в него и едва устоял на ногах. Ошалело потряс головой, приводя мысли в порядок, и спросил, больше удивленный, чем разозленный:

— Что случилось?

Нэльвё, ничего не говоря, посторонился.

Во тьме, укрывшей улицу, я увидел зыбкое, дрожащее золотой взвесью видение — маяк, освещающий путь в переменчивом царстве ночи. Я сморгнул, и расплывчатый силуэт обернулся непримечательным двухэтажным домом на другой стороне улицы. Маленький сад, кованая ограда... и свет, льющийся из окон посреди ночного безмолвия.

Как будто нас ждали.

Я перевел взгляд на Нэльвё, молча требуя объяснений.

— Это, — кивнул он, — дом Корины. Мы пришли.

Бессмертный говорил спокойно, даже чересчур спокойно — почти безжизненно.

— Но это же хорошо? — помедлив, полуутвердительно сказал я и через силу улыбнулся. — Значит, он разобрался с заклинанием?

— Может быть, — сумрачно бросил Нэльвё, и зашагал, почти срываясь на бег. Я догнал его только у самых ворот, как раз чтобы успеть увидеть, как створки медленно отворились от первого же его прикосновения.

— Что-то мне это напоминает... — пробормотал я.

Нэльвё зло сплюнул и бросился сквозь ночь и дивные ароматы цветущих флоксов к двери — тоже заботливо освещенной.

Никто из нас не удивился, когда и она оказалась открытой. Я выразительно промолчал.

— Корин! — недолго думая, рывкнул Нэльвё. Сквозь показную злость и резкость проскальзывало беспокойство.

Дом молчал.

Он скрипнул зубами и бросился внутрь. Я — следом.

Первый этаж был возмутительно пуст. Нэльвё взлетел по лестнице, чуть не затоптав сунувшуюся под ноги хвостатую любимицу. Я еле поспевал за ними, в довершении ко всему чуть не вывернув на повороте руку из сустава: зачем-то вздумал уцепился за перила.

— Issa shee rethe nier! — емко выругался Нэльвё на староаэльвском и добавил, гораздо емче и выразительнее: — Какого?!

Я, подгоняемый теперь еще и любопытством, поднажал и влетел в комнату вслед за ним.

Передо мной предстала маленькая уютная гостиная. В камине трещал огонь, с шипением разбрасывая ярко-рыжие искорки. Бежево-золотистые обои, по шелковой глади которых вилась тончайшая вышивка, сияли в отсветах пламени, точно в комнате разгорелся пожар. Пейзажи лесов, пологие холмы, широкий разлив Фиоры на масляных картинах оживали в причудливой игре теней: шелестели густые кроны, ветер озорным мальчишкой пробежал по волнующейся реке, шепталось луговое разнотравье. Темно-зеленые бархатные шторы были наглухо задернуты. Маленький коврик цвета игристого вина растянулся перед камином с одной стороны и двумя сдвинутыми креслами — с другой. Вид портил лишь темный провал, в глубине которого едва-едва проступали очертания претенциозной старомодной кровати с балдахин, и встрепанный хозяин дома в роскошном шектарском домашнем халате до пят, полубезумно смотрящий в камин и греющий в ладонях бокал. Вино плескалось о пузатые стенки морем в сезон штормов: его руки предательски дрожали.

— Корин? — слабо спросил я, не в силах выдавить из себя что-нибудь более внятное и вразумительное.

Он не обернулся.

Нэльвё подлетел к другу, злой и растерянный.

— Корин, такую-то праматьер! — выругался он, выхватывая бокал... вернее, попытавшись выхватить. — Пусти, зараза, тебе говорят!

Маг послушно разжал пальцы — и кроваво-алое пятно расцвело на кремовом ковре.

— Ты что же, напился?!

— Не неси чепуху, — осадил его пыл я. — Он в ступоре!

— И что же его так ошеломило? — едко спросил Нэльвё, зло сверкнув фиалковыми глазами.

— А мне откуда знать?!

— Хватит уже мне кости перемывать! — простонал обсуждаемый, схватившись за виски. — Это невежливо!

— Зато действительно, — пожал плечами я, не испытывая ни малейших угрызений совести. За тот испуг, который довелось нам пережить по вине этого пройдохи, несколько нелিপцприятных слов были малой ценой.

— Что с тобой? Что здесь произошло?!

— На меня напали, — все так же отстраненно ответил Корин. Взгляд его немного прояснился, но погрузился и постоянно соскальзывал на уродливое пятно на ковре: кажется, теперь-то маг был как раз не прочь осушить бокал.

— Кто? — удивился я, нервно оглядываясь. Но никто и не подумал высказывать из-за угла с грозным и торжествующим «ага!».

— Тебе привиделось, — высокомерно отмахнулся темный. — Это заклинание жриц Льор.

— Судя по тому, что во всем доме горит свет, он об этом и сам догадался, — саркастично заметил я. — И если продолжает говорить о нападении, то не считает его иллюзией.

— Чушь! Где погром, нападавший, следы драки...

— Труп в спальне, — флегматично ответил Корин, невозмутимо левитируя початую бутылку. Судя по тому, что летела она неровно, маг по-прежнему чувствовал себя преотвратно.

Мы с Нэльвё наперегонки рванули к распахнутой двери. В проеме образовалась давка — каждый стремился попасть в комнату первым — и, потолкавшись, кубарем ввалились в нее.

— Ну, все, как заказывал, — слабо улыбнулся я. — И следы борьбы, и... хм... нападавший...

Я приврал: никакой борьбы не было. Корин отбросил нападавшего к стене, и на этом все закончилось.

Вернее, нападавшую.

Она врезалась спиной в картину. Часть рамы обрушилась вместе с ней, часть повисла изломанным, вывихнутым крылом с торчащими суставами-щепками и перьями-лохмотьями холста. Девушка лежала на полу, раскинув руки, в причудливом окружении щепок и деревянных обломков. Правильный овал лица, мраморная кожа с природным румянцем, губы, слегка приоткрыты в болезненном вздохе, невыразительные скулы, пушистые светло-русые, мышиного цвета волосы, мягкость, податливость черт...

Человек. С малой примесью аэльвской крови, но человек.

Девушка казалась бы живой, прилегший отдохнуть, если бы не тонкая струйка крови.

Первым от шока оправился Нэльвё, присев рядом с несчастной и деловито прощупав пульс.

— Да она жива! — возмутился thas-Elv'inor секундой позже, равнодушно отбрасывая руку. И скомандовал: — Помоги перенести ее на кровать!

Мы кое-как разместили пострадавшую в ворохе одеял и подушек. Нэльвё тут же приступил к дотошному обследованию. Мне это быстро наскучило, и, выпытав, что девушка отделалась ссадиной на затылке и прокушенной губой, вернулся в гостиную.

Корин, по-прежнему сидя в кресле и зябко кутаясь в халат, мелкими глотками допивал бокал вина. Сейчас он выглядел намного лучше: руки перестали дрожать, в глазах появилось осмысленное выражение.

— Кто эта девушка? — спросил я, присаживаясь в соседнее кресло и с наслаждением вытягивая уставшие ноги. Корин жестом предложил мне вина. Я покачал головой.

— Полусладкое, — слабо пояснил он. Я, поколебавшись с минуту, согласился.

Маг, жестом бывшего фокусника извлек бокал прямо из воздуха и, водрузив на притулившийся между креслицами столик, наполовину наполнил его тягучим, переливающимся, словно граненый рубин, напитком.

Я едва пригубил вино. Оно расцвело на языке сладким букетом спелого южного винограда с нежными вкраплениями фруктовых ноток. Оценив напиток по достоинству, я сделал уже нормальный глоток, не торопя Корина с ответом. И не зря. Выпив еще немного,

он заговорил сам.

— Девушка, о которой я рассказывал сегодня, Нэрисса... это она.

Повисла неловкая пауза. Я деликатно кашлянул, не зная, что и сказать.

Корин залпом допил бокал и потянулся к бутылке.

— Она жива! — спохватился я, поняв, наконец, в чем причина Кориновой скорби.

Бутылка чуть не выпала из его вновь задрожавших рук:

— Как?! — воскликнул он, и почти сразу стушевался. — Но, наверное, покалечена...

— С ней все в порядке, Корин, — стараясь быть убедительным, заверил его я. — Ну, почти. Мелочи по сравнению с тем проклятием, которым она щедро тебя одарила.

— Даже если так... — Корин, так и не наполнив бокал, схватился за голову и уткнулся лицом в колени. — Все равно я ударил ее, причинил боль!

— Полагаю, она желала того же, — резонно заметил я. — Только для тебя.

Глаза Корины зло полыхнули, а я запоздало прикусил язык. Не подходит логика для утешения, не подходит! А я все никак этого не запомню.

— Она пришла не за тем, чтобы причинить мне вред, — сдавленно, словно что-то мешало ему говорить, выдавил из себя Корин.

— А зачем? — недоумевал я.

— Мне кажется... она пришла снять проклятье, — совсем несчастным голосом проговорил маг.

Мои брови поползли вверх.

— Тогда зачем ты...

— Я понял это только сейчас.

— Так что здесь произошло? — спросил выходящий из спальни Нэльвё. Кошка путалась в ногах и грозила с минуты на минуту заработать еще один пинок.

— Мне снился сон. Какой-то липкий, отвратительный кошмар. Не уверен, что там вообще мелькало что-то отчетливое, но ощущение ужаса, притаившегося в ночной мгле, заполонило всего меня. А потом... прикосновение вырвало меня из сна. Легкое, нежное, ласковое. Но тогда мне показалось, что сама тьма набросилась на меня, вцепилась в незащищенное, открытое горло... Я ударил, еще толком не проснувшись; ничем конкретным, просто сгустком страха, ненависти, чистой силы. Когда очнулся, вскочил — увидел ее, распластанную на полу, в крови...

— Ну-у, крови там почти не было, — фыркнул я.

— ...бросился прочь, лихорадочно включая свет во всем доме. Меня трясло от пережитого ужаса — и от осознания того, что я убил ее. Я хотел выпить, напиться, но не мог заставить себя сделать и глоток вина. А потом я... не помню... смотрел в камин, ни о чем не думал и... кстати — вдруг спохватился он, высказавшись и немного оправившись от пережитого. — А вы что здесь делаете?

— Ты не догадался? — иронично спросил Нэльвё. — Это очевидно, коль уж заклинание жриц Льор разгуливает по городу.

— Они пришли за тобой? — понятно, не дожидаясь дальнейших объяснений, спросил Корин. А я нахмурился, в очередной раз убеждаясь, что они все-таки были настоящими друзьями. Доверие Нэльвё дорогого стоило.

Он коротко кивнул.

— И что ты будешь делать? Бросишься в бега?

— Угадал, — криво улыбнулся Нэльвё.

Корин, странно смутившись и помедлив, смущенно попросил:

— Сможешь помочь Нэриссе? Пожалуйста!

Нэльвё с деланным недоумением приподнял бровь.

— С ней все в порядке. Пара ссадин, синяк во всю спину, прокушенная губа...

— Нэльвё!

Короткий безмолвный диалог — и thas-Elv'inor, выразительно закатив глаза, вернулся в спальню.

— Сдал бы ее страже — и все, — покачал головой я. — За смертельное проклятье полагается каторга.

— Но я ведь жив, — укоризненно заметил он. — И она ведь не специально... и за дело, — его взгляд подернула мечтательная поволока.

«Идиот, — тоскливо подумал я, но разводить дискуссию счел бессмысленным. — Влюбленный идиот».

— Мой кабинет прямо и налево, — продолжил маг, очнувшись. — Карту найдешь на столе. Обсудим путешествие.

— Но зачем ты...

— Я... подойду через пару минут.

Через пару минут, значит?

Что ж, любопытно! Очень любопытно! Что же задерживает вас, почтенный магистр, раз вы разводите секретность и не желаете объясняться с друзьями?

Допытываться ответа я не стал. Лишь наградил Корина долгим, внимательным взглядом, и, пожав плечами, направился к выходу.

* * *

Я прошел коридор, толкнул дверь кабинета... и, крадучись, вернулся. Вжался спиной в стену и осторожно заглянул в узенькую щелочку предусмотрительно неприкрытой двери.

Корин дважды пересек гостиную, потирая острый подбородок, и остановился у стола. Задумчиво повел по краю пустого бокала. Хрусталь зазвенел, застонал — протяжно, тонко... и умолк.

Маг замер, неестественно выпрямив спину.

«Он с кем-то говорит! — сообразил я, нахмурившись. — Но с кем?»

Я, недолго думая и наплевав на разумную бережливость, скользнул за Грань.

Точно так же, как произнесенные слова были слышны в реальности, так безмолвная речь звенела за Гранью.

«Немедленно... срочно приходи ко мне... — яростно шептал Корин. А я по мере разговора все больше мрачнел. — Срочно — это срочно! Некогда объяснять. Живо сюда! Жду!»

Что он задумал, драконов ему в печенки?!

Дальше оставаться было опасно, и я метнулся в сторону кабинета. Юркнул в него, протиснувшись в едва приоткрытую дверь, и бросился к столу.

Корин, задумчивый и сосредоточенный, вошел в кабинет спустя четыре вдоха, крутя в руках какой-то листок. Я глянул на него исподлобья, старательно перебирая бумаги. Карты среди них не было.

— Прикинул маршрут? — с наигранной доброжелательностью и веселостью спросил маг, совершенно не замечая, чем я занят.

Мысли пчелиным роем кружили, жужжали, звенели — и голова шла кругом.

«С кем ты говорил?»

— Я не могу найти карту, — сухо сказал я.

— Да? — удивился он, остановившись в двух шагах от меня. Взгляд, рассеяно бегающий по комнате, сфокусировался на столе. Пальцы замерли, и я смог разглядеть, что он вертел в руках.

Не листок — конверт. Слишком пухлый для того, чтобы в нем была одна-единственная бумага.

— Что это? — спросил я, нахмурившись.

— Что? — не понял Корин.

— Что это за конверт? — выразился более определенно я.

«Кого ты звал к нам?»

— Ах, ты об этом! Письмо, конечно же!

— Это конверт, но не с письмом, — отчеканил я.

— С письмом... и не только, — исправился маг, поморщившись.

— А с чем?

«Кто придет сейчас, с минуту на минуту?»

— Неважно, — отрезал Корин. — Ничего такого, что имело бы значение.

«Кто?..»

— Слишком много лжи, Корин. Слишком.

Взгляды встретились. В черных непроницаемых зеркалах его глаз я видел лишь свое отражение — и ни единого проблеска эмоций; ни тени чувств.

«Кто?!»

И, словно отвечая на мой вопрос, раздалась трель дверного звонка.

* * *

Короткий безмолвный импульс всколыхнул Грань тихим «войдите».

Наши взгляды скрестились.

— Кто? — повторил я, обращаясь непосредственно к Корину.

Он не ответил. Тогда я нарочито неторопливо вышел из комнаты, пересек коридор, сбежал по лестнице...

И нос к носу столкнулся с Камелией.

Встрепанная, заспанная, она честно пыталась быть такой же жизнерадостной, как и всегда, но это получилось у нее из рук вон плохо.

— Здравствуйте, господин Мио! — вымученно улыбнулась она. — А где...

— Что это? — прогрохотал Корин. И совсем другим, звенящем от возмущения голосом воскликнул: — Что за ерунда на тебе надета?!

Камелия смутилась. На ней было новое платье — на этот раз домашнее, из тонко выделанной шерсти. В руках она комкала милую белую шляпку с длинным небесного цвета пером.

— А что не так? — робко подала голос она.

— Это не походная одежда. Немедленно переоденься!

В холле повисло молчание — тягостное, липкое, неловкое.

Словно затишье перед бурей.

— А я куда-то отправляюсь? — недоуменно спросила Камелия, впрочем, ничуть не протестуя.

— А она куда-то отправляется? — с нажимом повторил я.

— Да, отправляется, — в тон мне ответил Корин.

«С какой это такой радости? И на кой?!» — послал гневную мысль я.

— Иди передеваться. С расчетом на то, что придется ехать верхом.

— В дамском седле? — наивно спросила Камелия.

— В нормальном! — рыкнул Корин.

— У меня всего два ездовых костюма, — пожаловалась она. — И те для Академии...

— Так зачем тебе больше?! Брысь, я сказал!

Камелия, более не возражая, исчезла в ореоле перемещения.

— Что за чушь здесь творится?! — вспыхнул я, когда она исчезла, и повернулся к негодяю. Он стоял на третьей или четвертой ступени, возвышаясь надо мной на добрую голову. С непроницаемым лицом, которое как бы говорило, что сдаваться он не намерен. — Какая еще Камелия?! Зачем она нам?

— Затем, что вас некому защищать! — рявкнул Корин, зло стукнув по перилам. — Ясно? Вот что ты будешь делать, если с вами что-то случится?!

— А что она будет делать? — огрызнулся я. — Я не хочу возиться с девчонкой!

— Я повторяю, Mio. Что ты будешь делать? Она — сильный маг. Потенциально. И вполне способна справиться с трудностями, которые могут поджидать вас в пути.

— «Потенциально»? — едко спросил я. В моей душе поднималась волна злости, уже готовая захлестнуть с головой. — Потенциально, значит? То есть ты хочешь сбавить на меня свою ученицу?!

— Нет, но...

— «Но ей ведь пойдет на пользу»! — передразнил я. — Что тобой движет? Бескорыстное желание помочь мне и ей, «заодно»? Или что-то еще? Ты отлично понимаешь, что обрекаешь изнеженную дворянку на опасности, скупой дорожный быт, провинциальное захолустье. И знаешь, что она к этому не готова! Зачем? И прекрати врать! Я не полный идиот, как бы тебе ни хотелось обратного.

— Камелия — третья дочь герцога Фреймара Эльгйера, Высокого лорда. Единственная, способная к магии, и очень талантливая. Дочь — его козырь в борьбе за власть. С помощью Камелии он желает укрепить свои позиции в Совете — как ты знаешь, настоящих магов там сейчас почти нет — и отдал целое состояние, чтобы обеспечить ей лучших учителей.

— И вы оба готовы рискнуть ее жизнью в смутной надежде, что она сможет приобрести хоть капельку знаний? Ладно, ты, но отец?..

— Он согласен, — жестко сказал Корин. — Судьба рода...

— А меня спросить ты не счел нужным?

— Вся ответственность — на мне.

— Но нервы-то мои!

— Mio, — окончательно закипая, проникновенно начал Корин: — Ты просил быть с тобой откровенным. Я рассказал тебе все, всю правду, но ты, почему-то, заикнулся лишь на одном из ее аспектов! Так вот, повторю еще раз: я действительно в первую очередь

беспокоюсь о тебе. И посылаю ее тебе в помощь, а не наоборот. Более того, если бы я не считал Камелию способной ее оказать — я бы выбрал кого-то другого. Если тебе вдруг интересно (а тебе почти наверняка интересно), герцог не сразу обратился ко мне с «просьбой», а лишь после того, как мы немного сработались. Камелия интересовалась магией (сама, а не с его подачи!), а я, по мере возможностей, направлял ее любопытство в нужное русло. Но это не самое важное. У меня несколько учениц, есть и более способные. Ах, я вижу, что у тебя так и вертится на языке это проклятое обвинение во взяточничестве! Как же просто обвинить человека, даже не дослушав его, верно? Что ж, твое право. Но я все же продолжу. Я выбрал ее вовсе не потому, что получу от этого выгоду. Камелия — замечательный человек. Таких очень мало. Она единственная, в ком я уверен так же, как в себе. Она не исчезнет при первой же опасности. Да-да, и при виде второй, третьей — какой угодно. А это многого стоит.

— Ладно, — медленно сказал я, облокотившись о балюстраду лестницы и постукивая пальцами по перилам. — Предположим, я тебя понял. И даже согласен: на меня она производит такое же впечатление. Но, Корин...

— Уверен ли я, что это не впечатление? — криво улыбнулся он. — Абсолютно. Я знаю ее достаточно давно и не раз мог в этом убедиться. Она из тех людей, кто полезет спасать котенка в горящий дом, забыв о магии и наплевав на безопасность.

— Котят и я пойду спасать, — иронично заметил я, сразу же вспомнив характерную любимицу Нэльвё и нашу с ним первую встречу.

— Она не только котят спасала. С нее вполне станется броситься наперерез смертельному заклинанию.

— Ты всерьез считаешь, что это хорошая рекомендация? — не удержался от смеха я. — Хочешь, чтобы «наперерез» мы бросались вдвоем? Как-то не так представлял я свое спасение и защиту, не так.

— Наивность проходит с опытом. А настоящая доброта и равнодушие не приходят ни с чем, — серьезно сказал Корин. — Они или есть, или нет.

— Наивность проходит, а вот дурость — нет, — улыбнулся я и открестился: — Довольно. Не собираюсь ввязываться в спор.

— Mio! Соглашайся и хватит уже ворчать! Даже Нэльвё уговорить будет проще! — не выдержал Корин, нетерпеливо взмахнув руками.

— Нэльвё? — удивленно приподняв бровь, спросил я. — А мы отправляемся вместе? Корин замер, не найдя слов.

— Знаешь, — медленно начал он, — когда люди накануне выхода заявляются в... хм... точку сбора вместе, это дает основания для таких предположений. Разве нет?

Я беззаботно пожал плечами и легкомысленно ответил:

— Не знаю. Мы этого еще не обсуждали.

— То есть я ошибся? — снова спросил он.

— То есть мы этого не обсуждали, — терпеливо повторил я. — Но я готов руку на отсечение дать: он увяжется за мной во что бы то ни стало.

Корин, казалось, удивился.

— Даже так?

— Конечно. Сам посуди: ему нужно как можно быстрее убраться из города. Твоя помощь необходима, а помочь одновременно двоим ты не сможешь. Если дело дойдет до выбора, он падет на меня — Нэльвё отлично это понимает. Так что напроситься в попутчики

— самый простой выход, — и добавил с усмешкой, чуть поколебавшись: — Во всяком случае, я бы поступил именно так. А потом удрал по своим делам, когда сопровождение перестало бы обеспечивать защиту. Или когда маршруты разошлись бы.

— И ты не против? — недоуменно спросил Корин.

— А должен быть? — его реплика неожиданно меня развеселила.

— Обычно людям не нравится, когда их используют, — пояснил Корин, поплотнее запахивая халат. Похоже, неусидчивый thas-Elv'inor открыл окно: по ногам потянуло сквозняком.

— Я не настолько щепетилен к своей скромной персоне, — улыбнулся я. И добавил с хитрым прищуром: — К тому же, еще вопрос, кто кого собирается использовать.

— Не представляю, какой с него прок. Лечить заставить, разве что. Если спасетесь, — невесело пошутил маг.

— Он, как Отрекшийся, должен уметь обращаться с мечом. Да и их хваленая ментальная магия тоже неплохое подспорье.

— Жрицы Льор на хвосте, по-моему, с лихвой перевешивают все его мнимые плюсы.

— Я не пойму: ты меня Камелию упрашиваешь взять или Нэльвё оставить? — фыркнул я.

— Первое, — после некоторой паузы и несколько смущенно ответил Корин. — Но сейчас я о другом. Ты уверен, что он не поставит под угрозу твои планы? Он мой друг, и я, конечно же, не брошу его. Но, вопреки вашим предположениям, вполне смогу помочь вам обоим, если понадобится.

— Хочешь великий секрет? — заговорщицки понизив голос, почти шепотом спросил я. И, выждав паузу, сообщил: — Мне все равно.

И, вдоволь полюбовавшись отразившимся на лице моего друга и ученика недоумением, пояснил:

— Честно, Корин. Я не могу разделаться с этим проклятым бессмертием уже целый век. По правде сказать, я уже почти отчаялся. Или совсем отчаялся? Не знаю. Но особых надежд не питаю. Я уцепился за твое предложение, как за соломинку, не потому, что всерьез рассчитываю на «успех» (хотя надежда — подлое чувство, и на какое-то мгновение ей всегда удается обмануть разум), а потому, что мне нужна цель. Хоть какая-нибудь: надуманная, искусственная, лживая, мимолетная... Мне нужен путь, по которому я смогу идти — иначе останусь на месте. И нужна звезда. Пусть недостижимая, пусть далекая — я буду делать все, чтобы воплотить ее в жизнь или приблизиться к ней хотя бы на шаг. У меня уже однажды была звезда. Юная, прекрасная, она светила так ярко, что разгоняла тьму самых мрачных ночей. А потом она погасла, и с тех пор все потеряло смысл. Погасла окончательно, бесповоротно; раз и навсегда. Я смирился с этим, и не пытаюсь ее вернуть. Но и отпустить не могу. Поэтому я рад путешествию. Это временная цель... или иллюзия цели? Надежда, за которой можно идти на край света — только лишь бы еще немного, хотя бы на пару мгновений, отсрочить момент отречения от звезды.

— Ты никогда не согласишься, Мио, — покачал головой Корин, грустно смотря на меня.

— На что? — не понял я, с головой погружившись в собственные мысли и, честно говоря, забыв, где и с кем нахожусь.

— Не согласишься на работу в Академии. Ведь это быт, статика. Смерть для тебя. Для такого тебя. Не важно, что изменится во внешнем мире. Ты действительно мертв. Давно и

бесповоротно. Пока ты не изменишься сам, не отпустишь прошлое, все будет для тебя пусто и бессмысленно. Мне действительно жаль.

Корин говорил, и каждое его отрывистое слово болезненно отзывалось во мне. Потому что он хоронил меня заживо. Поняв, наконец, что я чувствую и кто я есть, он распрощался и с тем Мио, которого сам придумал, и со мной самим, настоящим. Корин понял меня — и смирился, готовый принять любое мое решение и не оспаривать его. И отпустить, если я захочу уйти навсегда.

И отпускал.

....так дети наивно и эгоистично верят, что мир не меняется, всё — навсегда, и родители будут жить вечно. Верят даже тогда, когда сталкиваются со смертью лицом к лицу. Дети не принимают смерть; не умеют ее принимать. Но от них ничего не зависит, и все идет своим чередом.

А он — мог повлиять. И по-детски не хотел отпускать.

Как взрослый, Корин осознавал и понимал мой выбор, был готов его принять — и уважал вне зависимости от того, нравится он ему или нет. Ребенок не может этого; потому что его мир — светел и ясен, хрустально-чист и упоительно прекрасен. В нем все счастливы, и нет большого горя. И дети не понимают, что, если выбор сделан, пытаться изменить что-то уже бесполезно.

Корин уже понимал, но еще верил. И всеми силами вытравлял эту веру, чувствуя себя глубоко несчастным и ненавидя себя за это. Взрослеть всегда больно.

Внутренняя ломка кривила лицо в ужасной гримасе боли и обиды. А я понимал, что молчать нельзя, что он прав, но не так, не настолько, и безумно хотел сказать, возразить — только не знал, как. Утешать? Оправдываться? Оспаривать правду? Нет, нет, все не то! Где мое треклятое красноречие, когда оно действительно нужно?!

— Корин, — медленно начал я, пытаюсь подобрать слова, способные выразить невыразимое. — Ты меня неправильно понял... вернее, понял как раз-таки правильно, но вывод сделал неверный. Я не собираюсь прощаться с жизнью, честное слово! Хочешь — пообещаю это еще раз, по-настоящему, добровольно? Говоря, что цель «временная», я лишь хочу сказать, что она не ведет к моей звезде. Но может привести. Перипетии, неожиданные повороты, тернистые тропы — все это «слепой» шанс. Карта, вытянутая наугад. Настоящее Путешествие всегда сложно — и всегда награждает того, кто пройдет путь, по заслугам. У правильного пути не бывает простых и прямых дорог. Вдруг поросшая вереском, вьющаяся по лесам и горам дорога, выведет меня, как в сказке — Туда, не знаю куда? К тому, что я ищу — даже если сам не знаю, что?

— Bravo, Мио, — слабо улыбнулся Корин. — Чудесная ода иррациональности.

— Жизнь вовсе не обязана соответствовать нашим ожиданиям и нашим представлениям о ней. И уж тем более не должна быть рациональной.

— Мы это уже обсуждали. И мое мнение ничуть не изменилось. Ладно, — преувеличенно бодро сказал Корин и хлопнул в ладоши, примиряюще улыбаясь, — тогда, полагаю, самое время растормошить Нэльвё и обговорить предстоящее «путешествие».

— Я еще не согласился насчет Камелии! — напомнил я, но без толку: Корин, демонстративно насвистывая незамысловатый мотивчик, уже весело поднимался по лестнице. Мне же только и оставалось, что последовать за ним. Я знал: если Корин втемяшил себе что-нибудь в голову, то ничто не заставит его передумать.

Нэльвё ждал нас уже в кабинете, хмурый и сосредоточенный. Кошка крутилась

поблизости, норовя сунуть любопытный нос во все углы. Она заинтересованно обнюхала один из свисающих со стола свитков, и хотела было подцепить его лапой и свалить на пол, чтобы осмотреть, когда проходящий мимо Корин щелкнул ее по носу. Nieris зашипела: не столько угрожающе, сколько обиженно. Маг потрепал ее по холке и подошел к стеллажу. Вытянув с одной из полок скатанную карту, он расстелил ее на столе.

Я скользнул взглядом по знакомому контуру Северы: ощерившейся в злобном оскале волчьей морде. Переносица, Лиирский хребет, брала начало с западной оконечности материка и тянулась на северо-восток, подпирая там западные торговые порты, северные крепости смертных и Лес Тысячи Шепотов.

Когда-то единственным путем сквозь неприступную горную гряду, из Зеленых Холмов в Край вечной ночи, был Сумеречный перевал. Но сглаживались острые пики, некогда царапавшие небосвод, осыпались крутые склоны и отвесные скалы. И все чаще находились смельчаки, готовые за обещания славы и звонкой монеты отважиться на переход.

Узкая полоска суши, протянувшаяся на юге и отделенная от материка морем Изменчивых Грез — волчья пасть, полуостров Семи Бурь. В трех днях пути по воде от нас.

Сам Торлисс располагался на одном из волчьих клыков, неровно вдающихся в море. Его беспокойным водам город был обязан мягким, совсем не северским, климатом.

— Арлетта вот здесь, — колупнул Корин небольшое пятнышко в окружении еще нескольких, поменьше, в правом нижнем углу карты. — За день добраться можно даже на дырявой посудине.

— Арлетта... — нахмурился я. — Это в дюжине дней пути, не меньше. И направление... неудачное. После Ильмере кончаются ваши земли, и я впервые этому не рад. Добираться телепортами было бы куда удобнее. Неужели вы постоянно претерпеваете такие неудобства?

— Для чиновников и преподавателей есть отдельная сеть порталов. Серия последовательных перемещений запускается в Торлиссе и Лэйдрине и ведет напрямик на Арлетту. Но этот вариант вам не подходит, — предвосхитил Корин незаданный мной вопрос. — Пропуски именные, а я слишком часто бываю на Арлетте — стража знает меня в лицо. К тому же вы отправляетесь втроем, а провести с собой можно кого-то одного.

— Втроем? — с непередаваемой интонацией спросил Нэльвё. — А кто третий?

Словно дожидаясь этого вопроса, дверь с тихим скрипом отворилась. На пороге в нерешительности замерла Камелия. Просьбу Корина она выполнила, сменив платье на костюм для верховой езды. Но что это был за костюм! Расшитый золотыми нитями жакет, облегающие брюки, высокие сапоги из мягкой кожи, кокетливый шлейф из тяжелой, ложившейся складками ткани. Все — в родовых бело-золотых цветах, и возмутительно дорогое даже на вид.

Золото на белом... королевские цвета.

— А вот и ответ на твой вопрос, — пошутил я.

— Недоучка поедет с нами? Зачем?

Thas-Elv'inor смерил ее уничижающим взглядом, и Камелия склонила голову, спрятавшись за густой челкой и снежной паутинкой вуали.

— Предпочитаешь обходиться без мага? — задал встречный вопрос Корин.

— Предпочитаю хорошего мага, на которого можно положиться.

— Она неплохой маг, — пожал плечами я. — Лучше нам все равно не найти.

Грань задрожала, засеребрилась, и я отчетливо услышал искаженный шепот Корина: «Я

ручаюсь за то, что она будет с вами до конца». Направленный, впрочем, не мне.

По лицу Нэльвё пробежала тень сомнения.

— Предлагаю вернуться к плану действий, — прервал затянувшееся молчание я, не обращая внимания на продолжавшуюся безмолвную перепалку. — Будем добираться с пересадками. Нас ведь так пропустят на Арлетту? — спохватился я.

— Пропустят, — заверил меня Корин. — Некоторым, как и тебе, нужно куда-то забежать по пути.

Я кивнул, принимая его слова, и продолжил:

— А теперь самое интересное. Как из города выбираться будем, господа?

— Телепортом? — резонно предложил Корин, видимо, не совсем понимая, в чем же загвоздка.

— Коридор открывают не раньше чем в полдень. Сейчас полвторого. Слишком долго, — покачал головой я. — Мышеловка захлопнется раньше.

— Какой, к драконьей праматери, телепорт?! — взорвался Нэльвё. — Там дотошно записывается, кто, куда и во сколько отправился. У стационарника нас и будут искать в первую очередь!

— Искать, может быть, и будут. Но застать не успеют, — заметил Корин. — Пока придут в себя, пока вспомнят, что произошло и смогут куда-то идти... часов семь-восемь в запасе. А потом, когда ускользнете, пусть хоть общутся. Отчитываться перед ними никто не будет. Записи хранятся исключительно для нужд Совета.

— Так тщательно, что любая смазливая девка или человек со звонкой монетой может выпросить у стражей, что угодно. И это просто человек, любой смертный! А они — жрицы Льор. Мастера магии подчинения и подавления воли. Ты все еще считаешь, что это хороший вариант?

— Тогда остаются лишь ворота, — помедлив, сказал Корин.

— Думаешь, эти стражники будут лучше? — фыркнул я.

— Думаю, что ворота в городе не одни, в отличие от единственного стационарного телепорта.

— А если, — тихонько подала голос Камелия. Она запнулась под перекрестьем взглядов, но почти сразу решительно продолжила. — А если открыть свой телепорт?

— С ума сошла? — грубо оборвал ее Нэльвё.

— Невозможно, Камелия, — покачал головой Корин.

— Вы всегда говорите, что это невозможно. Но не объясняете, почему.

— Я не смогу поручиться за то, что правильно рассчитаю координаты, и вы попадете туда, куда хотите. И так, как хотите. Это слишком опасно. В одиночном перемещении ничего сложного нет, но как только появляется несколько разнородных объектов, отделенных друг от друга... нет, Камелия. Я не могу. И никто не сможет.

— Но как же стационарные телепорты? — не отступала она.

— Там действует совершенно иная система. Во-первых, они ведут в строго определенную точку пространства. Которая, естественно, предварительно просчитывается. А во-вторых, все порталы связаны коридором входов и выходов. В основание телепортационного круга вмонтированы осколки разбитого алмаза. Помня о том, что некогда были частью целого, они притягиваются друг к другу, стоит только открыть коридор. Нам почти не приходится прикладывать усилия к определению точки выхода — достаточно задать направление и указать на нужный камень. Иные телепорты — это риск,

Камелия. Слишком высокий и неоправданный.

— Я могу.

— Что?

— Я могу переместить нас, — повторил я. — И поручиться за безопасность. Правда, по вполне понятным причинам, это займет некоторое время.

— Но разве ты...

— Разве что? — холодно спросил я. — Мой магический потенциал возмутительно мал, это верно. Но я по-прежнему могу оперировать энергией, пусть и в сверхмалых объемах. Плетение занимает больше времени — и только. Приказы хуже не становятся. Даже наоборот: четче, тоньше, звонче, как если сравнить слово, прошептанное на ушко — и выкрикнутое в горном ущелье.

— Куда перемещаемся? — нетерпеливо оборвал меня Нэльвё.

— Где тебя будут искать в первую очередь? — задал я встречный вопрос. И, видя его недоумение, спокойно пояснил: — Они знают, куда ты собираешься бежать? Друзья, родственники... дом...

— Нет. Ничего из названного.

— В таком случае, как насчет этого? — Корин ковырнул ногтем точку в перелеске правее восточного тракта.

— Я смотрю, тебе не терпится от нас избавиться? Мечтаешь увидеть друзей нанизанными на сосны?

— Все в порядке. Никуда нас не вплавит, — отмахнулся я. — Не тот вид магии. А идея неплохая, поддерживаю.

— Почему именно сюда? — проворчал Нэльвё.

— Из-за этого, — я стукнул пальцем по пухлому чернильному кружочку, располагавшемуся совсем рядом. — Деревенька. Можно будет купить лошадей, запастись какой-никакой провизией, а поутру выехать на тракт. Только вот надо придумать если не убедительную, то хотя бы сносную легенду. За родственников нас никто в здравом уме не примет.

— Нам почти ничего не надо придумывать, — спокойно вмешалась девушка. — Я — благородная госпожа Камелия Эльгйер, еду к отцу, герцогу Фреймару Эльгйеру, в столицу. Меня сопровождают почтенный магистр маг и мастер клинка. По-моему, хорошая легенда.

— Если не считать того, что магистр маг одевается как бродяга, а охранник будто только что из боя.

— Твоя же рубашка, — проворчал я.

— Моя, — легко согласился Нэльвё. И, выждав паузу, с чувством продолжил: — Самая дрянная моя рубашка. Дешевая ткань, простой покрой... Не представляю, чем был продиктован твой выбор.

— Под верхней одеждой все равно не видно, из чего пошита сорочка.

— Что-то я ее у тебя не наблюдаю, — иронично заметил Отрекшийся.

— Скажем, что отбивались от разбойников, — нашелся я, только бы не признавать поражение. — Вот и... пострадали. Заодно будет чем оправдать отсутствие коней и провизии.

— Хорошая идея! — преисполнился энтузиазм Корин. — Значит, решено! Тогда все? Мио займется телепортом, а мы — сборами. Сколько времени, кстати, это займет?

— Часа полтора, — помедлив, прикинул я.

— Слишком долго. Быстрее никак? — поморщился Нэльвё.

Я пожал плечами:

— Если Корин позволит воспользоваться им и его магическим потенциалом, уложусь минут в двадцать.

— Я бы с радостью, но... боюсь, господа не смогут собраться сами. Все-таки это мой дом, — медленно, тщательно подбирая слова, проговорил Корин после короткой паузы.

— Значит — полтора часа, — холодно ответил я и встретился взглядом с Нэльвё.

— А я могу помочь? — зазвенел серебристым перезвоном голос Камелии. Она вновь удивила меня, вот уже второй раз за вечер.

Я медленно повернулся к девушке.

— Леди, ваше... благородное неблагоразумие ставит меня в тупик. Мы знакомы с вами всего несколько часов, а вы готовы рискнуть жизнью, соглашаясь быть медиумом. Неужели вы никогда не слышали мрачных сказок о злых ведьмах, которые обманом завладевали телами юных дев, чтобы вернуть утраченную молодость?

— Но ведь Вы не обманете мое доверие? Дадите мне слово?

— Ручаюсь, что вам ничто не угрожает, — склонил голову в легком поклоне я. И, повернувшись, сказал:

— Корин, для ритуала мне нужна комната с двумя стульями, в которой вы или вообще не появитесь, или не будете шуметь и сбивать меня.

— Можете пройти в гостиную при моей спальне. Если, конечно, тебя устроят кресла вместо стульев.

— Устроят, — кивнул я. — Вы уложите в полчаса?

— Должны, — лаконично ответил он.

— Прошу, леди, — я широким жестом указал на дверь и пропустил ее вперед. И, выйдя следом, подал ей локоть.

Дальше мы пошли под руку.

— У Вас замечательные манеры, мастер Мио, — благосклонно сказала девушка.

— В самом деле, леди? — улыбнулся я. — Видимо, курс придворного этикета в Академии не прошел зря.

— Придворного этикета? — длинные, изогнутые ресницы взметнулись вверх. — Но у нас же...

— Я учился тогда, — терпеливо пояснил я, — когда Северой еще правили короли.

Ее глаза широко распахнулись. Камелия даже на мгновение остановилась, обратив ко мне взгляд, но почти сразу спохватилась, и мы зашагали дальше.

— Да, леди, не удивляйтесь. Кстати, — я, придерживая дверь, вновь пропустил ее вперед, — прошу простить то, как я обратился к Вам в начале знакомства. Мне, право, неловко.

— Ах, оставьте! — воскликнула она. — Леди я два месяца в году, в отцовском замке! В остальное же время — обыкновенная студентка Академии, ничуть не хуже и не лучше других.

— Похвальное здравомыслие. Жаль, мало кто его разделяет.

— Как говорит наш мастер клинка, — невесело рассмеялась Камелия, — «противнику все равно, кого убивать». И, как бы нелестно это ни звучало, он прав.

— За такие слова можно попасть под суд, — покачал головой я.

— Можно. Но к старшим курсам заносчивость выветривается. К тому же суд... это

так... — она поморщилась и неопределенно повела рукой, словно надеясь нащупать подходящее слово, — по-мещански. Понимаете меня? Благородный лорд имеет смелость принять правду. Если же он оклеветан или оболган, то должен доказать это и получить извинения. Если обидчик не желает признавать свою ложь, лорд защищает честь на дуэли. Но никаких судов и штрафов за оскорбления! Честь нельзя купить.

— А что же делать, если вы не можете противостоять обидчику? — спросил я, подавая ей руку и помогая усесться в кресло напротив камина.

В ее глубоких, бездонных глазах задрожали пронзительно синие отблески. Черты лица заострились в причудливой игре теней.

— Если вы только и умеете, что танцевать на балах, значит, вы не Высокий лорд, — жестко закончила она. — Убирайтесь прочь из высшего света, в младшие сословия...или в забвение.

— Вы не столь милы и безобидны, как кажется на первый взгляд, — медленно сказал я, глядя на нее из-под опущенных ресниц. — Простите, если это прозвучало, как грубость. Я всего лишь хотел сказать, что у Вас есть внутренний стержень... и жесткость.

— Надеюсь, не жестокость, — грустно улыбнулась она. — Мне говорят, что я еще совсем ребенок, даже не подросток. А дети часто бывают жестоки... несмотря на наивность.

— Все верно. Сколько Вам? Шестнадцать? — спросил я, положив руку на стол и глядя на нее. — Вы человек всего лишь на четверть, верно? Аэльвис взрослеют медленно.

— Равно как и стареют, — улыбнулась она, подавая мне свою узенькую ладошку. — Но мы отошли от темы, мастер. Я не понимаю тех, других, кто «носит» со своей фамилией». Как можно считать себя выше тех, кто сильнее, талантливее, лучше, только потому, что принадлежишь к древнему роду? Как пенять незнатным происхождением тем, с кем стоишь спиной к спине на тренировочных боях? А мастерам, магистрам? В Высшей школе с Высоких лордов сдувают пылинки, а толку? — и затараторила, опомнившись. — Вы теперь мой учитель, мастер, поэтому не нужно церемоний. Одергивайте, если ошибаюсь, исправляйте, говорите в лицо. Впрочем, — добавила она, задорно сверкнув глазами, — мне почему-то кажется, что Вы в любом случае будете делать только то, что сочтете нужным. Не взирая на запреты.

— Вы правы... Камелия, — улыбнулся я. — Как и любой из бессмертных. А теперь пора приступать. Закройте глаза и не волнуйтесь.

Она чуть заметно вздрогнула, и улыбка стала натянутой, вымученной.

— А я... я смогу видеть? — пытливо заглянув мне в глаза и болезненно сжав руку, спросила она.

— Как пожелаете.

— Желаю!

— Воля Ваша, — я ободряюще улыбнулся. — Закройте глаза, леди, прошу Вас... вот так. Дышите глубоко, размеренно... дайте я нащупаю ваш пульс, мы должны дышать в унисон. Хорошо.

...В густом, разом потяжелевшем воздухе словно повисли восточные благовония — сладкие, удушающие, невыносимо-чуждые. Чудовищная тяжесть свинцом разлилась по венам, прибывая к креслу, как дождь — дорожную пыль; железным обручем стиснула грудь. Тонкая золотая нить, протянувшаяся между нами по сцепленным ладоням, пела и плясала, пружинила от каждого невесомого шага. Только бы пройти, не сорваться. Только бы пересилить...

Все прекратилось, так же резко, как началось. Я вдохнул — глубоко, свободно; откинулся на спинку кресла. Благостное небытие убаюкивало, нашептывало, пело колыбельную...

Лишь брезжившее на самом краешке воспоминание заставило меня опомниться.

Я медленно, не веря в чудо, шевельнул пальцами. Энергия — чистая, пьянящая, искристая, как вино южных земель — прокатилась по сцепленным ладоням и вырвалась безудержным ветром. Изогнулась каминная решетка, зашипели потревоженные угли, гулким перестуком отозвались улетевшие вглубь поленья. Хлопья пепла закружили в воздухе — и серым порошком рассыпались по ковру.

Волшебство пьянило, кружило голову. Волшебство — и свобода, невообразимая и безграничная, как если бы за спиной раскинулись крылья. Я думал, что потерял ее навсегда — и вновь обрел. Как от нее отказаться?..

Старинные сказки, говорите?

...От нее — и от соблазна стать прежним. Особенно когда от этого становления тебя отделяет только собственный запрет.

Так просто сломить ее волю: только протяни руку, только коснись, совсем легонько — и ее не станет.

Да, просто... и бессмысленно. Потому что это не та свобода, которую я знал раньше, и которая мне нужна. Прошлого не вернуть.

Я провел дрожащей рукой по лицу, стирая не столько выступивший на лбу пот, сколько наваждение.

Спокойствие. Вдох, выдох... Пора приступать к работе.

«Камелия... — позвал я. — Камелия!»

Слабый отзвук дрожью прокатился по натянутой нити. Еле ощутимое колебание задрожало где-то на противоположном конце.

— Вы здесь? Хорошо. А теперь смотрите и запоминайте.

Грань истончилась. Я, до последнего удерживавшийся на тонком изломе-ребре реальностей, сорвался в бесконтрольном падении. И, услышав перехваченное от детского восторга и вспыхнувшее за Гранью всеми оттенками алого дыхание Камелии, улыбнулся сам.

...Я помнил это мгновение, когда реальность впервые расступилась передо мной двумя схлестывающимися потоками. Мгновение, когда я впервые увидел ее — Изнанку, обратную сторону. Мир, как он есть — искренний, кристально-ясный, настоящий. Где Слово становится былью, невыразимое расцветает диковинными вспышками-кляксами, водной дымкой акварельных красок. Где люди, озаряемые ореолами чувств и намерений, прекрасны и отвратительны, насколько заслуживают. Где магия — такая загадочная, неведомая, странная — предстает в виде упорядоченных структур: тонко сплетенных кружев, паутинок и, порою, цепей.

Помнил восторг и радость. И невыносимое любопытство, желание заглянуть еще дальше; шагнуть в Бездну без конца и края.

И заглянул, удержавшись от последнего безрассудного шага.

Там, в глубине, не было ничего. Нет, это не то ничто, что плескалось на первых, самых ранних Гранях. Оно было свое — домашнее, родное. Почти воздух, которого здесь нет — туман цвета топленого молока, нежно обнимающий плечи. То ничто было чуждым всему вещному, сущему; всему бытию. Чистый, первозданный хаос, переменчивый, подвижный, бесконечно поглощающий самого себя... и все, что попадает в его объятия.

Я вздрогнул. Время, Мио, время. Ты не имеешь права его так беззастенчиво тратить.

Перемещение троих на полсотни миль от города... Как бы лучше сформулировать?

Я задумчиво закусил губу. Прикинул в голове структуру заготавливаемого заклинания, мысленно покрутил ее так и эдак, осматривая получающийся кокон-узор. И, внеся пару коррективов, принялся сплестать тончайшие силовые потоки в воздушное кружево.

Конечно, всего этого делать необязательно. Раньше, когда я еще был настоящим чародеем, в девяти случаях из десяти я игнорировал эти мелочи, интуитивно подбирая способы воплощения желаний и выкрикивая приказ. Подумаешь — пара узелков не закреплена, пара петель растянута и изуродована! Энергия сама, подчиняясь одной только моей воле, упорядочивалась, облекалась в нужную форму. Но Камелия не обладала ни моей беззастенчивой удачливостью, ни соизмеримым магическим потенциалом, а мне не хотелось рисковать — вот и подошел к плетению осознанно. Правда, все равно достаточно халатно: не сплетая все сам, с нуля, а просто корректируя то, что получалось неосознанно.

Я управился минут за десять, большую часть из которых перепроверял результат. Смахнул пульсирующую мягким светом заготовку в кулак и сжал. Она распалась сизой дымкой, уйдя сквозь пальцы — но я знал, что заклинание появится вновь по первому же моему приказу.

— Очнитесь.

Я коснулся ее лба. Камелия безвольно откинулась на спинку кресла. Дыхание — до того размеренное, замедленное — участилось. Я расплел руки.

И ее глаза распахнулись.

— Тише, — приказал я, предвосхищая поток восторгов и сбивчивых вопросов. — Позже, хорошо? Признайте, Камелия: половина из того, что вы хотите спросить, — откровенная чепуха. Когда осмыслите все и захотите узнать больше — или прогуляться вновь — обращайтесь.

Камелия закрыла рот и сдержанно кивнула, не в силах оторвать от меня взгляда полного молчаливого обожания.

— Подождем здесь. Не вставайте, — предостерег я. — У медиума может быть слабость и головокружение.

Я поднялся из кресла и медленно подошел к камину. Огонь, спугнутый мной, давно потух, но из камина еще веяло теплом. Самое то, чтобы прогнать остатки наваждения. Как и вино.

— Мастер, — окликнула меня Камелия. Я замер, не донеся бокал до губ, и с удивлением посмотрел на нее. — Я подумала... вы сказали, что жили до войны...

— Это так.

Заинтригованный, я обернулся к ней, передумав прикоснуться к напитку. Бокал так и остался в моих руках, и я стал раскачивать его, зачарованно наблюдая за перекатывающейся кромкой волны.

— Тогда, — медленно продолжила Камелия, подбирая слова. — Вы, наверное, сможете сказать мне правду.

— Леди из дома Высоких лордов интересуется пыльными, подбитыми молью тайнами прошлого? — улыбнулся я, опираясь на каминную полку. — Спрашивайте, а я постараюсь удовлетворить ваше любопытство.

— Мне с детства твердят, что последний король, Роан Второй, был трусом, неспособным защитить государство и дать достойный отпор врагам. Что переворот,

уничтожение правящей династии, воцарение высочайших домов — вынужденные меры. Иначе бы мы проиграли. Придя в Академию, я узнала, — ее тихий голос набирал силу, звучность, полнился обертонами и, в конце концов, зазвенел сталью, — что нас называют предателями. Узурпаторами. Говорят, что мы сами спровоцировали войну, а потом воспользовались слабостью государства, бросив страну на растерзание антерийским псам, жегшим деревни и стиравшим города с лица земли. Лорды говорят, что иначе спастись было невозможно; что жертв было бы еще больше. А в Академии, что настоящие убийцы — мы. Так кому же мне верить, мастер? Книгам? Их пишут победители. Отцу, который душу отдаст за честь рода? Преподавателям и студентам, которым никогда не стать мне ровней из-за принятого пакта о Высочайших домах?

— Никому, — бокал с тихим стуком опустился на мрамор каминной полки. — И ни в чем. Только себе. Смертные, aelvis, маги, высочайшие лорды... все одинаково следуют лишь своим интересам. Они будут с вами лишь до тех пор, пока ваши цели совпадают. Всегда сомневайтесь, не верьте никому, если только слова не подкреплены клятвой — да и ее порой можно, рискнув, нарушить. Запомните это. Что же касается вашего вопроса... Король был... неплохим. И, скорее всего, не привел бы страну к поражению. Ходили слухи, что Роан мог предотвратить войну, замять повод... но это все чепуха, Камелия. Войны развязываются по объективным причинам. Пока они есть, бесполезно заминать поводы. В лучшем случае ты оттянешь войну, дав противнику шанс нарастить военный потенциал. А Совет и устроенный им переворот... я бы... не хотел обсуждать ни их мотивы, ни их поступки. Я его слишком во много виню. И никогда не приму ту цену, которую они заплатили за победу. Не думаю, что вам станет от этого легче.

— Верно. И в какой бы грязи не был замешан мой дом, я не отрекись от него.

Дверь скрипнула, и в нее просунулась встрепанная голова Корины.

— Вы закончили? — любопытствовал он.

— Давно.

Корин кивнул и протиснулся целиком. Идущий следом Нэльвё поступил проще: распахнул дверь во всю ширь и, ни с кем не считаясь, вошел в гостиную.

— Все собрали? Деньги, что-нибудь перекусить... деньги, конечно, мелочью, — спохватился я, подозревая, что о таких нюансах мои привыкшие к городской жизни друзья могли позабыть.

Корин кашлянул и, развернувшись, молча вышел из гостиной.

— М-да... — протянул я. — Так и представляю. «Продайте-ка нам краюху хлеба! Что? У вас не будет сдачи со злата? Как же так?»

— Кончай зубоскалить, — скрежетнул Нэльвё, перебрасывая мне одну из сумок. — Где твои вещи? Кажется, у тебя что-то было с собой.

— Было, — флегматично согласился я, сунув нос в одну из сумок. Кресало, пара ломтей хлеба, сыр, фляга с водой, сменная рубашка и штаны, пожертвованные Корином... — Мы не берем с собой спальные?

— Зачем? Я не собираюсь ночевать на земле, — презрительно сморщил нос Нэльвё. — Сегодня переночуем в деревушке, а дальше нас гостиницы и постоялые дворы. Может быть, не самые достойные по ту сторону Майры, но вполне себе сносные! А главное — теплые и сухие.

— ...если не нарвемся на погоню и не придется менять маршрут, — поддакнул я. И продолжил, уже не дурачась: — Итого две сумки. Все в порядке, все на месте.

— Три, — вежливо поправила Камелия, звонко щелкнув пальцами. В дверь, покачиваясь, влетел... маленький дамский чемоданчик.

— М-м-м? — невнятно, но весьма угрожающе промычал Нэльвё.

Чемоданчик верным псом ткнулся в ноги Камелии. Ну, точно дамский — маленький, аккуратный, со скругленными краями. Кокетливый бантик с рюшами элегантно перехватывал верхнюю половину чемоданчика.

— Что с вами, мастер Нэльвё? — вежливо поинтересовалась Камелия, демонстрируя фантастическую невозмутимость.

— Что это? — тихим, подозрительно равнодушным голосом спросил он.

— Чемодан, — смотря на него невинными ясно-лазурными глазами, послушно ответила она.

— Замечательно. Но почему чемодан?

— Что?

— Ну, как. Почему чемодан, а не сундук? Или сразу шкаф?! — взорвался он.

— А во что я должна была убрать вещи?

— В сумку!

— Ее неудобно нести. И одежда мнется.

— Так разгладьте заклинанием, госпожа маг!

— Одежда от этого портится.

Нэльвё замолчал. Глубоко вдохнул, выдохнул... и тихо-тихо начал:

— Чемоданы придумали для тех, кто путешествует в каретах и экипажах. Мы же с вами едем верхом... л-леди. Как вы его повезете?

— Слевитирую, — буркнула Камелия. Об этом моменте, она, кажется, не задумалась, но отступить не собиралась из принципа.

— На ходу? — издевательски спросил thas-Elv'inor. — С удовольствием полюбуюсь на это. Жаль, недолго: боюсь, вы потеряете концентрацию уже секунд через пять.

— Значит, пристрою перед передней лукой седла и буду придерживать, — ледяным тоном отрезала она.

Нэльвё хотел ответить очередной издевкой, но вмешался я:

— Хватит. Мы возьмем сельских лошадок, Нэльвё. Сельских, драконы тебя побери! Какой там галоп? Попросим продать леди самую мирную лошадку — и все!

Но спорщики униматься не желали. Исчерпав аргументы, они перешли на колкости и язвительные замечания. И я махнул рукой: хотите ссориться — пожалуйста! Только меня не трогайте.

Я еще раз пробежал взглядом по сумкам, прикидывая, ничего ли мы не забыли. Вроде бы, все в порядке... кстати!

— А где кошка?

— Что? — переспросил хмурый Нэльвё, обернувшись.

— Где твоя кошка? — повторил я. — Как же ее... Риин?

— Корин согласился за ней присмотреть, — сухо сказал он.

Я тут же потерял интерес к nieris, уловив Кое-что более интригующее.

— Ты собираешь вернуться в Торлисс?

— Может быть, — отрезал thas-Elv'inor, и смерил таким тяжелым взглядом, что я счел за лучшее замолчать.

Обстановку разрядил кстати вернувшийся Корин. И оптимистично доложил, потрясая

полной горстью монет:

— Два злата мелочью! Ну что, когда отбываете?

— Прямо сейчас, — Нэльвё забросил на плечо одну из сумок и подхватив чемоданчик.

В нем что-то тихонько брякнуло; раздался тихий перестук.

Камелия надулась под перекрестьем взглядов, но ответила.

— Там одежда и косметика. Белила, помада, румяна... Я не могу путешествовать, как простая бродяжка.

Спорить с высокородной не стали. Только Корин тоскливо вздохнул, а я с каменным лицом протянул Камелии руку, помогая подняться.

— Встаньте ближе, — скомандовал я. — Отлично.

— Деньги! — напомнил Корин. Произошла небольшая заминка: Нэльвё, увешенному сумками, чемоданами и ножнами, забирать было не сподручно, а мне предстояло разворачивать скомканную структуру заклинания. В итоге деньги ссыпали в протянутые ладони Камелии.

— Готовы? — спросил я, и, не дожидаясь ответа, просто выбросил руку вперед, одновременно раскрывая сжатую в кулак ладонь. И мое желание, мой приказ, моя мольба выпорхнула сонмом торопливо шелестящих пламенными крылами бабочек. Взвилась вверх, к потолку, заметалась, закружилась вокруг, теряя очертаниями, сливаясь в одно, сплетаясь в кружево...

Мгновение перехода — доли секунды, неразличимые для того, кто впервые перемещался так. И ночь заключила нас в объятья...

Шаг, уклон — так, чтобы дымчато-серый клинок противника, самого страшного из всех, не смог коснуться его тонко отточенным лезвием. Ответный выпад — в меру сдержанный, в меру безумный. Иначе не победить.

Шаг, уклон, разворот. Удар, новый уклон. И еще один, еще, на пределе сил, на сбитом дыхании, только затем, чтобы вновь ударить. Не в ответ — наперед. Ему не нужно знать, задет его противник или нет, потому что он знает: не задет.

Потому что его противник, самый страшный из всех — он сам.

Дорожка из мягких, по-кошачьему плавных шагов. Увлечь его за собой, уйти с линии удара и, вскинув меч, обрушить в едином порыве не силу — черную ненависть, что сжигает сердце.

Ненависть к себе.

Тень уходит не за секунду — за мгновение до удара. Как уходит всегда в его бесконечной, нескончаемой погоне.

Шаг, уклон, разворот, удар, удар, уход, шаг, удар!

Никогда не догнать — и не победить.

...Он мог вдохнуть в тень жизнь, воплотить в таком чуждом ей мире. Мог — но уже давно не делал этого. Потому что обычной тени не сравниться с ним во владении клинком, а его тень... Свою тень, похожую на него, как зыбкое отражение в зеркале, Эрелайн не смел оживить. Потому что она и есть отражение — отражение его мыслей, его чувств... его воспоминаний. Его ненависти.

А ему еще слишком рано уходить.

Нет, не так: он не имеет права уходить.

— Вы закончили, лорд Эрелайн?

Эрелайн, замерший после последнего удара странной ломаной тенью, выпрямился и, загнав в ножны клинок, обернулся. Губ коснулась слабая, но искренняя улыбка.

— Рейген! Вы уже вернулись из гарнизона?

— Только что, — темноволосый и темноглазый Alle-vierry шагнул навстречу, легко придержав дверь. Ответная улыбка коснулась его губ, сдержанная, но не скованная. Как между старыми знакомыми, которые никогда не были особенно близки. — Я сразу направился к вам.

Улыбка, озарившая его лицо в первые мгновения, ушла, и открылась прежде незаметная усталость, выдававшая человека, только что вернувшегося с дороги. Черты болезненно заострились, уголки губ нервно опущены, дорожный плащ истерзан ветром, с капюшона и потемневших волос срываються холодные капли, шаги оставляют на гранитном полу грязь — в Холмах разыгралась буря, несмотря на то, что до месяца Первых Гроз осталось еще четыре дня.

— Вам, наверное, непросто было меня отыскать: я никого не предупредил о своих планах, а сопровождение гвардейцев счел излишним.

— В Драконьих Когтях вас несложно найти. Вы либо в кабинете, либо... — Рейген поднял взгляд, как бы обводя им гулкую пустоту зала, — здесь.

— Не думал, что настолько предсказуем. Даже немного досадно, — усмехнулся Эрелайн. И почти сразу оборвал себя более важным вопросом: — Что говорят в крепости? О

чем доносят дозорные?

Лорд-командующий разом помрачнел, будто кто-то стер с его лица любой намек на улыбку.

— Стычки происходят все чаще, и все чаще Сумеречных видят в Холмах. Не думаю, что совпадение. Считать так было бы слишком самонадеянно.

— Вы правы. Самонадеянно, — голос Эрелайна заледенел. Жизнь ушла из него, как и из свинцово-серых, потемневших глаз. Впрочем, совсем ненадолго: лорд-хранитель тряхнул головой, и странное оцепенение разбилось стеклянными осколками. К Рейгену он обратился уже другим голосом: — Я надеюсь, вы отдали соответствующие распоряжения?

— Разумеется. Усилить патрули, вдвое увеличить гарнизон крепостей. Тщательнее искать — и обрушивать тропы через Перевал.

Эрелайн кивнул в знак того, что лорд-командующий стражей услышан, но не считая нужным что-либо говорить. Взгляд, так и не прояснившийся, скользнул по гранитным стенам, серым и таким тяжелым, что рядом с ними становится нечем дышать, узким окнам, сквозь которые пробивается пасмурный день...

— С вашего позволения, я... — начал Рейген. Скрипнули сапоги, выдавая его шаг.

— Кэррой.

— Прошу прощения? — в голосе лорда-командующего отчетливо звучало удивление.

— Вы не узнали ничего нового о Кэррое?

Эрелайн обернулся. И, скользнув по напряженной позе Рейгена, встретившись с его взглядом, уже не спросил — утвердил:

— Узнали.

— Один из стражей перевала, — медленно начал aelvis, тщательно подбирая слова, — сказал, что видел на Жемчужных Берегах Зарерожденного, — и, предвосхищая вопрос, продолжил: — Лица разглядеть не удалось. Нельзя утверждать со всей уверенностью, что страж не ошибся: наблюдение велось со слишком большим расстояния, а иных подтверждений нет.

— Подобраться ближе он не смог?

Голос лорда звучал ровно, безразлично, ничем не выдавая звенящего в нем самом напряжения.

— Нет, но пытался. Слишком велик был риск оказаться замеченными.

— Зарерожденный среди Сумеречных... — повторил Эрелайн и отвернулся: он не был уверен в том, что его лицо не выражает никаких чувств. — Сумеречные никогда не идут на сделки и компромиссы, и никогда не берут пленных. Как и мы.

— Я не хотел говорить вам то, что может оказаться заведомо ложным. — сухо ответил Рейген. — Если бы сообщение подтвердилось...

— Позвольте мне самому решать, что является заведомо ложным, и в каких сообщениях я нуждаюсь.

Сказано это было с улыбкой, но все равно прозвучало слишком жестоко. Эрелайн продолжил, сменив не тон голоса — тон речи:

— Из всех бессмертных, полагаю, только Кэррою есть, что им предложить. Поэтому, пожалуйста: сообщайте мне все, что станет известно.

По напряженной, звенящей тишине, воцарившейся в комнате, можно было сказать, что Рейген не согласен и собирался возразить — но не успел.

Тихо скрипнула дверь, и в пустующем молчаливом зале заиграл переливами приятный

женский голос:

— Лорд Эрелайн! Вас ждет Внимающая.

— Спасибо, Висения, — бросил бессмертный, не оборачиваясь — слишком хорошо знал свою гостью. И, не меняя тона, продолжил прерванный разговор: — Будьте любезны — назовите Адрину или Сэйне имя того стража, что видел... Зарерожденного. И...

Эрелайн осекся на полуфразе. И, замолчав, медленно обернулся.

— Что вы сказали? «Ждет»? На одной из башен, чтобы передать слова с ветром, или?..

— Миринэ эс Ллиэн ждет вас в Малом зале.

Висении не нужно было придерживать дверь: хватило одного лишь зеленого взгляда со вспыхивающими в нем золотистыми искорками, чтобы она мягко притворилась, не потревожив ничей покой.

Взгляда цвета змеиного золота.

— Случилось что-то срочное? И если да, то почему Лес желает встречи не с лордом-правителем, а со мной?

— Внимающая не сочла возможным отвечать на мой вопрос, но передала вам это, — Висения, оставшаяся стоять у порога, протянула ему сложенный вдвое листок, прежде сжимаемый в отведенной руке и незаметный среди зелено-золотых складок платья.

Эрелайн нахмурился. И, подхватив небрежно сброшенный на пол сюртук, направился к ней.

Перестук шагов закружил по залу, дробясь и множась капризным эхо. Расстояние, разделявших их прежде, сокращалось, пока не обернулось длиной вытянутой руки.

Эрелайн принял письмо Shie-thany. Тихо зашелестела бумага, когда он развернул сложенный лист. Взгляд скользнул не по строчке даже — по одному-единственному слову, выведенному изящным почерком.

Одному-единственному, но достаточному для того, чтобы потребовать срочную аудиенцию — и получить ее.

«A'shes-tairy».

Сумеречные.

Эрелайн сложил листок, как прежде, пополам, хотя больше всего хотелось смять его.

Значит, Сумеречные. Учащаются приграничные стычки, Лес Тысячи Шепотов, всегда стоящий в стороне, просит срочной встречи.

— Вы согласны принять Внимающую, мой лорд? — голос Висении, терпеливо ждущей его ответа, вырвал его из раздумий.

Коротко поклонившись, Эрелайн подал леди руку с полувопросительным:

— Пойдемте?

Висения присела в изящном, легком реверансе и подхватила его под локоть.

— Я могу быть свободен? — сухой вопрос Рейгена нагнал их в шаг от порога.

На мгновение остановившись, Эрелайн обернулся и, бросив короткое:

— Да, разумеется, — толкнул дверь.

* * *

...Коридоры, переходы, галереи — одинаково серые, одинаково сумрачные, нависающие над каждым, кто ступит под их своды — уводили вперед. Свет, едва

пробивающийся сквозь окна, казавшиеся молочно-белыми от пыли, не мог разогнать темноту. Даже в ясный день здесь царил скрадывающий шаги полумрак.

Висения оглянулась через плечо и сбилась с шага. Звонко качнулись тяжелые серьги с такими же по-змеиному золотыми, как ее глаза, топазами. Черный локон выбился из безупречной высокой прически.

— Прошу прощения, — невыразительно проговорила Висения, но по глазам было видно, как она раздосадована своей оплошностью. Леди нервным жестом убрала локон за ухо и продолжила: — Мне здесь... не нравится.

— Я не знаю того, кто мог бы сказать, что ему здесь нравится, — с губ Эрелайна сорвался короткий смешок. — Столько крови здесь пролилось, столько здесь убито... эти стены помнят и Век драконов, и черноту Тысячелетней Ночи.

— А вам? — неожиданно спросила Висения, замедлив шаг и повернувшись к нему. — Почему именно здесь? Что такого есть в старой части замка, что вы предпочитаете его пустые залы остальным Драконьим Когтям?

Эрелайн не ответил. Тишину нарушал только звук их неспешных шагов и шелест дождя.

— Вам действительно нужен ответ? — помедлив, негромко спросил он.

— Да.

— Одиночество.

Слово всколыхнуло тишину — и застыло звонко и напряженно, как застывает зима льдистым крошечком, царапая ладони.

Застыло, пока Эрелайн не счел нужным его нарушить.

— Наша гостья не сказала ничего, что заслуживало бы моего внимания?

Молчание треснуло ломким речным льдом — и брызнуло хрустальными осколками. Висения качнула головой. Топазы сверкнули золотом в узком луче, пробившемся сквозь треснувшую кладку.

— Ничего. Только передала мне письмо.

— Расскажите, как все случилось? — мягко предложил Эрелайн, уводя разговор с неприятной темы и окончательно разбивая тягостную неловкость. — С самого начала.

— Нечего рассказывать, — улыбка, скользнувшая по губам aelvis, и вспыхивающие в глазах золотистые искорки выдавали ее лукавство. Или вернее — кокетство? — Внимающая прибыла час назад, шагнув вслед за ворвавшимся в зал ветром. В Тронный! Можете себе представить, лорд, как перепугались наши малютки-fae! Их сейчас отпаивают настоем на травах!

— Тронного зала? — переспросил Эрелайн, вопросительно приподняв бровь. — Надо же. Будь это thas-Elv'inor, я счел бы появление там издевкой. Но Shie-thany не отличаются склонностью к дурацким шуткам.

— Я склонна полагать, что в Лесе Тысячи Шепотов не знают о том, что случилось у нас, — заметила Висения, став на мгновение собранной и серьезной, и продолжила с прежней полуулыбкой: — Слушайте же! Леди Миринэ потребовала у малюток встречи с вами. Бедняжки fae перепугались и, не дослушав ее, бросились прочь. Что за переполох они подняли — весь замок на ушах стоял! Такого не было, наверное, с самого Часа драконов!

Речь Висении лилась легко и казалась то звонкой и прозрачной, как ручей, то завораживающей и вкрадчивой, как самый глубокий омут, и коридоры старого замка становились не такими сумрачно-злыми. Эрелайн не столько вслушивался в то, что говорит aelvis, сколько в сами переливы ее то вкрадчивого, то сильного и высокого голоса.

— Старый замок заканчивается, — негромко сказал Эрелайн, первым заметив потемневшую от старости дверь. Скрипнули старые петли, когда он толкнул ее, пропуская леди вперед.

— Едва ли есть слова, способные описать мою радость. Но дальше! Миледи Элрин, наконец, догадалась позвать меня... Я немедленно бросилась в Тронный зал, на встречу с Внимающей... Леди Мириэн сказала, что намерена встретиться с вами, и будет ждать столько, сколько потребуется, хотя я предупредила ее, что... нет, вы только представьте!..

Переходы и галереи сменяли друг друга — по-прежнему серые, гранитные, но от их стен уже не веяло полузабытой болью. Окна здесь были шире, потолки — выше, лестницы — прямее и ровнее, и дышалось легче.

Когда в конце коридора замаячила окованные железом двустворчатые двери, Эрелайн негромко сказал, оборвав леди-распорядительницу двора на полуслове:

— Пришли.

* * *

...Вот уже век миновал с тех пор, как впервые за тысячелетнюю историю разрозненные дома объединились под общими знаменами и избрали верховного правителя над собой.

Вот уже век миновал с тех пор, как Арьеннес, прежде не подчинявшийся никому, обрел владыку и стал драгоценнейшим из алмазов в короне правителя Зеленых Холмов.

Вот уже век миновал с тех пор, как резные каменные троны, тысячелетиями венчавшие сердца замков, преданы забвению. В опустевших залах, просторных и светлых, теперь гремят балы и учат искусству танца: тех, что танцуются с оружием в руках — и рука об руку. Но окна и стены, и тонкостенные колонны, устремленные ввысь, все еще помнят былое величие. Порой среди них мелькают девы в длинных платьях; тени прежних лордов, ушедших за порог. Лютят рекой непонятные, едва слышные, будто бы бесконечно далекие разговоры, звенит, доносимый ветром, нездешний смех, раздаются за спиной тяжелые шаги. И музыка, торжественная и радостная, закручивается меж колонн — и уходит в холодные небеса, в высокие окна...

Эрелайн сбился с шагу, когда Висения неожиданно остановилась в нескольких шагах от расшитого серебром гобелена, за которым скрывалась дверь в Малый зал, и потянула лорда назад.

— Что-то не так? — Эрелайн обернулся, не считая нужным скрывать удивление.

— Вы пойдете один? — пытливо заглядывая ему в глаза, спросила Висения.

— «Один»? Почему один? — нахмурился он. — С вами.

— Вы не собираетесь взять с собой гвардейцев?

— Зачем? Если кому-то что-то и угрожает, так это леди эс Ллиэн. Она бессильно будет вырваться из Драконьих Когтей, если я захочу удержать ее здесь. Что мне может сделать пришедшая с ветром?

— Вы слишком легкомысленны, — больше, чем безразличия, в голосе Висении было только негодования.

— Не думаю.

Улыбка, нарисованная на лице aelvis, не ушла. Только в глазах, искристых и зелено-золотых, поселилась тень неудовольствия.

Висения отвернулась, вскинув подбородок и отпустив его локоть. Тяжелый край gobelena приподнялся, будто кто-то потянул за него невидимой рукой, и aelvis первой шагнула в Малый зал, толкнув дубовую дверь.

* * *

Гулкую пустоту Малого зала нарушил их шаг: звонкий, дробный перестук каблучков спешащей Висении и размеренный, неторопливый — Эрелайна.

Леди эс Ллиэ, стоявшая у окна, обернулась. Подол платья тончайшей ткани — такой тонкой, что если бы не несколько юбок, оно казалось бы полупрозрачным — невозможной сини пробежал по полу пенным прибоем, захлестнувшись вокруг нее.

— Приветствую вас, Внимающая, — Эрелайн коротко поклонился, соблюдая придворный церемониал и отдавая дань уважения госте.

— Лорд-хранитель, — Shie-thany ответила сдержанным поклоном.

— Присаживайтесь.

Эрелайн приглашающе кивнул, подходя к стульям из потемневшего от времени дуба, стоящим вокруг стола, отполированного тысячью случайных прикосновений.

Малый зал был тенью зала Тронного. Его стены помнили многое, слишком многое. Тайны ушедших лет, приемы высочайших гостей, советы, где вершились судьбы aelvis... Здесь заключались перемирия и развязывались войны; здесь решалось, кто достоин жить, а кого уведет за собой белокожая госпожа. Здесь начался раздор между домом Пляшущих теней и Лунного света, и здесь же закончился спустя седины веков.

Здесь первый из владык теней принял на себя долг хранителя — и здесь лорд Излома Полуночи, Этвор вьер Лиин, стал лордом-правителем Зеленых Холмов.

— Спасибо, но это излишне, — мягко улыбнулась леди Миринэ. И, отвернувшись, проведя пальцами по граниту, продолжила, но совсем не тем, чем должна была: — Я не могла понять, почему вы так сумрачны и печальны, пока не побывала здесь. Почему вы не оставили его? Почему не отстроили, как другие, вместо угрюмого черного замка Часа драконов залитый светом дворец? Разве может крепость, чьи стены пропитаны смертью и опалены черным пламенем, быть чьим-то домом?

— Может, если не знать другого, — слишком сухо, чтобы действительно быть безразличным, сказал Эрелайн. — Мы остались, чтобы помнить. Потому что кто-то должен помнить, — и, не желая продолжать разговор, оборвал его: — Но это не касается темы нашего сегодняшнего разговора. С чем вы прибыли?

— Прошу прощения, — Внимающая отняла пальцы от гранитных стен и обернулась. — Я позволила себе задуматься.

— Я вас слушаю, — напомнил Эрелайн, не желая тратить принадлежащее им обоим время на извинения.

Она склонила голову, лишь обозначив поклон, и начала:

— В Лесу Тысячи Шепотов видели A'shes-tairy.

— Простите? — Эрелайну показалось, что он ослышался — настолько невозможным было то, о чем говорила Shie-thany.

— A'shes-tairy видели в Лесу Тысячи Шепотов, — так же спокойно и сдержанно, без тени улыбки, повторила леди эс Ллиэ. — Ошибки не могло быть. Мы полагаем, что они

пересекли горный хребет и пришли с севера, но их цель остается неясной.

— Невозможно.

— Боюсь, что это так, — сухо сказала Миринэ. — Прежде мы тоже думали, что это невозможно.

— Слишком много вопросов, — Эрелайн сцепил руки за спиной, нервно пройдя по комнате. — Как, зачем, для чего... — лорд остановился, сбившись с шага, и резко повернулся к ней: — Как Завеса пропустила их?

— Этого нам неизвестно.

— Сбой?

— Не обнаружен.

— Полагаю, вы понимаете, что это значит?

— Более чем, — пришедшая с ветром казалась спокойнее, чем он сам. Но это впечатление было обманчивым. — В Лесу Тысячи Шепотов есть тот, кто предан Сумеречным. Тот, кто пригласил их. — Она улыбнулась, и в ее сдержанной улыбке Эрелайну на мгновение открылась грусть. — Другого не дано. Поэтому мы пришли к вам.

— Вот что, — лорд поджал губы и тем же нервным шагом прошел по комнате, вернувшись туда, где его ждала не вмешивающаяся в беседу Висения. — Расскажите мне все. С самого начала. Когда это началось, что удалось узнать? Есть ли что-то, что вы нашли, и о чем я должен знать?

— Первого Сумеречного в Лесу заметили полгода назад, — помедлив, начала Миринэ. Голос ее был ровным и каким-то пустым, странно скованным, ненастоящим. Словно она не желала испытывать ничего и запрещала себе об этом думать. — Но тому, кто рассказал о них, отказались верить: воспоминания были слишком зыбки, чтобы служить доказательством. Второй появился месяц назад, и тот, кто его видел, заметил лишь смутную тень среди ветвей. Мы решили, что это один из Отрекшихся: они порой спускаются из Atris Oerfen к подножию гор. Решили — и ошиблись. Третьего дня посол Отрекшихся и его сопровождение, отправившись на охоту в северные владения, столкнулись с отрядом Сумеречных.

— Чем закончилось... столкновение? — напряжение звенело в голосе Эрелайна натянутой струной. — И сколько A'shes-tairy было в отряде?

— Десятеро. Как обычно, — сухо сказала Миринэ и, выждав несколько мгновений, продолжила: — Отряд уничтожен. Восемь убиты, один ушел. Настигнуть его не удалось, как не удалось обнаружить и следы. Мы потеряли троих Shie-thany и четверых thas-Elv'inor. Лорд посол жив, но ранен.

— Девять. Вы назвали только девять.

— Десятый взят под стражу Отрекшимися, — слова Внимающей звучали по-прежнему ровно, но на какую-то долю мгновения за тонким ледком спокойствия открылась черная бездна.

— Надо полагать, для допроса? — нахмурился Эрелайн, невольно забарабанив по столу. Пленных не брали ни Сумеречные, ни Зарерожденные — кроме, разве что, случаев, когда получить сведения иным образом не представлялось возможным. Как, например, сейчас. — Что-то уже стало известно?

— Без понятия, — по губам Shie-thany скользнула странная полуулыбка, придав ей на этот раз не очарование, а хлесткость и ироничность. По изменившемуся, полнящемуся обертонами голосу можно было сказать, что произнесла она это с удовольствием.

— Будьте любезны, проясните свою позицию.

Теперь заледенел уже голос Эрелайна. Дробь, неосознанно отбиваемая им в такт раздумьям, оборвалась.

— Леди Кайлирия не сочла необходимым поделиться с нами результатами допроса. Есть основания полагать, что A'shes-tairy вывезен в Eneid ri-Vie.

— Вы обвиняете Верховную Жрицу, Eneid ri-Vie и Отрекшихся в сокрытии сведений — или в измене?

— Я ни в чем не обвиняю Отрекшихся и их госпожу. Пока не обвиняю, — жестко сказала Миринэ, подчеркивая шаткость этого «пока». — Я сама умею играть словами, и прекрасно вижу, когда кто-то занимается тем же. A'shes-tairy подступаются к Лесу и его сердцу, нис-Эвелону, а Отрекшиеся, из-за которых мы вынуждены были вмешаться, теперь пытаются разыграть обманную полученную карту за нашей спиной! В Лесу Тысячи Шепотов не должна проливаться кровь бессмертных. Ваш замок, лорд-хранитель, пришел из Часа драконов, а Лес — из времен, когда никто не считал дни и годы, потому что в этом еще не было необходимости. Лес помнит aelvis юных и безмятежных, когда мы не знали вражды, и пламя Тысячелетней Ночи не разделило нас. Ему невыносимо видеть, чувствовать нашу ненависть и нашу смерть. Его боль вплетается в песнь мироздания, искажая ее, порождая диссонансы. Этого мы не можем допустить.

— Что вы хотите от меня? — спокойно спросил Эрелайн, дослушав ее речь, одновременно звонкую и страстную, переполненную силой и чувствами.

— Поговорите с Кайлирией и потребуйте от нее ответа.

— Вы думаете, мне она сочтет необходимым ответить, раз отказала вам? Я не лорд-правитель и не вы. У меня нет ни вашего влияния, ни права говорить от имени Холмов.

— Ошибаетесь. Есть. Вам она не посмеет отказать, потому что вы единственный, против кого она не посмеет идти. К тому же все то, что касается Сумеречных, находится под вашей ответственностью и не касается лорда-правителя.

— И если начнутся военные действия, власть перейдет к лорду Эрелайну, — продолжила невысказанную мысль Внимающей Висения. — Разумная стратегия. Вы умеете правильно выбирать союзников.

В голосе ее, впрочем, не было и тени довольства.

— Разумная, — легко согласилась Shie-thany. — Но не стратегия, а тактика. Мы не играем в ваши придворные игры и не замысливаем переворотов. Не нужно ждать от нас подвохов.

Золотистые искорки, вспыхивающие во взгляде леди-распорядительницы, говорили о том, что она думает о Слышащих и их «тактике», но высказаться она не успела.

— Хорошо, — неожиданно согласился Эрелайн. Обе спорщицы, уже скрестившие взгляды, вздрогнули. — Я выполню вашу просьбу. Да, совсем забыл: вы начали собственное расследование? И по вопросу столкновения, и по вопросу возможной измены.

— Разумеется.

— Буду премного благодарен, если вы будете держать меня в курсе.

— Как вам угодно, — Миринэ склонила голову в поклоне.

— Это все, что вы хотели сказать?

— Да. То есть, нет. То есть... — леди эс Ллиз, перебив саму себя, закусил губу.

— Есть — или...

— Есть, — колебавшись, решила Внимающая, на мгновение прикрыв глаза. — Но я

хотела бы поговорить с вами наедине. Всего пара минут, лорд. Пара минут.

Эрелайн обернулся к Висении. Под его взглядом леди-распорядительница, уже готовая разразиться гневной тирадой, развернулась, чтобы покинуть Малый зал. Во вспыхивающих в глазах золотистых искорках, в болезненно-прямой спине и в каждом безупречно выверенном жесте читалось ее недовольство и уже сказанное прежде: «Я вас предупреждала».

— О чем вы хотели переговорить? — обратился к Внимающей Эрелайн, когда дверь Малого зала закрылась.

Почувствовав его взгляд, леди эс Ллиэ, отвернувшись, отошла к распахнутому окну. Холодный ветер, идущий с гор, вплеснул ее легкое, как пенную волну, платье; всколыхнул темно-каштановые пряди. Эрелайн не торопил ее, дожидаясь, когда aelvis начнет разговор сама. И не ошибся.

— У северных предгорий мы встречаем fae, отравленных сладостью безумия, — сухо сказала она, не оборачиваясь. — Полагаю, и вы встречали их — изменённых, сломленных, лишенных себя — у Сумеречного перевала.

— Верно. Встречал, — односложно ответил Эрелайн, не торопя разговор — и не торопясь делать выводы.

— Так не должно быть. Мы не знаем и не должны знать безумия. Но fae сходят с ума, и это происходит все чаще: за последние двадцать лет — больше, чем за все предыдущие столетия.

— Мир меняется, и не всегда к лучшему.

— Это не мир меняется, — в голосе Внимающей впервые за их разговор промелькнуло подобие улыбки. Только улыбка эта отчаянно горчила полынью. — Это просыпаются драконы.

Тишина зазвенела в Малом зале, и напряженного ожидания в ней было больше, чем беззвучия.

— Вы говорите от имени Совета? — когда пауза затянулась настолько, что, казалось, ее не нарушат, негромко спросил Эрелайн.

— Я доношу его точку зрения.

— Но нет от имени Совета?

— Совет, — помедлив, начала Миринэ, обманчиво ровным голосом, — не считает возможным высказывать свои предположения, не имея к тому достаточных оснований.

— Так это предположение — или все же уверенность?

— Уверенность. Но у нас нет достаточных доказательств. Fae, помраченные безумием, напряжение на Жемчужных Берегах, мелодия мироздания, полнящаяся диссонансами...

— Этому могут быть и другие объяснение, — не противореча, только замечая, сказал Эрелайн. — Смотрящие в ночь — страшнее любого безумия. Но их проклятье преследует нас дольше. Гораздо дольше.

— Нет. Не могут, — Внимающая покачала головой. — Драконы просыпаются — и проснутся.

— Пусть так, — согласился он, уйдя от спора. — Ответьте на другое: зачем вы мне это говорите? Впрочем, нет, не нужно, глупый вопрос. Лучше скажите: что мы можем сделать?

— Ничего.

Эрелайн вздрогнул от сорвавшегося с ее губ слова — настолько неожиданным оно было.

— Прошу прощения?

Внимающая обернулась, и во взгляде ее потемневших глаз нельзя было прочесть, о чем

она думает.

— Ничего. Во всяком случае, мы не знаем, что делать. Прежде, в Час драконов, сказители отдавали свои жизни, одну за другой, чтобы увести драконов за край севера и погрузить в сон. Тысячи жизней, тысячи имен, каждое из которых записано в скрижали скорби. А сейчас... Мы ищем уже много лет, но не можем найти ни одного из *elli-e Taelis*.

— Вы искали в Холмах?

— И в Холмах — в том числе, — *Shie-thany* нервно прошлась по залу. — Я не знаю. Не представляю, что нужно делать. Мы бы хотели ошибиться. Хотели — но не можем. Драконы должны проснуться.

— Я представляю не больше чем вы, — медленно начал Эрелайн, подбирая слова, — но у нас еще есть время. Я потребую поднять архивы — от Часа драконов, осталось очень мало, но кое-что все же есть — и продолжу ваши поиски, но в Холмах. Если что-то изменится или станет вам ясно — связывайтесь со мной напрямую не медля. Я обязуюсь в том же. — И добавил, с незлой усмешкой: — Полагаю, Совет был против вашего решения рассказать обо всем мне. Передайте, что я готов оказать поддержку Лесу Тысячи Шепотов. Прошлые обязательства, данные мной, остаются в силе. Если это все, то до встречи, леди эс *Ллиэ*.

— Полагаю, да. До встречи, мой лорд, — Внимающая склонилась в неглубоком поклоне.

Ветер, прежде игривый, несильный, ворвался в комнату и закружил *Shie-thany*. Вдох — и она истаяла нежно-голубой дрожащей дымкой с искристыми мерцающими всполохами.

Остаться в комнате, в которой сразу стало не песенно-звонко, а холодно, пусто у Эрелайна не было никакого желания.

Дверь открылась легко и приветливо, как будто этого и ждала. Висении в Тронном зале не было.

Эрелайн оперся о закрывшуюся дверь. Жесткие доски врезались в спину даже сквозь расшитый серебром гобелен. Из груди сам собой вырвался тихий вздох.

Elli-e taelis, сказитель... тот, кто может видеть самую суть вещей, претворить в жизнь даже самое невозможное чудо... кроме того, что нужно ему. Потому что следует *Ее* воле, а Она не желает освобождения Эрелайна от проклятья. Как не желает видеть его среди живых, и никогда не желала.

Эрелайн провел ладонью по лицу, точно снимая жемчужную нить паутинки. И, выпрямившись, быстро зашагал к темнеющим двустворчатым дверям — выходу из Тронного зала.

* * *

День, сумрачный и дождливый, неумолимо клонился к вечеру. Очередной документ лег на стопку таких же одинаково мелко исписанных и безликих.

Очередной — и, к счастью, последний.

Эрелайн отложил перо и растер ноющие виски. Разбирать сегодня все бумаги не было необходимости, но он предпочел заняться ими, не откладывая на потом. Работа требовала полного сосредоточения, не позволяла отвлекаться на посторонние мысли — а именно в этом он сейчас нуждался больше всего.

Лист лег на стол: Эрелайн привычно потянул его из стопки, позабыв, что закончил. Он

досадливо поморщился и хотел было вернуть его, но передумал.

Перо, прежде лежащее рядом, вновь оказалось в руке, и, нырнув в чернильницу, вывело скучным мужским почерком: «Зарерожденный». И, помедлив, правее и выше добавило: «Кэррой».

Точка, которую Эрелайн поставил, не отрывая от бумаги пера, стремительно темнела, разрастаясь, наливаясь чернильной синью, и от нее уже начинали разбегаться первые тонкие веточки-нити.

Перо вздрогнуло — и одним росчерком изменило точку на вопрос.

Эрелайн сцепил ладони и опустил на них подбородок.

Кэррой — или нет? Никаких доказательств, никакой уверенности — только смутное предчувствие. Которое, может статься, и не предчувствие вовсе, а желание найти того, кто предал его доверие.

И не только его.

Взгляд невольно скользнул по перевязанной узкой золотой лентой пачке писем. Буквы полувыцвели, слишком много времени утекло с тех лет, но слова и такой знакомый почерк — беглый, отчетливо мужской, с длинными росчерками и узкими вытянутыми буквами — угадывались безошибочно. Как угадывался аромат ночной фиалки, которыми дышали хрупкие страницы, помня ту, кому предназначались.

Аромат, пришедший из его детских снов и истлевших воспоминаний...

Эрелайн откинулся на стуле, закрыв глаза. Губ коснулась грустная улыбка. Даже работа не помогла привести расшатанные нервы в порядок. Слишком много для одного дня.

Что ж...

Стул скрипнул, отодвигаясь, царапая пол. Эрелайн поднялся и, помедлив, направился к стеллажу, за одной из створок которого притаился черный футляр.

Замок открылся с сухим щелчком, и в его руку легла, отразив глянцевым, вскрытым лаком боком свет дождливого дня, скрипка.

Эрелайн провел смычком легко, осторожно, совсем коротко — в первый раз, на пробу, точно узнавая ее настроение. И второй раз, уже увереннее, привычнее.

Скрипка заплакала в его руках — тихо, пронзительно, так нестерпимо больно...

Шаги — неторопливые, плавные, в такт играемому анданте — ведут к окну. Смычок не рвется из рук — скользит по струнам.

В его движениях — ни покой, ни мягкость полутонов, а резкость недосказанных фраз; напряжение, прячущееся за безупречно выверенными движениями. Напряжение — и боль, о которых кричит только скрипка и его темный, сумрачный взгляд.

Скрипка играла отчаянье и усталость; песнь хмурого дня поздней осени, когда ветер срывает последние пожухлые листья, бросая их вместе с россыпью капель в лицо, а окна луж затягиваются первым, ломким еще льдом и душа погружается в странный, тяжелый и мутный сон, от которого нельзя очнуться. Пронзительный-резкий, мучительно-медленный и тягостный плач скрипки вплетался в бледный и тусклый свет дождливого дня, в слабый и робкий перестук капель, и погружала в зыбкую дрему, где так любят поджидать, прячась до поры среди серых будней, воспоминания. Которые хочется, но нельзя забыть.

Хочется, но нельзя...

— *Что-нибудь стало известно?* — голос звучал ровно и безразлично — как всегда, когда он слишком волнуется, замыкаясь в себе, чтобы не выказать истинных чувств.

Почему-то из того дня ему лучше всего запомнился свет, льющийся из распахнутых

ОКОН.

Первый хрустально-ясный день в месяце Золотых туманов...

— Адмунд вьер Эстс скончался.

— Что? — Эрелайн вздрогнул, и за тщательно удерживаемым равнодушием на мгновение расцвела целая гамма чувств: удивление, неверие, страх... Страх, что слова советника могу оказаться правдой.

Позже он научится не выказывать своих чувств никогда, что бы ни случилось.

— Из отчетов, которые мне предоставил Адрин, следует, что еще позавчера вьер Тэсс присутствовал на приеме в дома вьер Риан, — сухо продолжил Эрелайн, взяв себя в руки. — Ни о каких признаках скорой смерти речи не шло.

— По прибытию с означенного приема в доме вьер Риан, Адмунд вьер Тэсс поднялся на террасу второго этажа. Перила балюстрады, на которые он облокотился, обрушились, увлекая его за собой, — сухим канцелярским языком отчитался Кэррой. И добавил уже иначе, помедлив: — Он мертв, мой лорд. Мне жаль.

— «Балюстрада обрушились, увлекая его за собой», — повторил Эрелайн. Голос, прежде скорее сдержанный, чем бесчувственный, потускнел, выцвел. — Тысячу раз лорд вьер Тэсс поднимался на эту террасу смотреть на раскинувшиеся над ним звезды, а позавчера, накануне допроса и взятия под стражу, вдруг сорвался вниз. Вы видели тело? — спросил он, резко сменив тему.

— Он мертв, мой лорд. Решительно и бесповоротно. Я лично засвидетельствовал его смерть.

Эрелайн спрятал лицо в ладонях, собираясь с силами. Безразличие и странная, гулкая пустота овладели им, стали им. Не было ни грусти, ни тоски, ни разочарования — только пустота.

— Кто-нибудь знал о том, что вы направляетесь во владения дома вьер Тэсс? Выдвигались обвинения? — слова, срывающиеся с губ помимо его воли, как будто говорил кто-то другой. Голос был чужим.

— Нет, как вы настаивали.

Тишины не срывалась со стрелок часов, а как будто замерла в одном бесконечно-долгом и не длящимся вовсе мгновении. Дождь отстукивал их ударами холодных капель. Сам не зная, сколько времени прошло с последних сказанных им слов, Эрелайн отнял ладони от лица и буднично сказал:

— Приступайте к дальнейшему расследованию.

— Сожалею, но я не могу этого сделать.

— Прошу прощения? — впервые за их короткий разговор он поднял глаза на Кэрроя и теперь смотрел на него так, будто впервые увидел.

В грифельно-черном, вороновом взгляде советника нельзя было прочесть, какие чувства владеют им теперь.

— Я не смогу приступить к дальнейшему расследованию по причине гибели последнего участника Ночи преданных клятв.

— Не думаю, что Адмунд был последним. Его мы искали больше семнадцати лет. Я уверен, есть еще кто-то, кого мы упустили. Кто-то — или что-то. Письма, архивы, записи, воспоминания...

— Вы уверены — или хотите в это верить? — непростительно резко начал Кэррой — и продолжил, прежде чем Эрелайн успел ему возразить. — Письма и архивы заговорщиков

уничтожены. Вам об этом известно.

— Известно, — жестко сказал лорд-хранитель. — Как известно и то, что глава заговора не найден. Вы полагаете уместным говорить, что все участники мертвы? Я — нет, — и, не меняя интонации, закончил: — Расследуйте смерть вьер Эстс и тех заговорщиков, кто волею случая — или чьей-то пока не известной нами воли — погиб не в Драконьих Когтях и не в Ночь преданных клятв. Слишком много случайных совпадений. А я не верю в совпадения.

— Я против дальнейшего расследования, — прямо, не уходя от ответа, проговорил Кэррой. Взгляд его не похолодел, не почернел — остался таким же странным, птичьим. — Против и как ваш советник, и как тот, кто занимается этим делом уже семнадцать лет. Возможно, вьер Эстс был не последним участником заговора, но, несомненно, последним влиятельным. Искать еще семнадцать лет пешек я полагаю бессмысленным. Что касается главы заговорщиков, то допросы и показания ясно свидетельствуют о том, что его никогда не было. Был тот, кто повел восстание на Драконьи Когти в Ночь преданных клятв. Томлен вьер Эрс. Он мертв. Кого еще вы желаете найти?

В его голосе не было ни напора, ни едкости, ни иронии: он давил спокойствием и бесстрастностью.

— Вьер Арьен отчетливо указывала на того, кто стоял за всем, — сухо ответил Эрелайн, подняв тяжелый сине-свинцовый взгляд и скрестив его с вороновым — Кэррой. — Косвенные подтверждения есть в показаниях многих участников заговора. Я не имею права игнорировать факты и свидетельства.

— Что вами движет в вашем упорстве? Желание отомстить? Ненависть и презрение?

— Мной движет, — холодно — так, что от его голоса, кажется, заледенел самый воздух — начал Эрелайн, поднявшись из-за стола и взглянув на советника почти в упор, — разум. Который говорит, что тот, кто разыграл столь виртуозную партию, но не сумел довести ее до конца, вряд ли остановится на достигнутом. Пока он не найден, мы не имеем права считать, что Ночь преданных клятв. Поэтому я буду искать его, хотите вы этого или нет. Впрочем, — добавил Эрелайн, и по сжатым, бледным губам пробежала слабая улыбка, тут же исчезнув. — Впрочем, не стоит. Я отстраняю вас от расследования. Передайте, пожалуйста, все материалы дела Сэйне. За выполнением последнего поручения я прослежу лично.

— Мне должно считать это знаком вашего не благоволения? — Кэррой болезненно выпрямился, но на лице, застывшем фарфоровой маской, не отразилось и тени чувств.

— Вам стоит считать это знаком того, что я предпочитаю поручать задания тем, кто заинтересован в их выполнении.

— Ваши слова о том, что вы проверите лично факт передачи дела, могут свидетельствовать об утрате доверия.

— Я никому не доверяю настолько, чтобы не проверять лично то, что мне действительно важно, — и добавил, так же невыразительно, как и прежде: — Слишком высокой ценой обходится доверие. Я не готов ее заплатить.

— Как вам будет угодно, — Кэррой склонил голову в коротком отрывистом поклоне, и развернулся на каблуках.

Безупречная осанка, поджатые губы, жесткий взгляд.

— Документы по делу вьер Эстс, — окрик Эрелайна нагнал его почти сразу, застигнув

в нескольких шагах от дверей. Советник обернулся, всем своим видом выражая удивление. — Оставьте их мне. Я желаю с ними ознакомиться.

Отчеты, педантично собранные, пронумерованные и подшитые в папку, опустились на стол. В скупом жесте Кэрроя не было недовольства, раздражения и презрения: только четкость, отработанность и излишняя правильность.

Дверь закрылась так же скупозаучено, безразлично. Стук каблуков его туфель отбивал четкий и скучный ритм.

Эрлайн прикрыл глаза, сделав не глубокий — нарочито размеренный вздох, и отвернулся к окну. Шагнул так, чтобы почти коснуться лицом стекла, охлаждающего пальцы. Оно, прежде звонко-прозрачное, укрылось молочной пеленой под его теплым дыханием...

Только сегодня — ясный день месяца Золотых туманов, и нет, не может быть никакого дождя.

Дождь остался там, в злом и навсегда жестоком к нему месяце Поющих вод.

Остался — но ненадолго...

Дождь касался стекла холодными ладонями и прижимался к нему так сильно, точно хотел заглянуть в высокое окно и разглядеть что-то сквозь скользящие вниз потоки воды. Все дрожало, теряло контуры и очертания, блекло цветами в укрывшей Холмы пелене дождя. Не разобрать, что там, по ту сторону стекла, не увидеть...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Вы говорили с Кайлирией? — негромко спросил Эрлайн, не переставая играть. Скрипка не пела — плакала. Так тихо, слабо, так пронзительно грустно и бессильно, что слушать ее было невыносимо.

— Я не помешала вам? — голос Висении, не привычно ясный, чистый, а чуть хрипловатый, дрогнул.

— Нет. Уже нет.

— Леди эс Ллиэ была права, — тихо начала она и почти сразу продолжила: слишком мучительно было молчание. — Мне не удалось выяснить, у них ли еще A'shes-tairy, жив ли он, проводились ли допросы. Кайлирия отвечала полунамеками, полуфразами. Заставить ее говорить откровенно невозможно. Во всяком случае, для меня.

— Вы передали, что действуете от моего имени?

— Да.

— В таком случае, я переговорю с ней сам, — последняя нота, тонкая и отчаянная, зазвенела в воздухе. Рука со смычком опустилась вниз.

Эрлайн осторожно, бережно положил скрипку на стол и только тогда, наконец, обернулся.

— Это все?

— Нет. Лорд-правитель выражает вам свое почтение и шлет приглашение на завтрашний прием.

— Званный ужин? — Эрлайн поморщился, принимая из рук леди запечатанный родовой печатью вьер Лиин конверт.

— Обед, — поправила его Висения, едва скрывая улыбку. Нелюбовь лорда к светским приемам была ей прекрасно известна.

— Отказаться я, надо полагать, не имею права? — голос Эрлайна звучал насмешливо, но во взгляде не было и тени улыбки.

— Это было бы неразумно. Прием не продлится долго и много времени не отнимет, а

круг приглашенных, полагаю, будет вам интересен. Никаких случайных гостей, только влиятельнейшие фамилии Холмов. Я полагаю это неплохой возможностью переговорить со всеми интересующими вас лордами, чтобы получить представление о политической обстановке и заключить соглашения, если потребуется.

— Прием стоит посетить хотя бы для того, чтобы поставить в известность лорда Этвора о Кайлирии. Достаточно, Висения. Спасибо. Очень точные замечания. Я сочту за честь присутствовать.

— Как прикажете, мой лорд, — Висения склонила голову. — Я передам ваш ответ. На этом все?

— Да. На сегодня — да.

Эрелайн отвернулся к окну.

Висения ушла: об этом сказали тихий перестук каблучков, шелест платья и звук притворяемой двери. Дождь не утихал, касаясь стекла холодными пальцами и прижимаясь к нему лицом, чтобы разглядеть зыбкий силуэт кабинета и Эрелайна...

Лорд с силой отвел взгляд от окна, устало растер виски. Работа, работа, нельзя забывать... Нельзя позволять забыть.

Эрелайн подхватил смычок, взял в руки положенную на стол скрипку и направился к стеллажу, где за одной из створок мореного дуба прятался узкий, как сам инструмент, черный футляр.

* * *

— Завтра в Изломе Полуночи мы проводим прием.

Пальцы мягко касаются черно-белых клавиш. Мелодия, светлая и нежная, игривая льется из-под из них так же легко и свободно, как звенит ручей.

— Нас изволит посетить лорд вьер Шаньер. Будет досадно, если он не увидит свою невесту.

Стройная гармония — выведенная, кажется, не за фортепиано тонкой рукой Иришь, а чем-то гораздо более значимым, важным, вечным — нарушается уродливым диссонансом.

Фальшь!

Иришь поджимает губы, и мелодия, повинувшись ей, выравнивается, но теперь в ее светлый и звонкий строй вкрадываются странные паузы.

Вкрадывается тревога.

— Как вам угодно, матушка, — голос девушки звучит невыразительно, блекло. Ритм убыстрится, едва заметно, на один такт — или на учатившийся пульс.

Досадно.

— Ужасная игра, Иришь. Отвратительная.

— Это все? — не выказывая и тени того раздражения, что владело сейчас ей, спросила она. Дыхание выровнялось, пульс, зачастивший с испуганно забившимся сердцем, замедлился. Мелодия переменилась вместе с ней, вновь став звонкой и светлой. Вот только прежней легкости и свободы, радости в ней не было. И там, где прежде звенел колокольчиками игривый смех, теперь звучала принужденность, искусственность.

— Увидимся за утренним чаем.

— Не думаю, что буду голодна, — бросила Иришь, не оборачиваясь. Скрипнувшая дверь

замерла, не закрывшись до конца.

— Увидимся за утренним чаем, — повторила леди самым сладким своим голосом. За которым, впрочем, прекрасно слышалась властность и если не неприкрытая угроза, то обещание. «Ты придешь на завтрак. А если не придешь, я заставлю тебя прийти».

Дверь закрылась с негромким стуком. Иришь хотелось резко опустить крышку фортепиано или больно ударить по клавишам, чтобы выплеснуть раздражение и злость. Но инструмент было жаль. Не доиграв мелодию, она оборвала ее на полужае и поднялась из-за фортепиано.

Полумрак скрадывал шаги, как скрадывал резкость линий и очертаний, шептался в изменчивой игре теней. В неровном свете свечей черная гладь зеркала дрожала, волновалась — как озеро в безлунную ночь.

Иришь вытянула из волос перламутровый гребень. Подойдя, убрала его в один из ящичков трюмо. Следом отправилось несколько тонких шпилек, удерживающих высокую и оттого тяжелую прическу. Черные волосы обняли плечи сладким дыханием ночи. И всколыхнулись, когда Иришь, присев за трюмо, провела по ним щеткой.

Говорят, если долго вглядываться в зеркало, можно заглянуть за грань и увидеть грядущее. Иришь улыбнулась уголками губ: она и без того знала, что ее ждет. И столько горечи отразилось в льдисто-голубых глазах той, кто смотрела на нее из зеркала, что девушка вздрогнула и отвела взгляд. Тихонько стукнула отложенная в сторону щетка. Пальцы, легко заскользили, перебирая волосы и заплетая их в простую косу.

«Нас почтит своим присутствием лорд вьер Шаньер»...

Слова матери слышались ей так отчетливо, будто кто-то, склонившись к ней, шептал их снова и снова.

Иришь нервно побарабанила по трюмо. Встала из-за него. И, повинувшись странному порыву, подняла положенный обратной стороной вверх портрет.

Тонкие, чуть резковатые черты лица: острые высокие скулы, нахмуренные, недовольно — сосредоточенно, брови, темно-синие бездны глаз. Такие невозможно чуждые, невозможно глубокие... невозможно пугающие.

Длинные пальцы Иришь скользнули по портрету, коснувшись бледных скул, выющихся волос — темно-русых, будто присыпанных пеплом. Таким она всегда видела его, таким помнила, хотя с удовольствием не знала бы и не помнила никогда. Странная полуулыбка, грустная и усталая, таящаяся в самых уголках губ — и взгляд...

Она резко опустила портрет лицом вниз, вздрогнув.

Взгляд, как бездна, от которого дрожь бежит по плечам. Кажется, пошатнешься сейчас — и сорвешься вниз. Или бездна выплеснется через край, чтобы забрать тебя.

Иришь обхватила себя за плечи: в комнате вдруг стало холодно и странно чуждо. Отняв руки, выпрямившись, она потянулась к тонконогой свече, стоящей у зеркала. Пламя заволновалось, заколебалось, задрожало от ее робкого прикосновения, грозя потухнуть и оставить ее одну в темноте, но удержалось и выровнялось. По глади зеркала пробежала рябь, как от дыхания ветра.

Девушка подняла свечу выше и обернулась. Все, как прежде — только тени дрожат на стенах. Никого кроме нее. Сердце, забившееся быстрее, резче, выравнило прежний ритм.

Короткий выдох — и огонь, всплеснувшись, погас. До завтрашней ночи. И до следующей, пока не придет пора покинуть Излом, чтобы уйти.

Иришь опустила свечу и ойкнула, когда рука дрогнула, и воск ожег нежную кожу.

Приглушенно стукнул подсвечнику, не опустившись — упав на стол.

Темнота обступила со всех сторон — вкрадчиво-мягкая, непроглядная, молчаливая. Сквозь неплотно задернутые шторы пробивался узкий луч лунного света. Иришь задернула их плотнее, зябко поведя плечами, и отошла к кровати.

Лес — древний, степенный, мудро-снисходительный — дышал глубоко и размеренно, с тихим шелестом вздымая густые кроны. Ночь, его неизменная спутница вот уже тысячи лет, ласково взидала из небесной дали, посверкивая лукавыми искорками звезд. Наступающее лето вдыхало жизнь, пьянило и заставляло поверить в вернувшуюся молодость даже их, извечных: вострепнуться, сбросить давящий груз пережитого так же легко, как красавица, разгоряченная в сумятице бала, сбрасывает кружево шали. И ночь, юная и прекрасная, стыдливо прикрывалась сонмом туч, точно всею, пряча кокетливую улыбку-месяц, а лес смеялся над ней тихим поскрипыванием ветвей и шелестом листвы...

Я споткнулся и выругался сквозь зубы. Лирическое настроение улетучилось в один миг.

...Мы шли звериными тропами, вереницей, ступая след в след. В густой траве, в трухлявых, изрядно подгнивших пнях, в трепетно дрожащей листве кустарников сновали золотистые искорки светлячков. Их тихий стрекот плыл над землей и вплетался в тихую дрему весенней ночи с нотками прелой прошлогодней листвы, предутренней свежести и пряности древесной коры. Мох и мягкая, податливая земля пружинили под ногами. Гулко ухали совы. Где-то вдали вяло переругивались волчьи стаи — слишком сытые, чтобы сцепиться в драке, но слишком гордые, чтобы, столкнувшись в одном лесу, разойтись с миром. Порой в шумящих кронах мерещился тихий смех fae, но неизменно оказывалось, что это юркий порыв ветра запутался в листьях.

А иногда низкие ветви кустарников вздрагивали, и среди их переплетений замершему сердцу мерещился едва слышимый топоток мягких лапок. Но раз за разом тени с золотыми глазами шли мимо, не торопясь выходить знакомиться. Слишком хорошо они знали, что острые когти и зубы и такая же острая ненависть не помогут против певучей стали бессмертных.

Хранительницы леса, хоть и не показывались, молчаливо помогали нам: направляли тропы в обход оврагов и буреломов, отводили ветви от лица и нашептывали хищникам о давнем согласии.

— Мы идем в правильном направлении? — едва размыкая губы, спросил Нэльвё. Я не сразу понял его, сочтя еле слышный шепот одним из привычных ночных шорохов.

— Да, — шепнула Камелия на выдохе.

Мы не боялись привлечь внимание, нет. Только разрушить тихую и старую, как мир, гармонию, игристой легкостью пробегающей по венам и оседающей на губах сладким поцелуем fae.

— Уже близко.

...Волчий час незримой, давящей тенью навис над затерянной в краю густых крон и поющих ручьев деревушкой. Звезды, капельками янтаря рассыпавшиеся по опрокинутому небосводу, провожали нас злыми колючими взглядами. Ветер, будто играясь, приносил то запахи гари, то эхо далеких волчьих голосов, от которых по телу пробегала дрожь.

— Что теперь? — спросил Нэльвё, как бы безразлично и скучающе, но пальцы, стиснутые на рукояти меча, выдавали его напряжение.

— Будем проститься на ночлег, — пожал плечами я, стараясь за показной уверенностью и очевидными фактами спрятать тревогу.

Не люблю этот час. Я чувствую на себе пристальный взгляд, идущий отовсюду и

ниоткуда, словно бы сам мир, всегда открытый и дружественный, родной, почти часть меня — вдруг смотрит чуждо и жестоко, как на незнакомца, нежеланного гостя. Я не слышу его размеренного, созвучного моему дыханию, и звенящего смеха звезд, и ласкового шепота ветра. И словно бы сама ночь, сам Волчий час спрашивает меня: кто ты? И почему здесь? Что ты сделал, и почему не делаешь?.. Спрашивает — и смотрит отовсюду: из погасших окон домов, из дробящихся сотней осколков-отражений луж, из враждебно щетинящегося леса и горящих янтарем звезд...

— Так вперед!

Окрик Нэльвё хлестанул по нервам оголенной плетью. Я вздрогнул и взглянул на него, не узнавая. В фиалковых всполохах глаз я увидел отражение своего взгляда — и своей тревоги.

Он увидел ее, несомненно. Но промолчал.

Чужой осмысленный взгляд выдернул меня из водоворота сумрачных мыслей. Спорить и препираться, перекидывать инициативу на других я не стал. Хотя бы потому, что отчаянно — даже отчаяннее, чем бегущий от призраков прошлого в никуда Нэльвё или вздрагивающая от недобрых предчувствий Камелия — нуждался в защите стен и плотно закрытых ставен.

И потому, что уступать эту сомнительную «честь» Нэльвё я бы не решился ни за какие коврижки: с манерами *thas-Elv'inor* нас скорее вздернут на ближайшем суку, чем впустят на постой.

Я наугад выбрал дом и, подойдя, постучал в дверь.

Никто не ответил. Я терпеливо выждал минуту и повторил. За дверью мне послышалось какое-то шевеление. Не дождавшись ответа, я откашлялся и рискнул негромко начать:

— Прошу прощения за то, что тревожу в столь поздний час, но...

Дверь рывком распахнулась. Я едва успел отскочить, вжавшись в стену, и вовремя — бешено сверкая глазами, негостеприимный хозяин выплеснул через порог содержимое ночного горшка.

И, истово возопив:

— Прочь, кровопийцы! — исчез. А дверь захлопнулась с той же волнующей неожиданностью, с которой и отворилась.

С крыши посыпалась колкая забивающаяся под одежду солома.

Я не шевелился. Злость — бездонная, всежигающая и всепожирающая — клокотала во мне, поднималась штормовым валом. Единственная причина, по которой я не разразился бранью, заключалась в том, что ни одно известное мне слово не могло передать и сотой доли того, что я думаю по этому поводу.

Конечно, парочка выраженьиц крутилась на языке. Но выкрикивать проклятья в неверный, изменчивый Час волка я бы не рискнул ни за что в жизни. И потому молчал.

Камелия брезгливо переступила на месте и одернула шейф: брызги самую малость не долетели до ее сапожек.

— Возмутительно! — звонко припечатал она, сморщив благородный носик. Ночь всколыхнулась, распахнулась окном — и содержимое второго горшка украсило утоптанную землю рядом.

Я зло сплюнул, оставив проклятия и ругань при себе, и поспешно ретировался, не решившись испытывать судьбу в третий раз.

Глаза Нэльвё так и лучился ехидством, а голос был спокоен и рассудителен:

— Может быть, еще раз попытаешься? Думаю, третьего горшка у него нет.

Я молча показал ему недвусмысленный жест, не размениваясь на препирательства. Бессмертный только осклабилась в ответ.

Камелия развернулась на носках и целеустремленно зашагала к соседнему дому. С мрачной решимостью (кто посмеет отказать в ночлеге — казню! Точно-точно!), постучалась в дверь.

...Впрочем, увешаться защитными чарами, памятуя о прошлом заходе, девушка не преминула.

Выбранный ей дом оказался почти точным близнецом предыдущего. Только ставни и дверь, окованные железом, казались понадежнее, и побелка не слезала рваными клочьями.

Хозяин не заставил себя долго ждать, зычным баском гаркнув на весь дом:

— Кого еще хол-лера среди ночи принесла?!

Бросать девушку в столь печальной ситуации было бы полнейшим свинством, и мы с Нэльвё, мрачно переглянувшись, нагнали Камелию и встали рядом.

Скрипнула дверь, и на пороге нарисовался здоровенный детина — больше нас троих вместе взятых — с черной жесткой бородой и колючим взглядом. Он занял собой весь проем и крутил в могучих ручищах кочергу, казавшуюся в его лапах тростинкой.

— Ну-у?! Кем будете?

Камелия, изрядно струхнувшая и забывшая о том, что она, вообще-то, одна из первых леди Северы, робко залепетала, растеряв весь высокий слог:

— Мы, господин, на ночлег проситься...

Лицо детины хмурилось все больше.

— ...и денег заплатим за постой, — жалобно закончила она, с перепугу выгребая вместо горы мелочи... злат.

Мне ужасно захотелось хлопнуть себя по лбу... а лучше — Камелию. И не только по лбу. И не только рукой.

Лицо мужика, более всего напоминавшего бога-кузнеца с Ферринских островов, окаменело. Оттолкнув маленькую ручку Камелии, он замахнулся кочергой и рыкнул:

— Думаешь, девка, напялила барскую одежду и дружков своих обрядила, так нищенкой быть перестала?! И дураку видно, что с чужого плеча! (Я смущенно кашлянул и затеребил подвернутый рукав слишком большой для меня рубашки.) Проваливайте, пока псов не спустил! И золото свое фальшивое забирайте!

Я попятился, Нэльвё, помедлив — тоже, а Камелия будто приросла к земле.

— Не поняла? — повысил голос крестьянин. — Так я повторю! — и припечатал злым: — Пшла, девка продажная!

Я ожидал чего угодно, но только не того, что произошло.

— Девка? — прошипела Камелия, и от ее голоса холодок пробежал по коже. — «Девка», значит?

Повинуясь ее злой воле, невидимая удавка захлестнулась вокруг шеи детины — и рывком вздернула его в воздух. Я слишком поздно понял, к чему все идет, чтобы успеть что-то сделать.

— «Девка»! Да ты знаешь, с кем говоришь?! Я леди Эльгйер, Камелия Лиара из Высочайшего дома Эльгйер!

Слова срывались с ее губ печатями приговора, стонами плети. Крестьянин отчаянно болтал ногами в воздухе, пытался высвободиться из пут ее горящего взгляда, разомкнуть железную хватку, обвившую шею — но тщетно. Жалкие хрипы вырывались из его горла, а в

темных глазах застыл страх.

— Стоит мне лишь пожелать, и ты задохнешься в собственном крике!

— Камелия! — рывкнул я на обезумевшую девушку.

Она вздрогнула, словно очнувшись. Путы взгляда, сжимавшие несчастного, разомкнулись, и он кубарем рухнул на заскрипевший пол.

Камелия смертельно побледнела и попятилась, задохнувшись от ужаса, но почти сразу взяла себя в руки.

Она не могла, просто не имела права показать свои видом, что вырвавшиеся слова и злое колдовство — всего лишь вспышка захлестнувших с головой эмоции.

Мужчина, едва пришедший в себя, рухнулся перед ней на колени.

— Госпожа!..

Камелия резким, исполненным властности жестом оборвала его.

— Встаньте.

Мужчина разрывался между страхом нанести благородной леди новое оскорбление и послушаться приказа. Неспособный выбрать из двух зол меньшее, он так и остался сидеть. Лишь поднял на нее глаза побитой собаки.

— Вы оскорбили меня. Теперь я вынуждена требовать, а не просить. Уже безо всякого вознаграждения.

— Госпожа, прошу! Моя жена больна, мечется в бреду. Мне некуда вас устроить!

Я буквально кожей чувствовал напряжение, разлитое по комнате. Рискованно, очень рискованно. Отказ благородной особе ни к чему хорошему не ведет. Но мужчина был то ли слишком глуп, чтобы понять, по какой острой грани ходит, облекая отказ в такую формулировку, то ли беспощадно смел... Впрочем, и в этом случае — глуп.

Камелия молчала, смотря на него сверху вниз. Холодно, жестко, неподкупно — как воплощение справедливости, сталь карающего меча. Он отвечал ей смелым, слишком смелым... все-таки смелым взглядом. Несломленным и готовым бороться до конца за то, что ему дорого.

Редкое для людей качество.

Бесценное.

— Хорошо, — девушка закрыла глаза, принимая решение. — В таком случае я прошу Вас найти того, кто сможет оказать нам гостеприимство.

За вежливостью просьбы крылся неприкрытый приказ.

Мужчина медленно поднялся. Плечи его ссутулились, словно дух бесшабашной смелости в один миг покинул его, уступив место осознанию того, что он сотворил.

— Я не заслужил вашего снисхождения.

— Прекратите! — оборвала его она. — Ведите нас. Как Вас зовут?

— Грэг, госпожа, — он вновь поклонился. — Идемте.

С непроницаемым лицом я подал леди руку, безукоризненно следуя этикету. Камелия приняла ее со спокойным достоинством. Мы пошли под руку.

Грэг обогнал нас и зашагал привычной, торопливой и размашистой походкой, постоянно забывая, что идет не один, и то и дело останавливаясь.

Я повернул голову, с прищуром следя за так и не сдвинувшимся с места Нэльвё. Он улыбнулся и, глянув на весело топорщащуюся с грядок ботву, поманил пальцем. Злат верным псом вспорхнул в открытую ладонь. Нэльвё подмигнул мне, подбросил полыхнувшую солнечным зайчиком монетку и медленно, не особенно-то желая нас нагнать, зашагал по

улочке, что-то легкомысленно насвистывая.

Нужный нам дом оказался совсем рядом: через два направо и на противоположной стороне. Гораздо более просторный, разросшийся за счет пристроек — видимо семья ширилась и не хотела разъезжаться, — но такой же опрятный.

Грэг, не таясь, поднялся на крыльцо и забарабанил в дверь. Послышались сонные, перепуганные женские голоса, два вскрика, детский писк, приглушенный топоток. Дом оживал, как потревоженный улей. Потихоньку загорались свечи, алыми дрожащими кляксами расплываясь в черных провалах окон. Затрещали девушки-синички, загудели голоса почтенных матрон...

Мы с Камелий так и остались в нескольких шагах у крыльца. Нэльвё как раз нагнал нас, когда, наконец, раздались шаркающие шаги и дверь отворилась. Из-за нее, держась с достоинством не меньшим, чем у нашей леди, вышел сухонький старичок. Выцветшие тускло-серые глаза смотрели подслеповато, но твердо и ясно.

— Что случилось, Грэг? — спросил он спокойным, звучным голосом, не разглядев нас в полумраке. — Неужели твоя... — он скорбно замолчал.

Великан побледнел и замахал руками:

— Типун тебе на язык, старый бес! Это наш староста, — объявил он, обернувшись к нам. И представил: — Высочайшая леди и ее свита.

— Какому дому вы принадлежите? — тихо спросил староста, переводя пронзительный взгляд на нас.

— Высочайшему дому Эльгйер, — холодно сказала Камелия, скрещивая с ним взгляд. И, ко всеобщему удивлению, чуть склонила голову. — Мы просим права гостя: защиты и ночлега.

— А если мы откажем вам?

— Тогда я буду вынуждена требовать.

— Узнаю высочайших лордов, — улыбнулся старик и приглашающе распахнул дверь, произнося ритуальную фразу: — Будьте как дома, путники.

— Госпожа, — тихо подал голос Грэг, — я...

— Благодарю вас. Нэльвё, — внезапно окликнула она, обернувшись к бессмертному. Тот вопросительно вздернул бровь. — Подай господину Грэгу злат.

Ни один мускул на его лице не дрогнул, но взгляд заледенел и как бы спрашивал: «Ты уверена, что хочешь этого?».

Камелия молчала, продолжая смотреть на него. Нэльвё криво улыбнулся и перебросил мужчине злосчастную монетку. Тот поймал, еще не до конца поняв происходящего. А когда понял, с ужасом уставился на девушку.

— Доброй ночи.

— Но, госпожа...

— Забирай, — холодно сказала Камелия. Великан побледнел, не понимая, что хочет от него странная леди, но послушаться прямого приказа не посмел. И, развернувшись, торопливым шагом покинул нас.

Камелия, игнорируя наши недоумевающие и, мягко говоря, неодобрительные взгляды, вошла в дом. Одна.

— Мы подготовим вам комнату, леди. А вашим сопровождающим — уж не обессудьте — придется заночевать на чердаке, — прокряхтел старик, закрывая дверь. Камелия поджала губы: леди положено было возмутиться тем, что ее стражи не смогут быть у дверей ее

комнаты.

Из крохотной комнатки-прихожей, в которой едва могли разминуться трое, мы попали в общий зал. Только-только разожженный очаг не успел еще прогнать предутренний холод.

— Присаживайтесь, госпожа! — захлопотала крепенькая и румяная женщина лет сорока — передник, волосы перехвачены косынкой, лишь самый ворот щекочит кудряшки. — У нас еще остались, желаете?

Камелия воспользовалась любезным приглашением и рассеянно кивнула, стягивая перчатки и разглядывая дом. За показным пренебрежением холодной и высокомерной леди она старательно прятала детский восторг и любопытство.

Я опустился на скамью рядом, Нэльвё — напротив.

Хозяйка накрывала на стол. Нарезала сегодняшнего, но уже подветрившегося хлеба, расставила деревянные миски и ложки. Хлопая дверями, бегала голопятая ребятня: мальчишка и девчонка, погодки, с растрепанными русыми кудряшками. Следом за ними бегала девчушка лет тринадцати, грозно шикая и призывая мелочь к порядку перед высокой гостьей, но изловить никак не могла. И ребятня продолжала резвиться — оббегать вокруг стола, хватать за ноги гостей и строить старшей сестрице страшные рожицы.

— Эзра! — прикрикнула уже на нее хозяйка, не выдержав, после того, как чуть не выронила кувшин, столкнувшись с юркой девчонкой. Та пристыжено притулилась на самом краешке лавки и теперь всю, с подсмотренным у Камелии высокомерием, делая вид, что ей и дела нет до малявок. Мальчишка, недолго думая, подкрался и дернул ее за косу. Эзра обернулась, но ухватить поганца за шиворот не успела.

Постепенно к столу стали подтягиваться остальные обитатели дома. Два молодца, старушка — в отличие от сухонького супруга дама весьма... монументальная — две горланящие кошки и поджарый мужчина, судя по фигуре и выправке — бывший военный.

— Доброго пути и легких дорог, — поприветствовал он, усаживаясь во главе стола, напротив старосты. — Куда направляетесь?

— В Лэйдрин, к отцу, — сухо сказала Камелия. — Простите, что потревожили в столь поздний час. Мы угодили в засаду разбойников.

— Пресветлые боги! — ахнула хозяйка. Эзра испуганно вскрикнула, прикрыв рот руками. Малявки, услышав волшебное слово «разбойники», наострили ушки и затихли под скамьей.

— Ишь, обнаглели! — бросила матрона. — Уже на тракте лютуют!

— А... как же вы? — тихонько спросила девчушка.

— В порядке. Лошади вот только взбрыкнули и удрали. И одежда.

— А как вы без лошадок-то к нам? — удивилась хозяйка.

— Лесом, — мрачно ответил за всех Нэльвё — на редкость искренне.

— Устали, наверное, — жалостливо продолжила она. — Не одну и не две мили прошли тропами, наверное!

Я многозначительно промолчал и затронул гораздо более волнующую меня тему.

— Хозяин, подскажите: можно у вас в деревне лошадей купить?

— Можно, — нехотя кивнул он, — Только обычные они, рабочие, не для господ.

— Лишь бы везти могли, и довольно, — заверил я.

— Да вы кушайте, кушайте, господин! — сгладила воцарившуюся после моих слов паузу хозяйка, заметив, что я не ем, и принявшись меня активно потчевать. — Простите, глупую! Совсем вас заболтала!

«Вас» кроме меня давно уплетали поздний ужин за обе щеки. Я, по правде сказать, не очень-то любил щи и всеми силами оттягивал неприятную трапезу. За этот удивительно длинный день голод навещали меня столь часто, что я уже свыкся с ним и отгонял, почти не замечая. Он напоминал о себе лишь противной слабостью, ядом растекшись по телу, и я бы, пожалуй, малодушно отказался от ужина, если бы не предстоящий завтра поход. Падение с коня в первый же час дороги не входило в мои планы, поэтому пришлось-таки, скрепя сердце, взяться за ложку.

Есть, когда столько пар глаз неустанно следят за каждым твоим движением, было страшно неудобно. Хуже всего приходилось Камелии. Она неловко управлялась с непривычной деревянной ложкой и то и дело бросала грустный взгляд на сервированный с деревенской простотой стол. В нем так и читалось острая нехватка салфеток, которыми можно промокнуть губы и обтереть руки. Но леди держалась достойно. Нэльвё приходилось немногим лучше. Более ли менее привычно чувствовал себя только я, не раз и не два присоединявшийся к торговым караванам и просившийся на ночлег в деревнях.

— Эзра, — окликнула хозяйка, когда ложки заскребли по дну. — Проводи леди в светлицу.

Девчушка вскочила со скамьи, но Нэльвё жестом остановил ее.

— Не сейчас. Мы бы хотели переговорить... одни.

Старшие покинули комнату молча и степенно, ребятня — с галдежом, когда их за уши потянули за порог. Дочки-ровесницы Камелии любопытно сверкали темными глазенками и прожигали матрону, выталкивающую их за дверь, обиженными взглядами.

Когда дверь все-таки захлопнулась (не переставая, впрочем, многозначительно подрагивать, как будто там усиленно делили места для подслушивания), я, кашлянув, полюбопытствовал:

— Ты всерьез думаешь, что мы остались наедине?

Нэльвё молча вскинул руку — и заклинание сорвалось с его пальцев золотой взвесью; прокатилось по комнатке дуновением теплого ветра, нежно огладив кожу.

— Теперь — остались, — в его голосе звенел металл.

Я напрягся. Благодушие и сонливость как рукой сняло. В интонациях Нэльвё сквозила тщательно сдерживаемая злость. Я решительно не понимал, чем она вызвана... и что он собирается делать.

Долго удерживать интригу Нэльвё не стал, разразившись гневной тирадой:

— С какой такой радости ты — пожри тебя Тьма! — разбрасываешься чужими деньгами, да еще и в таком количестве?! Посчитай-ка, л-леди, сколько нам еще трат предстоит! Лошади, упряжь, телепорты, ночлеги, завтраки, ужины и обеды... этого, потвоему, мало?! Захотела поиграть в благородную — так швыряй медяки в толпу, мне не жалко! Медяки, а не златы!

Камелия бледнела, краснела; сжатые в кулачки руки дрожали. Взгляд пылал какой-то отчаянной смесью злости, ненависти... и стыда.

— Это... мои деньги, — едва слышно прошептала она.

— Да неужели? Почему, в таком случае, они были в моем кошельке?

Камелия резко, болезненно выпрямилась, словно под плетью. В голосе, еще мгновение назад слабом и дрожащем, прорезались угрожающе-спокойные нотки.

— Я взяла деньги с собой. Если Вы изволите пройти в отведенную мне комнату, я с удовольствием верну Вам злат.

— Глупая девчонка! — рявкнул Нэльвё. К чести леди, она не дрогнула. — Злат! Злат, разорви тебя дракон! На него можно припеваючи жить две недели! Даже я, будучи одним из лучших торлиссских лекарей, горбачусь за него десять дней кряду! Десять! А ты разбрасываешься, даже не зная им цену!

В чем-то Нэльвё был прав. Мелкому служащему за злат нужно работать месяц-полтора, крестьянину и того больше. Избалованной богатой аристократке, платья которой порою стоят и по полсотни золотых, конечно, не понять этого. Но осуждать ее просто смешно.

— Да и с чего бы тебе знать? Сколько тебе на развлечения выдают, леди? Пять златов в месяц? Десять? Двадцать? — едко продолжил бессмертный.

— Один.

— Что? — переспросил Нэльвё, точно ослышался.

— Один злат, — отчеканила Камелия.

— Тогда почему?.. — воскликнул я.

— Потому что, — негромко, но решительно сказала она, поворачиваясь ко мне, — каждый должен платить за свои ошибки. И это — моя плата.

Камелия развернулась, гордо расправив плечи. Ее шаги срывались в тишину раннего утра, в зыбкий рассветный час.

Дверь закрылась неслышно, беззвучно, неощутимо, но неподвижность, оцепенение и безвременье развеялись в тот же миг.

— Ну и что это было?

— Что? — ошетинился Нэльвё, и я ожегся о его пылающий взгляд.

Пока я подбирал слова, в приоткрывшуюся дверь сунула любопытный нос хозяйка.

— Благородные господа, вы закончили? Можно прибирать стол?

Мы переглянулись. На секунду мне показалось, что он и сам уже не рад своей вспышке, но вслух этого ни за что не признает... Но лишь показалось.

Продолжать разговор в любом случае было бессмысленно. Я отвернулся.

Нэльвё приглашающе взмахнул рукой, и заклинание, дикой лозой обвивающей комнату, истаяло. Хозяйка несмело сделала несколько шагов — и замерла, когда Нэльвё легко поклонился:

— Спасибо за хлеб и кров, хозяйка.

В устах thas-Elv'inor это простая и искренняя фраза отчетливо отдавала иронией, но женщина все равно зарделась, а вошедший следом хозяин помрачнел и сухо бросил:

— Вход на чердак в сенях. Тюфяки найдете в углу. Больше предложить нечего.

Сделав мысленную зарубку особенно не рассчитывать на хозяина и его помощь, я толкнул дверь в прихожую и покрутил головой. Нэльвё первым заметил прислоненную к стене лесенку и, перехватив ее, бросил:

— Ты первый.

Я прищурился:

— Не доверяешь?

В повисшей между нами паузе отчетливо слышались стук убираемой посуды, тихие переругивания и детский писк.

— Нет, — пожал он плечами. — Просто не люблю, когда у меня стоят за спиной. Привычка.

Я мог бы всласть попрепираться еще пару минут, но после долгожданного ужина меня разморило, и единственное, чего мне хотелось сейчас: спать. Махнув на причуды

Отрекшихся, я сноровисто поднялся по любезно придержанной Нэльвё лестнице.

...Прогретый за день чердак еще хранил ласку солнца, но от стен уже веяло рассветной прохладой. Я зябко повел плечами — и тут же сдавленно выругался, стукнувшись о низкий потолок.

«Очень низкий, — мрачно заключил я, задрав голову и почти упершись в него. — Не пройти, даже пригнувшись».

— Что ты там копаешься? — сварливо пробурчал Нэльвё внизу. Я встрепенулся и, заметив груды тюфяков в углу, пополз в их направлении на четвереньках.

Лестница почти сразу деловито запружинила. Шур-шур-шурх... Стук! Неразборчивое (и отчетливо непечатное) шипение сменилось шуршанием и мрачным сопением. Я имел глупость обернуться и напоролся на исполненный ненависти взгляд Нэльвё. Если бы им можно было убить, я бы... а, впрочем, ничего бы не изменилось.

Тюфяки поделили быстро; подушек и одеял гостям не полагалось. Я, привычный и не к такому, тихо радовался отсутствию клопов и возможности наконец-то поспать. Избалованный не меньше Камелии бессмертный кривился, морщился, но молчал — только мрачнел.

Маленькое чердачное окошко благоразумно заслонили последним, третьим, ничейным тюфяком.

Я улегся, поджав ноги к груди, и почти сразу уснул, убаюканный нежным шепотом ночи.

* * *

Мне снилась какая-то вязкая, липкая муть. Я ворочался, стискивал зубы, сжимал в бессильной злобе кулаки. Секунды тянулись часами, минуты — вечностями, и время на зыбкой грани сна и яви обернулось жесточайшей пыткой.

А потом все закончилось. Я неожиданно понял, что меня мучит. Осознал это просто и ясно, в один миг — и проснулся.

За мной следили.

Я резко сел и прислушался к себе. Кто-то и впрямь настойчиво пытался найти меня. Защита, выстроенная в бытность еще магом, держалась стойко и достойно, но, не возобновляемая почти сотню лет, была уже на пределе. Ей осталось в лучшем случае минут десять — и тонкая грань, отделяющая меня от ищущего лопнет, как мыльный пузырь. А поставить новую я не успею.

Что же делать? Разбудить Нэльвё? Thas-Elv'inor — мастера ментальной магии... Не успеет ли он выстроить защиту? И выдержит ли она напор любопытствующего? Обычно для такого рода поисков и нанимают Отрекшихся, а справиться с защитой коллеги труда не составит. Камелию? Нет, чушь. Девочка слишком неопытна, чтобы доверить ей мою... нашу безопасность.

Я осекся на полуслове.

Творить заклинание ей, конечно, доверить нельзя... а вот дать подпитать энергией уже существующую структуру — можно.

Впрочем, даже на этот счет у меня были некоторые сомнения.

Я задумчиво поглядел на Нэльвё и почти сразу отверг эту мысль. Нет, он слишком умен,

чтобы легко согласиться помочь. Начнутся вопросы, препирательства, взаимные недоговорки и уступки, а драгоценное время будет уходить сквозь пальцы.

...Да и контроль над его сознанием, в случае опасности, не взять. И за Грань увести не получится. А просить обновить заклинание того, кто не видит его структуры, почти безнадежно.

Слишком умен, слишком рассудителен. Слишком.

Окончательно утвердив Камелию на роль невольной помощницы, я скользнул за Грань. И сразу же почувствовал, как протянувшаяся между нами нить рвется со струнным вздохом.

Неразличимый в реальности я, не таясь, спустился по лестнице. И, уйдя глубже, за дальние Грани, прошел сквозь истаявшую дверь.

Камелия спала. Сквозь плотно закрытые резные ставни не пробивалось ни лучика восходящего солнца. Смешная, с трогательно натянутой до самого подбородка простыней, с руками, раскинутыми, точно крылья, и смягчившимися во сне чертами лица, она сейчас казалось ребенком.

— Камелия, — тихо позвал я, шагнув в реальность у изголовья кровати. — Камелия!

— Отец... — едва слышно прошептала она. В голосе дрожали слезы. — Отец!

— Камелия! — позвал я громче, менее всего желая прикасаться к чужим тайнам.

От моего окрика она вздрогнула — и распахнула глаза. В темноте, опутавшей комнату, они казались двумя сгустками мрака.

— Мне нужна Ваша помощь, — сухо бросил я, не давая ей утонуть в догадках и высыпать на меня нелепые обвинения, которые почему-то всегда приходят женщинам в голову в первую очередь.

— Я Вас слушаю, — подчеркнуто вежливо сказала она, гордо вздернув подбородок. Мягкие после сна черты еще не успели ожесточиться, и она по-прежнему выглядела ребенком.

Только ли выглядела?

И я сказал совсем не то, что планировал.

— Я вновь покажу Вам тот мир, — без ложной мягкости и вкрадчивости сказал я. — Мир настоящего волшебства. А Вы, — я присел на корточки у изголовья так, чтобы наши глаза находились на одном уровне. — Напоите силой заклинание, которое покажу.

Совершенно безумное, глупое предложение. Предложение, на которое может согласиться только ребенок. Взрослым недостаточно просто смотреть — у них нет на этого времени. Им непременно нужно обладать. И неважно, что, получив в свою власть нечто, они почти наверняка забросят его, как сломанную игрушку.

Она согласилась.

— Что случилось? — также коротко спросила она, садясь на кровати и придерживая простынь. Подобная «стыдливость» показалась мне кокетством и манерностью: на том конце кровати простынь сползла, оголила узенькую щиколотку девушки, тонущую в ворохе кружев и рюшек ночной рубашки.

— За мной следят, — лаконично ответил я. — Быстрее, леди, у нас так мало времени.

Она поколебалась секунду и, чуть подвинувшись, чтобы мне было, куда присесть, протянула руку.

— В этот раз будет проще, — пообещал я. По дрогнувшим векам и волне мурашек, пробежавшей по ее рукам, я понял, что она не поверила.

И правильно сделала.

— Успокойтесь, леди. Закройте глаза, — терпеливо повторил я то, что она уже знала. Камелия подчинилась беспрекословно.

В прошлый раз я вел ее за руку по дороге, одергивая при любой попытке сойти с нее и остановиться даже на секунду. А в этот — шел рядом, благородно поделившись тем, что видел сам. Это создавало некоторый риск, но выбора не было: попробуй я взять полный контроль над ее телом, меня сразу бы обнаружили. Мне ничего не оставалось кроме как надеяться, что девушка не подведет.

Ее восторг вновь захлестнул меня, расцветил алыми отсветами молочную дымку. Но сейчас любоваться красотами Грани, ее нежностью и отзывчивостью, было решительно некогда, и я продолжил бесстрастно и отрывисто:

— То заклинание — словно сиреневая паутинка. Видите? Да, правильно. Протяните к ней руку. Нет, не получается? Жаль. Я не могу помочь: стоит нарушить структуру, как заклинание перестанет действовать.

«А если я напитаю все?» — тихо шепнула дымка голосом Камелии: она отчего-то боялась говорить вслух. За Гранью слова вспыхивали зарницами, гремели громом, рябью пробегали по туманному озеру. Но сейчас это пугало ее меньше звуков реального мира.

Я не колебался. Да, долго, да, расточительно, но кропотливый поиск нужной структуры грозил затянуться, а времени у нас нет.

— Начинайте!

По сцепленным пальцам пробежала волна тепла. Свет, нежный и ласковый свет солнца озарил меня от кончиков пальцев до пят.

Я открыл глаза как раз вовремя, чтобы увидеть, как девушка стала заваливаться набок и успеть ее подхватить.

— Леди! — зашипел я, отчитывая. — Что вы сделали? Нельзя пропускать сквозь себя столько энергии сразу!

— Я... я не знала, — светлая улыбка затухала, лицо бледнело; исчезал внутренний свет, заставляющий ее глаза сиять. Или, быть может, он лишь казался мне?..

Камелия потупила взгляд.

— Вас этому не учили? — неприятно удивился я. Она качнула головой. — Не учили обращению с чистой энергией? Хотя, впрочем, этого следовало ожидать от времени формул и сухого просчета... Времени магии, а не волшебства.

Спохватившись, что сказал это вслух, я попытался улыбнуться как можно теплее. Но вышла, кажется, лишь кривая усмешка.

— Спите. Мы не торопимся, часов пять еще есть. Спасибо, что помогли.

Она хотела было что-то возразить, но почти сразу, точно околдованная, закрыла глаза и уснула.

Я поправил сбившуюся простынь и тихо ушел, больше не тревожа ее сон.

* * *

Меня разбудили шорох, приглушенный стук и злое, но тихое шипение. Я приподнялся, замотал головой, едва соображая, где я и что происходит — и не смог разлепить глаз. Сквозь сцепленные ресницы получалось разглядеть лишь тонущий в радужных бликах силуэт.

Я вздрогнул, мотнул головой, часто-часто заморгал, протер глаза — и с облегчением

выдохнул, опознав в госте Нэльвё.

Уже умывшийся, с еще влажными волосами — с темных набухших кончиков скатывалась вода, — он сидел, закинув ногу на ногу, подложив руки под голову, и легкомысленно грыз пшеничный колосок.

— О! Проснулся! — не замедлил отреагировать он на мое пробуждение. Как ни странно, сейчас голос Нэльвё был исключительно радостным. Я сел на тюфяке, взирая на него хмуро — как и положено смотреть только что проснувшемуся на отвратительно бодрого друга.

Нэльвё заговорщицки подмигнул, подбросил что-то на ладони — и перекинул мне.

В пробивающихся сквозь крышу лучах блеснуло золотом. Я, плохо соображая, что делаю, перехватил верткую вещицу налету. И, разжав кулак, с удивлением обнаружил стиснутый в нем злат.

— Вчерашний, — пояснил Нэльвё, лукаво улыбаясь. — Тот, что наша благородная кузнецу пожаловала.

— Отобрал? — мрачней на глазах, спросил я.

Он расхохотался:

— Обижаешь! Проку ему с того злата, да еще после того, как он узнал, кого отчихвостил! — и, поняв, что я не собираюсь разделять его веселье, уже серьезно повторил: — Толку ему с того злата, когда жена уже месяц с болезнью слегла, а лечить ее некому. Выходил я его благоверную, так он мне со слезами этот злат втюхал! На, говорит, добрый человек, забирай! — со смехом процитировал Нэльвё. — Ну, я и забрал. И ведь не просил ничего, он сам предложил.

Я недоверчиво вздернул брови. Нэльвё проявлял удивительную доброту... Я бы сказал, подозрительную.

«Заразное это, что ли? Неужто отповедь Камелии его так встряхнула?» — рассеянно подумал я, безуспешно пытаюсь натянуть рубашку: все никак не мог попасть в нужный рукав.

— Хозяйка пирожки печет, — меж тем сообщил Отрекшийся, продолжая мучить бедный колосок. — Нас зовет. И соню эту... благородную.

Я надивиться не мог настроению Нэльвё, гадая, в чем же причина редкого благодушия и добродетели. Слепо нащупав ботинки, я натянул их и зашнуровал, отчаянно зевая и норовя пропустить нужный крючок. В голове крутилась какая-то мысль, но я никак не мог ухватить ее за хвост.

А!

— Ты не говорил с деревенскими о лошадях? — спросил я скорее для отмашки (и слабо надеясь пролить свет на оставшиеся за утренние кадром блуждания Нэльвё). Мне в принципе не верилось, что наш thas-Elv'inor способен на общественную деятельность.

Но зародившийся день полнился чудесами и удивительными событиями.

Отрекшийся кивнул:

— Да, с нашими гостеприимными хозяевами. Поймал главу семейства по утреннему холодку, пока он дрова рубил, и вежливо полюбопытствовал, как да чего. Он не очень-то хотел мне помогать, но, — Нэльвё развел руками, — я был очень убедителен. Любезный хозяин обещался разузнать, нет ли у кого лошадок на продажу, и после обеда сообщить.

Я, так и замерший за завязыванием шнурков, встрепенулся и только покачал головой, вернувшись к прерванному занятию.

— А чего ты вскочил-то так рано? — не выдержал я и задал давно терзающий меня

вопрос.

Нэльвё лишь загадочно улыбнулся. Я не стал настаивать на ответе, и, перебросив ему чуть не забытую монетку, первый отправился в увлекательное путешествие ползком по чердаку, а после — по пружинящей лестнице.

Пирожки, хоть и заурядные — с мясом и капустой, луком и яйцом — оказались на диво вкусными. Мы уплетали простое угощение за обе щеки, готовые за такой откуп даже мириться с занудными речами почтенной матроны, отчего-то решившей, что гостей надо непременно развлечь «светским разговором». Естественно, получалось у нее это из рук вон плохо, но сытное благодушие и вежливость заставляли нас стоически терпеть ее общество.

Завтрак закончился приходом хозяина. Он, хмуро зыря на Нэльвё, пробубнил, что нашел лошадей. Мы торопливо подхватились с мест, от души раскланявшись с щедрой хозяйущкой, несколько сдержанно — с ее навязчивой матерью, и поспешили за нетерпеливо топчущемся у порога супругом.

Скрипнула дверь в залитый полуденным золотом двор. Солнце, уже по-летнему жаркое, но сохранившее весеннюю нежность прикосновений, озорными зайчиками скакало по светло-зеленым листочкам, бороздило золотой вязью причудливую роспись теней и слепило глаза.

Сквозь мечущийся в глазах калейдоскоп пятен я не сразу разглядел лошадей. Самые обычные — невысокие, с массивными и грубоватыми чертами тягловых крестьянских сивок и темными влажными глазами. Единственное, что в них поражало — полнейшее равнодушие ко всему, кроме цветущих под окном приютившего нас дома настурций.

— Вы хотите сказать, что они нам подойдут? — возмущению Нэльвё не было предела. Под его полыхающим огнем взором хозяину, посмевавшему предложить столь неказистый товар, вероятно, следовало уже затягивать петлю на шее, а лошадам — похорошеть до альриньярских скакунов, пегих и тонкостанных. — Да они хоть раз под седлом ездили или только тягло таскали?!

— Какие есть, господин.

В голосе хозяина не было ни тени уважения или боязни. И это вызывало у меня опасения, а у Отрекшегося еще большее раздражение.

«Хватит! — громко подумал я. Очень громко и очень прицельно. — Какая разница, как выглядят эти несчастные лошади? Было бы куда ехать! Переживут в Ильмере как-нибудь наше недостойное появление».

— Прошу прощения, но маловероятно, что мы найдем здесь лошадей, подходящих столь высоким требованиям, — вслух добавил я, холодно и официально. — Странно было бы ожидать породистых скакунов у крестьян, не правда ли?

— Добрый день! — прозвенел переливчатым колокольчиком высокий голосок Камелии. — Ой... лошадки!

Восхищение столь явственно проступило в голосе высочайшей леди, что Нэльвё, скрипя зубами, был вынужден прикусить язык и готовую сорваться с него пакость.

— Такие смешные! — улыбнулась Камелия, глядя лошадок по лохматым гривам. Они фыркали и тыкались в протянутую ладонь: от рук девушки вкусно пахло пирожками, натопленной кухней и домом — запахами хозяйки. Но угощение все не находилось, и скоро лошадки потеряли к Камелии всяческий интерес, вернувшись к неторопливому, но планомерному уничтожению клумбы с настурциями. Камелия надулась, но повторно вызвать ажиотаж у флегматичных животных не удалось.

— У вас сбруя на продажу есть? — мрачно спросил Нэльвё.

— Есть, — спокойно сказал мужчина. И, коротко бросив нам:

— Подождите минутку, — развернулся и неспешно зашагал по улице.

Я приготовился выслушать очередную пламенную тираду Нэльвё, но вместо ругани он полез в карман, чтобы провернуть уже знакомый мне маневр с монеткой. Она только блеснула золотым ребром — и нырнула в доверчиво протянутые руки Камелии.

— Что это? — глупо спросила она, неверяще разглядывая злат.

Ее вопрос ударил Нэльвё в спину. Он, уже открывший дверь, обернулся и улыбнулся. Немного снисходительно, почти покровительственно... и тепло.

— Возвращаю то, что тебе причитается.

— Это... это злат, который я вчера отдала кузнецу?.. — спросила она неуверенно, слабо. И почти сразу вспыхнула злостью, заплывавшей в темно-бордовых глазах: — Ты отобрал у него деньги?! Верни немедленно!

— Нет, глупая. Я вылечил его супругу — можно даже сказать, вернул с того света. Он предложил мне все, что угодно за помощь. И я попросил злат.

— Но... это же нечестно!

— Что именно? Получать вознаграждение за свой труд? — иронично вскинул бровь Нэльвё.

— Нет! Другое! — воскликнула она и замолчала, не подобрав слов.

— Что же нечестно, Камелия? Честно получать то, что тебе причитается; то, чего заслуживаешь, ждешь и в чем больше всего нуждаешься. Он, этот кузнец, больше всего нуждался в помощи, а не в деньгах.

— Это мое наказание! — вспыхнула девушка.

— То есть в своем эгоизме ты готова не считать ни с кем? — улыбнулся Нэльвё. — Камелия, ты представляешь себе, как это выглядело со стороны? Я скажу. Отвратительно выглядело. Словно госпожа походя отвесила пинок бездомному псу и милостиво приказала слугам бросить косточку к его ногам. Это унижительно и недостойно.

Камелия осеклась на полуслове и замерла, жалкая и растерянная одновременно.

— Вина искуплена, Камелия, — продолжил он терпеливо. — Твоей добротой. Иногда, видишь ли, достаточно только проявить готовность к самопожертвованию — искреннюю, подлинную, ничем не замутненную. Поэтому прекращай хлопотать глазами, закрой рот и убери эту несчастную монету в карман, подальше от моих глаз. Вот честно — воротит уже от нее!

Нэльвё толкнул дверь и шагнул в сумрачную прохладу дома. Скрипнула проворачиваемая на петлях дверь — и захлопнулась с глухим стуком, выбив точку в конце строки.

Камелия, по-прежнему ничего не понимающая, повернулась ко мне, надеясь... на что? На правду? На объяснение?

Но простых ответов не бывает.

— Он прав. Вина искуплена.

И добавил, колебавшись, не очень-то рассчитывая, что она поймет:

— Вина перед собой.

Долго мы задерживаться не стали: дождались обещанной упряжи, щедро расплатились с хозяевами и сразу отправились в путь.

Полуденный зной пригибал к земле одуряюще пахнущие травы, плавил воздух жарким дыханием. Мерный цокот копыт по утоптанной сотнями сапог и подков дороге убаюкивал, погружал в сладкую дрему.

Лошади постоянно сбивались на шаг. Неприученные ни к седоку, ни к долгим переходам, изнывающие от неприличной для поздней весны жары, они отчаянно не желали слушаться. Из нас троих «воевал» с ними только Нэльвё (Камелия откровенно жалела «бедных лошадок», а я сразу понял, что ничего из этого не выйдет). Сначала Отрекшийся понукал их, потом грозил расправой, а сейчас, умаявшийся и разморившийся, только вяло бранился: солнце светило все безжалостней, и он волей-неволей проникся к лошадям сочувствием.

Полдень туманил голову, путал мысли. Я бросил измученный, затуманенный взгляд вперед, надеясь разглядеть в дрожащем, колышущемся мареве крепостные стены Ильмере. Но горизонт был чист, как и час, и два часа назад. И мне начинало казаться, что эта пытка никогда не закончится.

Прносящиеся мимо экипажи и всадники обдавали нас суховеем, в котором умерло само воспоминание о прохладе. Время застыло, как увязшая в янтаре муха. Я не мог ни о чем думать — но и не думать не мог! И сложно было сказать, что было большей пыткой: жара или невыносимая, невозможная скука.

Я сам не заметил, как очнулся от дремы. В голове прояснилось, и я нетерпеливо заерзал в седле. Нет, если будем так медленно тащиться, точно с ума сойду!

— Эй! — привлёк внимание спутников я. — Хорош плестись!

И, подавая пример, легонько ударил каблуками о круп кобылы. Она сорвалась с шага на стремительную рысь — да так резко, что я едва не сверзился. Похоже, это стало неожиданностью и для нее, потому что почти сразу она перешла на неторопливый аллюр, а потом и вовсе остановилась.

— Ты чего? — с искренним недоумением спросил нагнавший меня Нэльвё.

Случайные попутчики смотрели кто удивленно, кто неодобрительно. Ну, еще бы! Сорваться с места в галоп, взвив клубы пыли, чтобы почти остановиться через какую-то сотню шагов!

— Так мы в город затемно доберемся. Не знаю, как тебя, а меня это не устраивает. Ну, пошла! — прикрикнул я на кобылу. Она жалобно ржала и вяло стригла ушами, упираясь, что есть сил. Но я прекрасно чувствовал настроение лошадей и видел, что им далеко не так плохо, как они старательно это изображают. Поэтому настойчиво подгонял, не давая халтурить.

...Дорога стелилась под копыта диковиной золотисто-охровой лентой. Цветущее разнотравье бежало с нами наперегонки, простираясь настолько, насколько хватало глаз. Ветер, излюбленный спутник всех путешествий, трепал свободную рубашку, взмокшие, липнувшие ко лбу и щекам волосы. Коса хлестала по спине, и я в которой раз пообещал себе, как только, так сразу сходить к цирюльнику. Пыль завивалась вокруг копыт, и случайные попутчики, угодившие во взметавшиеся после нас золотистые облачка, изрыгали проклятья,

посылая нас в бездну и Край вечной ночи разом, но я только улыбался.

* * *

К воротам Ильмере мы выехали на закате. Солнце, к вечеру подобревшее, светило в спину и отбрасывало далеко вперед причудливые тени.

Отсюда, с гребня холма, город лежал, как на ладони, и казался расписной игрушкой. Я привстал на стременах, вглядываясь вдаль, и недовольно цокнул.

— Ну и очередь! Хорошо, если вообще успеем сегодня.

— Я могу потребовать, чтобы меня пропустили вне очереди, — робко предложила Камелия. — Это одна из привилегий Высоких лордов.

— Чтобы они нас с особым пристрастием осмотрели? — фыркнул Нэльвё. — Благодарю покорно! Лучше попробовать проскочить перед... м-м... да хоть перед тем купцом. Ты только посмотри, какой воз! Органза, муслин и батист, ткани-паутинки из Лазурной Гавани, шектарские шелка, лиссарийское кружево... вот уж где стражники разгуляются! Они на нас даже не посмотрят, только бы быстрее отделаться.

— Конечно же, стражники не заметят твоего маневра, — иронично заметил я. — Они «люди», а не «идиоты». Это не одно и то же. Оборванцы, пытающиеся въехать в город перед богатым возом, вызовут подозрения. А вот, скажем, спешащая благородная госпожа — нет. На ее сопровождающих даже никто не взглянет.

— То есть ты предлагаешь действовать в лоб — и будь что будет?

— Другую легенду все равно не придумать, — пожал плечами я. — Может, в город нас и пропустят, но запомнят.

— Ладно, — поморщился Нэльвё. — Твоя взяла. Девчонку никто не ищет, вот пусть и сверкает перед стражей.

— А зачем мне в Ильмере? — спохватилась Камелия. — Это же глухая провинция. Крестьянам-то мы про столицу ввали, а тут что говорить?

Повисла тишина, такая густая, что слышен стал шелест ветвей кустарника и шепоток ветра.

— Ну... — неуверенно начал я, лихорадочно пытаюсь вспомнить хоть что-нибудь про этот захудалый городишко. По правде сказать, все «городишки» кроме Торлисса и Лэйдринна были у нас захудалые — купечеству и знати хватало двух столиц за глаза. Все остальные или появлялись на карте как-то само собой, вырастая из деревушек и поселков, или строились от большой нужды вокруг крепостей, у портов, на перекрестьях дорог.

Ильмере раскинулась у широко разлива Майры, где от берега до берега чуть большим полумили. Это как раз был случай с обросшей городищем крепостью (Майра — древняя граница земель бессмертных), так что кроме этих самых крепостных стен, реки и обыкновенной городской суеты смотреть здесь было не на что.

— Проездом? — неуверенно спросил Нэльвё.

— Пусть так. Но куда? — невесело улыбнулся я. — Не в Лес Тысячи Шепотов же. А в Холмы — подозрительно.

— Liane-shi Viorre! — воскликнула Камелия. — Виоррейский карнавал! Он как раз начинается.

— Не очень удачно. Обычно лорды и леди высочайших домов, отправляющиеся на

неделю Поющих флейт, прибывают вместе со своими бессмертными родичами. Ты кому приходишься?

— Моя мать — младшая княжна Серебряной лозы, пятая наследница венценосного дома Тайноррэ, — заученно оттараторила Камелия.

— О! — щелкнул пальцами Отрекшийся. — Прекрасно! Имя Тайноррэ на слуху, должны проникнуться...величием момента. И в Виорре у твоего дома резиденция есть. Значит, проблема решена! Вперед, леди!

Коротко щелкнули поводья, и конь Нэльвё ринулся вниз, под откос. Щелк, щелк! — и мы устремились за ним наперегонки с дурашливым ветром. Мимо проносились телеги, плетущиеся по тракту паломники и оборванцы, богато изукрашенные кареты и высокородные лорды и леди с одинаково скучающими и одинаково напудренными лицами. Мы влетели в очередь из неповоротливых телег, карет и возов, запрудивших подход к воротам.

Крики, ропот и нарождающееся раздражение волной прокатилось по толпе. Стража, заслышав гул, начавший подниматься уже штормовым валом, ухватила за пики и заступила дорогу. И куда только делась сонная одурь!

Лошадь Камелии взвилась на дыбы и истошно заржала (кажется, уже позабыв, что еще с утра был обычным крестьянским тяжеловозом). А она сама окатила толпу ледяным презрением и выкрикнула:

— Я — Камелия из дома Эльгйер, Великого дома Эльгйер! Прочь с дороги, пока я не приказала нанизать ваши головы на пики!

Ее звонкий голос разнесся над толпой, только сейчас в нем звенели не серебряные колокольчики, а сталь — и дрожь пробрала даже меня.

Меч выскользнул из ножен Отрекшегося с тихим напевом — и ослепительно полыхнула на солнце. Толпа замерла, затаив дыхание, точно замороженная — и с возгласом-вздохом прянула назад.

Камелия подхлестнула коня и сорвалась вперед. Стража, преградившая въезд, бросилась врассыпную, убираясь с дороги. Толпа, сначала робко притихшая, взревела — и хлынула за нами. Мы влетели в ворота тремя разноцветными птицами и, ни на секунду не задерживаясь, помчались вперед по улицам.

Позади раздалось зычное «куда прешь?!» и лязг стали. Рев толпы — все отдаляющийся, но не стихавший — гнал вперед.

Только через два квартала, куда уже не долетали отголоски устроенной нами свары, мы смогли приостановиться.

— Чего они так взбеленились? — спросила Камелия, когда наши кони поравнялись, и можно было говорить, а не кричать через всю улицу. В ее голосе отчетливо слышалась досада.

— А ты ничего не заметила? — невпопад откликнулся я и тут же об этом забыл, поглощенный другими мыслями.

...В Ильмере я был, кажется, лет двадцать назад, и за это время городок лишь разросся и еще больше подурнел. Доски, которыми мостили улицы, окончательно осклизли от грязи и щедро выливаемых из окон помоев. Покосившиеся дома обветшали, и облупившаяся краска слезала с них рваными лоскутами, обнажая выщербленный временем камень.

«Ильмере... — с неожиданной тоской подумал я. — «Лебедь». Озерный острошпилевый замок — и город-жемчужина Западных земель, притулившийся у излучины рек. Тысячи лет

твои белокаменные стены стремились ввысь, к облакам, срывались в свободном полете. Тысячи лет раскинутыми крылами плескались на ветру тонкие ленты флагов. Город-жемчужина, красота Первых дней... Но сгустились сумерки, и ты, как и все лучшее, как и все мы, сгинул в обжигающем пламени Тысячелетней ночи. Пепел и белокаменные руины — вот все, что осталось от твоей стройной неги и красоты.

А потом пришли они, люди — и вот уже крепости из неотесанного гранита поднимаются из твоего пепла. Уродливые башни, умытые в грязи деревни... Мы отдали тебя, поверженную, легко, без боя. Отдали тем, кто обрек тебя на гибель и забвение. Отдали, даже не подумав, не вспомнив... И теперь, проезжая по осклизлым от помоев улицам даже не видим твоих извечных, непрекращающихся слез.

Мы и себя отдали, потеряли... и забыли.

Прости, Ильмере. Прости, яснокрылая».

— ... что не заметила? — терпеливо и как-то обреченно (видимо, уже не в первый раз), повторила Камелия. — Мастер Мио, вы меня слышите?

— Что не заметила? — глупо спросил уже я, еще гуляя где-то среди мозаичных улочек прежней Ильмере.

— Не заметила, — перебил Нэльвё, уставший от бесконечного разговора, — что мы втоптали в землю целый тюк тончайших лиссарийских кружев, опрокинули воз с фарфором и разбили парочку амфор с оливковым маслом, пока продирались сквозь толпу. Господа купцы сначала, конечно же, испугались, но почти сразу опомнились и стали напирать на стражу, требуя восстановить нанесенной Высокой леди ущерб.

— Да? — несчастно спросила Камелия и несмело потянула поводья, оглянувшись. — Мы должны...

— Ничего мы не должны, — осадил ее Нэльвё. И жестко добавил: — Успокойся. Весь ущерб, нанесенный Высокими лордами, покрывают городские власти. Если, конечно, находят это необходимым.

— Камелия, — с обычно непозволительной резкостью начал я. — Мы торопимся. Нам некогда участвовать в разборках. Да и нельзя, вообще-то: если мы вернемся, нас непременно запомнят. Поэтому, пожалуйста, едем прямо!

Девушка стушевалась. Она, казавшаяся каких-то пару минут назад высокородной госпожой, которой, не раздумывая, должен повиноваться каждый, вновь стала прежней: маленькой наивной девочкой, которая в очередной раз столкнулась с жестокой реальностью и совсем ничего не могла ей противопоставить.

Потому что реальность, драконы ее пожри, совершенно права!

— А не пойдешь сама — волоком потащим! — вкрадчиво сказал Нэльвё, наклонившись к вспыхнувшей от негодования и смущения леди.

Не давая ей прийти в себя, *thas-Elv'inor* отпрянул и невозмутимо продолжил:

— Сегодня выезжать уже поздно, так что предлагаю кончать валять дурака и озаботиться делами насущными. Скажем, ужином.

— В Ильмере, конечно же, никто не был? — безнадежно спросил я и только досадливо скрипнул зубами, услышав ответ. Кто бы сомневался! — Где остановимся?

— Только не в этой дыре, — брезгливо добавила Камелия.

— Детка, этот город — одна большая дыра, — покровительственно сообщил Нэльвё, заработав гневный взгляд леди и мое невольное восхищение. Так талантливо чередовать ампула, представляя то героем, то злодея, надо уметь!

— Так здесь только на окраинах, — успокоил ее я и бросил предостерегающий взгляд на Нэльвё, шепнув одними губами: «Доиграешься». Он скептически скривился и, подхлестнув коня, вырвался вперед.

Я лукавил. Город производил удручающее впечатление весь: от золоченных шпилей храмов до полуоблупленной ратуши и неловких, грубых коробок домов, громоздящихся друг на друге. Запустение и отчаяние — вот единственные чувства, которые еще сохранились в этой беспросветной серости. Они сквозили повсюду: в изломах кривых улочек, в вянущих на подоконниках гортензиях и надсадном, охрипшем крике ворон.

— А вот и стационарник. Красиво, зараза!

— Где? — любопытно завертела головой Камелия. Все обиды тут же забылись. Так же быстро, как расстроилась, Камелия развеселилась, и теперь буквально подпрыгивала от нетерпения, попиная лошадку каблуками и подергивая за поводья.

Я проследил за взглядом Нэльвё и только сейчас заметил разливавшееся над городом сияние. Золотисто-алое, переливчатое, оно терялось на фоне закатного неба.

Истошное «кар-р-р!» всколыхнуло сонную тишину улиц. Сердце пропустило удар — и ухнуло вниз, когда с крыши дома, вдоль которого я проезжал, сорвалось несколько черепиц. Загремел металлическим звоном водосток. Перепуганная лошадь шарахнулась влево, столкнувшись с конем Камелии и чуть не выбив девушку из седла.

Я, не сдержавшись, грязно, но совершенно бессвязно выругался, не столько стараясь высказаться виновнице, сколько отвести душу. Хриплое карканье, похожее на отрывистый смех, закружилось вместе с вороной. Я вскинул голову, в бессилии сжимая кулаки — и осекся, встретившись с изумрудно-весенним взглядом.

Своим взглядом.

Портрет, конечно же, был не в цвете, но чернила ложились так точно и тонко, до последнего росчерка, что можно было в это поверить — и безошибочно узнать.

— Мио? Ты что там высматриваешь?

Проклятье! Только внимание Нэльвё мне привлечь не хватало! Я замер, лихорадочно обдумывая, просчитывая и решая, что, дракон раздери, делать. Сказать им? Или молчать дальше?

Молчать... А что толку? Да, плакат не видно за моей спиной, но вряд ли он единственный на весь город. Уж у ворот и телепорта точно висят объявления о розыске, и мое в том числе.

Отчаянно хотелось схватиться за разрывающуюся от бесчисленных вариантов голову. Но вместо этого я — или кто-то, на мгновение ставший мной — медленно обернулся.

— Ничего, Нэльвё, — долетел до меня собственный, но словно бы чужой, голос. — Ничего.

Ложь поднялась между нами стеной отчуждения. Я поднял на Нэльвё взгляд и улыбнулся.

— Все в порядке.

Камелия, только сейчас увидевшая сияние, ахнула. И, обернувшись ко мне, спросила:

— Что это?

Ее вопрос пришелся очень кстати, позволив уйти от неприятного разговора.

— Искажение пространства вокруг действующего телепорта, — мягко и доброжелательно ответил я, словно не замечая пристального взгляда Нэльвё.

— Красиво! Почти как северное сияние, — мечтательно проговорила девушка.

— Да, наверное. Я не был на Жемчужных Берегах.

Я делал все, чтобы не выказать волнение натянутых нервов-струн. И thas-Elv'inor, кажется, поверил. Во всяком случае — отвернулся. И, легонько подхлестнув поводьями, пустил лошадь шагом.

— Я слышала, что сияние севера — самое прекрасное из всего, что можно увидеть, — тихо продолжила Камелия, вновь взглянув на небо. Я поравнялся с ней и легко обогнал. — И я бы очень этого хотела.

— Может быть, его уже давно нет, — бросил из-за плеча порядочно отъехавший Нэльвё. — Или не было никогда.

— Было! — возмутилась Камелия и, спохватившись, тоже тронулась с места. — И не могло исчезнуть.

— Мир меняется, — негромко заметил я. — И мы меняемся. Время уходит и забирает самое прекрасное.

— Говорят, сияние севера родилось из поцелуя неба и драконьего пламени, — упрямо продолжила Камелия. — Неужели что-то может быть властно над ним?

Я неопределенно пожал плечами, ничего не ответив. Убедившись, что Нэльвё утратил ко мне интерес, позволил себе перевести дух. Спокойствие и сдержанность, к которым я привел себя силой воли, слетели в один миг. Тревога ворвалась в сердце, внеся сумятицу в мысли. Они путались, сталкивались друг с другом, как вспугнутые птицы. Десятки, сотни, тысячи вариантов проносились в голове, толкаясь и теснясь, противореча друг другу.

Что делать? Из города не выбраться... Или выбраться, но одному.

Бросить их здесь? Нет, не то, что бы я за них переживал, но что делать мне? Все мои скромные накопления остались в сумке, позабытой еще в доме Нэльвё. Без денег я просто не попаду на Арлетту. И Корину за его сумасбродной ученицей обещал присмотреть...

Сказать прямо? Или, увидев очередной плакат, разыграть удивление? Впрочем, и разыгрывать-то не придется: я по-прежнему не представлял, что и кому от меня могло понадобиться. Да еще настолько, чтобы разыскивать по всей Севере!

Нет, «удивлению» он не поверит. Теперь. Драконье пламя! Нужно было не валять дурака, а сказать все сразу, как только увидел!

Подойти и рассказать все нельзя: Нэльвё сразу же задаст вопросы, на которые у меня нет ответов. В это он, конечно же, тоже не поверит. Проклятье!

Надо срочно что-то делать, но что? Мне даже в трактир заходить опасно, не говоря уже о том, чтобы открыто ехать по улице!

Сказать-не сказать, сказать-не сказать...

Чет-нечет...

— О! Вот этот, пожалуй, подойдет, — обрадовался Нэльвё чему-то. — Во всяком случае, хотя бы не похоже на хлев.

Я очнулся от рассуждений и вскинул голову. Мы становились у трактира под вывеской «Славный Алестор». На ней красовались любовно, но неумело намалеванные горы и северные озера, тонущие в зеленой дымке лесов.

— Эй, малый! — Нэльвё подбросил на ладони пару медек. Привлеченный их звоном, тут же нарисовался безотказный мальчишка-конюх — чумазый, в старой, обветшалой одежде, с острым и цепким взглядом выросшего на улицах ребенка. — Почисть и накорми коней!

Отрекшийся прыгнул с лошади по-кошачьему плавно, бесшумно. Старательно

рассказываемая им легенда о том, что он «безобидный целитель» в очередной раз пошатнулась.

Неумолимо приближалось мгновение выбора. Идти или не идти с ними, заходить или не заходить?.. Идти — или убираться из города, высекая искры из-под конских копыт и взвивая облака пыли?

Убираться, сжигая за собой мосты?

Я натянул поводья, уже сделав выбор, но еще не решаясь его признать — и столкнулся с испуганным взглядом Камелии. В ее расширившихся глазах мелькнуло внезапное, невозможное прозрение — и неверие. Она не заметила, не могла заметить. Просто вдруг поняла, что я собираюсь уйти.

Лошадь всхрапнула, заплясала — и остановилась, когда я резко сжал бока и откинулся спиной назад.

Когда я, устыдившись ее взгляда — не обличительного или разочарованного, возмущенного, а испуганного — остался.

Последние сомнения отступили, когда кто-то, изнывающий в трактире от жары, распахнул окно — и из него потянулись, щекоча нос, запахи отличной кухни. Душистое мяса с травами, томящееся на углях, молодая картошка с укропом, жареные грибы и свежий, только что из печи, хлеб. Желудок, героически молчавший весь день, заныл, растравленный умопомрачительными ароматами. И я позорно капитулировал, бросив поводья и спрыгнув вслед за Нэльвё.

Сам он помогал спуститься не сводящей с меня напряженного взгляда Камелии.

— Что-то случилось? — как ни в чем не бывало спросил я с легкой тревожной ноткой в конце.

— Н-нет... Показалось... — тихо сказала она, мотнув головой. Челка смешно упала на глаз, заставив ее еще раз качнуть головой. — Чепуха.

Камелия приняла поданную руку и, придерживая великолепный белоснежный шлейф, аккуратно спустилась с коня, ступив аккуратно между двумя лужами.

— А зачем за ними ухаживать? — негромко, растеряв весь щебет и звон, спросила она. — Мы ведь их продать хотели. Все равно с собой провести нельзя.

Я едва заметно поморщился. В свете последних событий поспешное бегство из города казалось едва ли не самым вероятным исходом. И хотелось бы, чтобы оно проходило быстро... то есть не на своих двоих.

— Так трактирщику и продадим, — отозвался Нэльвё. — По дешевке. А там уж пусть он разбирается, куда их пристроить.

Он отправил в полет монетки, одну за другой. Медяки взвились в воздух, сверкнув красновато-охристыми краями — и приземлились в торопливо подставленную рубашу.

— Пойдемте, — бросил он через плечо, уже поднимаясь по ступеням.

Я замер, не торопясь идти следом. Камелия робко оглянулась на меня и скрылась за дверью. Что-то меня смущало, тревожило, не давало покоя. Я оглянулся. Мальчишка сгреб монеты в горсть, ссыпал их в карман и, подхватив кобылу Нэльвё под уздцы, потянул ее за собой. Отчаянно боящиеся незнакомого города, лошади жались друг другу и потянулись следом за подругой, не раздумывая.

Силуэт мальчишки уже скрылся за поворотом, во внутреннем дворике, а я все задумчиво смотрел ему вслед. Очнувшись, встрепнулся и, отогнав липкую тревогу, шагнул за порог. Праздновать труса и перестраховщика было поздно.

В толкотне, гомоне и суете битком набитого трактира было не продохнуть. Единственный незанятый столик обнаружился в центре зала — и тот без стульев. Искать другое место ни сил, ни желания уже не было, поэтому мы не стали привередничать. И не зря. Самым сложным оказалось протолкаться сквозь толпу. Вопрос со стульями решился быстро: их предупредительно вернули соседи, только завидев нас (и Нэльвё, недвусмысленно опустившего ладонь на рукоять меча).

Служанки испугнутыми птичками метались по залу, перелетая от столика к столику. Они сталкивались друг с дружкой, роняли подносы, путали заказы — и не успевали брать новые. Мы впустую прождали несколько минут, и просидели бы еще столько же, если бы терпение Нэльвё не лопнуло, и он попросту не ухватил бы одну из них за локоть.

— Милая девушка, — ласково начал он, рывком притянув служанку к себе, — подскажите: что у вас на ужин?

Девушка испуганно отшатнулась, но Нэльвё держал крепко. Она еще несколько раз трепыхнулась, как птичка, угодившая в силки, и отчаянно затараторила:

— Рагу заячье с овощами, корейка свиная, вырезка телячья, курица жареная. К ним толчонка, картофель отварной с зеленью, каши — гречневая, пшеничная, овсяная — и похлебка. Салат, ватрушка творожная, чай, медовуха.

— Мне — рагу, будьте любезны. С картофелем. Господа?..

— Крылышки, — пискнула Камелия. И, с каким-то особенным блеском в глазах и странной интонацией, закончила, подавшись вперед: — и толчонку!

— Толчонку и ножку, — резюмировал я, стараясь не смотреть на леди — иначе бы не удержался и прыснул.

— И кувшин медовухи! — запоздало крикнул Нэльвё вслед шустрой подавальщице, уже растворившейся где-то в толпе. — А, да чтоб тебе!

— Это провидение тебя на путь истинный наставляет, — подколот его я. И миролюбиво добавил: — Потом закажешь. И лучше не медовуху, а чай.

— Сами пейте свой чай! — огрызнулся он. — Я себе заказывал.

— Не влезет же, — хмыкнул я.

— Вот и проверим!

Я пожал плечами и устало откинулся на спинку стула. Обычно всякое ожидание меня раздражало, но сейчас я был ему даже рад, наслаждаясь блаженной недвижимостью и ничегонеделаньем.

Скучать не давала Камелия: она с таким искренним восторгом и безудержным любопытством вертела головой, осматриваясь вокруг, что при виде нее невозможно было не улыбнуться.

Девушку интересовало все. Пропахший пивом пол, столы с намертво въевшимися пятнами, мутные окна... Наемники, пьяно хохочущие над сальными шуточками, и их визгливо вторящие подружки. Крестьяне, пересчитывающие на протянутой руке горсть медяков и гадающие, хватит ли на ночлег. Купцы, яростно торгующиеся за каждый грош — или уже, довольные, обмывающие сделку.

— Так пялиться на людей неприлично. Ты что, впервые в трактире? — не выдержал Нэльвё, когда на нас уже стали оборачиваться и бросать недобрые взгляды. — Никогда не поверю! Пять лет учиться в Академии — и ни разу не выбраться в город? С друзьями-то? Свежо предание... — многозначительно закончил он.

Камелия немного смутилась:

— Была, но...

— «Но» что?

— Но они были... приличнее!

Мы с Нэльвё прыснули.

— Это еще оч-чень приличное заведныце!

Камелия бросила брезгливый взгляд на визгливо расхохотавшуюся помятую девицу и сморщила благородный носик:

— Может быть. Но трактиры возле Академии *гораздо* более... достойные.

— Ну, еще бы, — сквозь смех едва выговорил я. — Торлисс, милая леди, — это город свободных искусств и наук, а Ильмере — обычная крепость. Естественно, в одном ты за столиками будут студенты в обнимку с книжками, а в другом — наемники и военные с... хм. Не суть.

Нэльвё улыбнулся, позабавленный обтекаемостью моей формулировки и презрительным личиком Камелии. И фыркнул, не удержавшись:

— Да уж, «с книжками»! С пивными кружками!

— Одно другому не мешает, — с самым что ни есть серьезным видом сказал я.

— Где же еда? — с деланным возмущением проговорила Камелия, пытаясь загладить неловкую тему и нервно расправляя манжеты. Поднимать на нас смущенный взгляд леди не смела.

— Разогреют и принесут, — лениво пожал плечами Нэльвё.

Белое кружево выскользнуло из тонких пальчиков Камелии. На лице проступил настоящий ужас.

— «Разогреют?»

— Ты же не думала, что они будут каждый раз готовить? Или думала? Да где ж столько времени найти-то, и столько рук!

— Ваш заказ! — чирикнула подлетевшая пичужка-подавальщица, сноровисто расставляя посуду. К вящей радости Нэльвё и моему неудовольствию, про кувшин с медовухой она все-таки услышала. Я поморщился, но заказывать еще и чай не стал.

Отрекшийся аккуратно отпилил едва режущим ножиком кусочек мяса, наколот его на вилку и отправил в рот с крайне скептическим выражением. Прожевал — и, выдав снисходительное:

— Пойдет! — приступил к трапезе. Я поверил ему на слово и присоединился.

Курица оказалась вполне себе съедобной. С травами, правда, малость переборщили, но совсем чуть-чуть.

— Нет, определенно не хватает салата, — решительно сказал Нэльвё, и пристальным, соколиным взглядом принялся высматривать добы... слуганок.

Я глотнул медовухи. Было, на удивление, вкусно и некрепко. В голове немного прояснилось, но чувство тревоги и не думало отступать. Напротив: вышло на первый план, заслонив собой все.

Станный, невозможный, несуществующий звук слышался отчетливее слов Камелии, звонче скатившейся под стол вилки, тише кошачьих шажков и пронзительнее скрипа половиц. Тихий шелест — медленный, размеренный... как уходящий сквозь узкое стеклянное горлышко песок. Я видел, как наяву, эту сыпучую струйку перламутра, все истончающуюся, дрожащую, тающую серебряной дымкой под оттикивающие в голове минуты, секунды, мгновения...

И опадающую с последней песчинкой.

Время замерло, словно пошатнувшись, готовясь к прыжку — и сорвалось в полет-падение. Я, уже зная наперед, что должно произойти, вскочил со стула. Неловко зацепленная кружка соскользнула со стола — и брызнула осколками и золотисто-медовыми каплями.

Дверь распахнулась. В трактир ввалилось четверо стражников в болотно-зеленых плащах Ильмере поверх кольчуг.

Самый первый, вырвавшийся вперед и больше всех мешающий другим, пробежался цепким взглядом по толпе, что-то цепко выискивая — и остановился на мне.

И тишину испуганно притихшего зала разбило резкое, хлесткое:

— Именем Совета, вы арестованы!

* * *

— «Арестованы»? — переспросил я с легкой усмешкой. — Прошу прощения, но я...

— Не сопротивляйтесь и не пострадаете, — отчеканил стражник, жестко обрывая меня.

— Это, наверное, какая-то ошибка! — тоненько воскликнула Камелия, переводя испуганный взгляд с нас на стражников.

— Вашего спутника, — тихо начал невыразительный мужчина, стоящий позади. Его плащ перехватывала брошь в виде сокола. Командир. Ничего примечательного: сухощавая поджарая фигура, неопределенный возраст — то ли тридцать, то ли сорок лет, — совершенно не запоминающиеся черты лица. Тяжелая, грубая кольчуга стесняет вкрадчивые, плавные движения. Полуторный меч лишь бессмысленно оттягивает пояс, не являясь продолжением руки — и во всем уступает любимому короткому клинку. Нет, он не стражник. Тайная служба, — ищут по всей стране. Повсюду — в караулах, у ворот, на всех улицах — висят проскрипции с его портретом.

— Интересно, — вдруг вмешался Нэльвё, спокойно и неторопливо. Происходящее, кажется, ничуть его не беспокоило: только забавляло. Он сидел, как и до того, откинувшись на стуле и крутя в руках кружку с медовухой. — «Ваш спутник», «его»... мне кажется, или вы даже не знаете имени того, кого разыскиваете? Для Совета, с его сетью соглядатаев и почти безграничными возможностями, это несколько странно.

Лицо мужчины окаменело.

— Вы ставите под сомнение законность наших действий? Мы не обязаны отчитываться перед задерживаемыми.

Я лихорадочно просчитывал варианты. Сквозь толпу к окну не пробиться. К черному выходу — тоже... впрочем, туда хозяин все равно не пустит.

— Неужели? — холодно продолжил Нэльвё, и в аметистовых глубинах его глаз запылало ледяное колдовское пламя. — Я не слышал, чтобы вы предъявили обвинения. О каком, в таком случае, аресте может идти речь? Я уже не говорю о том, что вы пытаетесь задержать aelvis, бессмертного, — что в принципе недопустимо. Мы не попадаем под юрисдикцию человеческих властителей. Даже если им этого очень хочется.

Нет. Не подойдет. Значит, единственный вариант — прорываться с боем. Но как?

— Совет намерен...

— Чистая аэльвская кровь, — проговорил Нэльвё, смакуя каждое слово. —

Бессмертный. Вы хотите конфликта, милорд? Полагаю, нет. Будьте любезны: спрячьте мечи и покиньте это заведение так же быстро, как и пришли. Можете, впрочем, изложить моему другу обвинения Совета. Если захочет, он пройдет с вами. Если нет — извольте удалиться. Немедленно.

— Если при задержании будет оказано сопротивление, — холодно сказал командир, — мы имеем право применить силу.

Не дожидаясь логического окончания угрозы, Нэльвё по-кошачьи мягко и плавно, одним текучим движением поднялся со стула. Шагнул вперед, заслоняя нас — и потянул меч. Он выскользнул с тихим звоном так плавно, играючи и будто бы небрежно, что никаких сомнений в мастерстве Отрекшегося не возникло.

Вспыхнувшая на солнце сталь — тончайшая, голубоватая, почти полупрозрачная, словно выточенная из лунного света, порезаться о которую можно от одного лишь взгляда — ответила на мой незаданный вопрос.

Столбы вокруг нас стали стремительно пустеть, а толпа рокотливым потоком ринулась в другую часть зала. Один из стражников — тот самый, первым объявивший об аресте — пинком отбросил стол, разметал стулья и бросился на нас. Нэльвё плавно, с текучей водной грацией, отвел взвившийся в воздух меч противника. Клинки скрестились, запели низкой и резкой протяжной нотой — и разошлись, чтобы сойтись еще в десятке коротких ударов.

Стражник утратил инициативу почти сразу же, и теперь пятился, неловко отбивая чересчур быстрые и легкие, порывистые удары. Они оба сражались бастардами, только для Нэльвё меч был словно продолжением руки, а для нападавшего — бестолковой обузой. Он и так безнадежно проигрывал бы бессмертному в скорости, гибкости, пластике, а в громоздкой кольчуге и вовсе ничего не мог противопоставить. И оттого пятился, послушно отступал под напором танцующих шагов бессмертного, теснящего его к двери, чтобы в конце концов ловко уйти из-под удара вбок — и вовлечь Нэльвё в круг сражающихся.

Голубоватые росчерки аллеверской стали исчерчивали тяжелый, измученный жарой воздух. Звенел, точно хрусталь — высоко, переливчато — клинок, соприкасаясь с железом. Нэльвё легко уходил из-под ударов, изумительно парировал и контратаковал. Я невольно залюбовался, но почти сразу обнаружил неладное: иногда противники откровенно промахивались, били совсем мимо, по пустому месту, где его не было и не должно быть. На опережение, так бессистемно и не согласовано? Нет, чепуха. Взглянув из-за Грани, я сразу все понял. Нэльвё водил их за нос наваждениями: своими отражениями, появлявшимися в пустоте или на месте другого стражника.

Вместе эта троица работать совершенно не умела, только мешая друг другу. Нэльвё терпеливо дождался, когда они несколько выдохнутся, чтобы не подставляться под удар, ничем не защищенный — и серией коротких взмахов сломал ритм одного, второго, поднырнул под мечом другого. Мастерски сплетенное заклинание сна сорвалось с пальцев на миг освободившийся руки и опутало двоих. Менее удачливый стражник — кажется, все тот же, первым ринувшийся в бой — под действие чар не попал и попросту огреб рукоятью под дых.

Нэльвё качнулся к последнему, шпиону, но не успел достать — он скрылся за дверью. Отрекшийся распахнул ее ногой. Я дернул Камелию за руку, потащив за собой.

Мы вывалились во двор и бросились к конюшне. Шпиона нигде не было. Счет шел на секунды.

Двоих стражников, стоящих у конюшни, Нэльвё обезоружить успел, но прорваться

внутри мы не смогли: вход загородила приведенная шпиком подмога. Мы прынули назад — и натолкнулись на вторую часть отряда.

Нас окружили.

— Бросайте оружие, — прозвенел холодный, как горный ручей, голос соглядатая. Командных ноток в нем не было — только ледяное спокойствие. Он сообщал, не приказывал.

Отрекшийся напряженно замер, готовый сорваться в бой.

Стражников, обступивших нас, было всего семеро. Семеро — и шпион, от которого стоит ждать чего угодно. Атаковать первым Нэльвё не мог, только парировать удары, иначе неминуемо подставил бы нас. Колдовать тоже: дотянуться до всех просто невозможно, а не до всех — чревато.

...Ему — чревато.

Я сжал руку Камелии.

«Парализуй их, немедленно!»

Девушка вздрогнула и вскинула голову, не понимая, откуда пришла эта чужеродная, принадлежащая не ей мысль. Я перехватил ее взгляд — потемневший, испуганный, растерянный. И повторил — жестче, злее:

«Парализуй!»

«Я... я не могу!»

Испуганное, слабое. Сквозь слезы, уже блестящие на глазах.

«Что?!»

Взметнулась дорожная пыль, закрипели под ногами мелкие камушки — и звон скрежывающихся клинков ушел ввысь. Переливчатая песнь аллеверской стали дрожала, срываясь на диссонансы.

«Я не могу! Они же... им же...»

«С ума сошла?! — грубое, злое. Пальцы сильнее сжали ее запястье. — Не сделаешь — убьют!»

Камелия побледнела, задрожала, качнулась было в их сторону — и тут же отшатнулась, зажмурившись.

«Нет! — отчаянное, жалобное, но непоколебимое. — Я не могу, не могу, не могу! Не...»

Она осеклась и коротко вскрикнула, когда я с силой и злостью дернул ее за руку, притягивая к себе. Ее глаза в ужасе распахнулись — и в них я увидел собственное отражение. Искривленное, злое, страшное, со вспыхнувшим колдовской зеленью взглядом. Его единственного хватило, чтобы сломить ее волю и подчинить себе.

Камелия мучительно изогнулась и медленно стала заваливаться назад. Я удержал ее, как мог, вцепившись в предплечье и не отпуская. Взгляд девушки, еще мгновение назад лучисто-лазурный, игристо яркий — потух.

Щедرو зачерпнув силу через Камелию, я выбросил едва сформированное заклинание, доплетая его на ходу и подкрепив срывающимся:

— Замри!

Стражники застыли чудовищными изваяниями. Лица искажены в муке судорог, мышцы окаменели в момент напряжения. Они застыли в последнем движении — занеся меч для удара, парируя, уворачиваясь или уходя в сторону... Я смотрел на них всего миг, ровно настолько, чтобы убедиться — и отвел взгляд. Потому что и без того знал, что оно сработает. Просто не могло не сработать.

Камелия, ослабевшая, едва держащаяся, чтобы не упасть земле, побледнела еще больше, но не закричала и не заплакала. Только вздрогнула и вскинула голову.

И при виде ее глаз — мятущихся, испуганных и растерянных — во мне что-то дрогнуло. Злость на нее ушла, уступив место... чему? Жалости? Сочувствию?

Понять я не успел. Щеки Камелии коснулась — и разбилась капелька крови.

Еще одна расцветила ее посеревшую от усталости кожу. Еще — и еще одна... Три алые дорожки, прочерченные точно алыми слезами.

Я медленно поднес руку к носу и отер кровь, даже не пробуя ее остановить. В голове шумело. Слабость подкашивала ноги, а эйфория, опьянение чистой и хрустальной песней волшебства гуляло по венам.

Тихо зашелестел вгоняемый в ножны меч.

— Идемте, — негромко позвал Нэльвё. Его голос звучал твердо, жестко, но не жестоко. — У нас нет времени.

Я молча протянул руку Камелии, помогая подняться — и пошатнулся сам. Девушка отчаянно уцепилась за меня тоненькими, как у котенка, коготками, лишая остатков равновесия. Безднадежно всплеснув свободной рукой, я чудом уцепился за что-то. «Чем-то» оказался ящик с цветами. Он натужно скрипнул, накренился под нашей тяжестью, но не сорвался вниз.

Протяжно скрипнули створки ворот, зашуршала солома под мягкой поступью Нэльвё. Кое-как совладав со слабостью, я нетвердым шагом направился к конюшне, придерживая Камелию за плечи.

Глаза не сразу привыкли к гостившему в помещении полумраку, и я едва не споткнулся об распластанное на полу тело.

— Спит, — с облегчением сказал я, разглядев опутывающую его за Гранью колыбельную. Не то что бы меня волновала жизнь конюха. Но для и без того перенервничавшей Камелии это стало бы слишком сильным потрясением, а успокаивать ее было некогда.

Я огляделся. Нэльвё маячил где-то в конце помещения, обыскивая дальние стойла. Мальчишки-конюшего видно не был. «Не зря заподозрил», — со злостью подумал я. Хотелось ругаться. Грязно. Одна маленькая вихрастая пакость — и столько забот!

Язык так и чесался наградить мерзкого мальчишку малоприятным «пожеланием». Но ему отчаянно везло: в тот момент, когда я уже готов был поступиться своими принципами и выдать что-нибудь эдакое, Нэльвё отыскал лошадей. «Не судьба», — легко согласился я, и выкинул его из головы, зашагав навстречу Нэльвё.

В четыре руки мы впихнули слабую Камелию в седло, вспрыгнули сами. Тишина, стоящая на улицах города, еще больше подгоняла, вселяя тревогу. Это была тишина не спокойная, а мятежная: так море затихает в преддверии шторма.

— Не успеем выбраться раньше, чем поднимется переполох — нам конец, — ровно сказал Нэльвё, и от его спокойного тона меня пробил озноб.

Отрекшийся подхлестнул лошадь, трогаясь с места. Мы сорвались за ним. Закатное солнце ударило по глазам искристой волной, ослепив на мгновение.

— Чисто!

«Куда?» — билась одна-единственная мысль. Не знаю, чья.

Нэльвё резко потянул за поводья и круто забрал вправо. Я, не раздумывая, повернул за ним. Запоздалое: «Вправо»? За конюшню? Зачем?» — догнало меня только спустя три удара

сердца.

Ответ пришел почти сразу: thas-Elv'inor хотел уйти переплетением узких улочек, которые прячутся за фасадами главных кварталов — задний двор трактира вплотную примыкал к одной из них. Отделял их только низкий, но крепенький заборчик, который Нэльвё рассчитывал перемахнуть. И перемахнул бы, если бы лошади не заартачились.

Стрелочка замедлилась, перешла с рыси на шаг — и вовсе остановилась, упершись всеми копытами и несуществующими рогами. Заборчик — смешной, едва ли метр высотой — казался ей неодолимой преградой.

— Ах ты, скотина! — зло выплюнул Нэльвё, когда так и не смог совладать с упертой кобылицей ни уговорами, ни угрозами. — Мерзавка!

— Возвращаемся! — сухо бросил я, рывком потянув за поводья и разворачивая лошадь.

Я чувствовал, как играют на лице желваки. План — еще мгновения назад такой надежный и обещавший спасение — пеплом рассыпался прямо в руках. Проклятые лошади!

Минута, которую мы потеряли, сыграла против нас. У трактира уже вовсю гремел топот тяжелых военных сапог, отрывисто взвивались в воздух командные крики, изрядно нервируя, подгоняя, точно смоченный в соли хлыст, вынуждая делать ошибки...

Или отваживаться на безрассудства.

Чувствуя, что делаю несусветную глупость, я первым вылетел на узкую площадку перед трактиром. Стражники прянули в стороны серо-зеленой волной. Только один юнец-оруженосец сдуру преградил было нам путь, но, поняв, что излишком благородства господа не страдают, шархнул в сторону. Хлюпнула плещущаяся в канаве грязь, и я успел увидеть, как его щегольские русые кудри потемнели. Брызги, поднятые купальщиком, окатили круп и ноги коней.

Улочки отчаянно петляли, кружили раненым зверем. Время уходило водой — или кровью, пылающе-алой, живительно-страшной.

Мы летели по полупустым, молчаливым улицам на острие вихря. Встречные всадники, прохожие и экипажи шарахались, прижимаясь к стенам домов.

Глухой перестук копыт о подгнившие, раскисшие от грязи доски звучал тревожным набатом. Но гнал вперед нас совсем другой звук — едва слышный, почти что кажущийся, но неотвратимый. Тихий, угрожающий, как гул в горном ущелье, в котором рычит, неистовствует горный поток. Тихий, но все нарастающий и грозящий затопить, захлестнуть с головой, погрести под стремительностью и яростью своего течения. Гул-шепот, гул-шелест. Он летел, кажется, со всех сторон. Летел — и приближался, неумолимо настигая с каждым ударом копыт.

«Мы не прорвемся напрямик! Нужен другой путь!» — крикнул я громко и отчаянно, — но беззвучно, не решаясь прибегнуть к слову. Словно сегодня была Дикая ночь, когда выдашь себя — умрешь.

Мгновения срывались со стрелок часов дробным перестуком и свистом ветра. Я уже решил, что не дожусь ответа (или что меня даже не услышали), когда по коже пробежала волна тепла. Усталость схлынула, растворилась в ласковых объятьях силы.

«Тебя нет», — коротко предупредила бесцветная, но отчетливо принадлежащая Нэльвё мысль.

Я понял, о чем он, лишь когда лошадь дернулась, почувствовав направленную на нее силу, и беззвучно заржала. А по стенам домов, шаг в шаг с нами, заскакали не три тени, а две. Невидимость и беззвучие укрыли нас шелестящим пологом, спрятав от посторонних

глаз. Мы скользили в закатных лучах легкими порывами ветра. Чары коснулись только меня: рыже-пегие, цветастые, точно лоскутное полотно, коньки Нэльвё и Камелии по-прежнему золотились солнцем. Только на лбу Отрекшегося заблестели бисеринки пота, и лицо как будто осунулось.

Улочки скрестились, переплелись и разбежались. Крутой поворот, стрела переулка... Еще поворот, другой — и мы вырвались на главную улицу, в конце которой темнела громада крепостной стены и надвратной башни.

Спешно перейдя на шаг, мы пристроились в конец небольшой очереди — вечером мало кто покидал город. Тройка сально перешучивающихся наемников, юный торговец на кривой телеге да усатый рыцарь в сопровождении хлипкого оруженосца, едва разменявшего первую дюжину... В такой разношерстной компании несложно будет затеряться.

Надеюсь, несложно.

Очередь продвигалась чересчур медленно. Напряжение в воздухе нарастало с каждым мгновением промедления. Время стремительно скручивалось в тугую спираль. Стрелочка-Ленточка начала нетерпеливо приплясывать подо мной. Я шикнул на нее и, помедлив, ласково погладил, поделившись своей уверенностью. И, наклонившись, негромко зашептал:

— Тише, спокойнее... все хорошо, хорошо... Стрелочка. Еще немного.

Совсем рядом рассыпалась звонкая дробь копыт. Я торопливо выпрямился в седле и легонько тронул лошадь каблуками, направив вслед за Нэльвё и Камелией, к воротам. Стражники, наконец-то удостоверившись, что мальчишка-торговец не врет и действительно едет с пустой телегой, перешли к нам.

— Куда направляетесь? — негромко спросил немолодой мужчина, подслеповато щуря удивительно живые глаза. Седина давно выбелила волосы, морщины избородили лицо, но старческая немощь пока обходила его стороной, а руки хранили ловкость и гибкость юных движений. Взгляд — строгий и ясный. И соколиная брошь на зелено-сером плаще.

Он не казался опасным противником — но, без сомнения, был им.

— На тот берег Майры, — коротко бросил Нэльвё. Горделиво расправленные плечи, прямая, как росчерк клинка, спина и взгляд бессмертного служили ему лучшей защитой. — Хотим успеть на последний паром.

Торопливо заскрипело перо, едва поспевая за быстрой речью Отрекшегося. У этих ворот протокол вел долговязый мальчишка десяти-двенадцати лет: по-взрослому сосредоточенный и смешно-долговязый.

— Что-нибудь вывозите? — продолжил стражник, не сводя пронзительных глаз с Нэльвё. И мне отчего-то стало казаться, что наваждение, обманувшее даже меня, над ним не властно.

— Нет.

Я занервничал. Настороженное внимание командира, уже идущая, быть может, по нашим следам погоня и всполошенный город вылились в гремучую смесь, которая могла рвануть в любой момент. Каждая секунда промедления вело нас к проигрышу.

— Ваши имена? — наконец отведя взгляд, спросил стражник, потеряв к нам интерес.

Мальчишка-писарь окунул истрепанное перо в чернильницу, но оно отчетливо скрежетнуло по дну, бесцветно царапнув бумагу. Мальчишка зачерпнул снова, но без толку: в баночке не осталось и капли чернил. Я скрипнул зубами, слишком хорошо понимая, чем это нам грозит.

От внимания Нэльвё это незначительная заминка тоже не укрылась. Он ничем не

выказал злости: только осанка стала жестче, а голос — холоднее.

— Ольре Нолен и Ньярисса Тайнорре, — процедил он.

— Господин десятник, господин десятник! — пискнул мальчишка, спрыгивая со стула. — Чернила кончились! Прикажете заменить?

— Прикажу, — с неожиданным удовольствием согласился он, бросив внимательный взгляд на Нэльвё.

Мальчишка-писарь припустил к лестнице. Я, поглощенный просчитыванием развития событий, не сразу сообразил, куда он направляется. А когда сообразил, с руганью бросил Стрелочку в сторону, но с мальчишкой разминуться не успел.

Вся моя симпатия, появившаяся было к этому маленькому бесенку, бесследно испарилась.

— Куда прешь?! — рывкнул рядовой стражник, к которому отлетел растрепанный вихрастый мальчишка. — Совсем глаз нет?!

— Я... извините... я... оно само!

— Само? — десятник медленно повернулся. И его глаза вспыхнули, точно у гончей, напавшей на след.

Нужно было срочно что-то делать. Убираться назад, в город? Да, я спасусь сейчас, но потом?.. Мне не выбраться в одиночку!

Сквозь такую охрану не прорваться. Если только...

Я оглянулся назад, вперед, бросил отчаянный взгляд на такую близкую, но совершенно недостижимую стену, за которой должна была начаться моя свобода...

Выхода нет.

Стражники бросились наперерез, но я еще успевал вырваться из кольца. Успевал... если бы захотел.

Но я решил рискнуть всем.

Грань истончилась — и пропустила нас: меня и обезумевшую от страха лошадь. Она и представить не могла, что ее угораздило связаться с волшебником.

* * *

— Я во что-то врезался... Невидимое... — сам не веря в то, что говорит, прошептал мальчишка.

— Невидимая стена? — Нэльвё приподнял бровь, не скрывая откровенной насмешки в голосе: — Что за чушь!

— Можем ли мы рассчитывать на вашу помощь, господин... Нолен? — негромко спросил командир, по-прежнему не сводя с него внимательного взгляда. Только теперь стражник стряхнул с себя показную мягкость и неторопливость. Старый лис! — В городе беспокойно из-за преступника, которого Совет разыскивает по всей стране. Насколько нам известно, он имеет способности к магии. А тут — «невидимая стена» у ворот... нехорошее совпадение.

— Как вам угодно. Мне стоит провести проверку самому?

— Нет, лишь засвидетельствовать результат. Доррег, Харен, зайдите с тыла. Бартон... пожалуйста, приведи господина мага и его... амулет.

— Амулеты-проявители часто дают сбой, — спокойно, как бы между прочим, вставил

Отрекшийся.

— Поэтому-то, — мужчина светло, доброжелательно улыбнулся, — я и просил привести мага.

Нэльвё никак не отреагировал на его слова. Он выглядел таким же спокойным, как и прежде. Ни единая тень эмоций не скользнула по лицу, скованному маской хладнокровия, ни единая мысль не выдала себя отблеском в фиалковой бездне взгляда гнев, что пылал сейчас, сжигая его изнутри. Гнев — и безумная ярость. Это же надо быть таким идиотом! Mio, при всей его проницательности, сообразительности и потрясающе гибком уме создавал изумительные, гениальные планы — и проваливал их, едва начав! Нэльвё просто в бешенство приводила его рассеянность. И готовность заниматься чем угодно, кроме того, что действительно нужно! Чем он смотрел, о чем думал?! Как он мог не заметить мальчишку и позволить себе быть таким легкомысленным?

И что теперь, Тьма его пожри, собирается делать?

Связаться с волшебником, не потревожив при этом опутывающую ворота защиту, Нэльвё не мог. Что-либо сделать — тоже. Оставалось только надеяться, что Mio не полный дурак и додумался удрать, пока еще мог.

Надеяться — и ждать.

Thas-Elv'inor искоса глянул на Камелию. Встревожена и растеряна, немного испугана... Славно, славно! В самый раз!

Мальчишка-писарь привел щупленького мага в полувыцветшей мантии, лет сорока на вид, но уже с плешью. Корин пренебрежительно называл таких магов «мелкопоместными», потому что ни на что кроме выведения грызунов и призыва слабого, щуплого дождика они не годились.

Маг откашлялся, что-то торопливо закричал, бросая на него косые взгляды. Нэльвё стало смешно. Неужели опасается, что ему будут мешать? Или боится ударить в грязь лицом?

Зря боится: в любом случае ударит, так что нечего переживать!

Кряхтение оборвалось, и маг зачем-то взмахнул руками, вспугнув сидящих на соседней крыше ворон. Сначала ничего не происходило, а затем на какое-то мгновение все озарилось переливчатым радужным светом, точно они оказались в мыльном пузыре. Нэльвё, сохраняя на лице маску безразличия, скользнул в разум одной из взлетевших птиц, взглянув на мир ее глазами.

Все-таки ушел! Отлично!

— Надо полагать, это все? — скучающе спросил он, оставив тщедушное тельце. — Мы можем ехать дальше? Уже поздно... капитан.

Десятник хмуро глянул на виновато разведшего руками мага и, помедлив, кивнул.

Стражники расступились. Thas-Elv'inor гордо вскинул голову и пустил лошадь шагом.

Тяжелый, грязно-серый сумрак Ильмере остался позади. Их обнял лиловый вечер, шепчущий травами и щекочущий нос запахом речной тины и лилий. Гнать коней не стали: пустили неторопливой рысью, не желая вызывать неумные подозрения стражников. Напряжение постепенно отпускало. Нэльве нагнулся в седле и сорвал золотой колосок.

— Мастер, — робко спросила Камелия, нарушив тягостное молчание. — А...

— Я не знаю, — негромко ответил он, крутя в пальцах травинку. — Правда — не знаю.

— И... что теперь делать? — отрывисто, безуспешно пытаясь скрыть волнение, спросила она.

Нэльвё хотел было иронично повторить, но посмотрел на нее и вдруг передумал.

И сказал совсем другое:

— Ждать.

Добраться до переправы они не успели. Едва между ними и оставшимся позади Ильмере пролегли четверть мили, реальность заколебалась, задрожала, пошла волнами — и выплеснула на берег ссутулившегося всадника. Камелия задохнулась от радости и облегчения... и испугано вскрикнула, зажав рот ладонью, когда Мио стал медленно заваливаться набок.

* * *

Выплеснутая вода прокатилась по телу ледяной, обжигающей холодом волной. Я резко сел, захлебываясь, хватая ртом воздух.

Сознание возвращалось рывками, разрозненными, вразнобой приходящими ощущениями: привкусом тины во рту, плеском воды, алеющим закатным небом, чьими-то лицами, знакомо-незнакомыми, и холодом.

— Очнулся, очнулся! — радостно запищали над самым моим ухом, вызвав острый приступ мигрени.

— Попробовал бы он не очнуться! — проворчал другой голос. Этот был отчетливо мужским.

Еще несколько мгновений я мучительно пытался понять, что происходит, а потом словно что-то щелкнуло, и память вернулась.

Я не выдержал и разразился бессвязной бранью, выплескивая напряжение и раздражение последних дней.

— Выговорился? — любезно поинтересовался Нэльвё после моей минутной тирады.

Я с удовольствием повторил все, что сказал до того, но уже в его адрес.

После этого я, как ни смешно, действительно выговорился. Ни злиться, ни ругаться уже не хотелось, и, недолго помолчав, я спросил уже спокойно:

— Где мы?

— На пароме, — серьезно ответил Нэльвё.

— Спасибо, а то я не заметил.

Отрекшийся гадливо улыбнулся, собираясь продолжить ерничать, но не успел: в разговор вмешалась Камелия.

— Мы плывем на другой берег Майры.

Она говорила ровно, спокойно, но скованно, избегая встречаться со мной взглядом. Как будто была изо всех сил старалась не расплакаться.

Словно почувствовав мой взгляд, Камелия еще больше съежилась, сжалась. И, не сдержавшись, тихонько всхлипнула:

— Простите, мастер! Я была такой глупой! Я больше никогда...

— Давай, давай! — грубо оборвал ее Нэльвё. — Больше драмы! Пусть все узнают, кто мы и что здесь делаем!

Камелии болезненно побледнела, впившись пальцами в комкаемый подол, — а потом вспыхнула от стыда. Но в этот раз она не обиделась и не расплакалась, а разозлилась. Глаза заблестели уже не от слез, а от едва сдерживаемой ярости. И поникшие плечи распрямились,

как если бы она готовилась дать словесный отпор.

При одной только мысли о том, что сейчас начнется отвратительная перепалка, у меня закололо в висках. Я сдавил их, пытаюсь перебороть предательскую ломоту.

— Перестаньте! Прекратите немедленно! Ты, — я предостерегающе, не давая себя перебить, сверкнул глазами на Нэльвё, — хватит ее подначивать! А ты не ведись на его шутки! Пусть себе мелет, что хочет.

И добавил, уже надломившимся голосом:

— Поговорим... позже. Когда будем одни.

Вспышка отняла у меня последние силы. От накатившей слабости я не мог даже сидеть. Упершись в пол дрожащими руками, медленно опустился на грубо сколоченные доски. Голова гудела страшно: так, что любой резкий звук отдавался нестерпимой болью.

Я поерзал в надежде устроиться хоть чуточку удобнее — и с удивлением наткнулся на что-то мягкое. «Торба с одеждой», — сообразил я. И, чуть-чуть пододвинувшись, пристроил голову на нее. Не подушка, конечно, но тоже ничего. Сойдет.

Поскрипывание туго натянутого каната, тихий шелест разбивающихся о борт вод убаюкивало, усыпляло. Я закрыл глаза, проваливаясь в сладостное небытие и забвение, в ласковые объятия дремы — не сна и не яви.

Волны что-то нашептывали, качая паром в своих ладонях. Я вслушивался в их ясные и звонкие переливы, в редкие обрывки тихих, неразборчивых слов, которые тут же, играясь, сносил, ветер.

«Ele... ell-e... li-e... el-le...» — перебирали они напевом, убаюкивая. Я засыпал. И только на тонкой грани между сном и явью вдруг понял, что они шептали.

Я распахнул глаза. Напевы, прежде неясные, переливчатые, вдруг обрели единственный голос.

Приподнявшись на локтях, я огляделся, ища того, кто так настойчиво меня звал — и замер. Там, где еще сегодня стоял пропахнувший тиной, захлебнувшийся грязью город, белела сотканная из утренней зари башня. Тонкая, обманчиво-хрупкая, невозможно-изящная, она стрелой устремлялась ввысь, пронзая темнеющее небо. Лучи заходящего солнца обнимали ее, и белоснежный камень — теплый даже на ощупь, шепчущий под прикосновениями — окрашивался мягким, чуть розоватым светом.

Там, где еще сегодня стоял пропахнувший тиной, захлебнувшийся грязью город, теперь белела Ильмере. Башня-лебедь, жемчужина берегов Майры, любимое и позднее творение бессмертных. Непохожая в своей хрупкой нежности, утонченности ни на первые замки Зеленых Холмов, мрачные и грозные, выстроенные в век Драконов, ни на дворцы Расцвета.

Я не в силах был отвести взгляд. Глаза слезились, уже почти болели, а я все смотрел, смотрел...

Смотрел, пока мог.

Пока слезинка — прозрачная, искристая, дрожащая мириадами радуг — не сорвалась с ресниц и не разбилась о щеку стайкой солнечных бликов.

Стоило мне отвести взгляд, перестать смотреть хоть на секунду — и наваждение растаяло в золотой взвеси. Передо мной вновь темнели уродливые каменные стены города-крепости. Мозаичные улочки сменились подгнившими досками мостовых, многоцветные витражи — мутными стеклами.

Все было, как прежде. Только в волнах, еще пламенеющих, больше не звучали напевы. И в ветре, раньше игривом и ласковом, поселились холод и отстраненность. Чуждость.

— Я знаю, что ты здесь, Ильмере.

Шепот-выдох почти не разомкнувшихся губ, утонувших в шелесте волн. Но она услышала.

Она — незримая, неосязаемая; не видение — порыв ветра, чье-то воспоминание. Не душа города, нет, — но его воплощение.

Налетевший ветер зашептал, заговорил, запросил, дробясь и повторяясь из раз в раз:

— Освободи, освободи, освободи меня... elli-e taelis...

«Elli-e taelis»...

Губы скривились в улыбке — болезненно-неправильной, уродливой.

— Я больше не сказитель, Ильмере.

В словах, таких простых, обыденных — горечь, отчаянье и боль, непроходящая так долго, что о ней, кажется, уже можно забыть. И свыкнуться, считая частью себя.

— Прости.

Бесконечно-жестокое, лишаящее надежды обоих.

— Сказитель, — мягко шепнула она набежавшей волной. Ветром всплеснуло волны, и паром дважды, как маятник часов, качнулся на гребне. — Я слышала, как о тебе пел ветер.

— Ты ошиблась. Как и он.

— Он не ошибается, elli-e, — грустное, переливчатое. Ветер обнял меня, лег на плечи — и мне впервые стало холодно от его прикосновений. — Освободи меня. Сбрось оковы этих стен, выпусти из их плена. Верни мне крылья, сказитель...

— Я не могу, — резкое, категоричное, чеканное. Переступая через себя. — Не могу сейчас и не смог бы прежде. Прошлого не вернуть.

И добавил, не для нее — для себя, чтобы растоптать проклюнувшуюся робким и бледным цветком надежду:

— Никогда.

— Ты можешь...

— Нет, — резкое, жестокое, непоколебимое, рвущее сердце. И следом, едва ли не стоном — измученное, усталое, почти бессильное: — Нет. Оставь меня, Ильмере. Прошу. Я не могу утолить твою печаль. И никто не сможет.

Ветер завыл — глухо, отчаянно, болезненно. И объятья, обманчиво-нежные, вдруг сжались до боли.

Воды Майры всколыхнулись, потревоженные обезумевшим, не утихающим ветром.

— За перила! За перила держитесь, олухи! — крик разбил волшебство, рывком выдернув меня в реальность.

Паром закачался, как брошенное на воду перышко. Я кубарем покатился влево, потом — вправо, когда нас закружило очередной волной.

Меня отшвырнуло к одной из стенок. Затылок обожгло болью, в глазах потемнело. Не обращая на нее внимания, я вцепился в ограждение изо всех сил — и рывком подтянулся, встав на ноги.

Ветер побесновался еще минуту — и утих, опустевший. Лишенный надежды.

Ильмере ушла.

— Цел? — грубо спросил Нэльвё и развернул меня, стоящего в пол-оборота, к себе.

— Да, — не сразу сообразив, что он спрашивает, ответил я.

— На тебе лица нет.

— Цел, но чувствую себя отвратительно, — уточнил я. И, собрав последние силы,

выдавил из себя слабую улыбку: — Все в порядке, правда. Просто... немного нехорошо. Я прилягу?

Он смерил меня долгим, пронзительным взглядом, и, помедлив, все же разжал пальцы, предупредив:

— Уже скоро прибудем.

— Да, я помню.

Я, цепляясь за перила, шаткой походкой направился к занятому нами месту. Все кружилось перед глазами, точно в тот единственный раз, когда я угодил в шторм. Как давно это было, Всевышняя! Кажется, тысячу жизней назад.

Доковыляв, я бросил короткий взгляд на испуганную и непривычно молчаливую Камелию. Ударом ей рассекло скулу. Нэльвё пытался ухватить девушку за подбородок и развернуть к себе, чтобы исцелить царапину, а она почему-то упиралась изо всех сил.

Я опустил на дощатый пол, вытянулся — и только тогда разжал пальцы. Пол больше не казался мне жестким: настолько было все равно. Хотелось одного — забыться.

В этот раз я не слышал ни напевов, ни на успокаивающих убаюкиваний волн. Стоило закрыть глаза, как я провалился в сон, короткий, но крепкий.

Казалось, я только-только сомкнул глаза — и тут же проснулся от легкого прикосновения. За это время закатное небо успело выцвести до грязно-серого, а вода, озаренная золотом утонувшего в ней солнца — погаснуть.

— Прибыли, — негромко сказал Нэльвё, убирая руку с моего плеча. Я кивнул и нехотя, преодолевая оставшуюся после сна слабость, поднялся.

Чувствовал я себя странно: все болело, но общее состояние как будто улучшилось. Голова, во всяком случае, больше не норовила взорваться от каждого звука.

Я настороженно покосился на Нэльвё, заподозрив, что без его участия здесь не обошлось, но вопрос попридержал.

Камелия уже вывела свою кобылицу на берег и теперь ждала нас, трепетно прижимая к себе чудом уцелевший в сумятице бегства чемоданчик. Я перекинул сумки через круп Стрелочки и взялся за поводья. Несчастная кобыла, всласть «налюбовавшаяся» изнанкой мира, теперь постоянно всхрапывала и нервно приплясывала. Я хотел поделиться с ней спокойствием и уверенностью, но не рискнул: любое, даже такое маленькое и скромное волшебство отнимало силы, а их у меня почти не осталось. Поэтому я только сочувственно погладил ее по узкой мордашке, и зашептал, уговаривая успокоиться:

— Тише, тише...

В вечернем воздухе разлилось то сладкое беззвучие, которое может быть только на исходе дня. Тихо переругивались об оплате паромщики и путники. Негромко шептались воды, обнимая потемневшие доски. Тихонько вздыхали заросли ракиты и камыша, покачиваясь в такт ленивым, уже сонным порывам ветра.

Хрустальная ясность вечера разбилась одним-единственным словом.

— Мастер...

Мне отчаянно захотелось провалиться сквозь землю от этого тихого и робкого сейчас голоса.

— Камелия, не стоит.

Я не хотел слышать того, что она мне скажет, не хотел ничего говорить в ответ. Не хотел — и не собирался, готовый пойти на откровенную грубость.

— Мастер, простите за то, что случилось тогда, в городе... Это было... ужасно глупо, я понимаю! И я... больше я не допущу такой ошибки, правда! Обещаю!

— Камелия, это не ошибка, — перебил я, не дослушав: от ее нелепых, неправильных слов во мне вспыхнуло раздражение. — Наоборот, это — правильно, и никак иначе! Правильно не причинять другим боль, правильно не подчинять других своей воле. Но иногда приходится поступаться этой «правильностью». Например, когда тебя пытаются убить. Но если вы не можете...

— Я могу! — воскликнула она, звонко и ясно, с детским упрямством, не услышав ничего из того, что я сказал. — Знаю, что могу. И смогу! Мне... ужасно жаль. Правда! Все случилось слишком быстро, и я...

— А в следующий раз все произойдет медленно? — плюнув на все и перестав смягчать, едко спросил я: — Дело ведь не в этом!

— В этом!

— Тогда почему раньше Вы видели причину в другом? — холод моего голоса окатил ее,

словно перевернутый ушат воды. Камелия замерла, сначала побледнев, а потом вспыхнув от стыда. — Вы не можете причинять боль, Камелия. Или, нет: не «не можете», а не хотите. Поймите это и признайте. И подумайте вот о чем: из-за того, что нам угрожала смертельная опасность, а вы промедлили и отказались вмешиваться, я вынужден был причинить боль еще и вам — хотя не хотел этого. Сделай Вы все сразу, как подобает, этого можно было бы избежать. Попустительство злу — гораздо больший грех, чем его уничтожение. Это — неизбежность.

— Рассказываешь леди о прославленной аэльвской жестокости? — улыбнулся Нэльвё, присоединяясь к нам. — Ох уж эти бессмертные, у которых «нет сердца»!

Отрекшийся лукаво подмигнул ей, с неожиданной добротой. Камелия приободрилась, но отвечать не рискнула. Нэльвё улыбнулся еще шире, и со смешком продолжил:

— Мы не подвластны страстям, это верно. Они для нас — пустой звук. Да, чувства, да, долг, да — правильность. Но не страсть. Она всегда ведет к отступлению. Страстями вымощена дорога во тьму. Мы не жестоки, мы — справедливы.

— И если для спасения Вашей или чьей-нибудь жизни мне потребуется подвергнуть вас боли — я не буду колебаться ни секунды из-за лживого милосердия. Это все равно что вместо ампутации гнивающей ноги дать умирать больному. Милосердие? Да, милосердие. Глупое преступное милосердие.

Девушка, чуть приободрившаяся было, вновь побледнела и отчаянно сжала маленькие кулачки.

— Камелия, прекратите, — смягчился я. — Особенно — извиняться. Извиняться перед вами должен я. Мне жаль, но...

— Я не сомневался ни секунды, — закончила Камелия, подняв твердый взгляд. — Потому что так было нужно. Я понимаю. Понимала, когда просила прощение за то, что подвергла нас всех опасности... прошу и сейчас: за то, что вынудила вас поступить именно так.

— Ну, ну! Меньше надрыва и сентиментальных слов! — фыркнул Нэльвё, подмигнув слишком посерьезневшей девушке. — Лучше скажите, господа: мы так и будем стоять на берегу этой на ладан дышащей пристани или двинемся уже, наконец... а куда, собственно, мы двинемся?

— Боюсь, до ближайшего постоянного двора — и не шагом дальше, — усмехнулся я. — Иначе вам опять придется меня тащить.

— Но-но-но! Хорошенького понемножку! Симулянты отправятся волоком... позади лошадей.

— Посмотрю-ка я, как ты это сделаешь в присутствии Камелии! — ехидно заметил я. И, разом отбросив шутливые интонации, спросил, спохватившись: — Кстати, неужели пристань забыли украсить моим портретом? Странно, учитывая количество расклеенных в Ильмере и Торлиссе объявлений.

Камелия вдруг ахнула:

— Точно! Ваши ведь портреты были — тогда, на воротах Академии! Я еще посмотрела мельком — знакомые вроде черты... а вы заметили?

— Руку на отсечение даю — заметил, — с мрачным удовольствием сказал Нэльвё. — И в Ильмере — тоже. Вон как задергался.

— Мне на минуточку показалось, что вы хотели нас покинуть... — робко, сама не веря в то, что говорит, начала Камелия. И осеклась, увидев, как я изменился в лице. — Или не

показалось?

Я смущенно кашлянул, но промолчал.

— Даже не надейся и на этот раз уйти от ответов, — пригрозил Нэльвё, поняв, что разговор предстоит долгий, а вести его сейчас некогда. — Разберемся с ночлегом — и объяснишь, наконец, что происходит.

— Все всё объяснят, — согласился я, многозначительно смотря на Отрекшегося.

— Все! — радостно подхватила Камелия.

Мы с Нэльвё переглянулись, и в его взгляде явственно прочиталось: «Не всё так не всё».

Я едва сдержал смех, продолжив нарочито серьезно и совсем о другом:

— Поедем по королевскому тракту? Впрочем, там наверняка будут расклеены объявления о розыске...

— Они и тут были, — «вовремя» поделилась Камелия. — Вас мастер Нэльвё зачаровал. Разговор сам собой сошел на нет.

Я вскочил в седло. Слабость еще чувствовалась, но держался я более-менее уверенно.

Впрочем, вспомнив Кое-что, я пустил Стрелочку быстрым шагом и нагнал вырвавшегося вперед Нэльвё.

— Твоя работа? — бросил я, подъезжая.

Он, к моему удивлению, только покачал головой.

— Я не понял, что с тобой приключилось. Поэтому не рискнул вмешиваться. Даже энергией не стал делиться. Ты был как замершая на ребре монета: только тронь — и она качнешься в одну из сторон.

— И ты отдал меня на волю случая? — фыркнул я.

— Состояние было стабильным, — пожал плечами Нэльвё. — Я решил, что разумнее всего будет повременить. И, судя по всему, не ошибся. Лекарь тебе уже не очень-то нужен, а вот сытный ужин и крепкий сон будут очень кстати. И да, Мио! — спохватился он и обернулся, криво улыбнувшись. — Не вздумай колдовать!

Что-то подобное я ожидал услышать и не стал возражать.

Говорить нам больше было не о чем, и я приотстал. Мое место на узком тракте, где едва могли разминуться двое путников, тут же заняла Камелия. Я этому только обрадовался: значит, никто не будет тревожить меня назойливым присутствием.

Ночь уже опустилась на землю, и небо налилось тревожной чернильной синью. Ветер с реки холодил плечи. Невозможность прибегнуть к волшебству сейчас меня даже радовала. Я мог закрыть глаза и вдыхать вечернюю тишину, впивать холодный, словно расплескавшийся из кувшина с родниковой водой, воздух...

Закреть глаза — и вслушиваться в тихий шорох всколыхнувшихся ветвей, серебристую трель соловья и тихие напевы ветра, не пытаясь вплести в них свой голос.

* * *

Когда мы, наконец, добрались до постоянного двора — россыпи желтых огоньков, пугливо жмущихся друг к дружке — уже окончательно стемнело. Густые сумерки перетекли в раннюю ночь, с блеклыми еще звездами и мглистым небом. Время неустанно подбиралось к десяти.

Я замер на изломе холма, любуясь — и, подхлестнув поводьями, пустил лошадь вскачь.

Ветер толкнул в грудь, взметнул волосы. Растрепавшаяся, позабытая мной коса хлестнула по спине в последний раз — и рассыпалась по плечам. Я дернулся было, чтобы поймать ленту, но опоздал: она текучим, плавным движением обняла рукав, на мгновение прильнула к штанине и соскользнула в ночь. Я зачем-то обернулся, словно надеясь ее увидеть, и, коротко выругавшись, поскакал дальше.

Стрелочка слетела с холма и перешла на неторопливую рысцу. Огоньки стали ближе и, словно разглядев нас и перестав бояться, рассыпались по полю искристой гурьбой. Сквозь ночную мглу постепенно проступали смутные очертания постоянного двора.

— Надеюсь, не опоздали, — напряженно сказал Нэльвё, вглядываясь в темноту.

Мы ехали бок о бок.

— «Не опоздали»? — пискнула откуда-то позади, из шепчущей за спинами ночи, Камелия.

— Уже поздно. Комнаты разбирают еще под вечер, к семи-восемью часам. А сейчас все десять. Трактир, конечно, большой, мест должно быть много, но... — он замолчал, предоставив самим додумать очевидное.

Я с сомнением взглянул во тьму. Остротой зрения thas-Elv'inor я похвастаться не мог, и был уверен только в том, что впереди действительно что-то темнеет.

— Купцы редко выбирают Восточный тракт. Морем ближе, — негромко, скорее размышляя вслух, чем к кому-то обращаясь, проговорил я.

Дорога, теряющаяся во мраке, споро ложилась под копыта коней. Россыпь огоньков окончательно разбежалась — и обернулась очерченными желтыми квадратами окон. Смутные раньше очертания становились все отчетливее, и теперь даже я мог разглядеть громоздкое двухэтажное здание со смешной чуть приплюснутой крышей.

Большой, крепко сбитый, ярко освещенный газовыми лампами и обнесенный высоким частоколом, вблизи трактир выглядел неожиданно внушительно.

На вывеске кто-то с легкой руки вывел: «Дорога для путницы», а под ней, с неожиданной для провинциального заведения тщательностью, вырезал рисунок девушки с двумя косами. В игре пламени стоящей рядом, над входом, свечи разглядеть ее черты я не смог. Только прямой жесткий взгляд и что-то странное на плече: то ли вцепившегося в него ворона, то ли примостившуюся кошку... то ли крысу.

«Странная вывеска. Нужно будет расспросить хозяев», — мелькнула в голове рассеянная мысль — и тут же забылась, вытесненная новыми впечатлениями, когда мы въехали в гостеприимно распахнутые ворота. И верно: двери постоянных дворов открыты до полуночи. Позже достучаться до хозяев становится почти невозможно.

Я спрыгнул коня. Старик-конюх — удивительно бодрый несмотря на поздний час — встретил нас улыбкой столь же подхалимской, сколь и доброжелательной. Оставив его разбираться с лошадьми, мы ввалились в трактир — и окунулись в море тепла и уютного света. Оживленный гомон голосов плескался вокруг, захлестывая с головой, а залиvistый смех заставлял невольно улыбаться.

— Добро пожаловать!

Едва мы переступили порог, как навстречу выскочила бойкая и улыбчивая девчушка в чистеньком передничке и защебетала, не давая вставить ни слова:

— Комнатки большие и малые, на двоих-на троих, с комодом-кроватью...

— А на одного есть, красавица? — проникновенно спросил Нэльвё, сначала бессовестно ее перебив, а затем так же бессовестно польстив.

Рыженькая и курносая, вся в веснушках, сзорными карими глазами, — красивой она не была. А вот обаятельной — очень даже.

Служанка зарделась и защебетала еще звонче:

— Ежели на одного, ваше благородие, то господских у нас всего две комнатки, обе свободны. Есть еще клетушки-комнатушки, куда только койка влезет да места еще на шаг остается — их пяток.

Почему-то у меня не возникло ни секундного сомнения, кому предстоит ночевать в «клетушке-комнатушке»: слишком уж красноречивым был ужас, написанный на лицах моих благородных спутников.

Но Нэльвё почему-то не торопился делать заказ. Он долго молчал, словно борясь с собой, и, помедлив, все же спросил у соловушки:

— А на двоих господские есть? Они с двумя кроватями или одной?

Я поднял на него удивленный взгляд, просто диву даваясь такой неожиданной-негаданной заботе.

— С одной, господин!

Нэльвё выразительно скривился и посмотрел на меня со странной смесью жалости, жадности и чего-то, смутно напоминающего чувство долга. Когда столь же жалостливо на меня глянула я Камелия, я вспомнил, что мне, вообще-то, нехорошо, и впервые за много лет это кого-то волнует.

— Два одиночных господских и один на двоих. Такой же.

Я поторопился скорчить особенно страдальческую физиономию, чтобы Отрекшийся ни в коем случае не усомнился в моем паршивом самочувствии и в правильности сделанного выбора.

Девушка тряхнула косичками и упорхнула — по всей видимости, передать хозяину наши слова.

Нэльвё повернулся ко мне и показал кулак.

Ладно, ладно! Больше не придуриваюсь!

Мы протолкались к чудом незанятому столику у окна. Я брезгливо отодвинул неубранные еще пивные кружки и тарелку с полуобглоданной курицей. Одна из подавальщиц тут же подлетела к столику и, виновато улыбнувшись, сноровисто составила грязную посуду на поднос, смахнула крошки — и растворилась в толкотне зала.

Мне достался стул, стоявший ближе всего к окну. Принимать заказ никто не спешил. Нэльвё и Камелия в очередной раз переругивались — кажется, опять из-за злосчастного чемоданчика и больше от скуки, чем всерьез.

Я отвернулся к окну и, повинуясь странному порыву, потянул на себя край шторы в крупную клетку. Она качнулась смешно, как занавес сцены — и обнажила треугольный провал окна, из которого на меня, не мигая, смотрела ночь.

— Что заказывать будете, господа?

Я вздрогнул. Пальцы разжались. Красно-клетчатая занавеска с тихим шелестом-смешком опустилась и качнулась назад. Ощущение тяжелого, злого взгляда пропало.

«Я же давно не боюсь темноты», — мелькнула слабая, какая-то детская мысль. Словно я пытался убедить себя — и не верил.

Девчушка пронеслась по залу огненным вихрем — и замерла у нашего столика с двумя подносами наперевес. На одном из них опасливо покачивалась стопочка тарелок, а с другого то и дело норовили соскользнуть пивные кружки, и девчонка каждый раз торопливо

наклоняла поднос в другую сторону.

Я слабо улыбнулся. Она — огненная, искристая, яростная — развеяла объявивший меня ужас одним своим смешливым присутствием. Но не до конца.

— А что предложите? — лукаво спросил Нэльвё.

— Чем богаты — тем и рады! Курица запеченная, похлебка горячая, каши гречневая да пшеничная с мясом и луком, супы разносольные, картошка-толчон...

— А что быстрее всего? — перебил я тараторку, окончательно отойдя от пережитого и поняв, что, если вот сейчас не поем, то умру от голода. Судя по отчаявшимся и крайне несчастным лицам спутников, их мучила та же проблема.

— Курица с картошкой или похлебка! Они уже вас стоят-дожидаются.

— Курицу, — махнул рукой Отрекшийся. Было заметно, что он готов ее съесть и один. — С картошкой. На троих.

— Как угодно, господин! — звонко выкрикнула девушка — кажется, раньше, чем он успел договорить.

— Ну что ж... — протянул Нэльвё с гаденькой усмешкой, как только пичужка упорхнула к стойке. — Рассказывай, Мио.

— Что? — наивно сморгнул я, будто бы не понимая, о чем речь.

— Все!

— Да! Мы же друзья! — радостно добавила Камелия.

Нэльвё аж закашлялся, пытаясь скрыть вырвавшийся при слове «друзья» смех. Мы обменялись понимающими взглядами, но тактично промолчали, решив пока не развеивать пустые мечтания девушки.

— Кто были эти люди?

— Да! — поддакнула Камелия. — И что они от вас хотели?

— Честно? Понятия не имею.

— Мио, — негромко начал Нэльвё, и от его голоса мне стало холодно. Thas-Elv'inor облокотился о стол, приблизившись ко мне. Я невольно попятился и поморщился, резко натолкнувшись на спинку стула. Взгляд — пронзительно-фиалковый, холодный — был слишком близко. Я избегал его всеми силами, слишком хорошо понимая, что в нынешнем состоянии противиться воле Отрекшегося не смогу.

— Мы рисковали жизнью, связавшись с тобой, — вкрадчиво продолжил Нэльвё. — Не кажется ли тебе...

— Я могу поклясться, что не только не знаю, кому и что от меня нужно, но даже не имею об этом ни малейшего представления. Так тебя устроит?

Отрекшийся напряженно замер, ища подвох в моих словах — и не находя. Формулировка была исчерпывающей.

— Но ты знал, что кому-то нужен? — помедлив, полуутвердительно спросил Нэльвё. И, дождавшись кивка, спросил: — И как давно?

— Я впервые увидел плакаты тогда же, когда и Камелия. Считай сам. Получается, около суток назад, — пожал плечами я.

— А ночью, — вдруг ахнула, вспомнив, Камелия — и затараторила: — Прошлой ночью, когда вы просили у меня помощи... получается, эти люди хотели вас найти?

Я едва удержался от зубовного скрежета. Камелия! Ну что тебе стоило промолчать?!

— Ночью? — голос Нэльвё заледенел. — То есть кто-то нас отслеживал, а ты даже не изволил поставить меня в известность? Я уже не говорю о том, что гораздо лучше и быстрее

разобрался бы с твоей проблемой.

— Наверное, мастер Мио... — неуверенно начала Камелия. Выглядела она сейчас так, что мне даже стало немного стыдно.

— Нет, — жестоко оборвал её Отрекшийся. — Не «наверное», а точно. Он не доверяет ни мне, ни тебе. Поставь кому-то ментальный блок — считай, у тебя в руках ключик от его сознания. Мио этого не хотел. Не так ли?

— Не так, — спокойно сказал я, заставив вздрогнуть насупившуюся было Камелию и поджать губы Нэльвё. — Не так. Все проще. Чтобы поставить блок, тебе понадобилось бы сначала снять прежний, а этих хватило бы для того, чтобы безошибочно определить наше местонахождение. Сомнительный исход, верно? Рассудив так, я попросил Камелию вновь побыть медиумом, и сам восстановил барьер. Полагаю, только поэтому мы все еще здесь, а не в каких-нибудь малосимпатичных застенках. Что касается доверия, ты прав: я никому не доверяю. Вообще никому. И тебя я действительно опасаясь. Но все это не имеет никакого значения, когда мне нужна ваша помощь. Извини, но только идиот будет переворачивать лодку, в которой плавает.

— Ваша курица и... три порции картошки с зеленью! — защебетал девушка, разбив только начавшее сгущаться в воздухе напряжение. — Еще что-нибудь, добрые господа?

— Чай, если можно! Тоже на троих.

Девчушка коротко кивнула и упорхнула к другому столику, опасно балансируя подносом с кувшином.

— Мы так и не расплатились за ужин в Ильмере, — расстроено вздохнула Камелия, виновато поглядывая на жареную курицу, словно провинилась лично перед ней.

— А они не расплатились за испорченные нам нервы! — фыркнул Нэльвё, самым возмутительным образом нацелившись на уже приглянувшуюся мне ножку. Я, отбросив приличия, поспешно ткнул в нее вилкой и завозил ножом, отрезая: Нэльвё, не считающийся ни с чьими интересами, кроме своих, был не тем человеком, с которым можно позволить себе излишнюю скромность.

— И да, Мио! — хищно поглядывая то на истекающую жиром и умопомрачительно пахнущую яблоком курицу, то на вашего покорного слугу, «вспомнил» Нэльвё. — Мы еще не закончили!

Я проигнорировал его слова, благоразумно решив, что добрый ужин не стоит отравлять глупыми склоками. Только улыбнулся и ответил:

— Действительно, не закончили. Ты так и не рассказал, что натворил такого, что спустя столько лет по твоему следу все еще идут гончие из Orfen di-erre.

Нэльвё принял независимый вид — идеально прямая спина, безразлично-презрительное выражение лица, гордо вздернутый подбородок — и с достоинством принялся разделять курицу. Я бы непременно поаплодировал тому утонченному благородству, с которым вилка и нож витали в его руках, но — увы! — поздний вечер, лень и сытный ужин сейчас занимали меня куда больше.

— Подумать только, — с каким-то затаенным восторгом в голосе начала Камелия. У меня внутри все замерло в ожидании какого-то совершенно невообразимого завершения фразы. — Я путешествую с двумя государственными преступниками!

Ее тонкий высокий голосом зазвенел серебряным перезвоном в как нарочно притихшем зале. Я обреченно отложил вилку и выпрямился, мрачно ожидая продолжения сегодняшних злоключений.

Но все было мирно. Тишина, так некстати опустившаяся на зал, всколыхнулась прежним смехом. Трактир продолжал галдеть, а мои спутники — спокойно ужинать.

Я ничего не понимал. Ладно Камелия, но Нэльвё! Он ведь не мог не слышать!

Видимо, я думал так громко (или, скорее, так выразительно), что Отрекшийся просто не мог не ответить. Прожевав очередной кусочек куриного бедрышка, Нэльвё, наконец, соизволил объясниться:

— Я сделал так, что нас никто не слышит.

Я только вздохнул, уже даже не злясь, и с грустью посмотрел на тарелку с полурастерзанной ножкой. Никаких чувств к ней не я испытывал. Перспектива вновь с боем прорываться к выходу, а после гнать коней до рассвета, отбила весь аппетит.

Я откинулся на спинку, скучаясь уставившись в потолок. Делать было совершенно нечего, спать — идти рано. Да и разговор еще не окончен...

И тут меня осенило.

— Камелия, — вкрадчиво обратился я, облокотившись о стол и резко приблизившись к ней. Девушка вздрогнула, и в ее взгляде появилось что-то такое, что смутился и почувствовал себя неудобно уже я. Кашлянув, я продолжил более нейтрально: — Камелия, у вас есть гребень и лишняя лента?

Она замешкалась, обдумывая мою просьбу, и, отложив столовые приборы, послушно полезла за злосчастным чемоданчиком. Примостив его на коленях, Камелия отщелкнула замочек и стала что-то деловито искать.

Спустя полминуты она, улыбнувшись, протянула мне изящный резной гребешок и красную атласную ленту. Я скептически ее оглядел, мягко говоря, не обрадовавшись яркой расцветке, но выбора не было. И, коротко поблагодарив, принялся расчесывать волосы пока все прозаично разделяться с ужином.

Дело это оказалось малоприятным и долгим. Расплескавшиеся в звонком весеннем ветре волосы спутались, и я промучился с ними все пять минут, пока не привел в порядок. После чего привычно разделил на части, отложил гребень в сторону... и замер.

Оказывается, за это время Камелия успела расправиться с тоненькими куриными крылышками и теперь не сводила с меня странно задумчивого взгляда. Дурное предчувствие сжало сердце.

«Что она на этот раз выдаст?!» — тоскливо подумал я, готовый уже, кажется, ко всему.

Но Камелия превзошла саму себя.

— Мастер Мио, — завлекательно спросила она, заставив меня не просто насторожиться, а похолодеть и чуть не выпустить из рук одну из прядей. — А зачем вам коса?

Сказать, что от вопроса я оторопел — ничего не сказать!

Я открыл было рот... и закрыл, поняв, что не представляю, что сказать в ответ. И прожег возмущенным взглядом кончик пряди, которую крутил в руках, словно это она была виновата в том, что отросла и поставила меня в глупое положение.

Прядь переливалась всеми оттенками золота — желтым, красным, оранжевым и охряным — а я по-прежнему не знал, что ответить кроме «мне так захотелось», «все никак не дойду до цирюльника» или «мне так привычно». Судя по огоньку любознательности, который пылал в глазах девушки, она ждала не меньше, чем лекцию о древних аэльвских традициях. Но даже больше самой нелепости ситуации меня угнетал насмешливый взгляд Нэльвё, который ловил каждое мое слово едва ли не внимательнее Камелии. Я мрачно

глянул на Отрекшегося, но он лишь вопросительно приподнял бровь, ожидая моего ответа и мысленно приготовившись его смаковать.

И тут я неожиданно разозлился. Драконы их задери! Я не обязан ни на что отвечать! И шутком подрабатывать, попадая в неловкие ситуации, тоже не обязан!

Хотите посмеяться? Легко! Хотите услышать легенды о древних ритуалах? Да пожалуйста!

Я пропустил прядь через пальцы и поднял на Камелию безукоризненно серьезный взгляд. В голосе, ровном и менторском, скользнули нотки укоризны:

— Станный вопрос, Камелия, Вы задаете. Неужели Вы не чувствуете? Неужели эта глубинная связь, заложенная в самом сердце нашего языка, в сокровенной символике и оттенках смысла, осталась Вами незамеченной? Косы, космы, космос... Косы — вот Ваш проводник, Ваш ключ к единению с миром. То, что позволит творить настоящие чудеса. Стыдно этого не знать, Камелия. Стыдно не понимать. И еще больше — не уметь пользоваться.

Камелия слушала меня заворуженно, широко распахнув глаза, и искорки восторга плясали в их лазоревых глубинах...

И тут я, похолодев, понял, что переборщил. Она не поняла шутки.

Нэльвё, слушающий этот бред, уткнулся взглядом в тарелку и изо всех сил старался не расхохотаться. И чем большее благоговение сияло в глазах девушке, тем сильнее его плечи содрогались от едва сдерживаемого смеха.

Я в ужасе замолчал, понимая, что сейчас она что-то спросит — и я просто не выдержу. В моей голове не укладывалась, как вообще можно всерьез поверить в этот бред, в эту чушь — нелепую, смешную и лишенную не только скольких-нибудь доказательств, но и здравого смысла!

Я уже подумывал, как бы так повежливее намекнуть Камелии, что все сказанное — не более чем неудачная шутка, но не успел.

— А почему у мастера Нэльвё волосы короткие? — «вспомнила» удивительный факт моя любознательная ученицы, и я резко передумал ее в чем-либо переубеждать.

Я сокрушенно развел руками и грустно сказал:

— Вот поэтому-то он такой паршивый волшебник!

Этого Нэльвё уже не выдержал. Сил хохотать в голос у него не осталось, и он просто медленно съехал под стол, тихонько оттуда всхлипывая. Камелия посмотрела на него с неприкрытым сочувствием. В ее глазах, удивительно чистых и ясных, читалось: «Бедненький! Не может колдовать и так остро это переживает!». И настолько искренне она за него переживала, что следом съехал уже я.

Камелия сморгнула, недоуменно посмотрела на это безобразие... и промолчала. Но по тому, как заблестели ее глаза и стали болезненно кривиться губы, было видно, что ее это задело.

— Камелия! — воскликнул я, пытаюсь пересилить приступ смеха. — Ну нельзя же так! Достаточно сказать менторским тоном — и вы поверите, не требуя никаких доказательств! Ну это же... неправильно это!

— Космы... космос... волосы — ключ к мирозданию! — простонал Нэльвё, смахивая с ресниц выступившие слезы. — Ну и бред! О, Безликая, давно я так не смеялся!

Камелия при его словах еще больше замкнулась в себе.

— Я не думал, что ты согласишься! Это же правда чепуха! Вот зачем тебе длинные волосы?

— Для причесок, — буркнула Камелия.

— И потому, вероятно, что тебе это нравится! Так почему у нас должно быть иначе?

— Ваш чай! — прервала меня как нельзя кстати появившаяся подавальщица. Я от всего сердца поблагодарил ее и, осторожно подхватив чайничек, принялся разливать по дымящийся и отчетливо пахнувший мятой травяной настой.

— Все, все, хватит! — отмахнулся Нэльвё, беря чашку дрожащими от смеха руками. — Мы еще не закончили.

— А по-моему — закончили, — пожал плечами я, сонно потянувшись и, сквозь полуопущенные ресницы, следя за лицом Камелии. Она все еще дулась, но уже не так сильно. — Мне сказать нечего, тебе — тоже. О чем говорить? Или хочешь просто попрепираться?

— Тоже ничего себе вариант, — фыркнул Нэльвё. И шутливо спросил: — Долго еще ты будешь попрекать меня нерассказанным?

— А ты? — вернул я шпильку.

Разговор, только начавшийся, зашел в тупик. Тишину нарушила Камелия.

— Что теперь будем делать? — ровным голосом спросила она, старательно делая вид, будто ничего не случилось. — Перемещаться мы больше не сможем?

— Боюсь, что нет, — с сожалением сказал я.

— Не о том думаете. Проблема в другом: если Мио ищут по указу Совета, мы просто не сможем попасть на Арлетту.

— Как? — глупо спросила девушка, забыв о том, что еще секунду назад дулась. — Но это же... это же значит, что наше путешествие... закончилось?

— Нет, — Нэльвё улыбнулся. Очень грустно. — Еще не закончилось. Это, если хочешь, только шах. Мат будет, когда найдут Мио — а его найдут, в любом случае.

Я хотел, но не мог нечего возразить. Он был прав, прав решительно и бесповоротно. Мы все это хорошо понимали.

В густой тягучей тишине, обступившей нас, увязали звуки, долетающие из зала. Они казались какими-то далекими; словно нас разделяли не несколько шагов по бревенчатому полу, а сотни лиг.

— Но зачем им мастер? — в отчаянии спросила Камелия, умоляюще взглянув на меня, словно я мог дать ответ. — Не понимаю! Может, это какая-то ошибка? И вы... вы правда не знаете? Скажите, прошу!

Я медленно покачал головой. И добавил, негромко и глаза:

— Я не знаю, Камелия. Если бы знал — сказал бы уже давно.

Отчаянье затуманило ее взгляд мглистой поволокой. Девушка медленно, словно не осознавая себя, откинулась на спинку стула.

Нэльвё в задумчивости сцепил руки и, опершись на них, неотрывно смотрел в зал. Я рассеянно водил пальцем по краю полупустой чашки, переводя взгляды с Нэльвё на Камелию. Мыслей не было, совсем. Только усталость и странное безразличие, словно происходящее меня не касалось.

Резко скрипнул отодвинутый стул. Я вздрогнул — и перевел взгляд с раскачивающегося по поверхности чая блика-полумесяца на вскочившую Камелию.

— Знаю, знаю! — воскликнула она.

— Знаю что? Причину, по которой?.. — договаривать Нэльвё не стал, ожидая ответа.

Леди спохватилась и, смутившись своего порыва, присела. Румянец еще пылал на щеках

и скулах Камелии, придавая ей совершенно изумительное очарование.

Девушка откашлялась и продолжила уже спокойнее:

— Мой отец состоит в Совете и просто обязан знать обо всех его решениях.

— И?.. — нетерпеливо оборвал ее Нэльвё. — К чему ты клонишь?

— Я уверена, что это какая-то ошибка... или чья-то игра. Если это так, то отец сможет убедить Совет встать на нашу сторону. Вы ведь правда ничего плохого не сделали? — спохватилась она, уточнив.

Смотри-ка ты, учится! Учится играть словами, уточняя формулировки, чтобы поймать нужный оттенок смысла!

— У меня есть острое желание ответить, что я ничего не сделал: ни хорошего, ни плохого, — хмыкнул я. — Но — да. Не сделал.

— Все это замечательно, но какой резон твоему отцу идти против Совета и помогать Мио? — вмешался Нэльвё.

— Но это же несправедливо! — заявила Камелия таким тоном, словно для кого-то это имело значение. И добавила, гораздо тише и немного смущенно: — Ну... и я его попрошу.

Последнее убедило Нэльвё, а меня, напротив, насторожило: слишком неуверенно и робко прозвучали ее слова.

— То, что нам удалось провернуть в Ильмере, не выйдет в столице. Я не смогу попасть в город, — заметил я.

— Тебе и не надо. Камелия вполне справится с этим одна, — спокойно, будто уже все решив, сказал Нэльвё. И, проигнорировав откровенное недоумение, написанное на наших лицах, продолжил: — Мы отправимся не на Арлетту, а в Зеленые Холмы, просить защиты и покровительства. Как тебе такой ход, Мио?

План был гениально прост и безукоризнен. Зеленые Холмы — исконные земли aelvis, дом, в который каждый из нас может вернуться. Alle-vieггу никогда не откажут в покровительстве, стоит только обратиться с просьбой к верховному правителю. Если, конечно...

— Нэльвё, — на всякий случай спросил я, — а ты бывал в Зеленых Холмах?

— Бывал, — так же настороженно ответил он.

— И ты идешь со мной?

— Иду.

— А там тебя никто не разыскивает?

— Нет, не разыскивает, — с каменным лицом отчеканил он. — А тебя?

— А я там не бывал. Разве что в каком-нибудь страшном пророчестве им обещан, — рассмеялся я. Тревога отпускала мое измученное сердце. — Но это вряд ли.

— Заодно и просьбу мастера Корины выполните! — оживилась Камелия.

Я вздрогнул, уже совершенно позабыв об этом.

— Ну... хоть дважды аудиенции просить не придется, — уже несколько мрачно пошутил я.

— На самом деле, — задумчиво начал Нэльвё, — я не уверен, что стоит афишировать наше присутствие в Холмах.

— Хочешь, чтобы лорд-правитель узнал о нас от гончих Совета? Если не обет гостеприимства и не данная когда-то клятва, что помешает ему выдать нас?

— Как только лорд-правитель возьмет нас под свое покровительство, об этом раструбят на каждом углу. Совет сразу же узнает, где ты.

— Узнает, но ничего не сможет сделать, — пожал плечами я. — Меня это устраивает. Бессмысленно прятаться. Ты был прав, сказав, что меня найдут — это только вопрос времени. Если члены Совета пробовали найти меня с помощью магии единожды, то непременно попробуют еще раз. И я почти уверен, что вторая попытка увенчается успехом.

Нэльвё промолчал, как бы признавая мою правоту.

— Так я сейчас отправляюсь в Лэйдрин, к отцу? — спросила запутавшаяся в хитросплетении наших планов Камелия.

— Конечно же, нет! — отмахнулся Нэльвё. — Мы еще в своем уме, чтобы отпускать тебя одну.

— Со мной ничего не случится, — обиделась она. — Я — леди Высочайшего дома, никто не посмеет меня задержать.

— Будешь доказывать это каждому встречному стражнику, — фыркнул thas-Elv'inor. — И задержать тебя могут так... на всякий случай. Дня на два. Потом, когда убедятся, что ты действительно Камелия из дома Эльгйер, отпустят, конечно, вежливо извинившись. Вот только времени ты потеряешь — немеряно, и вряд ли будешь рада происходящему.

— В Ильмере тебе путь заказан, — присоединился я, смягчая резкость слов Нэльвё и пытаясь вразумить ее, а не запугать. — Значит, придется искать другой стационарник. До него, как и до следующего города, почти день пути. Одну мы тебя не отпустим — иначе ведь обязательно найдешь приключение! — а проводить не можем.

— И что тогда? — поджала губы Камелия.

— Приедем в Зеленые Холмы, попросим покровительства, разберемся с делами. А там и найдем того, с чьей помощью переместим тебя напрямую в Лэйдрин.

— Ну... ладно, — буркнула девушка, поняв, что нас не переубедить. Еще бы! Покровительство — это же так скучно! Вот заговоры раскрывать...

Я отчаянно зевнул, едва успев прикрыть рот рукой. Отступивший сон навалился тяжелым, но невыносимо уютным пуховым одеялом.

— Если это все... — начал я и не договорил, смазав конец фразы очередным зевком.

— Все, — решительно сказал Нэльвё, отставив чашку, которую уже давно крутил в руках. — Спать. Остальное — завтра.

Я невпопад кивнул. Смысл сказанного дошел до меня не сразу: только через несколько секунд, когда оба моих спутника встали из-за стола. Я поднялся следом. Мысли путались, и я, твердо решивший прикинуть маршрут до того, как отправлюсь спать, с сожалением отказался от этой идеи.

«Нужно найти карту. И место выпросить, а не гадать... но уже завтра. Да, завтра».

Я уже не очень-то помню, о чем щебетала девчушка-разносчица, разводя нас по комнате. И вовсе не помню лестницы, по которой мы шли — старой ли, узкой ли, тихонько поскрипывающей или молчаливой...

Из всей комнатки — небольшой, как мне показалось, и почти уютной — усталый, полусонный взгляд выхватил только странную полуторную кровать. Прикрыв дверь, я сонно, нетвердо направился к ней. На ходу сбросил ботинки, даже не пытаясь расшнуровать шнурки усталыми, заплетающимися пальцами.

...Рубашку, легшую поверх прикроватной тумбочки подстреленной птицей, я еще помню, а остальное — нет.

Умытые дождем зеленые холмы и равнины простирались, насколько хватало глаз — вплоть до самых гор. Острые пики терялись в чернильной мгле, изредка пронзаемой ослепительными нитями молний. Там, за горизонтом, за скалистой грядой, тихо, размеренно вздыхало северное море. Старое, как мир; помнящее и первый восход юного, еще по-детски ласкового солнца, и чернопламенное дыхание драконов, оно молчаливо взидало прозрачными, выцветшими от времени глазами, обреченное быть и помнить. Всегда.

Словно вечность, заключенная в безвременье...

Эрелайн задернул тяжелые шторы. Бледный свет дождливого дня, едва разгонявший мрак, сузился до тоненького лучика — и исчез совсем. Тьма, таившаяся в густых тенях, ожила, повела плечами, расправляя крылья — и точно ночь спустилась с небес в неурочный час.

Ночь... он ждет ее благословенного прихода каждый обжигающе-ясный полдень, каждое ослепительное утро, и нет для него воздуха слаще того, что разлит в сгущающихся сумерках. Воздуха, который хочется вдыхать без остановки, пить взахлеб; и что-то давно забытое, невесомое, хрупкое и прекрасное поднимается в груди... что-то, отдаленно напоминающее созвучие шести вдохов-выдохов, шести песнь в одном звуке.

Что-то, отдаленно напоминающее счастье.

Он любил, он ждал ее — темноокую красавицу-невесту, всепонимающего друга, молчаливую спутницу. Каждый вечер встречал у окна и провожал с рассветом. Она дарила ему то, что не в силах был дать больше никто, то единственное, чего он желал.

Покой, забытье. Одиночество.

Он любил её, единственную; жил встречами и мечтами о ней. О ней, чернокошой, приносящей покой на узорчатых краях расшитого звездами паланкина. Лишь с ней он может сбросить тяжелое бремя долга, что сильнее, чем смерть; его — и оковы обязательства перед домом, родом, собой... и немного не-быть. Совсем чуточку. Чтобы завтра вновь раздавать приказы, улыбаться, вершить судьбы...

Нет, Эрелайн вьер Шаньер, лорд дома Пляшущих теней. Нет, владыка севера и Драконьих Когтей, лорд-хранитель сумеречных дорог. Ночь не спустилась на землю, бремя долга по-прежнему давит на плечи, сковывает грудь.

Нет, Эрелайн, ночь не спустится на землю лишь оттого, что ты до боли, до слез мечтаешь о глотке ее сладкого пьянящего воздуха. Ты бессилен позвать ее; она не услышит, сколь ни задергивай штор.

...сколь ни гаси окон в старом замке — за ними все тот же обжигающе-ясный полдень.

Ночь не спасет тебя, бессмертный.

Грустная улыбка рассекла лицо уродливым шрамом.

— Сколь ни гаси окон в старом замке — за ними все тот же полдень... — тихо повторил Эрелайн. И вздрогнул: в дверь постучали.

— Войдите, — бросил он, стирая с лица усталость, и мельком взглянул на гостя.

Вернее сказать, гостью: дверь отворилась, и в кабинет вошла Висения, непривычная в платье цвета пепла розы и собранными в нарочито небрежный пучок волосами.

Шаги затихли. Она остановилась и негромко сказала:

— Пора, мой лорд. Экипаж уже подан. Мы ждем только вас.

— Я задержался. Прошу прощения, — Эрелайн отвернулся от окна и неторопливо направился к ней, подав руку. — Для меня будет честью сопровождать вас.

Благодарно кивнув, Висения приняла его руку и сразу же заговорила о планах, о списке тех, с кем непременно следует переговорить, а с кем — встретиться, о чем сложить представление... Эрелайн слушал ее рассеянно, слишком часто отвлекаясь на посторонние, лишние сейчас мысли. Из узкого перехода, лишённого окон, они перешли в галерею, расчерченную дробящимся через витражные стекла косыми полосами света. Неслышно за спину скользнули Сэйна и Адрин, ступая с ним шаг в шаг, став его тенью.

...- Не забудьте: вьер Тьерри, вьер Ниес и вьер Диэр, — напомнила Висения, наклонившись вперед и выглянув из кареты. Рукой она держалась за открытую дверцу. Браслет на узком запястье сверкнул дымчатыми топазами.

Адрин терпеливо дожидался ее, не выказывая и тени недовольства.

— Не забуду, — улыбнулся Эрелайн и обернулся к стоящей рядом Сэйне. — Прошу вас, леди.

— Только после вас, мой лорд, — сухо сказала она, склонив голову.

— Сэйна, прекратите. Нет такой силы, которая заставит меня не пропустить леди вперед.

— Я — ваш страж.

— От этого вы перестаете быть леди? — Эрелайн иронично вскинул бровь. И нетерпеливо, с некоторым раздражением продолжил: — Вы мой страж, и за это я вам благодарен. Но я не беззащитен и не нуждаюсь в излишней опеке. Поэтому, Сэйна, будьте любезны, присаживайтесь. Если вы настаиваете, то это приказ.

И, не намереваясь тратить времени на спор, Эрелайн распахнул дверцу. Сэйна подняла на него серо-стальной укоризненный взгляд и, поколебавшись, первой ступила на подножку кареты. Дождавшись, когда леди опустится на сидение и устроится, расправив скудным движением складки скроенного по-мужски сюртука, Эрелайн поднялся за ней.

Приглушенное ржание, щелчок поводьев — и экипаж, покачнувшись, тронулся в путь.

Эрелайн отвернулся к окну. Пейзаж — такой привычный, знакомый каждым штрихом, обрисовывающим мягкие перекааты холмов, каждым акварельным мазком в минорной гамме низких туч — тянулся следом за ними.

Дождь, весь прошедший день и прошедшую ночь барабанивший в окна, перестал, но солнце так и не озарило мир своим светом. Порой его лучи пробивались сквозь тучи, пронзая сумрак дождливого дня и почти сразу исчезали.

Казалось, на Холмы сошла осень. Сердце начинало биться медленнее, пальцы — леденеть. Эрелайн отнял их от стекла.

Нет ничего хуже непрощенных воспоминаний и пустых сожалений. Но как же тяжело укрыться от них.

— Рейген сказал вам имя того, кто видел Зарерожденного на Берегах? — негромко спросил он.

— Сказал, — коротко ответила Сэйна. И, предвосхищая вопрос, продолжила: — Мы с Дэином посетили крепость и допросили его.

— Можно что-нибудь предполагать? — голос Эрелайна звучал слабо, едва слышно, но не мягко.

— Сложный вопрос. Одно могу сказать точно: это не ошибка. Не уверена, что мы можем говорить о Кэrrое. Слишком неточное описание.

— Вот как... — проговорил Эрелайн, больше сам себе, и нервно побарабанил по сидению, обитому темно-вишневым бархатом. Потом вздрогнул, вспомнив, что он не один, и спросил: — Что-нибудь еще, Сэйна?

— Я подготовила подробный отчет, но не успела его предоставить. В нем — результаты допросов, осмотр нами крепости, выход в рейд. Если позволите, я бы предпочла отложить доклад до вечера.

— Не вижу смысла вас торопить. Так будет лучше.

«Так будет лучше»... губы беззвучно шевельнулись, повторяя.

Так. Будет. Лучше. Три простых слова. Простых — и всегда лживых.

Эрелайн резко задернул штору.

* * *

— Лорд Эрелайн, леди Висения, добро пожаловать!

Лорд-правитель склонился в неглубоком поклоне, когда они поравнялись с ним, поднявшись по ступеням. Бело-розовый мрамор не сверкал, не искрился — мягко светился, окутывая все лиловой мерцающей взвесью. Парк, разбитый перед дворцом, ослеплял умытой дождем зеленью. Пелена облаков, обнявшая солнце, расступилась, и пасмурная мгла, скрадывающая цвета, уступил место золоту дня.

— Мое почтение, лорд. Мое почтение, леди, — Эрелайн склонился в ответ. Зашелестели юбки, когда Висения присела в реверансе. Ему не нужно было оборачиваться, чтобы убедиться в том, что он безупречен.

— Мое почтение.

Леди-правительница с царственным величием склонила голову, едва обозначив поклон. Если бы кто-нибудь, отбросив улыбчивую маску льстивого света, спросил ее о столь скупом приветствии, она непременно извинилась бы сложностью высокой прически, в которую придворные дамы собрали пламя ее волос. Однако безупречно прямая осанка, вскинутый подбородок и высокомерие, прячущееся в золоте глаз и алом изгибе губ, выдали бы ее ложь.

— Проходите, — в улыбке лорда Этвора всегда было что-то мальчишеское. Он невольно вызывал симпатию, стоило только улыбнуться этой открытой и обезоруживающей улыбкой. — Вы нечастый наш гость, лорд Эрелайн, поэтому я особенно рады, что вы смогли выкроить время на наш скромный прием.

— К сожалению, вы правы. Но я постараюсь исправиться, — улыбнулся Эрелайн в ответ. — В Тисовую залу?

— Духота дворцовых залов успела надоесть нам за зиму. Она в этом году была как никогда долгой, — уклончиво начал Этвор. И быстро продолжил: — Мы хотели порадовать гостей званым обедом в старом парке, но дождь переменял наши планы. Теперь, конечно, поздно все менять, и обед будет в зале, но мы подумали, что предобеденная прогулка будет приятна всем гостям.

— Что может быть слаще, чем воздух после дождя?

— Только изящество дворцовых приемов, — улыбка леди Айори вышла на редкость неискренней.

— Чудно! Чудно, друг мой! — не заметив колкости супруги, воскликнул лорд Этвор и в порыве приподнятого настроения и радости дружески ударил Эрелайна по плечу. —

Проходите, располагайтесь! Я присоединюсь к вам чуть позже: сами понимаете, встреча гостей! Если вам что-то потребуется, обращайтесь к лорду-распорядителю двора.

— Полагаю, в этом не будет необходимости, но спасибо, — Эрелейн кивнул, обозначив легкий поклон. И шагнул с Висенией в распахнутые настежь светлые двери с вставками из хрусталя.

— Да, лорд! Мне нужно будет с вами переговорить.

Окрик лорда-правителя застал его на пороге. Эрелейн обернулся, придерживая уже вошедшую во дворец леди за локоток, и, коротко бросив:

— Мне с вами тоже, — шагнул следом за Висенией.

На середине залы, высокой и светлой, к ним подступился лорд-распорядитель. Высокий, в строгом и безупречно отглаженном сюртуке, отделанном золотыми позументами, он склонился в поклоне — тяжеловесном, исполненном гордости и собственной значимости — и сухо обратился:

— Позвольте вас проводить, лорд.

— Спасибо, но это излишне, — не задержавшись ни на мгновение и даже не обернувшись, безразлично заметил Эрелейн. Распорядитель нахмурилась, поджав губы, но настаивать после прямого отказа не посмел.

Анфилада залов, таких похожих и не похожих друг на друга, вела их вперед — к свету, льющемуся из окон, к тонущему в свежести саду. Перестук каблуков звучал, кажется, не здесь, а где-то дальше, в следующей зале — или в той, что отражается в зеркалах, идя с ними шаг в шаг.

Эрелейн молчал, напряженно думая, как лучше начать разговор с лордом Этвором о Верховной. Только когда впереди показались двери, за которыми в дневном золоте раскинулся парк, он очнулся от мыслей, отвлеченный вопросом Висении:

— Вы помните о списке, лорд?

— Спасибо, Висения. Я помню. Не стоит мне так часто напоминать.

— Прошу прощения, — Висения прикрыла глаза, склонив голову. И ровно добавила: — Вы правы.

Еще не все гости прибыли, но прием, несомненно, начался. Немногие наслаждались одиночеством под сенью лип и дубов старого парка или гуляли по его узким тропкам, тогда как большинство разбились на маленькие кружки, в которых текли оживленные беседы. От одних доносились взрывы смеха и звонкие колокольчики девичьих голосов. От других — отголоски негромкой, сдержанной речи.

— Я оставлю вас, мой лорд? — осведомилась Висения, и так знавшая ответ, но не имевшая права не спросить.

Взгляд Эрелейна скользил, ни на ком не останавливаясь. И замер, заприметив непослушные насыщенно-каштановые вихры. Губ сама собой коснулась непрощенная улыбка.

И, бросив, не оборачиваясь:

— Разумеется, Висения! — Эрелейн легко сбежал по ступеням. Чтобы направиться туда, где он видел Лоира и откуда доносился звонкий голос Элени.

...- Ну, Лоир, не упрямитесь! Почему вы отказываетесь от выставки?

— Элени, прошу! Перестаньте! Вы меня смущаете!

— Но мне совершенно непонятно, по какой причине вы отказываетесь подарить нам удовольствие лицезреть ваши работы.

— Мои работы весьма посредственны.

— Ваши работы достойны выставляться в лучших галереях Арьеннеса и Лазурной Гавани! Поверьте: если бы ваши картины были известны за пределами узкого круга друзей, лучшие коллекционеры бы поспорили за право обладать ими!

— Вы мне льстите.

— Каков упрямец! Лоир!.. Вы...

— Элени, дорогая, — лорд вьер Ниес мягко коснулся локтя супруги, — мне кажется, тебе не стоит так упорствовать. Это не очень любезно. К тому же не думаю, что лорд Эрелайн, почтивший нас своим присутствием, рад этой сцене.

— Эрелайн! Как я рада Вас видеть! — воскликнула Элени, и на лице ее, когда она обернулась к нему, расцвела улыбка. — Вы-то мне и нужны!

— Боюсь даже предположить, зачем, — Эрелайн поравнялся с ними и поклонился в ответ на ее реверанс. С лордом Алердом они обменялись крепкими рукопожатиями.

— Напрасно! — нетерпеливо сказала леди Элени. — Давно ли вы здесь? Слышали ли разговор?

— Достаточно, чтобы стать свидетелем ваших бесплодных попыток сделать Лоира известным художником, — Эрелайн не смог удержаться от смешка.

— Уговорите его! — прямо, без обиняков, потребовала она. И быстро продолжила, опережая его возражения: — Он послушает только вас!

— Сожалею, но есть вещи, которые даже я изменить бессилён, — лорд-хранитель виновато развел руками, пряча улыбку в уголки губ. — Вы же знаете, какого невысокого мнения наш друг о своих работах. Я пытаюсь убедить его в обратном уже второй десяток лет, но упрямства Лоиру не занимать. Впрочем, — с усмешкой продолжил Эрелайн, — в этом вы уже имели несчастье убедиться.

— Но ведь это нелепица! — леди вьер Ниес наморщила носик. Пальчики ее раздраженно прокрутили изящный кружевной зонтик, который она держала, прислонив к плечу. Порыв ветра всколыхнул золотистые локоны, обрамляющие ее лицо. Они качнулись, и в этом непокорном движении проскользнуло недовольство Элени. — Вы видели, какой портрет наш друг нарисовал с меня? Он изумителен! Какое внимание к свету, какая изумительная проработка деталей! Образ читается в каждом штрихе, в каждом изгибе линий. И какой образ! Даже Алерд, обыкновенно безразличный к живописи, выразил Лоиру свое восхищение! Ведь верно, дорогой?

— Все так и было, — Алерд оставался таким же сдержанно строгим, как и всегда — только в глазах цвета палой листвы затеплилась улыбка. — Я пожал лорду Лоиру руку и поблагодарил. Лучшего портрет Элени я не видел.

— Положительно, эту работу должен увидеть весь свет! — настойчиво продолжила Элени, ободренная согласием мужа, мнение которого в Холмах значило многое. Даже в совершенно отличных от его работы вопросах. — Лоир, не упрямитесь! Я сама возьмусь за проведение выставки, только согласитесь!

— Не вижу причины тебе и дальше возражать, — заметил Эрелайн, переводя взгляд на досадливо поджавшего губы и отвернувшегося друга. — Уверен, леди решит все со

свойственным ей изяществом.

— Решит! — воскликнул, не выдержав, Лоир. Зелень его взгляда полыхнула раздражением. — «Решит»! Конечно же! И не пытайтесь! Я мог бы согласиться, если бы речь шла о камерной выставке, но ведь Элени непременно нужно созвать весь свет! Нет! Ни за что! Я не соглашусь на это, и точка. И прекратите меня уговаривать!

— Хорошо.

— Что? — от спокойного тона Эрелайна художник вздрогнул.

— Хорошо, — повторил Эрелайн, пряча улыбку в уголки губ. — Если ты настаиваешь на камерной выставке и узком круге гостей, думаю, Элени не будет возражать.

— Конечно, не буду! — зонтик крутанулся, всколыхнув безветрие и беззвучие. На этот раз — радостно. — Камерная выставка — это даже лучше. Чудесная идея! Закрытый прием, узкий круг гостей... Лоир, это прекрасная идея! Спасибо! Сколько желающих будет!

— Я еще не дал согласие! — спохватился Лоир, пойманные на слове, и теперь отчаянно жалеющий о сказанном. — Погодите!

— Я даже знаю, кого пригласить! — не слушая, продолжала радостно щебетать Элени, очаровательная в своей увлеченности. — Спасибо вам, лорд! Если бы не вы, я бы еще долго уговаривала его.

— Думаю, вы бы справились быстрее, — серьезно сказал Эрелайн. Только смешинки в глазах, сейчас сине-свинцовых, выдавали его настроение — и намерение. — Вряд ли Лоир смог бы долго выдерживать ваш напор.

— Мне бы стоило на вас обидеться, — с достоинством начала она — и звонко закончила: — но шутка слишком хороша! — И, уже рассмеявшись, продолжила: — Все-таки как преувеличены слухи о вас! Каждый раз убеждаюсь. Поговори с вами те, кто им верит — хоть бы пять минут! — непременно поняли бы, какая это чепуха!

— Слухи? — улыбка, прячущаяся в уголках губ, сменилась напряжением. — Кажется, я не совсем понимаю, о чем вы.

— А, — Элени замолчала, нахмурившись, точно сожалея о сказанном и теперь подбирая слова, чтобы объяснить. И, помедлив, продолжила уже без прежней легкости: — Я не уверена, что стоит об этом говорить, но в последнее время до меня доходят... не очень приятные слухи. О вас. В них нет ничего откровенно едкого или обличительного, унижающего, но я знаю, когда в словах звучит злость.

Она сделала небольшую паузу, остановившись — и вновь заговорила:

— А она — эта злость — звучит. Вы, наверное, хотите спросить, что говорят о вас? Боюсь, я вас разочарую. Ничего конкретного, ничего — в открытую, и всегда не в присутствии тех, кто мог бы считать иначе. Полунамеки, обрывки фраз — этого так мало, чтобы убедиться, и так много, чтобы понять. Прежде вас называли Безупречным, теперь — Бесстрастным. Чувствуете? Всего полшага до «жесткосердечного», безучастного к чужой боли, не знающего жалости — только холод и злость.

— И только? — Эрелайн на мгновение прикрыл глаза, чтобы скрыть волнение. Голос не дрогнул. — Так же, как и раньше.

— Нет. Не так же, — леди вьер Ниес улыбнулась, но тон ее оставался по-прежнему серьезным. — Я знаю, что не так же. К тому же... лорд вы знаете, как появляются слухи?

— Кто-то кому-то что-то сказал. К чему вы это спрашиваете? — Эрелайн нахмурился, не видя, куда и к чему она клонит — а это ему не нравилось.

В голосе отчетливо прозвучали первые нотки раздражения.

— Все верно, — Элени улыбнулась той загадочной женской улыбкой, которая всегда говорит о том, что ваша прелестная собеседница водит вас за нос, зная, но отказываясь говорить. — Но перед тем как слух появится, непременно должно что-то случиться. Какое-то событие, которое послужит толчком.

— А если никакого события не случилось?

— Вот именно. «Если никакого события не случилось», — довольная, точно кошка, проговорила Элени. — Обыкновенно слухам мы обязаны отвернувшимся от нас друзьям и поклонникам. Но среди тех, кто сплетничает о вас, едва ли есть таковые. Слухи же, лорд, всегда кому-то нужны. Это — инструмент, у кого-то отточенный и смертоносный, как отравленный ядом кинжал, а у кого-то — грубый и бьющий мимо.

— Вы ведете к тому, — начал Эрелайн, не сводя с нее тяжелого, потемневшего взгляда, — что кто-то намеренно пустил слух, начав против меня игру?

Элени не успела ответить. Из распахнутых в весну дверей вышла, медленно спускаясь по ступеням и придерживая подол жемчужно-серебряного платья, Ириенн. Оно казалось бы слишком строгим, если бы не вышитый узор, выющийся по юбке, и не отделанный жемчугом лиф. Волосы, поднятые вверх, но не собранные в прическу, струились по плечам мягкой волной. Сегодня она казалась особенно утонченной, хрупкой, ломкой — как будто сделанная из тончайшего фарфора.

Извинившись, Эрелайн отвернулся от своих собеседников, чтобы первым встретить спускающуюся по ступеням невесту.

— Мое почтение, леди. Вы сегодня как никогда прекрасны.

Ириенн присела в реверансе, не поднимая на него глаз. Голос ее звучал мелодично, но тихо:

— Мое почтение, лорд. Вы очень любезны.

— Едва ли это можно назвать «любезностью», — Эрелайн улыбнулся. — Потому что это правда.

Ириенн улыбнулась в ответ, но улыбка вышла натянутой, вымученной. И когда их взгляды на мгновение встретились, она опустила глаза.

— Если вы не возражаете, я ненадолго вас оставлю. Но мы еще непременно поговорим сегодня.

— Разумеется! — эта улыбка Ириенн была настоящей. Как и его.

Они оба знали, что к разговору сегодня не вернуться, и не собирались возвращаться. Но светские условности требовали сказать другое, даже если это будет ложь. Зачем нужна правда, если она может нанести оскорбление? Зачем нужна правда, когда она — неприлична?

Ириенн легким шагом направилась к одному из кружков звонко щебечущих леди. Зонт, который она прежде держала, опустив руки, поднялся вверх и с тихим шелестом раскрылся над ее головой. Эрелайн бросил ей вслед долгий взгляд, и на мгновение ему показалось, что среди выбранного ей кружка он увидел край золотистого платья Элени. Впрочем, почти сразу он забыл об этом как о несущественном: пора было заняться делами, которые привели его сюда.

Чета вьер Лиин еще встречала последних, запоздалых, гостей, но все, кто интересовал Эрелайна, уже собрались и негромко разговаривали, отойдя в тихий угол парка, под сень старого дуба.

Он обогнул разбитый перед дворцом пруд, на котором распускались, открывая чаши

ладоней, белоснежные лилии, раскланялся со встреченными по пути знакомыми. И — еще прежде, чем поравнялся с лордами — услышал сухое:

— Республика полагает, что ей есть, что нам предложить, и настаивает на открытии торговых путей. Я считаю это излишним.

Леди Эйлин.

— Вы всегда так говорите, дорогая. И всегда ошибаетесь.

— В этот раз — тоже? — ни одна черта ее красивого, но излишне строгого лица не дрогнула в негодовании, хотя Эрелейн готов был поклясться, что слова лорд Эштенбри ее задела.

— Вы даже не знаете, что они предлагают, — насмешливо продолжил лорд. Больше всего манерами и речью он походил на светского щеголя и повесу. Но ошибкой было бы отказать ему в остром уме, который с равным успехом мог как безошибочно находить выходы из невыгодных положений, так и ударять уколom шпаги — точно, больно и всегда попадая в цель. Подчеркнутая сдержанность леди Эйлин часто становила предметом его насмешек.

— Боюсь, но этот раз ошибаетесь вы. Я не полагаю в своем праве говорить о том, чего не знаю. С торговым предложением я ознакомлена.

— И каково предложение Северы? — спокойно спросил, обрывая нарождающийся спор, лорд Ниес. Встретившись взглядами, они кивком приветствовали друг друга. С остальными лордами Эрелейн обменялся рукопожатиями, склонившись только перед леди Эйлин.

— Налаживание регулярных торговых путей. В перспективе — открытые торговых границы, — помедлив, ответила леди, на мгновение скрестив взгляды с Эштенбри. И ровно добавила: — Также Совет дает нам право прийти к торговым соглашениям с Лесом Тысячи Шепотов и Лазурной Гаванью от их имени.

— Как это любезно с их стороны! — насмешливо протянул Эштенбри, убрав руку в карман. Полы недлинного сюртука разошлись, и стала видна серебряная цепочка часов, тянувшаяся от жилета к карману. — Обязать нас по договору наладить торговые отношения с третьей стороной — и представить это наградой.

— По договору часть прибыли отходит нам, как посредникам, — Эйлин повела плечами, и по ее лицу пробежала тень неудовольствия. — Полагаю, они считают это предложение щедрым.

— Возможно, оно действительно вправе называться щедрым. Но не для нас, — невыразительно заметил лорд Алерд. Было видно, что для него интерес не представляет ни сам разговор, ни торговое соглашение. Впрочем, как и для всех здесь присутствующих. У договора не было ни единого шанса, и если бы не необходимость соблюсти формальность и составить предлагающей стороне вежливый отказ, о нем бы даже не заговорили.

— ...а что думаете вы, Эрелейн?

Эрелейн вздрогнул, не ожидавший вопроса, и отвел рассеянный взгляд от дальнего тенистого уголка парка, где нежный весенний ветер мягко касался цветов дикой розы.

— Если ни один из товаров, которые Севера может предложить, нам не нужен, — начал он, не сразу включившись в разговор, — а договор влечет за собой лишние обязательства, я не вижу причин, по которым мы должны согласиться. Я поддерживаю леди Эйлин. Торговли с Шектаром и Фламандрией достаточно.

— Лорд Эштенбри?

— Не возражаю, — сухо сказал он.

— В таком случае я озвучу наше решение лорду-правителю. И, если он согласится, составлю отказное письмо, — договорив и не услышав возражений, леди опустила взгляд, педантично поправив кружево на рукаве: ей показалось что оно лежит недостаточно ровно. И вздрогнула, когда за спиной раздалось улыбчивое:

— С чем я должен согласиться?

Сам лорд-правитель предстал перед ними мгновением позже, шагнув в круг беседующих. Эрелайн чуть повернул голову и еле удержался от того, чтобы выказать неудовольствие: это ало-золотое, пышное и роскошное платье, расшитое каплями рубинов, он не смог бы не узнать, даже если бы захотел. Леди-правительница.

Зачем она здесь? Дела никогда не интересовали ее, как не интересовало все несвязанное с ней.

Лорд-правитель жестом оборвал их, заговорив сам:

— Лорд Эрелайн, я украду вас ненадолго? Нам необходимо переговорить.

— Разумеется. Я хотел просить вас о том же.

Лицо лорда Этвора озарилось теплой и понимающей улыбкой, как будто их связывала какая-то общая тайна. И это странной, прежде ни разу не виденное выражение заставило Эрелайна насторожиться.

— Не удивлен. До церемонии осталось чуть меньше недели.

«Какая церемония?» — чуть не сорвалось с его губ, но он вовремя замолчал.

Темные годы! Свадьба! Висения ведь напоминала совсем недавно, а он забыл!

— Нет, — сказал Эрелайн. И, прежде чем лорд-правитель успел выказать удивление, уточнил, смягчив возражение: — Не только о ней.

— Позже! Все позже, — отмахнулся Этвор.

В его голосе не звучало ни твердости, ни упрямства, но это впечатление было обманчиво. Заставить лорда-правителя переменить решение не удавалось еще никому.

— Думаю, не стоит отвлекать гостей скучными семейными разговорами, — продолжил он, улыбнувшись присутствующим. — Моя дорогая супруга, боюсь, совсем нас заждалась. Пойдемте!

И, не нуждаясь в согласии, лорд-правитель развернулся, неспешно направившись к не пожелавшей подходить ближе супруге. Леди Айори не любила тех, кто был сильнее и влиятельнее ее, а тех, кто мог чем-то затмить — не прощала.

Эрелайн помедлил, не сходя с места и не решаясь идти — а потом нагнал Этвора быстрым шагом.

Общество леди-правительницы он не выносил, предпочитая обмениваться с ней любезными и ничего не значащими словами, но не поддерживать с ней разговор. Чужие мнения леди-правительницу не интересовали. Ей нужны были благодарные слушатели, готовые восторгаться ей, воспевать ее — возносить ее.

«Пусть говорит, — сказал себе он. — Пусть делает, что хочет, там, где от нее нет вреда. Пусть говорит — только бы быстрее закончила».

* * *

Иришь провела ладонью по скамье. Капли дождя искристыми брызгами сверкнули в лучах солнца — и рассыпались по траве, такой невозможно-зеленой, что слепило глаза.

Пахло мокрой землей. От диких роз, зацветших позже, чем обычно, и в дождь особенно сладких, хотелось сбросить неудобные туфли, расшнуровать туго затянутый корсет и кружиться, едва касаясь ногами земли.

Хотелось, но нельзя.

...Прием, длившийся не больше получаса, уже смертельно утомил ее. Вернуться во дворец, оставив гостей, Иришь не могла, скучать в одиночестве — не должна была. И потому, обменявшись улыбками и ничего не значащими словами с каждым из гостей, она отошла вглубь парка к старой, затерянной среди стволов и низко опущенных ветвей беседке. Дикая роза, оплетающая перголу, прятала Иришь от чужих глаз, тогда когда она могла видеть прием — стоило только чуть-чуть отвести колкую до алой крови ветвь.

Стайка девушек в легких платьях щебетала у разбитого перед дворцом пруда. Белоснежные лилии и ряска качались на волнах, когда ветер робко касался его темной глади. Иришь резко отвела взгляд. Она любила сидеть здесь, у пруда, с книгой в руках — читая, слушая беззвучие, наслаждаясь таким горьким и таким желанным одиночеством... Незваные гости, беспокоящие дремотную тишину старого парка, ее раздражали. Хорошо, что когда она подходила к ним, девушки стояли в другом месте, иначе бы Иришь вряд ли смогла бы оставаться с ними такой же приветливой.

Хуже щебечущих девушек-птичек были только светские леди, прогуливающиеся по выложенным каменной крошкой дорожкам и изредка заговаривающие друг с другом или со своими спутниками томными голосами. Они, чопорные и подчеркнуто-манерные, навевали на Иришь тоску. Лорды, впрочем, не отставали от своих супругов, скучными, лишенными оттенков настроения голосами обсуждая политику.

Взгляд Иришь скользил дальше, вперед, и остановился на маленькой группке, стоящей под сенью липы. Отсюда не доносились смешки — только негромкие голоса, не столько сдержанные, сколько спокойные и уверенные. Увидев Роальда, — как всегда сдержанного и хмурого, жесткого и занятого делом, даже в праздник — она не смогла сдержать улыбки. «Где же Даррен?» — мелькнула — и тут же исчезла рассеянная мысль, устремившись дальше, вслед за взглядом.

Лорд Алерд, леди Эйлин, лорд Эштенбри, лорд Дэрвил... Эрелайн... Иришь вздрогнула и невольно разжала пальцы. Тонкая ветвь, которую она осторожно отвела в сторону, распрямилась, и дикая роза, оплетшая беседку, всколыхнулась.

Иришь досадливо закусил губу, но что-то делать было уже поздно. Оставалось только жалеть о собственной неаккуратности.

Она вновь потянулась к ветви, чтобы листья и полураскрывшиеся бутоны не заслоняли ей вид. И нахмурилась: слишком далеко. Ветер, едва слышный, шепчущийся с листвой и качающий звонкие колокольчики, сносил слова вбок. До Иришь долетали лишь обрывки слов, полуфразы, из которых ничего нельзя было понять — только домыслить.

Взгляд пробежал по щегольскому костюму лорда Эштенбри, строгому и глухому платью леди Эйлин, скучному покрою сюртука лорда Алерда, одного из ближайших друзей ее отца, и сам собой остановился на Эрелайне. В этом разговоре он почти не участвовал, но, как ей показалось, не столько из-за отсутствия интереса, сколько потому, что не видел смысла вмешиваться. Слушал он сосредоточенно и напряженно.

Словно почувствовав ее взгляд, Эрелайн обернулся, и знакомый холод сковал сердце, разучил дышать, пробежал дрожью по открытым плечам...

Всего мгновение, такое странное, такое пугающее мгновенье... И это чувство...

Это... страх? Но перед чем?

Перед ним? Нет, какая глупость! Но этот взгляд, эти глаза... Не злые, не жестокие, но такие... неправильные? Пугающие?

Проклятье, она ходит по кругу! Это не ответ!

— Любишься?

Иришь вздрогнула. Сердце, прежде замедлившееся, сбившееся с ритма, теперь забилося отчаянно, быстро, как птичка в клетке. Сколького ей стоило не вскрикнуть от испуга и обернуться не порывисто, взвившись с места.

— Иришь? — голос шутника резко упал. В нем, прежде беззаботном, поселилось тревога. — Сестрица! Ты в порядке?

«Сестрица»!

Она, прежде напряженная, как струна, расслабила плечи, прикрыв глаза. А когда открыла, то увидела брата, присевшего перед ней и пытливо заглядывающего в лицо.

«Голос... это был его голос. Как я могла его не узнать?»

— Кажется, да.

— Ты так сильно побледнела, как будто... — Даррен оборвал себя на полуслове.

— Как будто что? — тихо спросила она, сама удивившись, как сел ее голос.

— Неважно, — отмахнулся он, как если бы не хотел не то, что говорить — думать об этом. — Точно все в порядке?

— Да.

— Матушка просила тебя к себе. Кажется, они собираются обсудить церемонию с лордом вьер Шаньер, — Даррен поджал губы, в золотистых глазах скользнула тень тревоги. Помедлив, он добавил: — Но я не уверен, что тебе стоит идти. По крайней мере, сейчас.

Не дождавшись ответа, брат поднялся и, пройдя перед ней, присел рядом. Несколько мгновений, созвучных ударам сердца, Иришь не видела ничего — только красно-коричневый сюртук с золотым шитьем. Когда Даррен отступил и солнечный свет ударил в глаза золотым кружевом, Эрелайн, прежде молчавший, вмешался в разговор. И в затихшем вдруг ветре, будто решившем перевести дух, она расслышала: «...а что думаете вы, Эрелайн?». И его отрывистое: «Я не вижу причин, по которым мы должны согласиться».

— Любишься.

— Не смешно, — резко сказала Иришь, сразу вспомнив, что он сказал это раньше, только начав разговор. Тогда она не расслышала его — так сильно захватили ее чувства.

— Жаль, что сейчас не бал, — негромко проговорил Даррен, пытаясь нарушить тягостную паузу и мягко ей улыбнувшись. — Я бы пригласил тебя на танец, и ты бы перестала грустить.

— Да. Жаль, что сейчас не бал, — эхом повторила Иришь. И безразлично продолжила: — На них звучит музыка, а под музыку всегда так хочется танцевать.

Ее ровный, безразличный голос так странно диссонировал, не сочетался с восторженными и искренними словами, что становилось жутко.

Иришь замолчала. Тишина наполнилась звуками старинного парка: где-то вдалеке чирикали птицы — юркие и черноперые, совсем маленькие; рядом звенел ручей. Ветер качал полураспустившиеся бутоны дикой розы и ее черные волосы, волной струящиеся по плечам.

Так тихо, так сладко... Только сердце, тронутое зимней изморозью, не может согреться.

Иришь вздрогнула и обернулась, почувствовав осторожное прикосновение к своей

ладони.

Даррен взял ее за руку — и крепко сжал, словно стараясь передать собственное спокойствие и уверенность.

— Иришь, это только политика, дань прежним клятвам. Последний шаг к тому, чтобы вражда между нашими домами осталась в прошлом. Важен не брак, важна сама церемония как символ единения. Несколько лет — и вы сможете разойтись. Что это в сравнении с вечностью?

— Я знаю. И понимаю. Ты ошибся: я грущу не поэтому.

— Тогда в чем дело? — напрямик спросил он, что мог позволить только с ней. — Я не понимаю.

— И не поймешь.

— Я настаиваю.

Иришь отвернулась. Не осознавая, что делает, потянула перчатку и, наполовину сняв ее, начала нервно тереть ткань, не желая давать ответ. Как-то отстраненно Иришь отметила, что Эрелайн покинул разговор. Покинул, наверное, с родителями, не дождавшимися ее.

«Матушка будет недовольна», — безразлично подумала она.

Пусть будет. Ей все равно.

— Он мне не нравится, — наконец, начала Иришь. — Просто не нравится. Не могу сказать, чем. В нем есть что-то... что-то такое, чего не должно быть. Я не знаю, Даррен, это звучит так глупо, но... Этот взгляд... Темный и холодный, пустой. Он... неправильный. И... Не важно! — резко оборвала себя она. — Я же вижу, что ты мне не веришь! К чему продолжать. Не знаю, зачем вообще стала говорить об этом.

— Напрасно, — спокойно возразил Даррен. — Потому что я слушаю.

— Слушаешь, но не веришь.

— Не понимаю, — покачал он головой. — Это другое.

— Есть ли разница, если итог — один? — с сожалением сказала она. И, не дав ему возразить, продолжила, сменив разговор: — Мы слишком задержались.

Иришь поднялась со скамьи, огладила юбку, расправляя ткань. И, повернувшись к Даррену, улыбнулась:

— Пойдем?

— Мне не нравится твое настроение, — сказал он, поднявшись вслед за ней. И, прежде чем подать ей руку, смотрел на нее долгим пронзительным взглядом.

— Мне тоже, — Иришь через силу улыбнулась, и улыбка вышла неискренней. Снова.

А тревога, сжимающая сердце острыми коготками, не отступила.

* * *

Эрелайн вернулся поздним вечером, когда солнце уже спряталось за неровную линию горизонта, выведенную плавными изгибами уходящих вдаль холмов. Отсветы ушедшего светила разлились по кромке прояснившегося к вечеру неба расплавленным золотом — и выплеснулись через край, затопив пологие склоны и устилавший их вереск... Эрелайн невольно улыбнулся: в солнечные дни край Зеленых Холмов был упоительно прекрасен. Жаль, еще немного, буквально пара минут — и все погрузится во мрак.

Он улыбнулся, но уже грустно. Ночь — та, которую он ждал с самого утра — уже

касалась босыми ногами карниза, почти шагнула в его окно, но не принесла обещанного покоя. Лишь новые тревоги, обязанности и дела, и стопку отчетов, которую не разобрать за полночи. И этот разговор... из-за того, что леди Ириенн заставила себя ждать, он затянулся, продлившись до самого обеда. Переговорить с Этвором он не успел, и теперь должен решать, что делать с Верховной, сам. В ближайшие дни выкроить время для встречи с лордом-правителем он не сможет, а медлить нельзя. И это приглашение на бал... Еще одна головная боль — и еще меньше времени. Ни отдохнуть, ни поспать...

Но проводить догорающий закат он может себе позволить.

Помедлив, Эрелайн извлек из шкафа тонконогий хрустальный бокал и бутылъ красного вина. Она пылилась здесь уже, кажется, пятый год, терпеливо дожидаясь своего часа. Но гостей, которых стоило бы почтить сокровищем, не было, а сам лорд не любил вино. Разве что в такие редкие мгновения, как сейчас, ощущалось острое желание сделать пару глотков. В мгновения, когда его измученная, омертвевшая душа оживает под медовыми лучами заходящего солнца.

Крепкое, терпкое — вино пьянило одним лишь ароматом. Настоящий шедевр винодельческого мастерства. Эрелайн пригубил напиток и, повинуясь внезапному порыву, распахнул ведущую на балкон дверь из мореного дуба. Шагнул на узкую каменную полосу балкончика, пальцами сжал парапет.

Совсем не летний ветер, идущий с гор, пронизывал насквозь: забирался холодными пальцами под рубашку, трепал волосы, ласково гладил лицо. Прикосновения ледяными поцелуями обжигали кожу, почти до боли. Было отчаянно холодно, но Эрелайн отчего-то почувствовал себя счастливым и свободным, как никогда. И живым. Будто сбросил, наконец, все то, что угнетало его долгие десятилетия; заново родился в нежных, прощальных лучах солнца, в ледяном перезвоне горных кристально-чистых ветров.

Но ветер переменялся и затих, и черная тень упала на замок. Поглотила Драконьи Когти, его самого, и все вокруг — и умчалась далеко вперед, к горизонту, в погоне за солнцем. Стремительная и яростная, она, казалось, нагоняла его и непременно должна была поймать, но солнце извечно опережало ее на какие-то секунды, прячась в сердце холмов, как ночной цветок смыкает лепестки при свете луны.

Радость и счастье, певшие в его сердце всего мгновение назад, ушли, оставив после себя гулкую, особенно ощутимую пустоту. Эрелайн выпрямился, встал болезненно прямо; улыбка исчезла с его вновь окаменевшего лица. Глаза потухли, и синева бескрайнего моря сменилось грозovým сумраком. Усталость, отступившая было в закатных лучах, утонувшая в свежести семи ветров, накатила с тысячекратной силой. Тяжесть долга, глухая ненависть к себе — все вернулось, а случившееся казалось минутным помешательством; видением, призрачным и эфемерным.

Было больно и обидно. И очень глупо. Как он мог поверить?.. Устремиться за мечтой, нырнуть в омут с головой, поверить в неосуществимое? Дурак. Просто дурак.

Он ведь давно смирился... давно, шестьдесят два года, месяц и два дня назад. В такой же дивный день поздней весны, наполненный смехом и улыбками, хрустальным ветром и нежностью солнца. Он умер в тот день, раз и навсегда. И незачем ворошить прошлое. То, что умерло, не вернуть.

Ветер вновь налетел, одиноким порывом захлестнув в объятиях. И шепнул, ожегши:

«Зачем тебе это, бессмертный? Долг, честь... род, который исчез прямо здесь, обагряв мрамор стен Драконьих Когтей...

Ты давно мертв, тебе не жить вновь. Никогда. Зачем ты беспокоишь живых, смущаешь их своим пустым взглядом? Воплощенная тьма, воплощенная смерть — вот что плещется в синих безднах. Зачем тебе это, Эрелайн? Шагни за край, расправь крылья — и утони в моих объятиях. Обрети покой, о котором ты молишь каждый обжигающе ясный полдень, каждое ослепительное утро.

Шагни за край...»

Бокал брызнул мириадами осколков — и они впились в ладони, испещряя тонкими порезами рукав рубашки, ладонь...

Эрелайн вздрогнул, неверяще смотря на руку. Когда, что?...

Изрезанные пальцы разжались — и осколки, обагренные кровью и вином, полетели вниз, падая хрустальным дождем, тихонько смеясь — и утонули в море колышущихся у замковых стен трав. Совершенно беззвучно.

Падают, а не летят...

...Порезы ныли, чесались и затягивались на глаза. Эрелайн взмахнул ладонью — раз, другой, — отряхнул ее о штаны, избавляясь от последних застрявших в коже осколков. Развернулся и, более не глядя на холмы и острые пики гор, вонзающихся в чернеющий край неба, пошел прочь. Дверь, впервые за много лет, яростно захлопнула за ним.

«Зачем», спрашиваешь ты? Зачем долг, на который всем наплевать? Честь, которой никто не придерживается? И дом, которого уже нет?

Дом, чьим проклятьем он стал?

Он не знает. Но должен; должен — и все тут. И отступится, лишь напоровшись на острое поющего его смерть клинка.

— Мы — вот здесь. До Зеленых Холмов два дня пути. Но по большаку нам нельзя, поэтому... ах ты, зараза!

Карта смялась у меня в руках, затрепетала — и хлестнула по лицу. Во взметнувшем ее порыве ветра мне отчетливо послышалось зловерное хихиканье.

Нэльвё прыснул в кулак. Камелия поспешно отвела взгляд, чтобы не рассмеяться.

— Хорош издеваться! Сами бы попробовали по такой погоде ее расправить! — возмутился я, скрывая досаду за злостью.

— Я предлагал разобраться со всем еще в трактире, — пожал плечами Нэльвё. — Но тебя это почему-то не устроило... не помнишь, почему? Ах, да! Я помню! Тебе не терпелось уехать!

Я гордо промолчал. Про карту я действительно вспомнил только после завтрака, когда мы уже расплачивались с трактирщиком, а задерживаться еще на полчаса-час посчитал глупым. За что теперь и расплачивался.

Чутко прислушавшись к затихшему ветру, я встряхнул и расправил сложенную вчетверо бумагу. И зорко следя за игривым проказником, доносящим нам запахи луготравья, углубился в ее изучение.

— ... по большаку нам нельзя, — как ни в чем не бывало продолжил я, проигнорировав выпад Нэльвё. — Поэтому мы заберем влево и пойдем вдоль него, но поодаль, не доходя до Леса Тысячи Шепотов.

— А почему не по самому Лесу? — наивно спросила Камелия. И, наморщив лобик, добавила, разбив сковавший воздух ледок паузы: — Они же тоже альвы, да? «Слышащие»?

Мы с Нэльвё переглянулись, решая, кто на этот раз примет на себя утомительную роль ментора.

«Ты же ее учитель», — всколыхнулась Грань ехидным шепотком Нэльвё. Сам он шурился на солнце, как довольный кот.

Я выразительно скривился, но крыть было нечем.

...на первый раз.

— О Слышащих, Shie-thany, говорят, что они столетиями придерживаются политики невмешательства, — мягко начал я. — Но мне кажется, в отношении их уместнее говорить не о нейтралитете, а об изоляции. Лес Тысячи Шепотов закрыт для смертных так же, как и для иных ветвей aelvis. Поэтому и думать нечего, чтобы идти через Лес.

— А если тихонько и незаметно? — с детской непосредственностью спросила Камелия. И звонко воскликнула: — Мы же никому не мешаем!

— Камелия, закрыт — значит закрыт. Для всех и без исключения, — под наш дружный смех беззлобно пояснил Нэльвё. — А пробраться тайком, если ты с присущей высочайшим домам изящным слогом говорила об этом, невозможно. Лес Тысячи Шепотов охраняют не стражи, которых можно обмануть, подкупить или упросить. Его обнимает Завеса, пропускающая только желанных гостей. И тех, кого ждут.

— А что будет, если через Завесу пройдет не тот, кого ждут? — понизив голос, точно говоря о тайне, прошептала она.

— А этого, моя леди, никто не знает. Но из ушедших никто не вернулся, — подыгрывая девушке, зловеще проговорил Нэльвё, напустив на себя таинственный вид.

В глазах Камелии загорелся настоящий восторг и непременно желание прикоснуться к страшной, но такой заманчивой тайне. Впрочем, почти сразу ее лазоревый взгляд померк, и она надулась:

— Опять обманываете?!

Нэльвё покаянно развел руками.

Камелия хотела что-то сказать, но передумала и, подхлестнув лошадку, вырвалась вперед. Впрочем, недалеко, чтобы не пропустить ничего интересного.

— Сейчас мы едем на северо-восток, — нарочито громко начал я, чтобы маячившая в дюжине шагов от нас девушка непременно услышала. — Да, придется делать крюк, зато будем уверены, что не подцепим никого на хвост. Подберемся поближе к Лиирскому хребту и границе Леса, а там, как планировали... ай! Да чтоб тебя!

Дождавшись, пока я заболтаюсь и позабуду о его каверзном характере, ветер выждал момент — и толкнул меня легким, игривым порывом. Едва ощутимый для меня, он заставил карту затрепетать и щелкнуть меня по носу.

Я выругался и попытался совладать с разбуянившейся картой. Ничего не добившись, я плюнул на нее и, коротко бросив спутникам:

— В общем, вы поняли! — кое-как запихал негодяйку в сумку.

Старый и заброшенный тракт вился впереди, то ныряя, то выпрыгивая из-за покатого бока холма. Зыбкий, дрожащим среди плещущихся волн, он казался дорожкой по гребню волны, которую вот-вот смоет прибой. Местами море уже поглотило его, и там, в этой зеленоточащей ране, плескалось разнотравье. Шепчущий лес обнимал нас взглядом со всех сторон. Куда ни глянь — беспокойное море разбивалось о его скалящиеся острия, бьющие ввысь.

— А вот и лес, — приложив козырьком ладонь к глазам, негромко сказал Нэльвё, думая, похоже, о том же.

Я задрал голову, глядя на небо. Среди пуховых гряд облаков, тех самых, в которые так хочется нырнуть в детстве, белели далекие, но уже различимые величественные шпили Лиирских гор.

— Как красиво, — прошептала уже позабывшая об обиде и поравнявшаяся с нами Камелия. — Неужели мы уже почти?..

— Даже не надейся, леди! — фыркнул thas-Elv'inor.

— Как? Но ведь горы — вот они, только руку протяни!

— Так только кажется. Будь мы у подножия, ты бы их вряд ли увидела, — насмешливо пояснил он. — Llirey aethis величественны. Их когти царапают небеса, и видны за несколько дней пути... в ясный день, конечно же.

— А вы были у гор? — пытливо спросила она, не сводя глаз с вытканых из облачной дымки и радужных переливов горных вершин. Невесомых, прекрасных и эфемерных настолько, что кажутся нарисованными акварелью.

Нэльвё расхохотался.

— «Был»! Представь себе, леди, я там жил!

Камелия удивленно восторгалась и, оторвав зачарованный взгляд от Лиирских гор, начала было:

— Но разве вы не... — но осеклась, вдруг смутившись.

— Не «что»?

— Не живете... ну... — она смущенно замолчала, надеясь, что Нэльвё не будет

выпытывать до победного. Но его насмешливый, будто не замечающий написанного на ее лице отчаяния взгляд говорил об обратном.

Камелия зажмурилась и выпалила на одном дыхании:

— Разве вы не живете в подземельях?

Я позволил себе усмехнуться, спрятав улыбку в уголках губ. Нэльвё расхохотался.

— «В подземельях»! Нет, леди, мы живем в Лиирских горах. Eneid ri-Vie — «вытканная из камней». И она действительно выткана, наша столица: выткана из сердца гор, холодного горного эфира и песен северных ветров. Лиирский хребет близ Сумеречного перевала приютил нас, принял, как заблудших детей. Мы высекли город из камня, возвели дворцы на горных лугах, выстроили крепости на скалистых высотах.

— Сумеречный перевал? — округлила глаза девушка. — Тот самый?..

Нэльвё усмехнулся, позабавленный выражением ее лица, и отшутился:

— Только не спрашивай, те самые ли там Сумеречные!

— А ты их видел? — не отставала девушка, чьей любознательности мог позавидовать даже я.

— Видел, видел... и прирезал парочку, — нарочито спокойно сказал он, по-прежнему что-то насвистывая. Травинка крутилась туда-сюда, повинуюсь движениям губ.

— Опять обманываешь! — возмутилась она, в этот раз раскусив его почти сразу.

— Я не вру. Я — шучу. Просто потому, что не могу отвечать серьезно на глупые вопросы, — усмехнулся Нэльвё странно тихим голосом. Он больше не бросал на подначиваемую Камелию короткие озорные взгляды, а смотрел только прямо: туда, где трепетал в белесой дымке призрачный силуэт гор. — Как бы я их увидел, леди? С Сумеречными не разговаривают, с Сумеречными схлестываются в бою, гвардия лорда-хранителя Сумеречных дорог и наша. А я в нее не вхожу — иначе сейчас бы вряд ли был здесь, верно?

И, помолчав, уже сам себе сказал, с какой-то непонятной горечью:

— Жаль, что не вхожу.

Теперь заинтересовался уже я. Он ничего не рассказывал о своем прошлом, о жизни среди thas-Elv'inor, и о том, почему пришлось с ней распрощаться.

Но Нэльвё замолчал и больше не сказал ни слова. Прерывать стрекошующую, жужжащую и шуршащую тишину разнотравья никто не решился.

* * *

— Мы забрали слишком далеко к северу.

— Брось! — безмятежно отозвался Нэльвё. — Чем дальше от большака, тем лучше.

— Мы потеряли уже полдня пути.

— Предлагаешь разворачиваться? Глупо: пока доедем до прошлой развилки, потеряем еще полдня, — пожал плечами он, лениво оглядываясь по сторонам.

Золото дня вплеталось в лиственные кроны, кружевом врезалось в дорожную пыль, но мы едва ли замечали это, уставшие и поглощенные спором.

— А будем ждать следующую — потеряем еще день, — настойчиво сказал я, натягивая поводья. Вялая и послушная Стрелочка безропотно остановилась — впрочем, тут же принявшись объедать рядом растущий орешник. — Предлагаю не заниматься ерундой и

поворачивать прямо сейчас. Мы же все равно собирались идти по лесу: так чего тянуть?

Мои слова всколыхнули свежую, еще клейкую листву и ушли в сине-зеленую высь, затерявшись где-то в кронах и пройдя мимо обоих спутников. Камелия все так же вертела головой, как будто не насмотревшись за час на шмыгающих с ветки на ветки белок, заливающихся трелями соек и бушующую кругом весну. Нэльвё молчал, замерев, словно к чему-то прислушиваясь — но остановиться и не подумал.

Когда их силуэты стали тонуть в малахитово-зеленом дыхании волнующегося леса, я не выдержал и сорвался с места.

Нэльвё мельком взглянул на меня, когда я с ним поравнялся, и негромко, уже без прежней безмятежности в голосе, проговорил:

— Лес всего в двух часах езды. Стоит ли?..

— Мы едем на юго-восток. Заберем чуть южнее — и всех проблем.

— Может быть, найдем полянку и сделаем привал? — робко спросила Камелия, по такому случаю даже оторвавшись от любования. Взгляд ее стал жалобным и просительным.

Только после ее слов до меня дошло, что мы действительно не обедали, а с завтрака прошло не меньше шести часов. Я редко чувствую голод — больше слабость и вялость от недостатка сил, и долго не могу понять причину недомогания.

— Конечно, Камелия. Но не сейчас, — извиняющимся тоном — хотя, строго говоря, где здесь моя вина? Можно было напомнить и раньше — сказал я. — Слишком близок Лес. Отъедем хотя бы на пару верст...

— Думаю, это излишне, — вмешался Нэльвё. — Того расстояния, что нас разделяет, достаточно. Найдем подходящую полянку — и будет тебе привал, леди.

Камелия притихла, обрадованная. Нэльвё насвистывал уже другую песню — не медлительно-задумчивую, а беззаботную. Но мне почему-то слышались в ней настороженность и тревога.

Ветер с неожиданной злостью заколыхал вершины деревьев, тонкостволых и темнокудрых. И меня в ясный весенний день вдруг обдало невыносимым холодом, какой бывает тихой лунной ночью. Распахнешь вдруг дверь, сам не зная, зачем, будто повинуюсь чему-то — и замрешь на пороге, не решаясь ни выйти навстречу зовущей тебя ночи, ни вернуться назад, в тепло и уют дома. Потому что в недвижности воздуха, почти прозрачного, дрожащего искристой серебряной дымкой, видится взгляд. Он жжет, точно расплавленное серебро; жалит льдистым крошевом открытые руки и щеки. Не дает шелохнуться, даже вздохнуть — и вынуждает стоять так, на ветру, подставляя лицо морозу, пробирающему даже накинутый полушубок...

Я обхватил плечи в тщетной попытке согреться. Меня колотил озноб. Я вскинул голову, жмурясь от слез, запутавшихся в ресницах. Ветер, беснующийся в вышине, не мог дорваться до меня, и я не мог услышать его предупреждений — только крик и тревогу. Тревогу, которая постоянно нарастала. Воздух не просто похолодел — словно вымерз до последней капельки воды, осыпавшись ледяным крошевом. Я сам не заметил, как остановился. Одна только мысль о том, чтобы идти дальше отдавалась болью в висках, и из груди поднимался, захлестывая меня с головой, всепоглощающий ужас.

— Mio? — окрик Нэльвё едва коснулся ушей, словно снесенный ветром.

— Я не пойду дальше, — безотчетно сказал я, не сводя взгляда с волнующегося надо мной пронзительно-зеленого, густо-изумрудного моря.

— Что? Ты снова передумал, и мы возвращаемся? Неожиданно! — рассмеялся он,

подъезжая.

— Я. Не поеду. Дальше, — повторил я отрывисто, односложно.

— Почему? — усмешка сменилась недоумением.

— Мне не нравится эта дорога.

— А мне не нравятся леса. Что же, мне по ним не ездить? — иронично спросил

Отрекшийся, но я не разделял его веселья.

Я отвел взгляд от несущегося надо мной потока с пенной дымкой облаков и в упор посмотрел на Нэльвё.

— Я не сделаю больше ни шага.

Он нахмурился. Ему совсем не нравилось, что вместо того, чтобы найти место для долгожданного привала и, наконец, пообедать, мы стоим посреди чащи и препираемся. Не нравилось настолько, что он, обычно наслаждающийся спорами и конфликтами, терпеливо спросил, стремясь покончить с недоразумением как можно скорее:

— И что же именно тебе не нравится?

— Просто не нравится, — упрямо сказал я.

Запоздало подъехала Камелия, с любопытством переводя взгляд с меня на Нэльвё.

Тревога и накатившая слабость постепенно отступали, и я уже сам не понимал, почему и зачем упорствую.

— И как ты это определил?

— Мне здесь стало нехорошо.

— Это, наверное, от голода живот прихватило, — миролюбиво предположила девушка, как всегда улыбчивая и невыносимо этим раздражающая.

— Какой, к такой-то праматери, живот?! — рявкнул я, не успев погасить вспышку. И тут же сбивчиво добавил, пожалев: — Извини, но это действительно глупо.

— Глупо, — проникновенно начал Нэльвё, — останавливаться просто потому, что кому-то стало нехорошо и в этом, видите ли, виновата дорога. Я почему-то полагал, что с логикой у тебя проблем нет. Видимо, ошибался.

Холодный тон, с которым он отчитывал меня, был невыносим. Злость накатила вперемешку с обидой и разочарованием — и захлестнула, вымыв приливной волной все чувства, кроме обжигающей ярости.

Лишь осознание того, что они не могут услышать, почувствовать и понять удерживало меня от срыва.

«Не могут! Так какого, пожри их драконье пламя, они не верят тому, кто может?!» — взвилось яростное, вызвав очередную вспышку.

Не верят — и не поверят, как ни старайся объяснить.

И как объяснить то, что нельзя понять самому до конца?

Да катитесь вы в Бездну, если так хочется!

Я хлестнул поводьями Стрелочку, бросив назад злое:

— Иди навстречу смерти, смейся ей в лицо. Только потом не моли о спасении.

Лицо Нэльвё вытянулось, а я прикусил язык. Язвительное замечание прозвучало злым пророчеством. И если раньше я еще гадал, чему принадлежит наваждение — прошлому ли, будущему ли, — только случится или случилось уже давно, то теперь с небывалой ясностью осознал: случится.

Тревога, злость, ярость — все ушло, оставив мне пустоту и серость поблекших красок.

Я в очередной раз клял себя за несдержанность. Слова — не золотые монетки,

сыплющиеся на чаши весов мироздания. Слова — нити, которыми ткутся дороги. Неосторожное, случайно вырвавшееся из груди тонким вскриком ли, тихим вздохом — или осознанное, намеренное, твердое и ясное, — слова одинаково сильны. Повинуясь им, прядутся судьбы и ткутся пути, расцвечивая бездорожье, а я так легкомысленно ими разбрасываюсь! Столько лет живу — и никак не научусь вовремя замолкать.

Сказитель, который не умеет держать язык за зубами — вот же нелепица!

Правда, у меня было подозрение, что на сей раз без *Её* вмешательства тут не обошлось. Но оправдывать собственную слабость происками Воли, склочной судьбы или детским «он первый начал!» было как-то несерьезно, поэтому я продолжал немилосердно отчитывать себя.

Кругом царило зеленое безмолвие. Стрелочка брела сквозь лес, предоставленная самой себе. Мы скорее петляли, чем придерживались одного направления, и в какой-то момент я понял, что совершенно не представляю, откуда пришел. Треск сучьев, шелест раздвигаемых ветвей и неразборчивая ругань Нэльвё, единственные, не давали мне затеряться в этом бескрайнем, пенно-льдистом океане света и зелени. Я завертел головой, тщетно пытаюсь понять, откуда доносятся обрывки звуков и разговоров, но чаще скрадывала их мягкой кошачьей лапкой. От мельтешения бесконечных серо-коричневых росчерков стволов и оперенных листвой ветвей закружилась голова.

Я потянул поводья, заставляя Стрелочку замедлить шаг и остановиться.

Было душно и скучно. Лесная тишина обнимала переливами шепотков, звонких птичьих трелей и шорохов. Я потянул за край рубашки и лениво его встряхнул. Воздух всколыхнулся порывом ветра, едва мазнувшим по щекам и плечам — и растворился в сонной недвижимости полдня. Заскучав и совсем позабыв о дороге, я едва не вылетел из седла, когда Стрелочка потянулась вперед. Чудом усидев, я хотел было в сердцах треснуть ее поводьями по лбу, как поднял взгляд и передумал.

— А, успокоился-таки, — пробурчал поравнявшийся со мной Нэльвё. Где-то позади шелестела ветвями, пробираясь сквозь них, Камелия. — А я все думал, когда же...

Что именно он думал, я так и не узнал: Нэльвё осекся на полуслове, поперхнувшись очередной колкостью, когда увидел пробивающийся сквозь переплетенные ветви кустарника свет.

Пропустив вперед Нэльвё и Камелию, уставшую и растерявшую всю бойкость нрава, я въехал сам, с любопытством оглядываясь. После второго дня, проведенного в седле, больше всего хотелось упасть в щекочущую зелень трав, уткнуться в нее лицом и лежать, не шевелясь. Но я не мог позволить себе отдых: сердце, мое глупое сердце слишком хорошо помнило безотчетный страх и пробежавшую по венам морозным дыханием тревогу, и пугливо сжималось, не давая спокойно вздохнуть.

Я вскинул голову. Ветер, шальной и игривый, путался в кронах. В его детском озорстве не было и тени беспокойства, и меня резанула неприятная мысль: а действительно ли это было предчувствие, а не разыгравшееся воображение? Я нахмурился, пытаюсь вспомнить, о чем тогда думал, — но тщетно.

Как легко спутать *Ее* шепот с шелестом потревоженных трав и прошлогодней листвы. Как легко читать *Ее* во всем, что случилось и не случилось, что было и не было...

И как легко видеть в каждом неосторожном порыве ветра, в каждом всплеске волн чужую волю.

Я выпрыгнул из седла. Подхватив поводья, потянул за собой Стрелочку и направился к

краю опушки, где уже устроились мои спутники, пряча за натянутой улыбкой и нарочито бодрой походкой сумятицу чувств. Если долго делать вид, что все в порядке, рано или поздно сам в это поверишь.

— Ну что, обедать? — спросила Камелия, слабо улыбнувшись, когда я поравнялся с ними.

— Ужинать. И не раньше, чем через час, — бессердечно развеял ее надежды Нэльвё.

— В сумке лежит несколько яблок, — вспомнил я — и тут же смутился. Съестным запасался я, в то время как Нэльвё расплачивался за комнаты, а леди еще нежилась в постели. — Простите, я совсем забыл.

Камелия посмотрела на меня, как на мучителя, но отказываться от запоздалого предложения не стала.

— Что у нас из еды, кстати? — любопытствовал Нэльвё, прикидывая, где лучше развести костер.

— Каши, — пожал плечами я.

— Фу, — выразительно скривился он. — Ну и дрянь!

— Есть вяленое мясо, — тоном, будто делаю величайшее одолжение, сообщил я.

— Еще лучше!

— А что я, по-твоему, должен был взять?

— Ну... хотя бы птицу, — не очень уверенно заметил Отрекшийся.

— Вон, — неопределенно кивнул я на небо, — полный лес птиц. Иди да подстрели. В пути она стухла бы за день.

— Подстрелить? — скептически спросил Нэльвё. — Здесь кто-то умеет потрошить дичь?

Я умел. Бьюсь об заклад, что Нэльвё — тоже, но ни за что в этом не признается. А так, пусть перебивается вместе со всеми полезными и несложными в приготовлении кашками.

— Ну вот и снят вопрос, не правда ли?

Нэльвё скорчил в ответ страшную рожу и тут же, позабыв об «обиде», встряхнул ладонью. С пальцев сорвался сноп рыже-золотых искорок — и пламя, не столько разожженное, сколько выпрошенное у Хозяйки леса, заплясало на тоненьких сухих веточках, почти сразу их слизнув.

— Вот и варите свою кашу, раз такие мастера, — фыркнул Нэльвё, подхватывая котелок.

— Еще скажи, что не умеешь. В жизни не поверю!

— Умею. Но я развел костер и принес воды.

— Принес? — вздернул бровь я.

— Почти принес, — осклабился он. — Дело двух минут. А вы не сидите! Каша не ждет, костер тоже — потухнет еще. А я после таких трудов отдохну, искупаюсь схожу...

Я, уже было совсем махнувший на дурачества Нэльве рукой и развернувшийся, чтобы вернуться в лес и собрать хворост, не удержался от вопроса:

— Ты хотел сказать, «умыться»? Вряд ли в ручье тебе удастся искупаться.

Тихую кудель воды мы не столько слышим, сколько чувствуем. Воды мурлычат, что-то шепчут, свивая текучую пряжу цвета летнего неба, и их ласковое, размеренное дыхание течет по венам вместе с кровью, вливаясь в нее спокойствием задумчивых озер, поющим восторгом горных потоков и озорной радостью весенних ручьев.

— Искупаться. Ты плохо слушаешь песнь воды, Мио, — улыбнулся он. — Спорим, здесь есть река?

— Надейся, что это река, а не поросший тиной и ряской овражек, — со смешком сказал я. — Проспоришь еще желание!

— И не мечтай!

Голос донесся уже откуда-то из-за деревьев, как раз в направлении звенящего ручья. Я, насвистывая какой-то дурацкий мотивчик, — вот же дурацкая особенность перенимать привычки приятелей! — шагнул под сень деревьев, выискивал среди травы опавшие ветви. Их было мало. Я едва насобирал небольшую охапку — настолько небольшую, что легко удерживал ее в руках. Ломать отмершие, высохшие ветви было жаль, как будто погожий весенний день и шальная весна еще могли подарить им вторую жизнь. Поколебавшись, я решил, что пока хватит и этого, и, оставив их, вернулся к лагерю.

Камелия сидела, склонившись над мешочками с крупкой, и с интересом их рассматривала. Вещи уже были разобраны — вернее, разбросаны в беспорядке по поляне. Я подозревал, что она, не мудрствуя, просто перевернула сумки вверх дном и вывалила все на землю.

Только осознание того, что девушка «хотела как лучше», позволило мне сдержаться и не рывкнуть на нее сразу. Я глубоко вдохнул, мысленно досчитал до десяти... нет, до двадцати — и, проглотив все пришедшие на ум колкости, обратился почти дружелюбно:

— Камелия! Ты все вверх дном решила перевернуть?

Девушка ойкнула и, спохватившись, взмахнула руками. Вещи рванули, кто куда. Каши в обнимку с подстилкой нырнули в одну из чересседельных сумок, завернутый в тряпицу сыр юркнул в мешок с овсом, сменная рубашка повисла на ветви склонившегося к поляне дерева, а чемодан Камелии зачем-то перелетел через круп моей Стрелочки.

(«Стрелочек» у нас теперь две. С Звездочкой проблем не возникло: чалую кобылку, сразу приглянувшуюся леди, продавший нам лошадей крестьянин все же изволил назвать. А вот чем отличались друг от друга Ленточка и Стрелочка мы так и не поняли, и, не мудрствуя, стали называть обеих Стрелочками — за характерные полосы вдоль переносицы. Наши непривередливые лошадки ничего против не имели. Я подозревал, что они отзывались на что угодно — только бы кормить не забывали и не слишком утруждали).

Камелия, осознав ошибку, поспешила исправиться. Только-только улегшиеся вещи вновь взвились в воздух и, сталкиваясь друг с другом, разлетелись по им причитавшимся местам. Когда в чересседельную сумку юркнула последняя вещица, девушка заискивающе посмотрела на меня. Я только покачал головой, мысленно поздравив ее с тем, что этой сцены не видел Нэльвё. Он, кстати, за то время, что я выискивал хворост и задавался этическими вопросами, успел вернуться, соорудить вокруг костра сложную конструкцию, водрузить на нее котелок — и снова удрать.

— А как варить кашу? — робко спросила девушка, смотря на меня щенячьим, полным обожания и мольбы взглядом.

Мне очень хотелось во все горло закричать: «Никак!!!» — и вырвать мешочек из ее тоненьких, незнакомых с работой пальчиков (подозреваю, самое тяжелое, что она когда-либо держала — столовая вилка), но я героически сдержался, сохранив каменное выражение лица. И мягко предложил:

— Камелия, быть может, вы оставите эту работу мне?

Любая другая девушка благородного происхождения, оказавшаяся в ее ситуации, с

радостью бы спихнула подобную «радость» на сопровождающих. Но — увы! — Камелия к «любим девушкам» не относилась.

— Вы работаете, а я сидеть буду? Нет уж! — воскликнула она возмущенно. И добавила, уже тише, без прежнего пыла, зато рассудительно: — И дольше.

Я присел у огня. Пламя, пляшущее среди травы, но не выжигающее землю, приветливо потянулось навстречу. Оно могло гореть и само, без хвороста, но тогда почти не согревало и казалось безжизненным, мертвым. — Подай, пожалуйста, мешочек с кашей.

— Нет, я сама! Пожалуйста! — глаза Камелии пылали, как никогда, и казались ярко-лазоревыми. — Высыпать сейчас или...

— Когда закипит, — обреченно сказал я. — И не забудь посолить. Хотя нет! Не надо!! Я сам, — спохватился я, живо представив, на что будет похожа каша, «посоленная» Камелией.

Хвороста оказалось даже меньше, чем я надеялся. Придется принести еще, причем немедленно.

Я встал и, небрежно отряхнув штаны от налипших травинок, коротко предупредил:

— За хворостом. Вернусь совсем скоро.

— А как долго варить? — окликнула меня Камелия уже у самой кромки леса.

— Пока не загустеет, — брякнул я, застигнутый врасплох такой постановкой вопроса. По мне так каша или еще не готова, или уже готова. А сколько там времени проходит, всегда забываю.

* * *

Я шел, выискивая в полусгнивших прошлогодних листьях и робких ниточках свежих трав хворост. Солнце разбрызгало золотую краску повсюду: по листьям, траве, густым кронам и светлым стволам. Настроение, подпорченное внезапным приступом, окончательно выправилось, и теперь я насвистывал глупую песенку про русалку и влюбленного в нее лорда уже с удовольствием, стараясь вспомнить ритм и попадать в ноты. И что я так всполошился? Глупость, честное слово. Меньше стоит придавать внимания всякой...

Ветер, совсем затихший было, яростно всколыхнул загудевшие, как натянутые до предела струны, ветви деревьев. Надсадное воронье карканье, взрезавшее и пресекавшее вдруг утихшие птичьи трели, прозвучало так же неожиданно, как тревожный набат среди карнавала.

Я пошатнулся от накатившего дурного предчувствия. Или это тень ушедшего страха?..

Некогда думать! Я рванул, что есть сил, туда, где среди лиственных переплетений еще блеснул клочок неба. Ветви хлестали по рукам и лицу, кустарник цеплялся за ноги, словно мешая идти, пытаюсь удержать, — но я мчал вперед, не замечая их.

Свет больно ударил по привыкшим к сумраку леса глазам, когда я вылетел на поляну. Я сделал еще несколько шагов — и остановился, не веря тому, что вижу.

Сердце бешено колотилось, под ребрами кололо. Сбиваясь на каждом слове, когда перехватывающем дыхание и голос, я отрывисто выдохнул:

— Все... в порядке?

Камелия с такой отрешенной сосредоточенностью помешивала бурлящую кашу, что заметила мое возвращение, только тогда, когда я ее окликнул — и приветливо улыбнулась, не отрываясь от своего занятия. Ни сварить, ни поджариться наш ужин еще не успел, и ни в

каких вмешательствах не нуждался, но девушка, боясь оплошать, упрямо его помешивала.

Размеренность и неторопливость, царившее в этом маленьком уголке спокойствия, далеким от бурь и гроз, передались мне. Я уже готов был поверить в то, что обманулся, когда дикий, исполненный боли и ненависти крик разбил стеклянную тишину.

Ложка выскользнула из тоненьких пальчиков Камелии и с чавканье втянулась в варево. Хворост, собранный в охапку, все-таки выпал из в миг ослабевших рук.

Крик оборвался высокой, пронзительной нотой, отголосками пропел, прокричал в кронах. Глухой удар, всплеск — и тишина, до того плотная, что я почти чувствовал ее прикосновения.

Я нервно облизнул пересохшие губы, не решаясь даже шевельнуться. Недвижимость леса обняла нас. Казалось, любое, даже самое осторожное движение может потревожить ее, всколыхнуть — и обрушить.

Нэльвё появился беззвучно, неуловимо, за какую-то долю секунды. Я пропустил этот миг — и невольно отшатнулся, увидев его.

Вытянутая из ножен сталь задрожала низкой нотой. В пронзительном взгляде Отрекшегося, в движениях — отточено-собранных, в спине, натянутой звонкой струной, — читалось напряжение и злость.

Не ярость, не ненависть, а злость. Холодная и острая, как клинок, на рукояти которого лежала его рука.

Время замедлилось, словно увязнув вместе с нами в этой тягучей тишине. Нэльвё, не моргая, смотрел в ту сторону, куда еще недавно ушел, нахально спихнув на нас все походные заботы. Неведомого гостя — с которым он, видимо, столкнулся у речной запруды — он ждал именно оттуда. Ждал — и не угадал.

Я был готов увидеть кого угодно: лесного зверя, обезумевшую химеру, — но не ее.

Из зарослей малинника, совсем в другой стороне, не тревожа ни веточки, шагнула девушка. Тоненькая, болезненно-бледная, нечеловечески прекрасная, с пепельно-русый шелком волос и глазами глубже северных озер.

...глазами fae.

Я хотел окликнуть ее, но не решался: что-то в ней казалось неправильным, чуждым. А через мгновение слова и вовсе застряли у меня в горле, когда она, увидев Нэльвё с оголенной сталью, только зашипела рассерженной кошкой — и, оскалив маленькие и острые, как у ласки, зубки, бросилась на него. Thas-Elv'inor, ничуть не удивленный и — больше я в этом не сомневался — ждавший именно ее, рубанул мечом перед собой, заставив безумную отшатнуться.

Безумную... да, безумную. Безумие я видел в ее глазах, в лишенных плавности, резких и нервных движениях, безумие слышал в щекочущем нос, удушающе-сладком запахе, разлившемся в душно-весеннем воздухе. Она могла призвать лес, заставив его восстать против нас; могла раствориться в полуденном ветре, стать безмолвной тенью, одним из тонконогих ясневых стволов, затаившись — но вместо этого она в глухой ярости бросалась на Отрекшегося, раздирая его одежду, кожу на руках, лице, тонкими и острыми ноготками.

Нэльвё почти не парировал ударов — только уходил от них, не желая причинить ей боль. Это давалось ему все сложнее с каждым новым шагом, с каждым уклоном и поворотом: удары fae становились все злее, остервенелее, осмысленнее, а он так и не мог решиться нанести свой последний, решающий, перерубив тонкое тельце fae одним серебряно-лунным росчерком.

Четыре кровавые полосы от длинных, когда-то прекрасных, тоненьких и розоватых ноготков, располосовали руку, которой он заслонился, не успев отшатнуться. Я до боли стиснул кулаки, понимая, что ничего, совершенно ничего не могу сделать.

Боль отрезвила Нэльвё: я увидел это по вмиг ожесточившемуся, прояснившемуся взгляду. Он коротко рубанул, не тратя времени сил на замахи. Клинок вспорол воздух в каких-то двух пальцах от ее головы. Фае отшатнулась — и, закричав тем же изломанным горем и болью голосом, резко обернулась.

Мы встретились взглядом. Что-то осмысленное мелькнуло в ее бездонно-синих глазах. Она признала меня, безошибочно, разглядев даже сквозь дымку безумия. Признала — и тут же перевела взгляд, потеряв интерес.

И увидела ее, Камелию. Идеальную жертву Охоты.

Идеальную, гори все черным пламенем!

Мы поняли это слишком поздно — я и Нэльвё. Не перехватить, не остановить, как не сбить сорвавшуюся в полете стрелу. Нэльвё изогнулся в длинном, поразительно длинном выпаде — и все равно не достал.

Я видел все, как в дурном сне: неестественно медленно. Камелию, побледневшую и какую-то обмертвевшую, замороженную, не способную и шагу сделать от неумолимо приближающейся смерти. Фае, бросившуюся к ней с улыбкой-оскалом. Нэльвё, рванувшего вслед за ней, не успевающего, так же как и я...

И, с какой-то бессмысленной, абсурдной уверенностью, которая может быть только во сне, сделал то единственное, что еще успевал, ни секунды не сомневаясь.

— Стоять! — рявкнул я, каким-то чудом опередив само время.

Фае замерла, как бежала: на середине шага, едва удерживая сейчас равновесия. Мучительно изогнутые, скрюченные пальцы с отточено-острыми когтями замерли в непозволительной близости от шеи Камелии, которая до сих пор, кажется, боялась вздохнуть.

— Стоять, — медленно повторил я враз севшим голосом, не сводя с нее взгляда. В воцарившейся в лесу тишине едва можно было различить мой голос.

Фае изогнула голову под неестественным углом, точно птица. И встретившись с ее бездонным взглядом, я вдруг оскользнулся — и провалился в омут ее чувств, захлебнувшись ими.

Смерть, безумие, страх, отчаянье — и боль, всюду боль. Корежащая, ломающая, выворачивающая, выкручивающая... Каждый вздох изорванными легкими — боль. Каждый шаг — боль. Жить — значит чувствовать боль. Невыносимую, сводящую с ума. Боль — до слез, до смеха, до сомкнутого спазмами дыхания... боль, боль, боль! Боль — и больше ничего.

Она всхлипнула, задохнувшись отравленным солнцем воздухом — и полупрозрачная, как цветочный нектар, кровь веером взметнулась от раскроившего тело меча.

Боль, сводившую с ума каждый миг, каждый вдох, вытеснила другая — короткая, единовременная, разовая. Несущая освобождением и счастье.

Не в силах отвести взгляд от тускнеющих, выцветающих глаз, я захлебывался цветочной кровью вместе с ней. И не разобрать в сплетении нервов, кто умирает там — я, фае или *Она*.

Голова вдруг взорвалась звоном и темнотой. Меня, едва стоящего на ногах, отбросило куда-то в сторону. Левую скулу обожгло огнем. Я упал, неловко подвернув руку и навалившись на нее. Боль — та, другая, чужая — ушла, и только теперь я запоздало

сообразил, что кто-то с размаху врезал мне кулаком.

Новая вспышка боли затмила все мысли. Еще удар, уже ногой, в бедро — но, кажется, не такой сильный, как мог бы. И ругань, вперемешку на аэльвском и северском, которую почти невозможно разобрать сквозь злое шипение.

Я резко вскинул голову — и Нэльвё, ожегшись о мой взгляд, осекся на полуслове. И не занес ногу для нового удара.

— Умрешь, — чужой, пугающе спокойный, ничего не выражающий голос я услышал как будто со стороны, и не сразу понял, что говорю сам.

Нэльвё хотел было взорваться очередной вспышкой ярости, но почему-то передумал, и, зло сплюнув, отошел, не переставая извергать ругань и проклятия.

Я кое-как поднялся и выпрямился, нетвердо стоя на ногах. Тело почти не слушалось. Чувствовал я себя отвратительно: как новорожденный котенок, брошенный в чужой и жестокий мир — слепой, беззащитный и потерянный.

— Лжец, лгун, лицемерная тварь! Нет, вы только посмотрите! «Я — жертва обстоятельств! Я — слабый, никчемный волшебник! Мне никак не обойтись без вашей помощи!»! «Нет, я не знаю, кто эти люди и что им от меня нужно»! «Подставляйте за меня спины, идите со мной в пекло, рискуйте ради меня жизнью — а я буду смотреть и смеяться над вашей наивностью, не вмешиваясь»!

От его сорвавшегося на крик голоса птицы, только-только устроившиеся в кронах, сорвались серой лентой в лазоревую высь. Нэльвё, заметаившийся по поляне, сшиб подвернувшийся под ногу котелок, и зло пнул его.

— «Подставляйте за меня спины, ничтожества, а я посмеюсь над вами»! Что, не так?! — рыкнул Нэльвё. И, вдруг остановившись, резко повернулся ко мне. — Нет?!

— Прекратите, пожалуйста! — отчаянно воскликнула Камелия, пытаюсь перекрыть нас. Бледная, как выбеленное полотно, она едва держалась, чтобы не расплакаться, и комкала в таких же бледных пальцах подол рубашки.

— Не так?! — повторил Отрекшийся, опасно полаяв сейчас не фиалковыми — темно-синими глазами. Повторил — и в два размашистых шага оказался рядом. Проклятая слабость все еще подгибала ноги, не давая мне ни дать отпор, ни уйти.

— Нэльвё! — слово-окрик хлестнуло его, но не смогло остановить.

Отрекшийся схватил меня за грудки и рывком приподнял. Я дернулся назад, но вырваться из захвата Нэльвё можно было разве что оставив в его руках часть рубашки, и только бессильно выплюнул:

— Я же сказал: умрешь!

— Прекратите, пожалуйста, прекратите!

— Мне плевать на твои проклятья! Прокляни меня, заставь меня! Убей меня! Ну, где же твои Слова, о, Сказитель, «низвергающие города»? Где горы, восстающие по одному твоему сиюминутному желанию?!

— Действительно, где?! — рывкнул я, как всегда мгновенно взрываясь яростью после мнимого спокойствия, да так, что Отрекшийся вздрогнул. С непонятно откуда взявшейся силой я оттолкнул Нэльвё. — Где мои слова, и где тот сказитель, кто все это может?! Да-а, я сказитель! Конечно! Сказитель, который не может повторить того, что с легкостью делает посредственная смертная! Который не может сплести чары, едва ворочая потоками силы! Сказитель, который погибает от рук карающих, не способный уйти от них! Так где же оно, где это могущество, если я сказитель?! Где низвергаемые города и восстающие горы?! Где?!

— Хватит! Прошу вас, хватит!

— Ты мог водить меня за нос раньше, но не теперь. Я прекрасно вижу, кто ты и что ты. Вижу, как видела fae, когда бросилась на Камелию, а не на тебя. Потому что ты сказитель, и этого достаточно, чтобы все преклоняли перед тобой колени! Да что там, преклоняли — даже смерть отступает перед Ее любимчиками! А я-то гадал: как это он выжил? А все, оказывается, так просто: Mio — сказитель! Как это Воля отпустит свою любимую игрушку! И...

Нэльвё дернулся от удара, такого же, как у него, в скулу — и замолчал, осекшись на полуслове, медленно подняв на меня взгляд, больше не затуманенный злостью и невозможно удивленный. Даже то, что я сказитель, кажется, поразило его меньше, чем то, что я ему врезал: Нэльвё замер, не отнимая ладони от подбитой скулы и смотря на меня, как будто впервые увидел. Но мне было плевать, что он чувствовал. Меня трясло. То, что я так долго держал в себе, что я никому не говорил и прятал так далеко, что, кажется, сам стал забывать, поверив в ложь, вырывалось сейчас с беспощадной честностью — и ненавистью.

— «Любимая игрушка» — как точно. Должно быть, здорово отобрать у меня все. Здорово сломать, разбить, пропустить через камнедробилку — и с улыбкой смотреть, как я буду выплывать из этого дерьма. Да, именно дерьма: как ни бейся, как ни старайся, в масло его не взбить. Лишиться семьи, друзей, единственной цели, потерять все то, что я любил и чем дорожил, во что верил — это действительно благословение, это завидная участь. Что ты вообще знаешь, чтобы в чем-то меня обвинять? Ты не знаешь, не можешь понять, каково это, когда тебя лишают выбора, хочешь ты жить или нет. Когда тебя лишают голоса и заставляют раз за разом переживать то плач Ильмере, то безумие fae, то чью-то тревогу, принесенную из ушедших веков. Заставляя переживать, слышать — и стоять в стороне, мучительно осознавая собственное бездействие и невозможность вмешательства. Это пытка, всей чудовищности и жестокости которой тебе никогда не понять.

Я не видел ничего, кроме каменеющего с каждым словом лица Нэльвё. Говорил, говорил, не способный остановиться хоть на секунду, выплескивая злость, обиду, ненависть и отчаянье — все то, что так долго сводило меня с ума. И слышал тихие всхлипы, только замолчав. Уже зная, что увижу, я медленно, словно надеясь, что этот миг никогда не произойдет, обернулся.

Камелия, отчаявшаяся нас перекричать, обессиленно опустившись на землю, обхватила колени руками и беззвучно плакала. Чувство вины подступило к горлу неожиданной горечью. Надо было что-то сделать, что-то сказать, но я не знал, что.

— Камелия... — тихо окликнул я севшим, охрипшим от крика голосом.

Нэльвё бросил на меня хмурый, сумрачный взгляд и, тихо подойдя к девушке, опустился рядом. Он, похоже, тоже не представлял, что нужно делать. Гладить по волосам? Приобнять? Но любая аристократка сочтет это оскорблением.

Камелия разрешила возникшее недоразумение со свойственной ей непосредственностью: не задаваясь вопросами этикета, она уткнулась ему в колени и разрыдалась уже в полный голос.

Я неловко переступил с ноги на ногу, несколько раз открыл было рот, не зная, что сказать — а потом с досадой пнул подвернувшийся камень, развернулся и шагнул прочь.

Шлеп-шлеп-шлеп!

Круги разбежались по воде, как будто оставленные легкими, невесомыми шажками игривой феи.

Шлеп-шлеп-шлеп!

Камешек — небольшая, окатанная и обтесанная озерными водами галька — подпрыгнула раз, другой и ухнул совсем рядом, всего в паре шагов от берега.

Досадливо поморщившись, я подтянул колени к груди. Пускать камни по воде я так и не научился. Как не научился еще сотне вещей, которыми мог похвастаться любой ребенок.

Шлеп-шлеп-шлеп!

Я вздрогнул от неожиданности — и насупился еще больше, когда понял, что не один.

Камешек, пущенный не мной, упрыгал далеко вперед, всколыхнув зеркальную гладь затерянного в лесу озера. Почти полсотни шагов.

«Даже он умеет пускать эти проклятые камушки», — пришла мне в голову совершенно дурацкая, но обидная мысль.

Настолько дурацкая, что я невольно улыбнулся. И, не поднимая на того, кто нарушил вечернюю тишину, взгляда, негромко сказал:

— Ты мне проспорил.

Голос, едва слышимый, утонул в сонном стрекоте цикад.

— Проспорил, — согласился Нэльвё.

Трава зашуршала под мягкими шагами — и с тихим шелестом смялась, когда он опустился рядом.

— Реки здесь действительно нет, — продолжил он с усмешкой. — Только озеро.

Только озеро...

Только озеро — и больше ничего. Ранний закат плавил лес в багрянце и алом. Небо и гладь прозрачных, чистейших вод бесконечно отражали друг друга, как стоящие напротив зеркала, дрожа под омывающими их волнами ветра.

— Во всей этой ситуации, — с откровенной иронией начал Нэльвё, — меня утешает только одно. Как идиот вел себя не я один.

— О да! — у меня вырвался невольный смешок. — Не один! У нас теперь свое тайное общество. Идиотов. Оповознательный знак: подбитая скула. Или ты уже свел ссадину?

— Нет, — фыркнул он. — Пусть побудет... напоминанием.

— За день пройдет.

— А так лучше запомнится. Или, — он шутливо пихнул меня в бок, — думаешь, не стоит смущать взор благородной дамы нашими подбитыми физиономиями?

— Боюсь, мы ее уже смутили... поведением, — невесело ответил я. — «Aelvis», «бессмертные» — тьфу! Только гонор и самомнение...

— Ну, ну! Завязывай с самобичеванием, — ворчливо прервал меня Нэльвё. — Все и так всё поняли.

Тема оказалась исчерпанной.

Мы сидели рядом, ничего не говоря. Не знаю, о чем думал Нэльвё, а я все смотрел вдаль, на озеро, колыхающееся в золотисто-алой дымке. Но смотрел уже не с тем бездумным отчаянием, безразличием, а с невыносимым желанием выговориться.

Молчать было невыносимо, каждый миг промедления жег горло невысказанным словом. И я, дрогнувшим голосом, начал:

— Я действительно сказитель. Даже теперь. Но не волшебник. А сказитель.

неволебник — все равно что менестрель, утративший голос. Он слышит мелодию, знает, что нужно петь — но не может. И это... мучительно, — и припечатал, со злостью и жестокостью, осознанно тревожа так и не прошедшую рану: — И бессмысленно.

Нэльвё молчал, не прерывая меня и не вмешиваясь.

— «Больше не волшебник»... — тихо, с горечью повторил я. И несмело продолжил, сбивчиво и сумбурно, пока появилась надежда на то, что меня слушают. — Она распорядилась так. Я долго думал над этим. Почему, за что? Что я сделал не так? За что расплачиваюсь, и почему так жестоко? Думал — и не находил ответа. И решил, в конце концов, что виной всему — обещание, которое я нарушил. Я не обязан был его соблюдать, не обязан был давать — но дал и нарушил. Да, это глупо, я знаю. Я знал это с самого начала, но все равно поверил: другого ответа я просто не мог найти, а мучиться неизвестностью столько лет невозможно.

Я снова умолк. И, повинувшись внезапному порыву, резко встал. Шагнул к воде, к самой сияющей золотом кромке, навстречу медленно истаявавшему и растекающемуся по озерной глади солнцу.

— А сегодня... сегодня я впервые подумал, что сам виноват в том, что случилось. Я ведь сказитель, драконы меня побери! Сказитель! «Чьи слова низвергают города и поднимают горы». И я дал пламени антерийской войны захлестнуть Северу. Сжечь мою родную Нэриту, Торлисс... дал погибнуть стольким людям, дал затопить Ильмере, дал разрушить Лазурную Гавань. Я делал так много, делал все возможное — но недостаточное. Потому что должен был — невозможное. Ведь я сказитель.

— «...чьи слова низвергают города и поднимают горы», — насмешливо закончил Нэльвё. — Да-да, я помню. Тебя родители случайно не на сказках о волшебниках Века драконов воспитывали? Ну, там, Аэлин-сказительница, Майливи-Алая Дева, Даррен Виоррейский?

— Иди ты! — ругнулся я, вспыхнув, и отвернулся от сгорающего в собственном багрянце заката.

Щемящую тихую грусть сменило раздражение и досада. В первую очередь — на себя. Что за дурак! Нашел, кому рассказывать!

— Так все-таки я был прав? — продолжил он, развалившийся на зелено-золотых травах и заложив руки за голову. — Ты тогда умер?

Я выдержал паузу, не зная, то ли отвечать ему правду, то ли ругаться. И, поняв, что мне все равно, отвечать или нет, безразлично сказал:

— Прав. Но это никак не связано с тем, что я сказитель. Во всяком случае, напрямую.

— А с чем связано?

Я рассмеялся от такой самоуверенности.

— Ты всерьез считаешь, что я тебе отвечу?

— Нет, — пожал он плечами и улыбнулся совершенно обезоруживающе. — Но попытка не пытка.

— Не пытка, — согласился я с усмешкой. — Ты прав. Я расскажу.

И, вдоволь налюбовавшись удивлением, озарившим его лицо, добавил:

— Расскажу. После того, как узнаю, почему ты бежал. И чем так интересен жрицам Льор, что они преследуют тебя спустя столько лет.

— Им нужен не столько я, сколько то, что у меня есть, — неожиданно легко ответил Нэльвё. И с невеселым смешком добавил: — То, что нужно одной высокопоставленной

особе.

— И это что-то все еще при тебе?

— А этого я уже не скажу.

— Тогда вечер откровений объявляю закрытым. Их и так, пожалуй, чересчур много. Как Камелия?

— Успокоилась, — пожал плечами Нэльвё.

Я рассеянно кивнул.

Закат догорал, как всегда, стремительно: небо, кажется, только-только запыхало ало-золотым заревом и вот уже ночная мгла обнимает тонущее в озере солнце.

— Много времени потеряли, — негромко сказал Нэльвё. — Уже вечер.

— Много, — согласился я. — Теперь придется наверстывать.

* * *

Камелия сжалась в комочек на самом краю поляны, не шевелясь и не сводя напряженного взгляда с хрупкого, похожего на переломленный стебелек цветка, тела fae. Я сначала не понял, чем вызван столь трепетный интерес — fae, в отличие от смертных и aelvis, умирали навсегда, и восстать неуспокоенными тенями не могли — а потом досадливо скрипнул зубами и ускорил шаг. Ну кто оставляет юную девушку, почти еще девочку, наедине с трупом?!

Впрочем, обвинять Нэльвё — глупо. Aelvis реагируют на все гораздо более сдержанно и рассудительно («Что страшного в трупе, если он уже в принципе не способен причинить вред?»). Если даже я, проживший среди людей столько лет, не смог предугадать реакцию девушки, то что уж говорить о нем? Готов поспорить, что за пределами Orfen di-erre он провел едва ли больше трех-четырех лет.

— Камелия!

Девушка радостно восторгалась, порываясь обернуться, но тут же поникла, по-прежнему боясь отвести взгляд хоть на мгновение.

В три размашистых шага преодолев разделяющее нас расстояние, я встал перед девушкой, загородив fae. Вопреки моим чаяниям, она побледнела еще сильнее. Как будто теперь, когда сила ее взгляда не удерживала, мертвая могла восстать.

— Камелия! — уже раздраженно окликнул ее я. Напрасно.

Поняв, что она не сможет взять себя в руки, пока fae рядом, я развернулся и направился к изломанному телу той, кто едва не убила ее. Решимость таяла с каждым сделанным мной шагом. Я слишком хорошо помнил захлестнувшие в тот раз чувства, слишком хорошо помнил, как умирал вместе с ней. И одного этого воспоминания было достаточно, чтобы вызвать предательскую слабость.

Слабость — и глупую, пугающую уверенность, будто бы там, на ложе шепчущих трав, должен лежать я.

Я остановился у ее ног, с каким-то болезненным интересом вглядываясь в черты. Безумие ушло из потемневших, пустых глаз цвета невозможной, бездонной сини, но его приторную, отравляющую сладость я все еще отчетливо слышал в весеннем воздухе.

Безумие...

— Безумие, которого не бывает у aelvis. Никогда.

Нэльвё подошел незаметно, остановившись позади меня.

— Ты тоже это почувствовал? — спросил я, не оборачиваясь.

— Не заметить — сложно, — усмехнулся он. — Что это может значить?

Я, не слушая его, сказал:

— Это fae горных рек.

— Так далеко от Лиирских склонов? — скептически спросил Нэльвё. И оборвал себя удивленным: — Ах ты ж, верно! Проклятие Сумеречных?

Я покачал головой.

— Нет. Они не могут этого... а если и могут — не стали бы. Они все еще Ее слуги и никогда не тронут младшую ветвь. Fae — само воплощение Воли.

— Тогда что? Сумеречные — нелепость, верно. Я сглупил. Но разве кто-то еще мог бы?..

— Мог, — негромко сказал я. От слова, небрежно оброненного, повисло напряжение. Но я, не замечая этого, всматривался в землистый оттенок обычно белоснежной кожи fae, в истонченные, невозможно худые руки... в обломанные уродливые ногти, разодранные ими в кровь плечи...

Ветер шептал отгадку, такую простую, очевидную — и почти невозможную.

Непостоянная, сделай ее невозможной!

Сказать вслух — признать, смириться, выпустить в мир... Глупая вера в то, что пока что-то не названо, его нет.

Глупая... только чья? Аэльвская ли, человеческая? Когда мы успели настолько утратить себя — и не заметить? Когда мы стали не-помнить?

Голос — невыразительный, безэмоциональный. Опять чуждый, не мой, но по какой-то причине судьбы принадлежащий мне сейчас:

— Песнь драконов.

— «Драконов»?.. — глупо повторил Нэльвё, кажется, не сразу поверив в услышанное. И тут же отрезал: — Они исчезли десять тысяч лет. Десять!

— Не исчезли. Уснули. И нет ничего удивительного в том, что они проснулись теперь, когда мы утратили себя.

* * *

— «Утратили себя»?

Любопытство все же пересилило страх, и Камелия нерешительно приблизилась к fae. Девушка робко жалась к нам — растерянная, пугливо вздрагивающая от каждого шороха. Когда рядом сухо хрустнула переломившаяся ветка, всколыхнув листву, она спряталась за Нэльвё, отчаянно вцепившись ему в предплечье, да так и осталась, выглядывая из-за его спины. Отрекшийся, к моему удивлению, спокойно стерпел это.

— Когда-то, — помедлив, начал я, — одного-единственного Слова было достаточно, чтобы низвергать города. Прежняя, выстроенная еще aelvis, а не людьми, Ильмере пала во мраке Тысячелетней ночи не от пламени, не от осадных орудий, а от Слов сказителей, ставших по разные стороны. А еще раньше, в Час драконов, те, кто были до нас, раскололи материк и сковали драконов, погрузив их в сон среди льдов и океанской соли. Тех самых драконов, чье присутствие искажает мир, заставляя корчиться в агонии. Драконов, чья

безмолвная Песнь порождает в звонкой и тонкой мелодии мироздания диссонансы и в чьем дыхании aelvis тают так же легко, бесследно, как утренняя дымка в лучах солнца. Они — ничто; воплощенный хаос, вырвавшийся в мир из нижних Граней реальности и враждебный ему по своей сути. Все, что мы могли им противопоставить — Слово, как высшее проявление порядка. А теперь? Чего теперь стоят наши слова — обветшалые, утратившие подлинное значение и лишённые власти над всем? Можем ли мы вызвать Словом хотя бы рябь на воде? Прежде почти каждый волшебник был сказителем. А теперь? Что теперь? Я не знал ни одного. А я... вы ошибаетесь, если думаете, что я действительно могу то, о чем шепчут старые сказки. Подчинить кого-то своей воле, слышать и слушать ветер... может быть, разбить сад, пробудить ключ, бьющий из под земли... Но горы, теряющиеся в небесах? Сковать драконов, одна Песнь которых лишает любого aelvis сил, воли? Она вытесняет все, взамен даря боль — невыносимую, мучительную, сводящую с ума. Им остается безумие и ненависть, одна только боль и смерть. Сказитель слышит Волю. Слышит — и воплощает. Это и есть подлинное волшебство, Камелия. Это, а не манипулирование потоками сил и природных энергий. А сейчас *Ее* почти никто не слышит, и *Она* не снисходит ни до кого. Волшебство — это умение слушать — и слышать. Так просто — и почти невозможно. Поэтому, да, Камелия. Мы утратили себя, и теряем, с каждым мгновением все больше. Я даже не уверен, можем ли мы называться aelvis, бессмертными, — или уже потеряли на это право?

Тишина, робкой гостьей пришедшей с первым моим словом, теперь, когда последний отголосок затих, стала полновластной хозяйкой. Расправила плечи, вздохнула свободно — и, сладко жмурясь, подставляя личико солнцу, закружилась по поляне, приминая легкими шажками траву.

— И что теперь? — неожиданно хрипло спросил Нэльвё, не сводя тяжелого взгляда с fae.

— Что теперь? — слабо улыбнувшись, повторил я. Тишина брызнула переливчатыми искорками-бликами. — Полагаю, будет неплохо, если ты предашь тело fae земле. Она, конечно, не восстанет блуждающей тенью, но и частью леса не станет. Он чужд ей. Обед мы разварили, сожгли, а в довершении еще и опрокинули на траву, так что собираем вещи и едем вперед. Ничего другого нам все равно не остается. Перекусим где-нибудь на ходу. До того, как совсем стемнеет, у нас еще есть часа полтора-два. Хотелось бы провести их с толком, и прибыть завтра в нис-Эвелон как можно раньше.

— Что, прости? Куда прибыть? — переспросил, точно решив, что ослышался, Нэльвё.

— В нис-Эвелон. Город в Лесу Тысячи Шепотов, — невозмутимо пояснил я.

— Мы же собирались в Зеленые Холмы... — подала голос совершенно запутавшаяся Камелия.

— Собирались. И собираемся сейчас. Просто теперь мы поедем через Лес.

— Но вы же говорили, что нас туда не пустят!

— Сказителя — пустят, — скрипнул зубами Нэльвё.

— Я — желанный гость. Не только сказитель, — наверное, излишне резко ответил я, среагировав на звеневшие в голосе Отрекшегося раздражение и издевку.

Не дождавшись ответа, я развернулся и, больше ничего не говоря, направился к лошадям.

— Зачем нам в Лес? — окрик Нэльвё остановил меня, когда я уже коснулся поводьев Стрелочки. Пальцы дрогнули, соскользнув с распутываемого узла.

Помедлив, я обернулся к нему. И, как бы продолжая незаконченный у озера разговор, ответил:

— Исправлять ошибки.

— Ошибки прошлого исправить невозможно, — не сводя с меня пытливого взгляда, отрезал бессмертный. Напрасно: я не собирался лгать или лукавить. — Ты это прекрасно знаешь. Особенно — так.

— По-моему, исправлять ошибки, которые невозможно исправить, можно только невозможным способом, — с улыбкой ответил я, отворачиваясь и возвращаясь к прерванному занятию.

— Бессмыслица.

— Жаль, если для тебя это так.

Стрелочка ткнулась мне в ладонь, сначала просительно, потом — укоризненно. Прости, не подумал прихватить что-нибудь вкусное.

Я рассеянно провел рукой по гриве лошадки. И продолжил, потому что от меня по-прежнему ждали ответ:

— Я должен рассказать, что *fae* предгорий слышали Песнь. И что драконы проснулись.

— Ты думаешь, они сами об этом не знают? — грубо оборвал меня Нэльвё.

— О чем-то знают, что-то только предполагают. Голос сказителя — *Ee* голос. Он развеет сомнения. А если и без того знают... близится Час драконов. Ни у кого из нас не останется выбора. Особенно у меня. Я не имею права оставаться в стороне.

— А если я откажусь идти с тобой? — с какой-то странной, пытливой интонацией, спросил Нэльвё. Я не видел его лица и потому не мог понять, с каким выражением он говорил это. Как не мог понять, чего он хотел добиться. Зато в моем голосе отчетливо звенел лед:

— Тогда ты просто дурак, По сравнению с приходом *drakkaris* ничто не имеет значения. К тому же, — с мрачной улыбкой добавил я, — ты обязан делать то, что я сочту нужным.

— За это я вас и презираю.

— Это не мое желание, а долг, — резко ответил я, раздражаясь на несправедливость и глупость его обвинений. Настолько, что отпустил поводья и обернулся. — Причем и твой, и мой, раз уж наши дороги так причудливо пересеклись, — но продолжаешь спорить. По-моему, тебе претит сама мысль подчинения. Кажется, я этого не прошу и никогда не просил. Хватит препираться. Я готов сделать вид, что возглавляешь нас ты — мне нет до этого дела. Только иди.

Лицо Нэльвё застыло непроницаемой маской. Ничего не ответив, он направился к Стрелочке, даже не взглянув на меня. Его лошадка тихо, как-то жалостливо ржала и топталась на месте, словно чувствуя недовольство хозяина. Но бессмертный отказывался замечать это и пока отвязывал ее, и когда, вскочив в седло и ударив каблуками, пустил вскачь.

* * *

— ...до Леса меньше двух часов езды.

Голос — усталый, севший за бесконечно долгий день — вплетался в уютное потрескивание костра и музыку ночи. Она, таинственная, непостижимая, звучала во всем в

этот глухой полночный час. Стоило стихнуть последним отголоскам сказанного, небрежно брошенного в ночь, стоило молчанию опуститься на плечи — и стрекот сверчков, шелест волнующихся крон, эхо далеких волчьих голосов сплетались в переливчатую мелодию.

Нэльвё рассеянно кивнул. Шальные тени костра с геометрической резкостью и четкостью линий обрисовывали его острые, угловатые черты. Усталость, которую днем еще можно было спрятать за улыбками и смехом, сейчас проступила с беспощадной правдивостью. Глаза — не переменчиво-аметистовые, а потемневшие, поблекшие — глядели устало, измученно... Так смотрят давно и безнадежно больные.

«Совсем как в нашу первую встречу», — вдруг подумалось мне, и я невольно вздрогнул от этой непрошенной мысли, точно очнувшись от сна.

Прошло всего несколько дней, а кажется, что мы знакомы давно. Так давно, что и не вспомнить.

— Сколько нам еще ехать? — негромко спросила Камелия. Она сидела по правую руку от меня, чуть наискосок. Рядом. В огненном сумраке лицо ее застыло безжизненной маской. Только глаза, казавшиеся сейчас темными, почти черными, лихорадочно блестели. Она казалась вернувшейся из-за Грани, чье сердце уже не бьется, а измученная душа жаждет... чего? Мести? Забвения? Покоя?

«Как же выгляжу я?»

И в ответ на свой безмолвный, так и не сорвавшийся с губ вопрос, увидел сотканное из охристо-алых языков пламени и вспыхивающих искр лицо. Свое лицо. Черное на золоте — в провалах глаз, вокруг скул, в прорези рта... Мертв. Тоже мертв.

Мы мертвы, давно мертвы. Но по какой-то глупой причуде — трусости ли, малодушию ли — цепляемся за жизнь, делая вид, что ничего не произошло. Делая вид, что живем.

Убегать от себя можно бесконечно долго. До тех пор, пока в боку не поселится колкая не проходящая боль, пока дыхание — сухое, горячее, как степной ветер — не раздерет горло. Пока вдруг, сам не зная, зачем, не обернешься, не заглянешь в черные глаза ночи, в бездонный небесный колодец с искорками звезд, — и не увидишь холод и пустоту.

...холод и пустоту в отражение собственных глаз.

Я вздрогнул и стер с лица липкую тень тревоги. Бисеринки пота, выступившие на лбу, холодили пальцы воспоминаниями о Бездне.

Тревогу... но чью тревогу?

И чьи это мысли?

— Все в порядке? — вкрадчиво спросил Нэльвё, странно смотря на меня. Я отрывисто кивнул.

— В порядке... — пробормотал я, еще раз проведя ладонями по лицу. Вымучено улыбнулся и сказал:

— Пойдемте спать?

Нэльвё бросил на меня короткий взгляд. Сгреб пустые уже миски, подхватил котелок и, не обронив ни слова, отправился туда, где ручей тихонько плел переливчатую кудель лунно-водного серебра. Я неловко улыбнулся ему вслед. Благодарность, которую я испытывал за то, что он взял на себя эту нехитрую, но хлопотную обязанность, было не описать. По уговору, плескаться в ручье после ужина должен был я, но что-то подсказывало мне, что это не лучшая затея. С меня станется напороться на единственный в округе омут, и если не утопнуть в нем самому, так утопить посуду.

Я медленно выпрямился и шатко замер: переживал дурноту. Наваждение, порожденное

мягким шепотом ночи и пробравшее до костей, выпило из меня все силы.

— Мастер Мио!

Оклик Камелии застал меня, когда я наклонился к одной из сумок, где лежали туго скатанные и втридорога купленные шерстяные одеяла.

Под моим устало-внимательным взглядом Камелия смутилась и, замявшись, сбивчиво проговорила:

— Я... я хотела спросить: долго еще нам до Зеленых Холмов?

Я растерялся, не ожидая этого вопроса. И потому не сразу ответил:

— Думаю, два-три дня. Точно нельзя сказать: в Лесу время иначе, чем здесь. К тому же неизвестно, как быстро Совет согласится принять меня.

— Ясно, — торопливо ответила она, даже не дослушав, и отвернувшись, с деланным интересом принявшись выискивать что-то в раскрытом чемоданчике.

Я немного понаблюдал за ней, но, так и не поняв, что сейчас произошло, только пожал плечами. И, подхватив одеяло, пошел устраиваться на ночлег.

Камелия перебирала вещи, чем-то шелестя и шурша, еще с минуту. Потом шорох стих.

Она замерла, помолчала — и неожиданно заговорила вновь, сбивчиво, торопливо, словно боясь передумать:

— Я... на самом деле... вы говорили о том, что настоящий волшебник должен слышать...

— Волю, — подсказал я умолкнувшей девушке. Она еще больше смутилась, чувствуя мой внимательный взгляд, но не отступилась, продолжив уже тверже:

— Да, Воля. И вот, я хотела узнать... а... как ее услышать?

Я невольно рассмеялся — горько, отчаянно, безнадежно.

— Никак! — и прибавил, видя ее разочарование: — Я не смогу объяснить, Камелия. Я пытался объяснить так часто, так много — но ни разу не смог.

— Но вы же сказали, что каждый может...

— Может. Может, но не хочет — поэтому и не слышит. Не хочет — или не верит. А как научить вере? Как научить слышать в ветре не шелест листвы и поскрипывание жернов мельниц, не бег ручьев, а сказки далеких стран и далеких времен? Как научить чувствовать глубже, слышать — звонче? Смотреть — и замечать? Я не знаю.

На мгновение мне показалось, что ее глаза блеснули — злостью ли, отчаянием, выступившими слезами? — но Камелия почти сразу отвернулась. Щелкнул замок, и чемоданчик соскользнул с колен вниз, аккуратно пристроенный в изголовье. Я молчал, не зная, что сказать. Ничего не решив, бросил все еще сжимаемое шерстяное одеяло на землю — и растянулся на нем, заложив руки за голову и смотря на звезды.

На мириады звезд в бездонном небесном колодце...

Давнишняя тишина вновь укрыла нас. Камелия давно потушила костер, и свозь редкое совиное уханье и сверчковый стрекот слышались приближающиеся шаги Нэльвё, шелест раздвигаемых ветвей.

Сон не шел. Я лежал и смотрел на звезды, на раскинувшееся надо мной бескрайнее море, глубже и темнее любого, что когда-либо видела ночь. Россыпи звезд, как капельки искристого серебра, сорвавшиеся с кисти художника, усыпали ее иссиня-черный палантин.

Я лежал и смотрел, не отводя взгляд, и какая-то тихая, странная мне грусть заполняла сердце.

... Ты заставила меня провести в забвении, в безвременье столько лет, сбив с

единственно-правильного пути, ничего не объяснив и не дав взамен. Лишила всего, что я любил, и последнего, священного права, что у меня осталось — смерти.

Ты так долго молчала, а теперь вновь ведешь меня дорогой сказителя. Зачем?.. Ведешь видение за видением, столкновение за столкновением... Да, я хотел обрести Путь; хотел с того самого дня, когда все изменилось, закончилось для меня, но...

Но я не могу понять: чего ты хочешь — Прекрасная, Непостижимая?..

— Если захотеть и поверить, — вдруг тихо, едва слышно, прошептала Камелия — так, чтобы приближающийся и насвистывающий Нэльвё ее не услышал. — То я смогу? Услышать Волю?

Я, еще думавший о своем, вздрогнул. Заколебался, не сразу поняв, что она хочет.

А когда понял, сказал:

— Сможете.

— Мы еще не приехали?

— Нет.

— А когда мы приедем?

— Скоро.

— ...а теперь мы приехали?

— Нет, Камелия! — не выдержав, рыкнул я. Задаваемый каждые пять минут вопрос сидел у меня в печенках. — Будьте уверены, когда мы приедем, вы узнаете об этом первой!

Девушка растерянно замолчала, нахмурилась и хотела было еще что-то спросить, но я оборвал ее грубым:

— Я скажу, когда мы приедем! — и больше с вопросами она не лезла.

...понять, где начинается Лес, невозможно. Он ведет себя, как капризный ребенок, изнывающий от скуки — путает тропы, незаметно меняет направление, сбивает с пути. Мы должны были выйти к нему еще час назад, и я начинал нервничать: это все меньше походило на игру, и все больше — на нежеланный визит. Стараясь сохранять видимость спокойствия, я уже почти паниковал, чтобы запаниковать, а расспросы Камелии только подливали масла в огонь.

Хуже них было только молчаливое злорадство Нэльвё. Мы почти не разговаривали со вчерашней ссоры — только перекидывались короткими репликами, если возникала необходимость. Отрекшийся больше не насвистывал разухабистые и игривые мелодий, не подтрунивали над нами с Камелией по поводу и без и вообще как будто отстранился от происходящего. Но только «как будто». Я кожей чувствовал его насмешливый, чуть лукавый взгляд, а когда оборачивался, читал в нем молчаливое: «Через Лес, говоришь?»

В довершении ко всему я, напряженно вслушивающийся в каждый шорох и перелив ветра все утро, перестал различать музыку сфер и теперь мог не заметить Полог. Хуже, кажется, быть просто уже не могло.

Неожиданно я вздрогнул, как будто почувствовав или услышав сбившийся ритм, переход на другую мелодию. Что-то изменилось, и прежде сонно-недвижимый воздух, не шелохнув ни веточки, ни листочка, обнял меня теплым, пахнущим цветущими яблонями ветром. Стрелочка остановилась, испуганно заржав.

Не знаю, как звучала песнь Полога для моих спутников — ветром ли, неясным беспокойством, томление в груди чем-то иным, — но они слышали ее, несомненно, и замерли в нерешительности.

— Надо же, — пробормотал Нэльвё у меня за спиной. — Я уже не верил.

Я спрыгнул с лошади и, отбросив поводья, не оглядываясь, шагнул вперед, на укрытую тенью густых крон поляну. Ветер вновь налетел, захлестнул, закружил — так весело, так радостно, что устоять на ногах было невозможно...

Закружил — и резко стих, будто вспугнутый кем-то.

Тем, кого я ждал.

— Приветствую тебя, Извечный, — почти пропел я на аэльвском. — Пропусти меня и тех, кто со мной. Меня ждут.

— Кто тебя ждет, *elli-e Taelis*? — певуче спросил Лес голосом одной из прячущихся в кронах *fae*. — Мы не видим.

Я, хоть и ждал этого вопроса, все равно вздрогнул, боясь не сказать — услышать ответ, жестокий и беспощадный.

Ответ, с которым, казалось, давно смирился, но который не готов был услышать.

...И дело, конечно, совсем не в Лесе, Совете и драконах.

— Миринэ из дома Ллиэн, — проговорил я так спокойно, как мог — но голос все равно предательски дрогнул при звуках этого имени. Едва заметно, почти не слышно, но Лес почувствовал... и замолчал.

«Ответь мне».

«Узнай сам».

Я криво улыбнулся.

«Вот как? Сам»?

— Путь открыт, elli-e.

Воздух задрожал, завибрировал тысячью шепотов и шепотков, и вновь порыв ветра — уже не сладкого, а нестерпимо горького, как полынь — закружил меня, увлекая за собой. Хотелось забыть обо всем — только идти за ним, яснокрылым, свободным, по отмеренной им дороге...

— ...но только тебе.

Я вздрогнул, очнувшись от наваждения.

Нежная мелодия флейты и арфы, играющая в переливах ветра, оборвалась. Вытканый ей путь растаял в размеренном дыхании полдня.

Вытканый мне, но не мой.

Потому что я не один.

— Они со мной, — негромко, со спокойной уверенностью сказал я, выискивая среди гибких теней, мелькающих среди крон, Глас Леса — его Хозяйку и его любимицу.

Поляна задрожала зыбким маревом, как наваждения далеких южных земель. Прячешься, зеленовласая, светлоокая?

— Ждали тебя.

Голос — легкий, едва слышный, обманчиво нежный. Как ветер месяца Первых гроз, гуляющий в кронах и глядящий ресницы, но каждое мгновение готовый обернуться жестокой бурей. Голос Хозяйки.

Она почтила меня разговором, но почему-то предпочла остаться безликой тенью.

— Не думал, что есть вещи, для которых недостаточно слова elli-e Taelis, — я улыбнулся одними уголками губ. — Я ручаюсь за них, Хозяйка. Впусти нас. Наши помыслы чисты, и Путь ведет через Лес. Ты знаешь это.

— Ты привел смертную, elli-e Taelis, — в голосе — ни осуждения, ни укора, только спокойное безразличие и то невыразимое величие, которое есть в каждом слове, каждом движении младших из aelvis, слышащих Волю. Им неведомы чувства, страсти, как неведомы стремления и свобода. Для них нет «я», только «мы». Мы — Лес, мы — озеро, мы — небо и звезды...

Мы — Воля.

— Она не может войти.

— В ее жилах — кровь aelvis. Это и ее Путь.

— Не все то Путь, что выбрал ты, — сказала она, и в голосе, спокойном и отчужденном, все же прорезались нотки... чего? Укора? Недовольства? Насмешки?

— Не все, — согласился я и упрямо повторил, несмотря на то, как болезненно вздрогнул

от ее слов: — Но это — наш Путь. Пропусти нас.

Ее ответ разлетелся ворохом осенних листьев, ветром, толкнул в грудь, ударил в лицо. Поляна вдруг дрогнула — и исчезла. Я вновь стоял посреди леса — такого же, как и всегда. Но теперь в каждом прикосновении ветра, в каждом касании слышался его голос и его воля.

Что она хотела сказать, почему противилась?

И почему повторила вслед за Нэльвё то, чего я больше всего боялся услышать?..

Путь, уже стелящийся передо мной, Путь, в который я действительно поверил — впервые за столько лет! — и на который я нашел силы встать, теперь казался неверным, неправильным.

Почему она так сказала?

И почему — не первая?

— Так и будем стоять? Что-то не так? — вскинул бровь Нэльвё, обрывая мои метания. Наши взгляды встретились, впервые за это утро — и я неожиданно успокоился.

«Нет, — с какой-то странной, непоколебимой уверенностью понял я. — Я не отступлюсь. Даже если я не прав».

И, вскочив в седло, первым направил лошадь вглубь Леса.

* * *

Деревья становились все выше, все старше, и между их древних, исполинских стволов теперь можно было проехать вдвоем. Колючий кустарник, цепляющийся за одежду и раздражающий этим нас всю дорогу, почти сошел на нет. Огненно-рыжими росчерками взвивались по стволам юркие белки. Непуганные, не знающие людей лани только удивленно склоняли головы, посверкивая темными влажными глазами, не убегая. Птицы, не таясь, сидели на низких, нависающих над лесными тропками ветках. Звонкие, переливчатые голоса летели вперед, сквозь лес, путаясь в раскидистых кронах и нависающих над лесными тропками ветках и уходя ввысь, к невидимым за листвой небесам.

Нис-Эвелон вынырнул, как и все в Лесу, неожиданно. Просто вдруг свет, до того мягко льющийся сквозь листву, больно ударил по глазам. Деревья расступились.

Я подхлестнул лошадь — и она сорвался спорой рысью, вырвавшись вперед. Камелия ойкнула, но почти сразу в бойкий топоток Стрелочки, летящей по лесу, вплелись еще два.

Мы перемахнули через поваленное бревно, поднялись по руслу высохшего ручья, шуганули так некстати выбравшихся на поляну зайцев — и скакали, скакали вперед, наперегонки с ветром, тоже неистово смелым. Будто и он рвался на волю.

Стволы мелькали, слившись в одно сплошное чередование света и тени. И когда мы, наконец, вылетели на обрыв, Камелия восхищенно выдохнула:

— Как же красиво...

Золото дня потоком чистого света лилось в долину, которую, как в ладонях, держали горы. Белые, чуть розоватые в лучах солнца домишки нис-Эвелона казались диковинными цветами, распустившимися среди зелени и бурных звонкоголосых рек.

Я приставил ладонь к глазам, пытаюсь разглядеть водную дымку, среди которой всегда дрожали, переливаясь, семь радуг.

Поющие водопады... любимое место Миринэ.

— Красиво... — медленно повторил я. И, усилием воли оторвав взгляд от светлеющей

дали, тронул поводья, пуская приостановившуюся было лошадь по каменной тропке, круто уходящей вниз.

— Но ведь это не Лес, — с какой-то детской обидой, точно ее обманули, пожаловалась Камелия.

— Верно. Это нис-Эвелон, — рассмеялся ей Нэльвё и, подхлестнув Стрелочку, вырвался вперед.

* * *

— ...а кто тебя должен встречать? — шутливо поинтересовался Нэльвё. Напускной холод, которым он нервировал меня все утро, уступил место уже привычной насмешливости.

— Не знаю, но... мы ведь... чужие, — не очень уверенно сказала Камелия.

— Чужих не пропускает Полог, — я потянул за поводья, заставляя Стрелочку перейти на другую сторону улицы, справа. Если Нэльвё и Камелию не смущало, что им приходится говорить через меня, то мне это изрядно надоело. Впрочем, напрасно: разговор сошел на нет сам собой.

Я подставил лицо солнцу, щурясь на него, и ночные тревоги и страхи сгорели в его ласковых, но безжалостных лучах.

Город нежился в послеобеденной дреме. Редкие прохожие шли, не спеша; ветер едва касался сонно склонившихся роз. Разлившуюся в воздухе тишину нарушал разве что залиvistый смех мальчишек, игравших в тенистых садах и то и дело пробежавших по улицам наперегонки.

Глядя на них, я невольно вспомнил Камелию, и, не удержавшись, искоса взглянул на нее. Девушка, в чьих жилах текла аэльвская кровь, выглядела гораздо старше ребятни — хотя, скорее всего, была с ними погодкой.

Если бы не невыносимо-человеческое воспитание, я бы счел Камелию бессмертной. Та же непоседливость, тот же интерес ко всему и совершенно неопишное любопытство. Раста она у старших родственников, в Лазурной Гавани, — была бы настоящей aelvis.

Но сейчас в ней оставалось слишком много, безнадежно много человеческого.

— А куда мы едем? — спросила Камелия, нетерпеливо ерзая в седле, когда вертеть головой ей наскучило. Каблучками она легонько попинывала лошадь.

— Туда, куда меня ведет Путь.

— И куда же он ведет?

Я хотел ответить на сарказм Нэльвё чем-нибудь не менее едким, но путь, лежащий под копыта коней дорожной пылью, вдруг оборвался, — и слова стали не нужны.

Путь кончился.

Только теперь я понял, что остановился не перед маленьким домиком с тихим садом. Бледно-розовый, дымчатый и полупрозрачный, словно выточенным из кварца, Дом Шепчущих и Внимающих казался лилией, распустившаяся на озерной глади. А башенки — высокие, утонченные, ассиметричные — ее лепестками.

— Приветствую вас, elli-e taelis.

Вздрогнув от раздавшегося голоса, мягкого и мелодичного, глубокого, как переливы волн в ясный день, я опустил взгляд — и утонул в такой знакомой синеве глаз.

— Приветствую вас... Внимающая, — голос не надломился, но предательски сел,

прозвучав глухо, надтреснуто.

Shie-thany спускалась по мраморным ступеням нам навстречу. Льдисто-голубое платье с высокой талией обнимало её тонкий стан утренней дымкой. Полупрозрачные рукава, легкие и невесомые, дрожали в такт ветру, каштановые волосы свободно струились по плечам, оттеняя белизну кожи и легкий румянец. А в глазах цвета горечавки, в уголках губ, в бесконечно усталой улыбке крылась горечь печали.

— Мы ждали вас. Идемте.

Она повернулась мягко и плавно, с аэльвской грацией, текучей, как вода. Платье захлестнулось у ног прибрежной волной, пенно прошелестело по ступеням — и потянулось за ней с легким шелестом.

— Только сказитель, — на мгновение остановившись, но не обернувшись, добавила Внимающая, когда вслед за мной к ступеням потянулись Нэльвё и Камелия. — Вас проводят туда, где вы сможете остановиться.

И первой шагнула в открытые нам двери.

...Изнутри Дом Шепчущих и Внимающих казался эфемерным, сотканным из света и эфира. Солнце пробивалось через дымчатый кристалл и, рассеиваясь, рассыпалось нежно-лиловой взвесью. Взгляды двойки стражей, вырезанных из мрамора, но готовых сорваться с постаментов, чтобы защитить свою хрупкую госпожу жгли спину, и от них — молчаливых, бесстрастных, неприятно-чуждых — перехватывало дыхание, сжимало горло. Я не мог, не знал, что сказать, как не мог окликнуть ее, выдохнув одно-единственное слово.

Мы шли вперед, мимо ведущих вглубь Дома коридоров, к темнеющей у противоположной стены двери. Шаги — почти что невесомые, беззвучные, словно не холодный камень ложится под ноги, а доверчивая, укутанная мхом и палыми листьями земля.

Дверь открылась перед Внимающей сама, не дожидаясь прикосновения, приглашая в недлинный коридор, упирающийся в другие двери — высокие, двустворчатые. Взвесь кружила у самого потолка и мягко рассеивалась, не доходя вниз. Внимающая первой окунулась в лиловый сумрак его стен. Я, не отставая ни на шаг — за ней. Дверь скрипнула и, качнувшись на петлях чуточку нерешительно, капельку задумчиво, и захлопнулась за мной.

Ощущение давящего взгляда, отзывающегося болью при каждом шаге, ушло. Не успел я вдохнуть и собраться с мыслями, чтобы сказать, то хотел и что должен был, как дремотный воздух всколыхнулся пронзительным:

— Мио! — и Миринэ бросилась мне на шею, повиснув на ней, поджав ноги. Я несколько раз крутанул ее и осторожно опустил, не разжимая объятий.

Shie-thany чуть отстранилась. Заглянула мне в лицо — робко, недоверчиво, как будто смотря на нечаянно сбывшийся сон — и вновь прижалась, выдохнув сбивчивое:

— О, Извечная, Непредсказуемая! Я не верю, что ты жив!

Больше книг на сайте - Knigolub.net

А у меня ноги подгибались от ее взгляда — не горько-измученного, а совершенно счастливого, василькового. От взгляда — и от улыбки, светлой, мягкой, вселяющей надежду.

Я обнял ее крепче и пошутил, нарушая неловкость чересчур трогательного момента:

— Прости, что я жив. Ты очень огорчена?

— Дурак! — воскликнула она, отпрянув и гневно сверкнув глазами. Васильковая синь потемнела. — Я ему рада, а он!

— Он тоже рад, — улыбнулся я. — Даже не представляешь, как.

Ее взгляд чуть потеплел, но та сумасшедшая легкость и бесконечное, безбрежное счастье в него так и не вернулись, отравленные горечью печали.

— Я думала, что все вы...

Голос Миринэ дрогнул и сорвался. Она отвернулась.

— Я тоже.

— Мне так жаль... Я не могла остаться, не могла не прийти на зов — и бросила вас всех. Тебя, Ленесс... Гиренда и других... Я не могу простить себя до сих пор. Ты не представляешь, какого было жить с этим. Мне стыдно, невыносимо стыдно перед вами... перед тобой... Я предала вас.

— Стыдно за что? За то, что ушла, исполняя свой долг? Или за то, что осталась жива? — нервно рассмеялся я. И, видя, что она помрачнела, уязвленная, коснулся её ладони — узкой и холодной. — Не сердись. Тебе ужасно не идет это выражение.

— Что значит «не идет»? — возмутилась она — скорее, чтобы отвлечься, чем обижаясь всерьез.

Я вскинул руки и поспешно пошел на попятный:

— Идет-идет! Но улыбка все равно идет больше.

Напряжение, дрожащее перетянутой и безнадежно фальшивящей струной, сгустившее хрустально-ясный воздух, исчезло, и лицо Миринэ озарилось прежней улыбкой.

— Как же я рада! Ты нам так нужен, Мио! Теперь все будет по-другому!

От ее светлой и нежной улыбки мне стало горько. Я не мог промолчать или солгать. Даже для того, чтобы не омрачать то обманчиво-радостное мгновение, которое вдруг упало нам в руки — и которое вот-вот окажется еще одним сном, прекрасным и жестоким.

— Не будет.

Глухо, пусто. Чуждо.

Улыбка, расцветшая на губах Миринэ, исчезла. И в коридоре, укутанным полумраком, как невесомой пепельно-розовой шалью, вдруг повеяло холодом.

— Что? — она попробовала улыбнуться, но вышло у нее это неубедительно, робко: — Мио, ты же сказитель! Драконы...

— Я знаю, — оборвал ее я.

Миринэ замолчала, смотря на меня долго и странно, будто впервые увидев. А потом негромко спросила:

— Я не понимаю, что не так. Прости.

«Что не так»? Мне ужасно хотелось рассмеяться, расхохотаться, но это было так нелепо, так неуместно, что я заставил себя успокоиться. Подобрать слова оказалось труднее.

— Миринэ... — медленно начал я, не зная, что ей сказать, как объяснить... И, когда пауза затянулась настолько, что молчать дальше было невозможно, сказал коротко и прямо, беспощадно: — Я не сказитель.

— Что за чушь! — раздраженно хлестнула она. — Хватит меня разыгрывать.

— Посмотри на меня! — резко окрикнул я, слишком легко поддаваясь чужой злости. — Разве ты не видишь, что я больше не волшебник?! Не видишь как жалок мой магический потенциал?

— Вижу, но я думала, это иллюзия... — начала она растерянно. Раздражение оставило ее, но всего на мгновение. Миринэ мотнула головой, словно отгоняя неправильную, чуждую мысль — и оборвала себя: — Нет, не верю! Опять водишь меня за нос?!

— Миринэ!

— Мио! — воскликнула она, притопнув. Ее голос взметнулся, как волна, набрав глубину, силу, но не поднявшись ни на тон, — и в неистовстве разбился о скалы мириадами солнечных брызг. — Прекрати! Сейчас не до шуток! Отвечай правду или проклянущу!

— О, да, — негромко, с грустной улыбкой, проговорил я, обращаясь скорее к себе. — В проклятиях тебе нет равных.

— Хотя в чем-то я талантливее тебя.

Она по-прежнему хмурилась, но, еще мгновение назад пылавшая злостью, теперь чуть успокоилась. Не сводя, впрочем, с меня пытливого, настороженного взгляда.

— Дело не в таланте.

— А в чем? — против воли заинтересовалась она, смягчаясь. В отличие от большинства мои друзей и сокурсников, питавших к моему таланту здоровый и порой замешанный на зависти скептицизм, Миринэ всегда мне верила. Чем я порой беззастенчиво пользовался.

Вот, например, как сейчас.

— В зловредном нраве, конечно же!

— Мио!

Сложно описать, сколько было в этом крике возмущения. Я увернулся от обещанного заклинания и отбежал. Гнева Миринэ я опасался. Она была прекрасной чародейкой — тонко чувствующей льнущую к ней силу и мечтающий воплотиться ее волей мир. Учились мы одному и тому же, и она отлично знала все уловки, к чему я мог прибегнуть. Поэтому, едва уйдя от еще одного диссонанса — невидимого, всколыхнувшего верхние Грани лишь дрожью воздуха, но ударившего по струнам ветра ужасным не-созвучием — я поспешно вскинул руки:

— Сдаюсь!

Миринэ побледнела так резко, что я испугался. Эмоции, отражающиеся на ее лице, сменялись быстрее, чем я успевал их прочесть. Ужас, неверие, страх, смятение, осознание... боль.

— Так это правда? — ее тихий, едва слышимый голос прозвучал надтреснуто, сломлено. — Значит...

Она не договорила. Замолчала, оборвав себя, и порывисто шагнула ко мне. Легко, едва ощутимо, самыми кончиками пальцем коснулась щеки, заглянула в глаза. И, проведя тыльной стороной ладони по лицу, прошептала:

— За что?

Бескрайнее море, плескавшееся в ее глазах, тревожно потемнело.

...Провела — и замерла, не отнимая руки.

Я осторожно взял ее ладонь в свою.

— Не сейчас, Миринэ.

Еще один взгляд — долгий, пронзительный — и она отвернулась. Отошла на несколько шагов, зябко охватила себя за плечи.

— «Не сказитель»... — прошептала Миринэ, и вновь порывисто обернулась. Платье захлестнулось вокруг бурливым водоворотом. В глазах — темнота предгрозового моря. — Мы обречены.

— Но есть и другие...

— Нет! — оборвала она меня. — Никого нет. Мы ищем уже второе десятилетие. Сказителей нет, ни одного. Это — конец.

— Быть не может. Как вы... — и, осекшись, быстро заговорил, ослепленный

неожиданной догадкой: — Те розыскные листы, они ваши? Вы искали меня?

— Розыскные листы? Я не понимаю, о чем ты.

— Неважно! — оборвал ее я, не желая вдаваться в объяснения. Не угадал. — Тогда как вы искали?

— Мы пели зов. Даже если бы сами elli-e не слышали, *Она* позвала бы их.

— Я её не слышал.

— Ты больше не сказитель, — резко и зло бросила она. И осеклась, увидев, как я бессильно сжал кулаки: — Прости, я...

— Двадцать лет... — взяв себя в руки, начал я, уйдя от слишком болезненной для меня темы. — Двадцать лет! Вы так долго знаете о пробуждении драконов и никому ничего не сказали?

— А что нам было говорить? То, в чем даже у нас нет уверенности, только догадки? Если бы мы могли сами слышать Песнь... но Сумеречные не дадут нам ступить и шагу.

— Разве у вас не перемирие?

— Да, перемирие, — раздраженно согласилась Миринэ, отвернувшись. Бессмысленно, бесцельно сделала два шага. Остановилась — и, не оборачиваясь, с горечью пояснила: — Мы не трогаем их, а они — нас. Сумеречные не верят никому из Зарерожденных. Что мешает нам отправить на Жемчужные Берега кого-то, подговоренного лордом-хранителем Перевала? Только честное слово, а оно уже давно обесценено ложью. Предатель среди нас уже есть, с нас — ответный удар.

— Предатель от Сумеречных? — неверяще переспросил я. — Среди вас?

— Верно, что в Час драконов никому нельзя верить.

— Как бы то ни было, — настойчиво повторил я, нарушив тяжелую, давящую, повисшую между нами тишину. — Известите других. Лазурную Гавань, Холмы, Вольные Степи... Вместе вы найдете сказителя.

Она только покачала головой.

— Не найдем, Мио. Не стоит обманываться.

— Вы, как всегда, решительны и готовы к действию, — съязвил я, задетый ее последней фразой. О чем тут же пожалел.

Миринэ стремительно обернулась. Волосы взметнулись темно-каштановой волной, растрепав безупречную прическу.

— Осторожнее в словах. Помните, с кем Вы говорите, elli-e taelis.

— Миринэ, — быстро начал я, не давая перебить себя и надеясь, что она выслушает, — вы напрасно опускаете руки. Сейчас нельзя ждать. У нас так мало времени, чтобы успеть, и так мало шансов. Еще не поздно, просто не может быть поздно! Поверь мне.

— Что мне сказать о твоём приходе? — сумрачно взглянув на меня, спросила Миринэ. Холодно, спокойно. Равнодушно. Как с чужим.

Действительно — что? Я не ответил. Не знал, что ответить.

Она медленно, с текучей неспешной грацией, подошла ко мне — и остановилась рядом, смотря ровно перед собой.

— Совет ждет.

— Что сказала Воля? — стараясь говорить ровно, почти безразлично, спросил я.

Спросил — и внутренне сжался, слишком хорошо зная, каким будет ответ.

— Воля, — начала Миринэ, подняв на меня взгляд, тяжелый и тревожный, — не сказала ничего. А ветер пел о приходе сказителя.

Беспощадно правдиво, невозможно жестоко. Ожидаемо — и все равно слишком больно. Я злился на себя за эту слабость, но ничего не мог поделать. Какая-то детская обида каждый раз овладевала мной, когда *Она* была ко мне безразлична.

Детская обида, детские непрекращающиеся «почему»...

Я молчал, вновь затягивая паузу и убегая от ее долгого взгляда, от самого себя, все не решаясь сказать...

Не решаясь... но почему? Я ведь решился еще раньше; тогда, когда посмел вернуться в Торлисс, нарушив данное когда-то себе слово. Потому что больше жить так, не считая дней, не зная, сколько прошло недель, месяцев и лет, — не мог.

И позже, когда Корин предложил эту глупую авантюру, разве не потому я согласился, что хотел вновь найти свой Путь? Вновь обрести себя?

...И разве сейчас, когда я резко сменил маршрут, не спросив других, не слушая ничего, кроме *Ее* воли и долга, я уже не принял свою судьбу? Разве я вновь не встал на путь сказителя?

Так отчего сейчас я не могу произнести это вслух? Почему я боюсь признать свой выбор, который уже сделан? Потому что тогда мосты будут сожжены? И бездорожье, луговое разнотравье и перекрестье дорог навсегда исчезнут, слившись в один-единственный путь?

Но разве они не сожжены? И разве не этого я хочу?

И я сказал, отрезая путь назад, обращая его в ничто:

— Скажи, что пришел сказитель.

Миринэ не ответила. Только зашелестели, как волны, бушующие в шторм, складки скользящего по мрамору подола, и drobный перезвон каблуков отмерил каждый ее легкий шаг.

Я шел, чуть приотстав, чтобы не наступить на стелющиеся передо мной пенно-белые и синие с лазурными переливами ткани ее платья. Коридор, невольно ставший местом нашей встречи, заканчивался высокими двустворчатыми дверями. Миринэ толкнула их, совсем легко — и они распахнулись.

...И все утонуло в льющемся из Зала Совета свете.

— Ах, какой дивный вечер, — мурлыкнула Айори, щуря золотые кошачьи глаза. Рыжие, собранные в сложную прическу локоны вспыхивали в лучах закатного солнца, точно пламя. По тяжелым украшениям и капелькам янтаря, медовой росой осевшим на лифе, пробегали искорки в такт ее дыханию и безупречно выверенным движениям. Парча, шелк, кружево — и золото. Золото в тяжелых серьгах, в вышивке, гладью легшей на платье, в пенном кружеве рукавов и подола... Ослепительная, невозможно-прекрасная, леди-правительница была словно соткана из света этого дня. Золото и янтарь — вот ее облик на сегодняшнем бале.

— Не правда ли, дорогая?

Иришь отвернулась от вычурно отделанного окна. Она любила вечера, приходящие на улицы Арьеннеса, утопающие в сонной дреме роз и азалий, с первыми закатными лучами. Любила так же сильно, как и сам Арьеннес — зыбкий и призрачный, точно сотканный из звонких лучей зари. В нем не было отточенной веками стройности и легкости Эпохи Расцвета. Напротив: робость и неуверенность, с которой пробиваются еще не цветы даже, а тонкие нити травинки; с которой первые лепестки роз раскрываются навстречу солнечному утру, когда миновали уже морозы, и мир обещает только радость и не замутненное ничем счастье.

Но сегодня все было не так. Широкие улицы Арьеннеса, «Первой розы», заполнили кареты — точь-в-точь как та, в которой ехали они. Хрустальная ясность и легкость вечера рассыпалась под гнетом пустой суеты, гомона, поскрипывания колес и лошадиного ржания. Слишком оживленно; слишком много голосов и людей.

Всего — слишком.

Иришь поморщилась. Раздражение, охватившее ее на выезде из любимого, а сейчас почти ненавидимого города, стало пробиваться первыми уколами мигрени.

— Дивный, — согласилась Иришь, ответив матушке одной из самых своих очаровательных улыбок. Спорить с ней было совершенно бесполезно. — Как жаль, что отец и мои милые братья не смогли присоединиться к нам.

— Увы, милая, слишком много хлопот. Одному твоему отцу никак не справиться, — с сожалением проговорила Айори, отворачиваясь к распахнутому окну. С тихим щелчком распахнулся и затрепетал ажурный веер — кружево золотых нитей с капельками янтаря. — Здесь ужасно душно!

«Душно, — мысленно фыркнула Иришь. — Еще бы! Столько гостей!»

Ей, впрочем, душно не было. Теплый воздух последнего дня месяца Поющей воды, прогретый совсем уже весенним солнцем, Иришь нравился, в отличие от вида, открывающегося из окна. Крыши, крыши, только крыши сотен карет и экипажей, лоскутным одеялом устлавшим дорогу к Faerie Nebulis — что может быть скучнее!

Почему-то вдруг вспомнилось, как она впервые въезжала в Арьеннес. Улыбка, уже настоящая, расцвела на ее лице. Ах, как это было давно! В тот раз Иришь упростила отца позволить ей ехать не в душной, ужасно скучной карете, а верхом. И пусть даже в дамском седле и расшитом жемчугом платье она не могла мчаться наравне с братьями, но эту свободу, пьянящую и радостную, так не похожую на обычную придворную скуку, помнила до сих пор. Помнила, потому что еще долго не могла вырваться на волю — да и вырвалась ли сейчас?

Матушка, узнав об этом пустяковом случае, была вне себя. Дочь лорда-правителя въезжает в Арьеннес не в крытой карете, а в седле! Возмутительно! Даже спустя столько лет Иришь помнила каждое произнесенное матерью слово, каждый преисполненный негодования взгляд. И даже спустя столько лет отчаянно хотела не походить на первую леди, а по-детски кривляться и передразнивать ее невыносимо правильный голос.

Его — голос — она, впрочем, получила не от матери. Звонкое сопрано Иришь не могло соперничать с ее глубоким, волнующим альтом.

...зато пела Иришь не в пример лучше.

— ...приветствовать гостей, — закончила матушка. Иришь, слишком задумавшаяся и потому пропустившая ее фразу, напряженно улыбнулась. И, вынужденная участвовать в беседе, сказала первое, что пришло в голову:

— Лорд Эрелайн принял наше приглашение?

Обманчивая скука, укрывающая леди-правительницу, слетела вмиг. С сухим щелчком сложив веер, она отвернулась от окна и перевела на Иришь неожиданно тяжелый взгляд.

— Лорд Эрелайн почтит нас своим высоким присутствием, — чеканя каждое слово, ответила она. И спросила — жестко, резко; так, что нельзя было промолчать: — Чем вызван твой интерес, позволь узнать?

— Только лишь женским любопытством, — легко нашлась Иришь и светло улыбнулась. На зависть матушке — по-настоящему.

Не найдя в ее глазах и тени лукавства, леди Айори отвела взгляд. По тому, как ее пальцы отбивали по сложенному вееру нервный, злой ритм, можно было понять, что ответом она недовольна.

В конце концов, она нарушила молчание ровным:

— Ты не забыла бальную книжку?

— Конечно, нет. Но разве я не должна буду танцевать с моим любезным женихом? — чуть менее сдержанно, чем хотела, спросила Иришь. И недовольно поджала губы, злясь на себя: она давно зареклась выказывать матери свои истинные чувства.

Балы Иришь, в отличие от светских приемов, любила — по той простой причине, что на балах можно было танцевать. Ей было все равно, с кем: лишь бы партнер не портил безупречное кружево танца, которое она плела, повинаясь переливам музыки; отдаваясь им без остатка. Мелодия вела Иришь к свету, в переплетение эфирных ветров, и выводила с последним туше, с последним аккордом — уставшую, измученную, но невыразимо счастливую.

...Впрочем, танец быстро заканчивался, и приходило время светских разговоров, полных лжи и обманов; время переглядываний, перешептываний, кокетливых взмахов вееров, шлюющих послания врагам ли, поклонникам ли. Время интриг, заговоров и игр с судьбой. Время, совершенно ей неинтересное.

Иришь откровенно скучала, слушая звонкоголосые щебет завсегдатаев балов и приемов. А обсуждать новую оперу, идущую на подмостках театров Лазурной Гавани, изумительный этюд, написанный Жюстиной Ллайре, или новую работу по эстетике ja'rinti ей было решительно не с кем. Это вызывало у девушки искреннее недоумение: неужели во всех Зеленых Холмах нет никого, кто разделял бы ее любовь к искусству и его долгой истории?

Даже нет, не так: неужели во всех Холмах нет никого, кто бы интересовался чем-то большим, нежели светские сплетни и подлости? Да, именно подлостями, бессмысленными и бесцельными. Потому что для настоящих интриг — как для любых настоящих, подлинно

великих дел — нужны смелость и страсть, которой светские леди и лорды были лишены и никогда не имели.

— Должна. Но не думаю, что он будет танцевать с тобой весь вечер. Кстати, надеюсь, лорд танцует? — спохватилась матушка, вдруг сообразив, что эта маленькая деталь могла перечеркнуть все ее планы.

Вопрос застал Иришь врасплох. Леди посещала, конечно, не каждый бал сезона, но большинство. Своего зачатого жениха она видела лишь изредка и сейчас совершенно не могла вспомнить, танцевал ли он на них.

— Я не знаю, матушка. Эрелайн редко посещает балы и званые вечера. Впрочем, как и все лорды.

— Верно, — нахмурившись, согласилась Айори. И задумчиво, обращаясь скорее к себе, добавила: — Твой отец тоже почти не бывает на балах. А лорд Эрелайн и вовсе не собирался почтить нас своим присутствием... во всяком случае, в качестве гостя.

— Гостя? — рассеянно переспросила Иришь, с тоской провожая тающий в закатных лучах Арьеннес. Город оставался позади, отдаляясь все дальше и дальше. Еще немного — и вовсе скроется за причудливым изгибом дороги.

Уже недолго.

— Лорд дома Пляшущих теней несет на себя бремя хранителя и оберегает нас. Ты позабыла?

— Ах, ты об этом, — нахмурилась Иришь, отводя взгляд от лазурной выси. — Позабыла. Если это так, то как он появится на Беллетайне?

— Именно поэтому я и говорю, что лорд вряд ли позволит себе развлекать тебя весь вечер.

Иришь не смогла сдержать нервный смешок: так презабавно прозвучали эти слова. Вечно сумрачный, сдержанный, пребывающий в собственных мыслях лорд Эрелайн, лишь изредка позволяющий себе улыбку, меньше всего походил на легкомысленного повесу, готового развлекать свою даму весь вечер.

— Что ты смеешься, Иришь?

— Ничего, матушка, — девушка спрятала улыбку за распахнутым веером — почти сразу, впрочем, взяв себя в руки. На лицо вернулась привычная маска скучающего безразличия.

— О, я, кажется, вижу сквозь кроны белоснежный силуэт Faerie Nebulis! — обрадовалась Айори. И, нетерпеливо привстав и выглянув в окно, воскликнула: — Наконец-то!

— Тебе же нравился вечер, — напомнили Иришь, не удержавшись от укола иронии. — К чему спешить?

«Наконец-то». Слово оседало на языке полынной горечью, необъяснимой, но тяжелой... Как горечь предчувствия.

* * *

— Вы довольны осмотром, мой лорд? — осведомилась Сэйна, непривычная в черном бальном платье. Простое и изящное, оно необыкновенно шло ей, но едва ли подходило для встречи светлой половины года. Плечи, укутанные в горжетку из шкуры снежных котов, волосы, распущенные вопреки столичной моде, рассыпались нитями лунного серебра...

Среди цветущей, пьянящей весны и искристого смеха Сэйна казалась заблудшей тенью уходящей зимы.

Леди Висения, которой он опрометчиво поручил помочь его личным стражами со сборами на Беллейтан, спорила с Сэйной до хрипоты, но переубедить не смогла.

«Опрометчиво» — потому что женщины друг друга терпеть не могли. Эрелайн готов был поклясться, что Сэйне безразлично, в чем появиться на балу, но уступать противнице она не желала. Вспомнил же он об их молчаливой вражде тогда, когда отменять распоряжения и спешно менять планы было уже слишком поздно, и теперь пожинал плоды своей непредусмотрительности.

— Осмотром — да, — подчеркнув первое слово и выразительно взглянув на нее, подтвердил Эрелайн. — Передайте Рейгену мое одобрение.

Сэйна склонила голову, принимая приказ. И, присев в изящном реверансе, затерялась среди обряженных в одинаковые черные мундиры стражников. Ее тонкий, обманчиво-хрупкий стан еще долго мелькал среди охраны.

Черная ворона в пестрой воробьиной стае...

— Лорд Эрелайн!

Тихий оклик потонул в легком дыхании ветра. Эрелайн вскинул голову, ища обладательницу столь знакомого голоса.

— Повелитель! — воскликнула Висения, стоя на беломраморной террасе и оперившись о балюстраду. Подходить к нему по траве она не рискнула. — Вы закончили? Леди Ириенн прибыла пару минут назад. Вы должны встретить ее и выказать свое почтение.

— Уже? — тень неудовольствия пробежала по лицу Эрелайна. — Нет, Висения, исключено. Я не закончил осмотр. Думаю, столь уважительная причина извинит меня перед леди.

— Смею напомнить, мой лорд, что стражники стоят на этих самых позициях уже полтора часа, не смея сделать ни шагу. Вы обошли их уже три раза и теперь всерьез говорите, что нужен четвертый? Вам никак нельзя опаздывать! Вы с леди Ириенн открываете бал.

— Бал! Именно что! До первых танцев еще получаса, не меньше. Вы действительно полагаете мое присутствие необходимым?

— Вы — лорд дома Пляшущих теней, хранитель Сумеречного перевала и сумеречных дорог. Вы — второе лицо после лорда-правителя. Как вы думаете, можете ли вы приветствовать его и его семью в числе последних гостей?

Эрелайн вздохнул, тоскливо глядя на белокаменное здание. Окна во всю стену, скульптуры и барельефы тончайшей работы... Круг Фаз — так в шутку, подражая людским преданиям, называли aelvis дворец, построенный для великих балов, летнего и зимнего, Беллетайна и Самхейна.

— Простите мне подобную дерзость, но... вы действительно заботитесь о безопасности наших высочайших гостей — или хотите отсрочить неизбежное?

— Ну, вот и настал миг, когда ваша проницательность, наконец, сыграла против меня! — Эрелайн обезоруживающе улыбнулся. — Вас невозможно обмануть.

— Это просто вы не стараетесь лгать, — улыбнулась она, принимая поданную руку. Дальше, сквозь тихую песнь вечера и аромат диких роз, они пошли вместе.

— Надеюсь, мне не придется танцевать с моей нареченной весь вечер.

— Леди Ириенн, говорят, танцует, как fae. Грация, изящество, страсть... нет такого

танца, который бы ей не покорился. Она обожает балы.

— В таком случае было бы вдвойне печально портить ей удовольствие от этого вечера, — улыбнулся Эрелайн. — Я отвратительно танцую.

Тихий смех Висении всколыхнул хрустальную ясность вечера.

— Право слово, мой лорд, у вас чудесное чувство юмора! Хотела бы я посмотреть на aelvis, который не чувствует музыку! Да и видя, как вы фехтуете, вряд ли кто-то допустит мысль, что вы не умеете танцевать.

— Увы, леди, но это так.

— Рассказывайте это Шенне и светским дамам! Если вы не забыли, на одном из Самхейнских балов я танцевала с вами три раза кряду! И уж точно знаю, что танцуете вы прекрасно. Ах, сколько же лет назад это было? Три? Пять?..

— Семь, — фыркнул Эрелайн. — Три раза с вами и один — с Алишей. Спасибо, что выручили меня на белом танце! Иначе, боюсь, без пострадавших бы не обошлось.

— Вы о себе или о ваших поклонницах? — серьезно спросила Висения, но в ее золотых глазах плясали искорки смеха.

— Вообще-то я говорил о поклонницах, но после вашего вопроса крепко призадумался и уже не столь в этом уверен, — нарочито серьезно поправил ее он и беспомощно развел руками. Висения рассмеялась: заразительно и удивительно мелодично.

Белокаменные стены оборвались высокими распахнутыми дверьми.

Они вошли в бальную залу — и Эрелайн сощурился, едва не ослепнув от льющегося отовсюду света. Он дрожал в зеркалах, дробился мириадами бликов в драгоценных камнях, рассыпался ослепительными искорками по мрамору пола и стен, по дорогому шитью платьев и изысканным украшениям.

— Пора заканчивать разговор, — нахмурилась Висения, раскрыв веер — зелено-золотой, как ее колдовские глаза.

— Пора. Но кроме шуток, леди! Ответьте: должен ли я провести весь вечер с моей невестой? Я не силен в бальном этикете, простите мне невежество.

— Вы должны ей один-единственный танец, мой лорд. А там — сколько сами захотите! — ее легкий смех перезвоном прокатился по зале и ушел ввысь, разбившись о тонущий в свете свод. — Уверяю вас, нашей прекрасной принцессе не дадут заскучать. Желающих выказать почтение всегда много.

— Мое почтение, леди!

— Мое почтение!

Висения присела в элегантном реверансе и почти сразу — с кем-то зашебетав, кому-то улыбнувшись — растворилась в золотом великолепии бала.

Гости и гости, леди и лорды, aelvis со всех концов Зеленых Холмов... Когда-то, в прежние времена, среди них кружили fae — озорные, смешливые, капризные духи лесов, полей, лугов и озер. Порой в круг танцующих вступали и смертные, осмелившиеся нарушить давний запрет — и навсегда покидали мир людей. На исходе наполненной хмельным волшебством и искристой радостью ночи, как только ее небо начинало светлеть и заниматься зарей, наваждение Беллетайна рассеивалось, и смертные становились причудливыми тенями; наваждениями, расцвеченным перламутром. Редкие счастливчики, говорят, обретали бессмертие, и в следующую Ночь шагали в круг танцующих уже как aelvis... Но в это Эрелайн совсем не верил.

Венценосное семейство встречало гостей стоя на последних ступенях беломраморной

лестницы, щедро раздаривая улыбки, благоволения и обещания.

Лорд Этвор — высокий, статный, с мальчишеской улыбкой и смеющимися глазами. В отличие от него самого, выходящего в свет лишь изредка и чувствующего себя нервно, непривычно, лорд-правитель держался легко и свободно. В движениях, в улыбке, в смешливом прищуре глаз — естественность и непринужденность. Ему не нужен был меч, чтобы отстоять правоту: слово в его руках стало острее стали. Лучший дипломат из всех, кого знал Эрелайн, лорд-правитель смог усмирить вражду — и удержать Холмы в единстве.

Рядом, по правую руку — леди-правительница, Айори из дома Шепчущих с пламенем. Златоглазая, златоволосая, вся словно сотканная из света и отблесков пламени. Чарующая улыбка, ослепительная красота, безупречный вкус. И глаза — сияющие, будто бы искренние... Будто бы.

...Леди Айори, как и ее супруг, была из тех, кто рожден, чтобы править: мастерски плетущей вязь интриг, рассыпающей улыбки и дарящей покровительство невесомым взмахом ресниц, надломом бровей, нежным изгибом губ.

Сыновья стояли по обеим сторонам от них. Оба златоглазые, с волосами цвета гречишного меда, в черных, расшитых золотом сюртуках братья одинаково походили на мать — и удивительно не походили друг на друга.

Высокий, с сурово поджатыми губами, давящим взглядом и привычно опущенной на эфес меча рукой, наследник, Роальд. С ним Эрелайн имел пару деловых бесед и едва ли был доволен их результатом: старший сын правителя не унаследовал ни склонности к интригам матери, ни умения добиваться компромиссов — отца. Роальд стоял на своем до последнего, отказываясь идти на уступки и признавать правоту кого-либо, кроме себя.

О младшем же, Даррене, Эрелайн только слышал и, увидев, проникнулся необъяснимой симпатией: младшему сыну лорда-правителя хотелось верить. Его светлые глаза лучились добротой и теплом. Таких правителей превозносят — и презирают, не ядом, так кинжалом свергая с престола.

Роальд раздавал приказы, Даррен — улыбки и приветствия. Роальд не желая подать руку, приветствуя, и поддержать разговор, Даррен распахивал объятия навстречу друзьям и приглашал погостить в Изломе Полночи.

Кто из них прав?

Никто. Оба ошибаются.

Первый — в том, что ставит себя выше подданных, чурается подать им руку, разделить кусок хлеба и кубок вина. Второй — в том, что верит, будто одни его искренность и доброжелательность помогут удержать власть. И оба не смогут увидеть сплетающуюся паутину заговора. Потому что подданные не прощают слабости. И неважно, что стало ее причиной.

— Эрелайн вьер Шаньер, владыка теней, лорд дома Пляшущих теней, хранитель Сумеречного перевала и сумеречных дорог!..

Эрелайн шел к ним, чеканя шаг, и толпа расходилась перед ним двумя схлестнувшимися волнами, опадая поспешными, но безукоризненными реверансами и поклонами.

...И когда герольд в трубном реве, выкрикнул его имя, опустился на одно колено — перед верховным правителем Холмов... и перед ней.

— Приветствую Вас, мой лорд.

Четкие, решительные, безупречно-искренне выговоренные слова. Безупречная статья, безупречный шаг. Верность, почтение...

И холод безразличия, который выглядит как сдержанность.

— Право, лорд Эрелайн, не стоило! — с почти что приятельской улыбкой воскликнул лорд-правитель. — Встаньте! Приветствую Вас в Круге Фаэ, на Цветочном балу в ночь Беллетайна!

— Лорды Роальд, Даррен, мое почтение. Почтение и Вам, леди-правительница.

Улыбка — сдержанная, но как будто бы теплая. Словно ему не все равно.

— Как жаль, что судьба так редко сводит нас. Несравненное удовольствие — лицезреть вашу сиятельную красоту и греться в ее лучах.

— Ах, позвольте! — смех, столь же безупречно-мелодичный, как лучшие мелодии эпохи Заката: совершенные... и пустые. — Вы льстите мне, лорд!

Лесть, шутки, недомолвки и клятвы, давно потерявшие свое значение.

— И почтение Вам, моя леди.

...перед ней — небесно-лазурной, сотканной из ледяных северных ветров. Осколки льда — взгляд, шелк волос — черный край ночи...

Ириенн вьер Лиин. Единственная из детей лорда-правителя Холмов, пошедшая лицом в отца. Но только лицом.

«Принцесса» была столь же молчалива, как и ее старший брат, наследующий титул лорда-правителя. Она не выносила высокосветского общества, редко посещала приемы, распугивая охочих до внимания венценосной особы характером и тяжелым, пронзительным взглядом. Но ее высокомерность и кажущееся презрение происходили не из гордыни, а из одиночества.

— Приветствую вас, мой лорд.

Голос — холодный, сдержанный, но дрожащий от напряжения. Словно кромка льда, сковывающая в лютые зимы бушующую бездну моря.

Реверанс, четко выверенный, до наклона головы и положения рук, бесконечно изящный. Древняя кровь.

Она выпрямилась — и полыхнула ледяной синевой взгляда, до того прятанной за вуалью теней. «Глупая! Кому и что ты пытаешься доказать, смотря мне в глаза?»

Такая же, какой он ее помнил. Непривычно искренняя, отрицающая лицемерие и ложь. Не носящая маски сама — и срывающая их с других.

...Младше его всего на двенадцать лет, а кажется — на целую жизнь.

Хмурая, решительная, принципиальная. В изломе бровей и жгущем холодом взгляде так и читается: «Нет». Знающая, что долго этот спектакль не продлится.

Поэтому он искренен.

Эрелайн выпрямился и, дождавшись короткого кивка лорда Этвора, шагнул в сторону, уступая место прочим желающим засвидетельствовать свою преданность лорду-правителю.

От назойливых взглядов, жгущих спину, было не укрыться, и это вызывало у Эрелайна глухое раздражение. Улыбки, которые он раздаривал тем из гостей, кто решился заговорить с ним, становились все сдержаннее, любезности — насмешливее и злее, но едва ли высший свет замечал его недовольство за безукоризненной вежливостью фраз. Уверенные в собственном превосходстве и безупречным владением искусством лести и недомолвок, лорды и леди видели только то, что хотели видеть: его благосклонность. Порою кто-нибудь из них начинал разговор, исполненный завуалированных полунамеков и просьб, но Эрелайн легко уходил от него, извиняясь необходимостью следить за тем, чтобы ничто не нарушило ход Беллетайна.

Вновь проревели трубы, скрипки пронзили сотканный из света воздух, тонкая песнь флейты вплелась в канву мироздания и хорошо поставленный голос Этвора заглушил шепотки и смешки высоких гостей.

— Друзья мои! — воскликнул он, обводя торжествующим взглядом волнующийся зал. — Беллетайн начался!

...Пытка оборвалась — но лишь чтобы смениться другой, еще более невыносимой.

* * *

Иришь закрыла глаза и только сейчас, когда он откланялся, осмелилась выдохнуть: тихо, робко, едва заметно, чтобы ни в коем случае не выдать сковывающего ее беспокойства. Пальцы, сжимающие сложенный веер, едва заметно подрагивали.

«Спокойствие!» — приказала она себе, но руки ее не слушались, и веер едва не выскользнул из них. Иришь похолодела, представив, как глупо бы выглядела, если бы выронила его у всех на глазах. О, ее недоброжелательницы были бы в восторге!

Захлестнувшая злость придала сил и успокоила, вымывая сомнения и предательскую слабость из тела.

Злость сначала на сплетниц, а затем на себя. Запоздалая и бессмысленная.

«Зачем, зачем ты смотрела ему в глаза?! — кляла себя она, еще сильнее сжимая пальцы. — Кому и что ты хотела доказать? Что за детское упрямство!»

Но это была ложь. Она знала, что не упрямство и не желание поступать наперекор всем заставляло раза за разом выносить бездну его взгляда.

Не упрямство, а любопытство. И от этого было страшнее.

Его взгляд зачаровывал сокрытой в нем тайной, загадкой. И она, глупая, раз за разом переживает и будет переживать эту чудовищную пытку — сама, по собственному желанию, доброй воле! — пока не найдет ответ.

...Что там, за изломом полуночи, за черными самхейнскими тенями, клубящимися на дне зрачков? За бархатом ночи, за темной бездной, куда не проникает даже свет? Она не знает.

«Плата за любопытство — бессмертие», — шепчут старинные сказки... И сейчас Иришь как никогда понимала их — но ничего не могла с собой поделать.

«Плата — бессмертие»... Готова ли она заплатить?

И если нет, то почему так боится ответа на этот простой вопрос?

Иришь приветливо, но несколько вымученно улыбнулась двоюродной кузине и ее дочери, кивнула последним, чуть запоздавшим гостям и замерла, на миг позабыв о том, что нужно дышать. Грянула музыка, перекрывая чистый голос отца, возвестившего о Беллетайне.

Пора открывать бал.

Сердце ухнуло вниз, но тут же забилось вновь, быстро-быстро. Иришь глубоко вдохнула, словно перед прыжком в омут — и шагнула вниз.

...Эрелайн — как всегда безупречный, безукоризненный и безразличный — шел ей навстречу. Их разделяло всего ничего: каких-то десять шагов.

Десять шагов, которые отделяют ее от падения.

Она, не поднимая на него глаз, присела в глубоком реверансе. Он склонился в поклоне. Изящество и безупречность, весна и зима.

Эрелайн подал ей руку — такую же холодную, как его взгляд. Мгновение поколебавшись, она вложила в его ладонь свою, чувствую, как ее обнимает уже не кружево митенок, а кружево инея...

Вторая рука лорда легла на ее талию. Не грубо, не нежно — сдержанно и безразлично. И от его удивительно тонких, но сильных пальцев, расползается жестокий и злой холод.

...Оркестр — невидимый, укрытый на бельэтаже — взял первую волнующую ноту, разбив наваждение. Иришь глубоко вдохнула, делая вид, что не замечает предательской дрожи. Закрыла глаза, отгораживаясь, укрываясь от тяжелого взгляда Эрелайна сотнями обнаженных ресниц-лезвий, — и вместо бальной залы Круга Фаэ перед ней восстал из эфирных струн и мелодий ее класс танцев.

Матушка у фортепиано, перед ней, рука об руку — брат. Младший из двух. Роальд не выносит танцев.

...И когда вновь взвились скрипки и альты, когда тонкая мелодия фортепиано всколыхнула заколотые волосы, взметнула подол платья и влилась во вздымающуюся грудь, она была уже не здесь — и танцевала не с ним. А по сладко шепчущему, отзывающемуся на каждый шаг, паркету кружилась не зимняя безжалостная стужа — весенний вихрь.

Музыка для этого танца — вовсе не гулкое завывание труб, не тонкие вскрики струнных, а звонкая песня капли, веселый щебет птиц и тихое цветение первых, робких еще цветов. Арфа и флейта, свет и жизнь, радость и тепло. Созидание, воплощение, возрождение и вечный круговорот против смерти и тьмы, воя волчьих стай и злого лунного света...

Это был ее танец, только ее. Не танец даже — всплеск чувств, заключенный в одно мгновение.

...Музыка стихла, кажется, почти сразу — и почти никогда. Иришь замерла в изящном па, плавно выпрямилась и приняла благодарность за танец: тихое разлившееся в воздухе молчание. Восхищение, уважение, признание... Ее признание.

Иришь сделала шаг назад, к лестнице. Окинула гостей полускрытым в ресницах взглядом — загадочным, непонятным — и присела в реверансе, благодаря за внимание.

...И, развернувшись на носках, едва не столкнулась с оказавшейся неожиданно близко матушкой.

— Дивный танец! — мурлыкнула она, жеманно и сладко щуря янтарные глаза. — Как, впрочем, и всегда. Надо думать, это не заслуга твоего партнера?

— Танец — это искусство, — ледяным тоном отчеканила Иришь. — Как художник рисует палитрами и кистью, так я сплетаю из своей страсти кружево танца. Ты права. Заслуги нет. Никакой, — и, не меняя голоса, чтобы мать не заметила проскользнувших заинтересованных ноток, спросила — впервые за все время: — Как тебе мой будущий супруг?

— Сдержанный, безразличный, холодный, бесстрастный, — скучающим тоном перечислила Айори, передернув плечами. — Или, скорее, пытающийся казаться таковым. Ничего примечательного.

Иришь замерла, напряженно стиснув пальцы.

— А взгляд? Ты видела его взгляд?

— Видела. Тяжелый и темный, очень темный. Но и только.

«Не лжет, — подумала Иришь, стараясь не выказать охватившего ее удивления, — и неожиданно все поняла.

Мать смотрела, но не видела, замечая только то, что ожидала увидеть. А Иришь

пытливо, мучительно, терзая саму себя, вглядывалась в бесконечное море, в тьму, плещущую на дне его глаз — и тонула в ней.

«Она никогда не поймет. Никогда».

Как Иришь никогда не перестанет вглядываться в бездну...

— Пойдем! — неожиданно сказала Айори, взяв ее за руку. — Думаю, сейчас самое подходящее время для разговора.

— Чьего разговора? — нахмурилась Иришь, упершись.

— Вашего! — нетерпеливо подстегнула она, потянув упирающуюся Иришь за собой. — Я хотела, чтобы вы переговорили еще на приеме, но тогда тебе нездоровилось, и времени совсем не осталось. Ну же! Уже почти полночь!

— Какие разговоры на балу? — упрямылась Иришь, чувствуя, как тонкие мамины пальцы впиваются в ее запястье, врезаясь в белый атлас кожи, оставляя на нем темные цветы синяков... — Шум, голоса, музыка...

— Для этого вокруг разбит парк. Идем! — не терпящим возражения голосом оборвала ее леди-правительница.

* * *

Эрелайн пытался отыскать среди пенного кружев, шелеста шелка и роскошного блеска парчи зелено-золотое и черное платье, но тщетно: ни Висении, ни Сэйны не было видно.

«Я же говорил держаться рядом со мной!» — скрипнул зубами Эрелайн.

Да. Рядом и «держась незаметно». Изумительно противоречивые приказы! Нет, вокруг вьется так много девушек, что Сэйне ничего не стоило среди них затеряться...

«Не стоило бы, — с мрачным удовольствием повторил он. — Если бы она надела не такое заметное платье!»

Злость поднималась в груди. Было решительно нечего делать... вернее, как раз-таки было, что, но не здесь! До момента, когда он в праве будет покинуть зал, не оскорбив никого своим ранним уходом, оставалось не меньше получаса, и все, что он мог сейчас — ждать, высматривая затерявшихся среди всплесков кружев и искристых брызг смеха гостей.

Смех, всюду смех: сухой и игристый, точно вино Лазурной Гавани; хрустально-звонкий, как переливы серебряных колокольчиков; глубокий и пьянящий низкой альтовой нотой... Смех шел за ним неотступно, неотрывно, шаг в шаг... Его звали, что-то говорили, и Эрелайн, кажется, даже отвечал, улыбаясь, порою отшучиваясь, но не замечал этого. Перед глазами мелькали огни, сотни и тысячи огней канделябров, акварельные росчерки платьев — золото, лазурь, пурпур, индиго, бордо, серебро... Он закрыл глаза, лишь бы не видеть их, лишь бы оказаться не здесь, — но отблески великолепия бала по-прежнему стояли перед глазами, а щебет и смех грянули с новой силой.

— ...Айн!

Пальцы, сжимающие непонятно когда подхваченный с подноса бокал игристого вина, едва не разжались. Время замерло вместе с ним — и жемчужной нитью, нежным флером воспоминаний протянулось из прошлого...

Одно единственное слово перевернуло, изменило все, оставив его в растерянности и неверии.

Слово — и голос, почти что забытый.

...Эрелайн оборачивался медленно, как во сне, слишком боясь понять, что ослышался, обманулся.

Она обняла его, обвив тонкими руками шею. Чтобы почти сразу отстраниться и заглянуть ему в лицо, изучая уже почти истершиеся из памяти черты...

— Прощу прощения, леди Алишия, но этикет предписывает другую манеру приветствия.

Голос — ровный, холодно-отстраненный, лишенный чувств. На лице застыло выражение сдержанного неприятия. Уловить его шуточный тон за маской серьезности было бы совершенно невозможно, если бы не пляшущие глазах смешинки.

Задорная улыбка вспыхнула во взгляде Алишии, на мгновение пробежала по контуру четко очерченных губ — и тут же погасла, спрятавшись за вуалью полуопущенных ресниц.

Она деланно смутилась и поспешно, подыгрывая ему, присела в глубоком реверансе.

— Приветствую Вас, мой лорд.

На «лорде» голос Алишии стал особенно лукавым. Едва удерживаясь от улыбки, которая бы безнадежно испортила затеянную ими игру, Эрелайн склонился в ответном поклоне:

— Приветствую Вас, моя леди.

— Ах, как вы любезны! — леди не выдержала и звонко рассмеялась, вновь обняв его — еще крепче, чем прежде.

— Ну, леди! Задушите же! — со смешком улыбнулся Эрелайн, впрочем, и не думая отстраниться. Напротив: бережно, тепло ее обнял.

— Какая еще «леди»? — прелестные черты аелвис подернула зыбкая дымка обиды. — Не «леди», а «тетушка»! И, хотелось бы верить, — любимая!

— Даже не сомневайся, — улыбнулся он — легко, беззаботно, но эта обманчивая легкость не смогла обмануть Алишию.

— Непохоже, — она чуть отодвинулась, не разжимая объятий, и подняла на него долгий взгляд, миг отбросив дурашливость и став серьезной. — Ты выглядишь так, будто бы увидел приведение.

«Почти», — горько и немного насмешливо подумал он.

Алишия поняла без слов.

— Мы так давно не виделись... Прости. Я никак не могла оставить...

— Я знаю, — оборвал он ее. — Знаю и не осуждаю.

— Твой взгляд делает это за тебя, — голос — иронично шуточный, но в взгляде только печаль.

«Что случилось?» — тихо, едва различимо. Легчайшее колебание воздуха; шепот на грани сознания, который невозможно подслушать.

«Я слишком отвык от этого... имени».

Губы искривились в болезненной, бесконечно усталой улыбке.

— Я скучал, — коротко сказал Эрелайн, вкладывая в скупые слова ту бездну чувств, мыслей, которые испытывал, терзаемый одиночеством — но о которых не мог сказать сейчас.

«Я не должна была оставлять тебя одного».

«Я не один».

Ровно, безразлично, сдержанно... как всегда.

Теперь ее черед улыбаться так: горько, через силу, с сожалением.

«Я бы поверила, но... твои глаза лгут».

Усмешка. Да, лгут... но как сказать правду?

Она отводит взгляд — виноватый, прячущийся за тенью ресниц.

— Я тоже. Но я не могу...

«Ты не должна тратить свою жизнь на меня. Я этого не достоин... и ты уже сделала для меня слишком многое».

«Прекрати! — злое, раздраженное. — Ты же знаешь, что не прав! И это — мой долг. Кроме меня у тебя никого нет».

«Меня и самого — нет. И скоро не будет совсем».

За фальшивой усмешкой — горечь обреченности, бессмысленности.

«Не смей так говорить!»

Взгляд — потемневший, полыхнувший злостью.

«Не смей говорить — что? Правду?»

— Вот вы где, лорд Эрлайн! — голос, неожиданный и нежеланный, разбил хрустальную тишину притихшего зала. Узкая, изящная ладошка Алишии, уже готовая взвиться в хлесткой пощечине, замерла, так и не шелохнувшись.

— Мое почтение, леди Алишия. Вы не были у нас, кажется, третий год? — продолжил лорд-правитель, подходя на расстояние рукопожатия, и улыбнулся.

— Пятый, — резко, четко выговаривая каждый звук, сказала Алишия. И обернулась — не порывисто, не медленно, а сдержанно и спокойно, будто происходящее ее ничуть не беспокоило. Только взгляд, серо-зеленый, точно надломленная кромка весеннего льда, теперь обжигал затаившимся в нем холодом.

Напряжение повисло в воздухе звенящей, натянутой до предела нитью.

— Это редкое удовольствие — видеть владык теней с нами, — попытался сгладить резкость лорд Этвор. Обычно это выходило у него с легкостью, которая сопутствует настоящему таланту... но не сейчас. Все его попытки разбились о ее взгляд.

— Редкое, — с удовольствием повторила Алишия, смакуя вдруг обретшее новые смыслы слово. — Действительно редкое. Как никак, нас осталось всего двое. Что ж... мы рады принести вам удовольствие.

Ее красивые, мягко очерченные губы расплылись в миловидной улыбке. Только вот взгляд не потеплел, оставшись таким же колко-холодным.

Лорд-правитель изменился в лице, слишком поздно поняв, как двусмысленно прозвучали его слова. И, склонив голову, тихо произнес:

— Прошу прощения, леди. Я сказал, не подумав, как это может прозвучать...

— Спасибо, но я не приму ваших извинений.

— Что вы себе позволяете? — приятный и глубокий алыт впелся в мелодию разговора тревожной, вздорной нотой. — Не забывайте, с кем вы говорите!

Эрлайн повернулся на звук голоса и неприязненно поджал губы.

Угадал. Впрочем, кому еще мог принадлежать этот глубокий, пробирающий голос — и кто, кроме нее, может владеть им в совершенстве?

Леди-правительница неторопливо приближалась к ним, уцепившись тоненькими пальцами за локоток леди Ириенн. Эрлайн нахмурился, не имея ни малейшего представления, что им может быть нужно, и крайне этим недовольный.

— Душа моя, они... — терпеливо начал лорд Этвор, не желая ссоры, но тщетно: его непослушный алыт собирался вести иную мелодию.

— Лорд Этвор — верховный правитель Холмов. Вы не имеете права говорить с ним в подобном тоне, — отчеканила Айори. Голос то набирал силу, то опадал, становился глуше и

звонче. Она играла им легко и свободно, как играют на любимом, давно изученном до последнего оттенка звучания инструменте.

Властность. Сила. Право приказывать и повелевать. Негодование. Презрение. Требование извинений... как много всего можно уместить в одну короткую фразу.

Алишия улыбнулась, светло и безмятежно, ничуть не впечатленная ее речью, разве что чуть-чуть позабавленная. И, безукоризненно вежливо, без единого намека на оскорбление, ответила:

— Вы, безусловно, правы. Но я не помню, чтобы титулы обязывали меня принимать извинения, если я не считаю это возможным.

— Леди, я признаю свою вину не только за неосторожные слова, — вновь вмешался лорд-правитель, все так же мягко и терпеливо, в надежде исчерпать конфликт, — но и в Вашей утрате.

— В самом деле? И в чем же она заключается? — вздернула бровь леди-правительница, переведя раздраженный взгляд на супруга. — Мне казалось, заговоры и восстания — это внутренние проблемы клана, и наше вмешательство неуместно.

— Мне казалось, — сладко проговорила Алишия, — что дом вьер Шаньер — хранители сумеречных дорог. Пять тысяч лет, поколение за поколением, мы приносим свои жизни на алтарь мира и спокойствия. Неужели мы не заслужили, чтобы нам оказали помощь тогда, когда мы в ней отчаянно нуждались? Только через сутки нога лорда Этвора ступила на окровавленный и изуродованный порог нашего дома. Через сутки, когда уже некого было спасти!

Ее голос — ясный и чистый, как перезвон ручья или стали, лишенный жеманства — уходил в чистые выси, тонул в свете.

— Мы — ваш единственный щит, и вы едва не позволили нашему роду пресечься! Если не мы, кто встанет на перевале? Кто? Может быть, ваш род, лорд Этвор? Или ваш, леди Айори? Дипломаты, целители, волшебники... Никто из вас не возьмет в руки меч. Никто из вас не будет встречать Сумеречных холодной сталью и скрещивать с ними клинки. Лишь вьер Шаньер, владыки теней, могли сделать это, потому что тысячи лет шли путем хранителей, а вы бросили нас в час презрения, в час отчаяния! Так же легко, без сомнений, как пять столетий назад предали огню единственных, кто мог стать с нами плечом к плечу.

Айори смертельно побледнела: так сильно, что даже пудра и белила не могли скрыть ее гнева.

— Вы, — выплюнула она, едва сдерживая себя и дрожащую в голосе ненависть. Яростное пламя, теплящее в груди, текущее по венам силой древней крови, вспыхнуло в глазах, — говорите об изменниках? И смеееете оспаривать правосудие?!

— «Правосудие»? В чем же заключалось преступление дома Темного льда? В том, что они не любили разжижать кровь, теряя древнюю силу? Но разве не то же мы делаем сейчас? Или, быть может, все дело в том, что их сила была враждебна Вашей, леди, но в дипломатии они проиграли?

— В том, что их сила черпается из тьмы! Из худших уголков души, из страсти, из ненависти и тьмы, абсолютной тьмы! Это сила Сумеречных, смотрящих в ночь — но не нас!

— Довольно, — не повышая голос, но так, что его невозможно было услышать, а услышав, не подчиниться, проговорил лорд-правитель. — Леди Алишия, вы в полном праве не принимать моих извинений, но я действительно сожалею и чувствую свою вину перед вами, леди, и лордом Эрелайном. Особенно — перед ним. Чувствую и не забываю ни на

секунду. Я не смог собрать лордов так скоро, как должен был; не смог повелеть твердой рукой и повести их за собой, заставив забыть о раздорах. Что в тот день... что в год после. Этого не изменить и не искупить никогда. Но мне бы хотелось, чтобы вы знали о том, что я сожалею.

— Мы благодарны Вам уже за то, — горько улыбнулся Эрелайн, опережая Алишию, — что Вы смогли удержать лордов от вмешательства не на нашей стороне, и этим спасли хотя бы наши жизни. Простите леди Алишию за излишнюю резкость, но, боюсь, мало кто может понять нашу боль. Время не излечит этих ран. Но сейчас не стоило — и не стоит — об этом вспоминать. Вы что-то хотели, лорд-правитель, леди?

— Да. Хотела, — холодно, по-новому взглянув на него, сказала Айори. Безупречная осанка стала болезненно-правильной, когда она выпрямилась еще больше. — Полагаю, было бы чудесно, если бы вы с леди Ириенн отправились на прогулку, скрашивая ее любезным разговором.

— На прогулку? — растерялся Эрелайн, лелеявший надежду, что опасаться этим вечером ему стоит только танцев. Как же не кстати! Впрочем, нет. Очень даже кстати! Такой отличный повод сбежать от разряженных гостей, сумятицы танцев, грохота музыки... и проверить, наконец-то, дозоры!

— С удовольствием! — легко согласился он, подавая руку леди Ириенн.

Она вымученно улыбнулась. И, поколебавшись, с почти осязаемым нежеланием приняла его руку.

...Ночь встретила их сладким дыханием диких роз.

Они шли молча; под руку, но не вместе. Молчание звенело водами утонченно-ажурных фонтанов, пело в тихом шелесте обнимаемой ветром листвы, шуршало подолом тяжелого платья и вздыхало блеклыми голосами трав.

Молчание разлилось в разверзнувшемся небесном колодце, к которому протяни руку — утонешь, и холодном блеске далеких звезд...

Иришь поглядывала на лорда сквозь полуопущенные ресницы, но лицо Эрелайна точно застыло бесчувственной маской, и по нему невозможно было сказать, о чем он думает. Тени, порой скользившие меж старых, раскидистых и тяжеловесных дубов, каждый раз заставляли ее до боли сжимать пальцы на локте Эрелайна. Она знала, что это лишь соглядатаи и стражники — молчаливые и безликие, как и все, кто хранит эту Ночь — но все непонятная тревога не желала отступить, исчезая во тьме.

— Ночь нежна, — негромко сказал Эрелайн, нарушив обнимавшее их молчание.

Иришь вздрогнула и подняла на него растерянный взгляд. С кем он, к кому обращался? И куда смотрит так... странно?

— И холодна, — продолжил лорд, пока она думала, что же сказать в ответ. И замолчал.

Иришь было неуютно рядом с ним, как бывает с незнакомым человеком, с которым вдруг оказываешься наедине. И он действительно был незнакомым. Сейчас Эрелайн не походил ни на того жестокого насмешника, образ которого рисовало ее воображение, ни на всегда сдержанного, не выказывающего чувств, но от чего-то страдающего лорда, которого хотели видеть в нем другие. Он... не был ни кем.

Не был. Вообще.

Как будто умер давным-давно, и все, что осталось — тень на стене, отброшенная в изменчивом пламени свечи, в котором оживает даже то, что навеки не-живо...

Они шли, все отдаляясь от Faerie Nebulis и льющегося из его распахнутых окон света. Темнота, идущая по пятам, обступавшая со всех сторон, с каждым шагом становилась все гуще. Еще дюжина шагов — и тишина, прежде ласково укутывающая плечи, шепчущая дремлющим лесом, обрушилась на них звонким беззвучием, когда последние отголоски музыки затихли позади.

Холод бежал по рукам и спине, холод пробирался сквозь кружево, шелк и атлас. Холод... и страх.

И тяжесть, сдавившая грудь так, что не сделать ни вдоха — пугающая, непонятная. Что это, и зачем?..

Ответ казался таким простым, ясным и очень важным, что Иришь не могла думать ни о чем другом. Ночь, обнимавшая их, причудливые тени старых дубов, тропки, горящие серебром в изменчивом лунном свете — все это исчезло для нее. Осталось только бессчетное множество ключиков от замка, за которым прячется правда. Как же найти среди них единственно-верный, когда тянешь вслепую?

А если этот: витой золотой ключик, уместающийся на ладонке? Стоит только стиснуть его — и, ничего не боясь, потянуться к темнеющей скважине...

Осознание хлестнуло по струнам души чудовищным диссонансом.

Давящий взгляд! Здесь есть кто-то еще!

— Эрела!.. — начала она и захлебнулась криком, когда шею обожгло холодом, закованным в сталь, а появившаяся из ниоткуда тень обхватила ее — и рванула на себя.

Эрелайн вздрогнул — и резко обернулся, вырываясь из омута мыслей.

И в его расширившихся глазах Иришь увидела себя — и белокомого призрака с глазами настолько светлыми, что казались прозрачными...

Глазами Сумеречной.

* * *

Эрелайн обернулся. Вскрикнула сталь, вытянутая из ножен — и резко умолкла, загнанная обратно.

Он опоздал. Ошибся, позволил себе преступную слабость — и опоздал, проиграв бой до начала.

Сумеречная не стала нападать, нет. Она поступила проще и жестче, связав его по рукам и лишив возможности действовать: схватила Ириенн и, грубо прижав к себе, приставила к горлу меч. Он, сотканный из черноты сгусток мрака, матово поблескивал в ее руке, пожирая самые слабые отблески света...

«Меч, сотканный из темноты»... воплощения Бездны!

A'shes-tairy качнула головой, увидев тень понимания в его глазах. Шелк серебряных волос расплескался в ночи лунным серебром.

— Не стоит, мой лорд, — с улыбкой сказала она, чуть сильнее, чем прежде, касаясь лезвием меча тонкой шеи девушки. Ириенн вжалась спиной в Сумеречную, только бы оказаться дальше от ледяного дыхания клинка. — Право, не стоит. Вы ведь поняли, что это за меч, не так ли? — и добавила, не удержавшись от короткого смешка: — Как, впрочем, и ваша прелестная спутница.

— Drakkaris flamary, — процедил Эрелайн, не меняясь в лице. Сохранять на лице непроницаемую маску было сложно, как никогда.

— Верно, драконье пламя, — повторила она с прежней улыбкой. Слова, похоже, приносили ей несравненное удовольствие. — Застывшее драконье пламя, скованное тысячи лет назад словом N'orre Llinadi. По-прежнему живое и по-прежнему смертоносное для всех aelvis.

Он глубоко вдохнул, унимая дрожь в голосе. Дрожь не страха: злости.

— Чего вы хотите? — ровно спросил Эрелайн. Удерживать маску он еще мог, а вот приказать успокоиться то и дело болезненно сжимающимся на рукояти меча пальцам — нет.

— Как хорошо, что мы так быстро нашли общий язык, — усмехнулась Сумеречная. И продолжила — не угрожая, предупреждая: — Вашей очаровательной спутнице ничего не грозит... если вы не будете упрямыми, конечно.

— А если нет? — пропустив через себя и едва сдержав новую волну гнева, спросил он.

— Увы, — холодно сказала она, без тени прежней иронии. — Ответ вы знаете сами. Поэтому будьте любезны: не делайте глупостей. Одно мое неловкое движение — и ее бессмертие обернется проклятием. А это было бы... досадно.

— Я повторяю: что вам нужно?

— Мне, мой лорд, нужны вы.

Эрелайн вздернул бровь. Губы искривились в усмешке.

— Я?

— Ваша жизнь, — уточнила Сумеречная. — Ваша жизнь в обмен на жизнь вашей прелестной спутницы.

— Замечательная сделка, — криво улыбнулся Эрелайн. — Я бы даже сказал — изумительная. Простите, но Вы всерьез полагаете, что среди живущих и ушедших есть хоть одна душа, которая согласилась бы на нее?

— Есть. И это вы.

— Сожалею, но вынужден вас разочаровать, — его голос звенел сталью. — Отпустите леди Ириенн и уходите. Я клянусь сохранить вам жизнь... и свободу. Вы сможете уйти. Прямо...

Эрелайн замолчал, не договорив, потому что Сумеречная заливисто рассмеялась. В голосе — глубоко, темпераментном, с едва заметной, но красящей ее хрипотцой — заиграло веселье.

— Простите, Владыка, но не вы сейчас диктуете условия, — и резко, жестко закончила, приказывая, а не прося: — Бросьте меч и примите наш бесценный дар. Дар смерти.

— Если я приму ваш дар, род владык теней прервется, и некому будет остановить пришедшие с Жемчужных Берегов сумерки. Я не имею права распоряжаться своей жизнью, как бы мне того ни хотелось. Она не принадлежит мне, — и, поколебавшись, все так же сухо, безжизненно и хлестко закончил: — Простите, леди Ириенн. Это мой долг.

Слезы, блеснувшие в ресницах капельками росы, сбежали по болезненно-бледным щекам. Эрелайн закрыл глаза: смотреть на нее было невыносимо. Холод, спасительный холод и свинцовая тяжесть долга — его благословения и проклятия...

Но никогда она еще не была так тяжела.

— Не прощайте, — обманчиво-спокойно сказала Сумеречная. И хлестко добавила: — Потому что он лжет.

И, не дожидаясь ответа, продолжила, обращаясь уже к нему:

— Я бы поверила вам, ни секунды не сомневаясь, если бы не одно «но»: я слишком о вас наслышана и слишком хорошо знаю, какой вы. Поэтому, — голос ее поднялся, взвился в высь, пробежал по кронам вместе с налетевшим ветром — и сорвался криком: — Повторяю: бросьте меч и примите смерть. Ваша леди вернется на бал невредимой, клянусь.

— Назовите хотя бы одну причину, почему я могу позволить себе пренебречь долгом и пожертвовать сотнями жизней ради одной.

— Честь.

Слово, брошенное в лицо и давно жгущее изнутри, хлестнуло наотмашь, выбив воздух из легких и качнув землю под ногами.

— Меч, лорд, — прошептала Сумеречная, всколыхнув замершую ночь.

Эрелайн вцепился в рукоять меча побелевшими от напряжения пальцами.

...Что такое жизнь одного в сравнении с благом многих, одна жизнь — в обмен на сотню других?

Ничто. Потому что для aelvis всеобщее благо всегда стоит выше чувств и эмоций, клятв и принципов, чаяний и надежд.

...Всегда спокойны и сдержаны, рассудительны и бесстрастны, всегда поступают только правильно...

Одна жизнь — цена победы и ошибки. Всего одна жизнь.

— Меч.

Пальцы стиснули рукоять до боли, до скрежета — в пальцах ли, в рукояти ли?.. Впрочем, какая разница!

— Уходите, — каждый звук вырывалась из горла хрипом, вороньим карканьем. — Уходите, и если посмеете тронуть леди — убью вас. И клинок, выкованный из драконьего пламени, вам не поможет.

— Проклятый упрямец! — рявкнула она, не выдержав. — Мы оба знаем, что ты сделаешь, так хватит тянуть! Ты все равно обречен, а она — нет! Прими свою смерть!

Слова, ударившие с прежней жестокостью, в этот раз лишь прибавили сил.

Эрелайн выпрямился, болезненно-прямо.

Сумеречная зло сощурилась, видя, что он не собирается отступать, — и ударила в самое болезненное место, обессиливая, обездвиживая...

— «Твой народ», говоришь? Не те ли это, кто вздрагивают при звуках твоего имени? Не те ли, кто ненавидят тебя и боятся больше Сумеречных и драконов? Не те ли, кто называют тебя чудовищем, вырождением, проклятием владык теней? И они правы, потому что ты — чудовище. Тот, чье сердце чернее Ночи. Куда ты приведешь их, бессмертный? Во тьму?

— Нет.

Тихое, глухое... слабое.

И она, слыша его неуверенность, видя его слабость, продолжила наносить удары, от которых нельзя оправиться:

— Если твой дом выбрал правильный путь, почему его «награда» горчит полынью? Почему дом Владык почти уничтожен? И почему тьма смотрит из глаз его единственного наследника? Это расплата. Ты слепец, если не видишь этого.

— Расплата за что? — глухим, надломленным голосом спросил Эрелайн, опустив взгляд. Плечи ссутулились, словно вся боль, вся тяжесть прошедших лет навалились на них. В глазах темнело то ли от злости... то ли от слез. Жгучих сухих злых слез.

— За что? — Сумеречная рассмеялась. — Ты всерьез спрашиваешь «за что»?! Посмотри на меня, Зарерожденный! Моя кожа выбелена, стерта жестокими снежными ветрами, глаза выцвели от слепящей белизны, кроме которой на Берегах нет ничего. Мои губы потрескались от холода, и я никогда, даже летней ночью, не могу смотреть на пылающий огонь. В моих глазах — боль и ненависть, сердце истерзано сумерками, а руки дрожат от Песни драконов. Это недостойно расплаты? Предать своих братьев и сестер, отдать их на растерзание лютому морозу и стуже — и ради кого? Ради смертных! Ради клятвопреступников и предателей, вонзивших нам нож в спину!

— И в чем же наша вина? В чем наша расплата? Вы сами выбрали этот путь. Мы лишь следовали своему долгу.

— Идти неверным путем — не меньшее преступление, чем отступить от него.

— Идти всегда лучше, чем оставаться на месте. Потому что рано или поздно даже неверная дорога может вывести туда, куда ты стремишься.

— Это — тот перекресток, который ты искал? Впрочем, почему бы и нет? Каждой душе свойственно стремиться к жизни... или к смерти, если дорога в жизнь для нее невозможна.

— Не тот. Но если бы я не шел по своему пути, вы бы вряд ли готовы были подарить мне легкую смерть, — с кривой усмешкой сказал Эрелайн.

Меч с тихим напевом выскользнул из ножен.

— Готовы. Легкую чистую смерть, — медленно проговорила Сумеречная. Меч в ее руке

дрогнул и чуть сильнее надавил на кожу Ириенн. Она сжалась под ним, не дыша, едва живая от накаывающей слабости, от обжигающего дыхания драконьего пламени, лишаящего воли и обрекающего на смерть. — Это ли не величайший дар для тебя? Раствориться в ветре дыханием ночи, умереть навсегда — так, чтобы даже память о тебе исчезла навек. Что сделают с тобой те, кого ты хотел защитить, когда узнают твою маленькую тайну? Мы сжигаем смотрящих в ночь на кострах. Заживо. Порою, когда принесенная ими тьма так велика и темна, что даже чистому яркому пламени не разогнать ее, они горят в нем всю свою вечность, год за годом. А как поступают Зарерожденные?

Эрелайн улыбнулся. Грустно и устало. Очень устало.

— Не все ли равно, любезная, как встречать смерть? Она приходит однажды — и навсегда. По сравнению с ней ничто не имеет силы, все теряет значение. И это уже величайший дар. В жизни бывают моменты гораздо страшнее смерти, потому что после них приходится жить. Жить — и помнить.

— Для других, может быть, разницы нет. Их смерть далека и играет с ними в кошки-мышки, а судьба ведет по начертанному пути — вверх, вдаль, ввысь... а твой путь — это путь к смерти. Ты обречен с рождения. Лучшее, что могла сделать твоя мать — убить тебя, объявив о гибели наследника.

Эрелайн криво улыбнулся. Улыбка дрожала на тонких губах — мучительная и какая-то беспомощная. А в глазах — черных, как никогда — плескалась... пустота.

— Ты обречен. Обречен на смерть и проигрыш тьме. Тебе не победить ее, никогда. Потому что она — это ты. Чем больше ты сопротивляешься, тем сильнее она становится. Сколько еще ты продержишься, Эрелайн? День, неделю? Месяц, декаду, век? Не питай иллюзий и ложных надежд. Она готова ждать вечность для того, чтобы нанести единственный удар — и поглотить тебя без остатка. И тогда тьма захлестнет весь твой замок, весь Зеленой Дол, Арьеннес, Лес Тысячи Шепотов, королевство Северы... Не лучше ли тебе умереть сейчас, пока еще не слишком поздно что-то изменить?

— Лучше проиграть тебе?

Голос, едва слышен в недвижимой тишине леса.

— Выиграть. Не в бою со мной, а с *Ней*, проклявшей тебя. Это твой единственный шанс, слепой поворот — умереть в ночь Беллетайна от драконьего пламени и унести с собой тьму. Если ты уйдешь, ей не из чьих глаз будет смотреть, никто не покажет ей дорогу и не выведет в мир вместо тебя. А ты сделаешь это, рано или поздно, когда презрешь долг и забудешь себя.

Ветер всколыхивает травы, шепчет клевером и медуницей, золотыми крапинками лютиков и ветреницы. Потревоженная листва вздыхает обреченно и глухо.

... от упавшего и взметнувшего цветочную пыльцу клинка, отделанного черненым серебром, прынули волны травы, как рябь по воде — и разбежались с тихим стоном.

— Будь по-твоему.

...и в ужасе замерла ночь в расширившихся глазах Ириенн.

* * *

Иришь задыхалась от боли и отчаяния, в глазах дрожали слезы. Клинок, выкованный из драконьего пламени, жег шею каленым железом — невыносимо, мучительно, непрестанно.

Хотелось биться в истерику, только бы вырваться из жесткого захвата Сумеречной, только бы уйти от этой ненависти, от дышащего смертью и ледяным пламенем клинка — но страх удерживал ее, не давая сорваться в безумие. Страх — и разум; холодный, бесстрастный разум aelvis.

...Тот самый разум, который уже приговорил ее к смерти.

Она обречена. Ни один бессмертный не пожертвует ферзем ради спасения пешки. Будь она на месте Эрелайна — не колебалась бы ни секунды, и потому не имеет никакого права о чем-то его просить.

...И кого — его? Незнакомца, которого почти ненавидит, и который платит ей взаимностью?

Иришь закрыла глаза, чтобы не видеть темнеющее у самой шеи лезвие, но так было даже страшнее: перед глазами вставали образы близкой смерти, лица родных, которых она больше никогда не увидит... и осознание того, какая же она, драконы ее раздери, идиотка!

«Самая настоящая и распоследняя», — мрачно подумала Иришь, отвечая на свой же вопрос.

Совершенно некстати вспомнилось, что она так и не рассказала Роальду о том, что это она в свое время сломала его любимую игрушку. Брат всегда был нелюдимым и молчаливым, и все время проводил в одиночестве, играясь с набором солдатиков, которые ему подарил отец на десятилетие. Иришь до сих пор помнила красивые, изящные фигурки, вырезанные из мрамора, и помнила, как Роальд обожал их и ни с кем не хотел играть. Иришь обижалась и злилась, и однажды прокралась в его комнату и спрятала сундучок с солдатиками за занавеску. У открытого окна. Столкнула вниз игрушку не она, а кто-то из слуг, но виноватой Иришь считала только себя.

Роальд, так и не признав, кто виноват, еще больше замкнулся в себе. Ему, конечно же, подарили другой набор, лучше прежнего, но брат остался к нему равнодушен.

Извечная, о чем она думает! Что за мысли!

Почему они так тянут? О чем вообще они говорят?! Быстрее бы все закончилось: нет никаких сил ждать.

— Уходите, — хриплым, севшим, но не ослабшим голосом отрезал Эрелайн. — Уходите, и если посмеете тронуть леди — убью вас. И клинок, выкованный из драконьего пламени, вам не поможет.

— Проклятый упрямец! — рявкнула Сумеречная, не выдержав. — Мы оба знаем, что ты сделаешь, так хватит тянуть!

Из груди Иришь вырвался горький смешок. К чему это ребячество! Она обречена, и полноте: незачем терзать сердце глупой надеждой.

Она подняла глаза на Эрелайна. «Я обречена, — шептал ее взгляд. — Не жалейте меня, лорд».

Встретилась — и впервые не увидела в его глазах той пугающей бездны, небесного колодца звезд, впервые разглядела что-то человеческое за холодной безразличной маской. Сочувствие, боль, жалость, вину, ненависть... много ненависти и боли, целая бездна.

Впервые увидела в нем что-то... искреннее. Живое.

Но это уже неважно. Слишком поздно.

...И почему эта Сумеречная так уверена в своей правоте?... Безупречный, следующий долгу, никогда не отступающий — разве он может согласиться на это?.. И если не может — то почему тянет? Зачем ведет этот разговор?

Где сейчас ваше безразличие, Эрелайн, в которое вы кутаетесь, как в подбитый мехом плащ, укрываясь от холода извне — и изнутри? Оно так долго хранило вас, оберегало, и теперь, когда больше всего вам нужно — отступилось.

Иришь тихо, неглубоко, боясь порезаться, вздохнула — и с тоской поглядела на небо, где в пелене сизо-синих туч пряталась изменница-луна.

«А говорили — хранительница, подруга... — грустно улыбнулась она. — А теперь я умираю, и где ты, предательница? Даже не вышла попрощаться».

Не так она представляла себе этот вечер... и все вечера потом, которых теперь не будет.

Хоть бы лучик сверкнул в просвете, хоть бы прояснилось... но небо лишь глухо внимало ее мольбам, такое же далекое, холодное и беспристрастное, как и прежде.

Обречена.

Иришь закрыла глаза, уже сознательно воскрешая в памяти ушедшие года. Солнечную улыбку Даррена, хмурый, но заботливый взгляд Роальда... Матушку — властную и жестокую, и отца... Отца, которого она так редко видела, но воспоминаниями о котором дорожила больше, чем всей музыкой и всеми танцами.

Она одергивала себя, чтобы ни в коем случае не начать себя жалеть, но напрасно: предательские слезы уже дрожали на ресницах, грозя вот-вот сорваться. О, какая она жалкая! Смотреть в лицо неминуемой смерти — и плакать!

Иришь вдохнула раз, другой, пытаясь успокоиться... и замерла, вдруг расслышав окончание брошенной Сумеречной фразы.

«Сердце, чернее ночи»? «Чудовище»? «Путь во тьму»?..

Что-то вдруг надломилось, и Иришь словно со стороны увидела, как разрозненные цветные стеклышки переливчатой мозаикой складываются в узор витража. Она уже знала, что увидит; знала, предчувствовала, но боялась даже представить...

Осознание пришло через несколько мгновений, протянувшихся в вечности, и тихая грусть сменилась ужасом: всепоглощающим, бесконтрольным; от которого подламываются колени и который не дает шевельнуться, сойти с места, заставляя молча и покорно принимать свою смерть...

О, Бессердечная! Как она могла не понять этого раньше? И как она могла идти с ним рука об руку, прикасаться к нему... танцевать с ним!

По рукам, и талии, еще помнящим прикосновения Эрелайна, вновь засеребрился иней.

Чудовище, проклятый, смотрящий в ночь, он ходил рядом с ними, танцевал и смеялся. Он — воплощенная смерть, живая тьма, чудовище, приносящее смерть одним прикосновением, одним взглядом, одним своим присутствием! Он — тот, кто мог погубить их всех, каждый миг, каждую секунду... Чего он выжидал? Почему не выдал себя раньше?..

«Пропала! — с отчаянием подумала Иришь. — Теперь точно!»

Даже Сумеречных она боялась меньше. Пусть враги, пусть вражда их тянется тысячи лет, но они хотя бы понятные, настоящие. А Эрелайн — чудовище, в глазах которого нет ничего человеческого. Одна тьма, одна разверзнувшаяся бездна... Что может быть нужно тьме?!

Она не выдержала и вскинула на него взгляд, сама не зная, что хочет просесть в нем.

Бездна и тьма, тьма и бездна, небесный колодец с искрами и росчерками звезд, далеких туманностей... пустота и ничто. Как она могла хоть на секунду поверить, как она могла принять чудовище за aelvis?!

Эрелайн перехватил ее взгляд, исполненный ужаса, брезгливости и презрения.

Перехватил — и что-то в нем, еще готовым бороться несмотря ни на что, надломилось.

А в глаза, только что таких чуждых, нечеловеческих, промелькнуло... что? Боль и отчаяние? Но...

Он разжал пальцы — и меч упал у его ног, утонув в шепчущем море трав.

Тихое, едва слышное:

— Будь по-твоему, — и его медленные, но твердые шаги.

...А сердце ее вновь дрогнуло, поверив. Потому что в его взгляде, в изуродованном маской боли лице, сейчас было, наверное, больше человеческого, настоящего, чем у самой Иришь когда-либо.

Ей вдруг захотелось закричать, остановить его — и она сама испугалась этого порыва, погасив его. Чудовище, aelari, воплощенная тьма и смерть! То, чему нет места среди людей и бессмертных.

«И он не пощадит тебя, узнавшую его тайну...»

Всего десять шагов до того, как он...

Девять.

От незваных, предательских слез все вокруг переменялось. Небо посветлело, утратив бездонную синь; травы, и листья деревьев, и ниточки седины в темных волосах Эрелайна засеребрились... Стойте! Это не слезы!

Луна, лунный свет!

...Семь шагов.

Иришь тихонько выдохнула, не в силах сдержать охватившее ее волнение и счастье — и слишком боясь выдать его раньше времени. Спасены! И больше не нужно идти на эту чудовищную сделку!

Шесть.

«Чудовищную»... Слово, горчащее злее полыни, эхом отозвалось в ней, потревожив струны воспоминаний. Радость, объявшая ее всю, отдававшая дрожью в коленях, вдруг ушла, уступив место холодному: «Но я ведь уже спасена».

А он... обречен.

Обречен — и должен уйти. Навсегда. Потому что теперь, когда маски сорваны, он не остановится ни перед чем. Слишком высокая цена за ее слабость и малодушие.

Четыре.

«Свадьба... — прошептал чужой, незнакомо-жестокий, но такой... свой голос, что это пугало до дрожи. — Ты ведь так не хотела ее... и так его ненавидишь. Отступись, не вмешивайся — и случится то, что должно. Сумеречная сдержит данное слово, aelari уйдет, не омрачив Беллетайн Тьмой. Он ведь все равно умрет — потому что должен умереть. Сейчас, позже — есть ли разница?..»

Три.

Одно слово на выдохе, не тронув губ:

«Есть».

...И, вскинув голову, Иришь ласково взглянула на луну.

* * *

Льдисто-голубые глаза Ириенн на миг озарились серебристой дымкой — и она растаяла

в заливавшем поляну лунном свете.

Сумеречная потеряла драгоценное мгновение, одно-единственное, — но и его хватило Эрелайну, чтобы отпрыгнуть и, подхватив меч, встретить ее клинок своим. Сталь скрестилась в коротком: «Станцуем?»

Сумеречная прынула назад, под сень леса: так, чтобы даже самый крошечный краешек тени исчез во тьме, обступившей их.

Досадно! Это все усложняет.

Скользнуть за ней, во мрак — и вновь схлестнуться в ударах, быстрых и легких, точных и изящных в своей простоте. Клинки поют и танцуют, и в этом парном безумии, парном неистовстве ведет то он, то она. Кружево ритма фигурного вальса: шаг, второй, удар, блок, удар, уворот... Одна-единственная тревожная нота дрожит в воздухе, пронизывает саму Ночь и звенит пустотой, когда сталь умолкает.

...Удар, уворот, шаг, уворот, удар, удар — и серия быстрых аритмичных выпадов и уходов.

Сумеречная — гибкая, хлесткая, как ивовый прут — уворачивается, отскакивает, разрывая дистанцию, и вновь скрещиваются клинки уже не в сонном кружеве вальса, а в волнующих ритмах Лазурной Гавани.

Шаг, взмах, удар — ее, не его. Уход почти танцевальным па.

Удар! Искры падающими звездами вспыхивают в обнимающем их мраке.

Уклониться, отшагнуть от взвившегося меча драконьего пламени — и ударить, не оборачиваясь, пока противница только докручивает замах. Ударить, чтобы промахнуться, потому что Сумеречная изгибается — совершенно невообразимо, почти невозможно — и отводит его.

И снова звон, невыносимый звон, которым звенит уже не только скрещивающаяся сталь, но и сама Ночь...

Они почти равны в мастерстве. Первая ошибка станет единственной — и последний.

Удар — и уход. Снова.

* * *

Иришь безмолвным призраком, тенью самой себя жалась к шершавому боку старого дуба. Лунный свет серебрил молочно-белую кожу, рассыпавшиеся по плечам пепельно-серые волосы — шпильки, удерживающие их в изящной прическе, выскользнули и затерялись в траве. Полупрозрачные, ничего не весящие руки дрожали от пережитого — и от неверия, что все закончилось.

...Иришь сама не знала, как ей удалось уйти по тонкому и изменчивому лунному лучу сейчас, когда она едва стоит на ногах, когда едва жива после обжигающего дыхания драконьего пламени. Сотканная из лунного света, недостижимая, но видимая для угольно-черных теней, пляшущих по поляне, она разрывалась между желанием уйти, обратиться отсюда, рассказать обо всем... и желанием остаться.

Остаться, чтобы помочь.

Бессмертная нервно закусил губу.

«Помочь?» А стоит ли? Она уже помогла, развязав ему руки — для Эрелайна и этого довольно! Тем более он — смотрящий в ночь... неужели не сможет отнять жизнь

Сумеречной?

По плечам Иришь, несмотря на то, что она сейчас была соткана из света и эфира, пробежал холодок. Неужели он действительно aelari, «смотрящий в ночь»?..

И неужели она уже один раз его отпустила — и собирается помочь, снова?! Безумная! Он не человек, и не aelvis, ему нельзя верить! Он чужд и пугающ, как бездны его сумрачных глаз.

В ушах еще звенит отчаянное: «Не смей помогать ему!» — а пальцы уже перебирают лунный свет как нежные струны арфы, и они — тонкие, податливые, дрожащие серебряным звоном — отзываются на ее прикосновения. Мягкий перебор, легкое касания — и музыка, слышимая одной ей, вплетается в лязгающий звон стали. А лучи сплетаются, переплетаются и проступают в воздухе невозможно-прекрасным узором...

Совсем немного, совсем чуточку волшебства — большего она не может себе позволить. Но и этой малости, этой ослепительно засиявшей, рожденной из лунного света юной звезды достаточно, чтобы изменить все...

* * *

Вспышка новорожденной звезды ударила по глазам ослепительным светом. Эрелайн сбился с шага — и с непозволительной медлительностью ушел от удара, едва не попав под серебряный росчерк клинка.

Ритм, четко выверенный, подчинивший дыхание и биение сердца, нарушился, сминая рисунок боя. Слишком резко, слишком неожиданно; так, что мысли звенят расстроенными струнами. Заученные, отточенные до совершенства годами тренировок движения давались легко, и он не останавливался ни на миг. Промедление — смерть.

Что это за вспышка? Откуда? И почему так стремительно угасает?

Угасает...

Мысль — незначительная, пустая, прошедшая незаметно и молчаливо — вдруг увлекает за собой.

Потому что там, где есть свет, всегда будет тень.

Одного короткого взгляда хватает, чтобы принять решение, собраться, скользнуть мимо Сумеречной, еще непонимающей, что происходит...

Еще не понимающей, что обречена.

...скользнуть, поднырнув под ее рукой, парировав удар — и вонзить меч в ее удлинившуюся тень.

Сумеречная вскрикнула — не столько от пронзившей ее боли, сколько от отчаяния и злости. Эрелайн вырвал меч из густо-черной угольной тени и сильным ударом выбил клинок из ее ослабевших рук.

Кровь темным цветком распускалась облегающей ее куртке. Рана глубокая, но недостаточная, чтобы обездвижить. Сумеречная попятилась — скованная, нервно-резкая в движениях, разъярённая, как дикая кошка, и такая же опасная. Жизнь оставляет ее, уходит по капле, и скоро оставит совсем. Нечего терять, зато есть, за что бороться: увести его с собой.

Подойти к напряженно замершей, готовой ударить Сумеречной ближе, чем на три шага было подобно смерти. Но в этом и не было необходимости, потому что тень-предательница

ласковой кошкой льнула к его ногам и обрекала свою госпожу.

Эрелайн коротко, не тратя сил на замах, вогнал меч в тень. Сумеречная болезненно дернулась, выдохнула — и замерла, бессильная сойти с места или шелохнуть, пока ее тень поймана.

Замерла, ожидая решения того, кто вправе выносить приговор.

Эрелайн медленно подошел к клинку drakkaris flamaru. Правую ногу ниже колена жгло той болью, на которую пока можно закрыть глаза, но которая не оставляет ни на секунду, противно ноя. Лорд недовольно нахмурился. Когда она успела зацепить его? И почему почувствовал боль он только сейчас? Слишком невнимательно, слишком безрассудно.

Подойдя, Эрелайн склонился над узким клинком. От него, черного и дымчатого, гладкого, как стекло, веяло смертью и холодом.

Холодом, смертельным холодом, опаляющем ресницы и опрометчиво протянутые руки.

Эрелайн колебался лишь секунду. Потом наклонился — и поднял меч, едва заметно поморщившись: ладонь, даже сквозь вырезанную из слоновой кости рукоять, жгло дыханием пламени. Как же она держала его? Как фехтовала?

...Меч в опущенной руке скользил по траве, прочерчивая тонкую, незаметную взгляду борозду во влажной земле, когда он медленно шел к ней. И, кажется, все живое дрожало перед drakkaris flamaru, испуганно вжималось в землю, как перед предвестником врагов всего, что имеет Имя.

— Я тоже уважаю хороших противников. И готов подарить тебе чистую смерть.

Она молчала. В глазах, холодных, прозрачных до белизны, невозможно было прочесть и тени эмоций. Только по заострившимся чертам лица, по напряжению, разлившимся в ее теле, можно было понять, что она не сломлена и, приняв судьбу, не смирилась с поражением.

Достойно. Но — бессмысленно.

— Прощай.

Клинок, сотканный из тьмы, взвивается ввысь, сорвавшись в полет — и впивается поцелуем, жестоким и беспощадным. Сумеречная, чьего имени он не узнали, даже не успевает вскрикнуть: только вздрогнуть, слабо вздохнув — и истаять в объятиях ночи. В один миг, вздох, в один короткий удар взволнованного, растревоженного сердца.

...истаять, как ушел бы он.

Эрелайн разжал пальцы, выпуская жгущий ладони меч. Развернулся, шагнул к дрожащей серебряной тенью, как блик на воде, Ириенн — и замер, скривившись от боли. Проклятый порез! Когда же он исчезнет?

Переборов слабость, он возобновил шаг.

* * *

...Эрелайн подошел к ней, прихрамывая на одну ногу. Иришь, обессиленная и привалившаяся к мягкой, теплой и шершавой коре, напряглась. Сердце отсчитывало дробь на каждый его шаг. Лунный свет, укрывавший ее дымчатым шлейфом, постепенно рассеивался, истаивал, и вместе с обликом прояснялось ее сознание.

Зачем она помогла ему? О чем думала?.. Смотрящие в ночь — чудовища, только притворяющиеся людьми. Только тьма в душе; тьма и ложь. Тьма, что сжигает их сердце.

Тьма настолько сильная, что плещется в глазах, грозя выплеснуться через край.

Почему он не умер сегодня, вчера, год, два, десять назад?! Почему не погиб в восстании?! Какая жестокая насмешка судьбы! Как та, что сейчас кривит его губы... о нет, даже не надейся обмануть еще раз! Правду не скрыть. Правда — в звездных колодцах глаз. Ее не спрятать за маской, ее не скрыть под шелками, не искупить лживой улыбкой.

— Леди Ириенн, — шепчут его губы, тихо и грустно, устало. Но им не обмануть ее.

Иришь вжимается в дерево, стискивает до боли пальцы.

Эрелайн останавливается, не решаясь приблизиться.

Сделай еще хоть шаг, только посмей!

— Леди Ириенн, позвольте мне...

Еще один шаг, тонущий в мягких касаниях трав.

И она не выдерживает.

— Не смей! — вскрикнула Иришь. — Не подходи ко мне!

Он вздрогнул, точно от пощечины. А страх, страх и злость, что копились в ее сердце весь этот бесконечно долгий вечер, весь ужас от осознания того, Чем он является; вся ненависть, копившаяся годами, выплеснулись в едином порыве.

Иришь кричала, почти не помня и не понимая, что говорит:

— Не смей подходить ко мне, прикасаться ко мне! О, драконье пламя, какой же я была идиоткой! «Взгляд, как будто заглядываешь в бездну»... как можно было сразу не понять?! И как еще не понял никто? Почему ты еще жив, почему?! Как смеешь ходить среди нас, ты, чудовище? Ты, тот, что несет смерть и тьму?! Как смеют твои поданные, твой дом, молчать о том, Что ты?! Глупцы, безумцы!

Эрелайн ссутулился, опустил взгляд, закрыл глаза... Иришь почти чувствовала, как вздрагивает он от каждого ее жестокого слова, каждого вскрика. Видела, понимала, и уже жалела о сказанном — но не могла остановиться. Безумие охватило ее, и Иришь не могла противиться, выкрикивая все новые и новые проклятья. Нервы не выдержали обрушившегося горя, и непролитые слезы вылились в ярость и злость. И чем больнее ее слова задевали Эрелайна, тем сильнее они становилось.

Та Иришь, настоящая, — слабый отголосок разума в буре чувств — ужасался, но не мог прекратить этого сумасшествия.

А та, кто овладела ей, замерла, переводя дух, и рассмеялась — нервно, истерически. И, повернувшись к нему, выдохнула со смехом, уже не крича, а сладко и тихо.

Выдохнула, зная, что это ранит его как ничто другое.

— Какие же мы глупцы! «Восстание в доме Пляшущих теней — невозможно, невысказано!»! Столько тысяч лет дом вьер Шаньер, владык теней, стоит во главе — безупречные во всем, верные долгу вьер Шаньер! Самые верные, самые благородные — безупречные... И — восстание! Подумать только: мы вас еще жалели, тогда когда вы получили по заслугам!

Иришь вдруг замолчала, только сейчас уловив изменения, произошедшие в Эрелайне. Он больше не стоял, опустив голову, молча принимая ее хлесткие удары, а смотрел прямо на нее.

И в глазах его, густо-синих и сумеречных, плескалась живая тьма.

Страсть и злость, и горькое отчаяние, завладевшие ей, рассеялись в один миг, оставив лишь страх. Иришь захлебнулась им, как летним вином, и не могла и помыслить о том, чтобы шелохнуться. Она не видела ничего, кроме этих завораживающих глаз. Из них всегда смотрели холод и пустота, завораживающие своей невозможностью, абсолютностью.

Сейчас же глаза Эрелайна не были пусты — в них пылала злость и безумная ярость. Тьма, скрывавшаяся прежде где-то на дне зрачков, за кромкой грозового сумрака, расплескалась, заполонив собой все.

— «Заслужили»? — тихо спросил он. И продолжил, гораздо громче, гораздо жестче и с ядовитой издевкой. Иришь впервые слышала эмоции в его голосе. Не приглушенные, тщательно скрываемые и подавляемые, а настоящие, яркие и живые. — Кто же именно заслужил, моя леди?

Тьма вырвалась, вылилась в мир — и воздух заledenел. Иришь не могла ее видеть, но чувствовала ее холодное дыхание, неторопливые шаги и ласковые прикосновения-порывы ветра. Тоже злого. Тьма обвивалась вокруг нее, медленно, плотно, неотвратно, нежно обнимая. Пока нежно. Тьма чувствовала ее страх и играла в кошки-мышки, наслаждаясь каждым мгновением.

— Быть может, — продолжал Эрелайн, и голос его набирал громкость. — Мой отец? Возглавивший нас в антерийской войне, удержавший Сумеречных за порогом, хотя это было почти невозможно? Отец выковавший корону Холмов из железа и крови — и преподнесший ее вашему отцу потому, что он был достоин? Это его награда? Это он «заслужил»?!

Он уже не говорил: кричал на нее, испуганную, растерянную, с сердцем, разрывающимся от страха. Иришь почти слышала шепотки и смешки обнимающей, легонько глядящей ее тьмы. Как верная гончая.

«Только попроси, выпусти нас... и мы разорвем твоих врагов, выпьем их жизнь... если сможешь удержать нас. А нет — умрешь сам».

— Или, может быть, моя мать? Целительница от рождения, одаренная Волей, она могла помочь даже тем, кто был обречен, не дав им уйти за порог. Говорили, в ней воплотился весь свет этого мира, и звали дарующей жизнь. И чем отплатили ей боги и люди? Смертью и чудовищем-сыном — единственным, кого она не могла, не смогла бы спасти, никогда! А может, заслужила моя сестра, жестоко растерзанная в ту ночь? В чем ее преступление, Ириенн? Вы думаете, она знала о чем-то? Или была хуже вас? Ей так же хотелось танцевать на балах, ей так же хотелось жить — но те, вроде вас, решили иначе.

Иришь задыхалась в объятиях тьмы. На ресницах дрожали слезы, и никак не могли сорваться: она боялась шелохнуться.

— А может, прислуга, перебитая в эту ночь? И верные гвардейцы, поклявшиеся жизнь отдать за своего лорда? Так кто заслужил это, моя леди? Кто? Кого покарала Воля той весенней ночью? И если это была кара, то почему жив я? Почему?! — рывкнул он, и тугие путы на шее затянулись. Свет померк.

Иришь, не смея противиться воле Эрелайна и не видя ничего, кроме его глаз, тихо шепнула, но пересохшие губы едва шелохнулись, не выдохнув ни звука. В глазах темнело, и лишь взгляд, его взгляд — холодный, жестокий, ненавидящий и отчаянный — жег ее сквозь застилавший все мрак. Слезы сорвались с ресниц и скатились по щеке соленой тускло блеснувшей искоркой-дорожкой.

Он вдруг замер, осекшись. Тьма, плещущаяся в его глазах, исчезла, утонув в сумрачной глубине. Путы, захлестнувшие ее шею, сдавившие грудь, исчезли.

Эрелайн побледнел — резко, в одно мгновение. Пошатнулся, на нетвердых ногах шагнул прочь — и замер, заслонив лицо рукой, ссутулившись еще страшнее, чем прежде.

Иришь вдохнула полной грудью, не веря, что жива. Шея, обожженная клинком драконьего пламени и так долго сжимаемая тьмой, горело. Дышать было больно, просто невыносимо — но прекрасно. Ночной воздух никогда еще не был так свеж, а лесные цветы — так сладки.

Слабость и дурнота накатывали удушающими волнами. Она не могла шевельнуть и пальцем: это ничтожное действие требовало невозможных усилий, на которые она не была способна.

Иришь закрыла глаза, не в силах удерживать потяжелевшие веки. Перед ней тут же восстал образ Эрелайна, его взгляд, пылающий тьмой... но он вызывал уже не страх, не ужас, а невыносимый стыд. Как жестока она была, как глупа! Злость жгла глаза сухими слезами. Злость — и отчаянье от того, что ничего нельзя изменить и исправить.

Ржание коней заставило ее вздрогнуть — и вырваться из омута мыслей. Иришь распахнула глаза и увидела, как на поляну влетели трое всадников. Эрелайн даже не поднял головы. Он держал в руках меч, драконью сталь, и так странно смотрел на него, словно пытался увидеть что-то в сотканном из мрака клинке.

— Лорд Эрелайн! — воскликнула единственная всадница в кавалькаде, только подъезжая и не видя их. Заметив, она другим, изменившимся голосом прошипела что-то сквозь зубы, и окликнула его, не реагирующего на происходящее и смотрящего в тьму лезвия, еще раз: — Лорд! Вы целы?

Эрелайн медленно выпрямился, по-прежнему не сводя взгляда от стискиваемого до боли меча.

— Мой лорд!

— Да, Сэйна, — тихо сказал он голосом, в котором уже точно не было ничего человеческого... и ничего живого. Пустой голос.

«Это я виновата, — с внезапным ужасом поняла Иришь, стискивая руки в кулаки. — Я! Чудовищами не рождаются. Чудовищ делают люди. Всесмотрящая, как я могла быть такой? Я ошибалась, ошибалась, не видела ничего! Какое право имела судить его я? За что?! За то что он, единственный из всех, осмелился взять ответственность за себя, за всех нас? Не кто-то из лордов, знати, не мой отец!

«Вот чем отплатили ей люди и боги...» Я не права. И уже ничего не исправить. Он никогда не поверит моим извинениям, не поверит мне после всего, что услышал... Чудовищ делают люди».

— Отряд Сумеречных столкнулся с одним из патрулей. Рейген стянул стражей с ближайших постов, чтобы дать им отпор, но мы не успели: Сумеречные отступили. Из патруля никто не выжил. И ваша жизнь... мы едва не...

— Все в порядке, — такое же тихое и мертвое, едва слышное и охрипшее. — Жизни леди Ириенн угрожала Сумеречная... клинком драконьего пламени. Но мы оба не пострадали. Помогите ей, пожалуйста.

В серебряных глазах Сэйны плескалась тревога и невысказанный вопрос. Но некому было ответить: Эрелайн не поднимал на нее глаз. Он все смотрел на меч.

Потом, будто что-то решив, вогнал его в ножны. И поднял взгляд, совершенно мертвый и будто выцветший.

— Доставьте леди в Faerie Nebulis. А Рейгену... впрочем, потом, — и, шагнув к одному

из всадников, так же негромко сказал: — Дайте мне коня.

Стражники, пришедшие вместе с кутавшейся в черное женщиной с плескавшимися по ветру волосами цвета серебра, замешкались. Сэйна, натянув поводья, рывкнула на того, что был от нее по правую руку:

— Приказ лорда! Не слышал?

Бессмертный вылетел из седла и, помня другой приказ, бросился к Иришь.

Эрелайн, не оборачиваясь и ни на кого не глядя, с какой-то отрешенностью и мрачной решимостью вспрыгнул на коня. Тот, чувствуя настроение седока, всхрапнул и заплясал на месте, но безропотно подчинился ударам каблука и подхлестыванию поводьев, и пустился вскачь.

Сэйна обернулась и долго смотрела ему, удаляющемуся, вслед, но не посмела броситься за ним.

Иришь, совсем обессилев, закрыла глаза. Не слушая, кивала на неловкие расспросы одного из стражей перевала...

«Все закончилось, все закончилось...» — шептала она, как молитву. Но почему-то не верилось. И ныло в дурном предчувствии сердце.

* * *

Звездное небо дрожало, точно робкое отражение на черной глади озера. Далекие горы, острыми шпилями пронзающие ночь, темнели вдали. Конь, пущенный в галоп, стремительно взлетал по пологим холмам, топча поросшие вереском склоны, и перемахивал через узкие, вертко петляющие ручейки, взметая вихри холодных брызг. Равнины и заливные луга ложились под его копыта волнами колышущегося, слабо шепчущего разнотравья. Лес, величественный и молчаливый, простирался по левую руку, все отдаляясь, удаляясь с каждым шагом, с каждым рывком, пока не исчез совсем. Дивный серебряный перезвон колокольчиков, трепещущих под маленькими пальчиками цветочных фae, плыл над долиной. Ветер, то налетающий, то опадающий, взметал тяжелый плащ, вплетался пронзительной скрипкой в исполненную древнего, как мир, волшебства мелодию. Сквозь слабый шелест, с которым Фиора несла свои антрацитово-черные воды, едва проступали нечеловечески прекрасные, пронизанные тихой грустью напевы водных фae. Молодая луна серебрила круп коня, его белоснежную гриву, черный с серебром плащ всадника и волосы с нитями ранней седины. Ночь улыбалась из ясной головокружительной выси и рассыпала искорки звезд. Падая, они вспыхивали на мгновение — и ослепительным росчерком срывались вниз, пронзая небосвод...

Ночь улыбалась всем, кроме него. Звезды, холодные и равнодушные, тускло блистали вдали. Ветер бил в лицо, толкал в грудь. Фае испуганно смолкали при его приближении. То, кем он был; то, что нес за плечами, на развевающимся вороньим крылом плаще, было противно самой их природе, и дикий, первозданный ужас сжимал маленькие сердца.

Ночь улыбалась всем, кроме него. На Эрелайна она смотрела с затаенной в глубоком, иссиня-черном взоре печалью. И от этого молчаливого сочувствия, от этой неприкрытой жалости гнев застилал глаза, злость сжигала сердце, и он хлестал поводьями ни в чем не повинного коня. Быстрее, быстрее! Дальше! Ото всех, от всего... от самого себя.

От тьмы, реющей за спиной, окутывающей плащом. От прошлого и воспоминаний,

режущих пальцы, точно осколки разбитых зеркал, — или надежд, мечт? — когда пытаешься их собрать.

От вины, от ненависти к себе... И от исказившегося лица Ириенн. От ее глаз, взгляда, в котором застыл безмерный, ни с чем не сравнимый ужас... и ненависть. Беспощадная, всежигающая ненависть, которой сотни и тысячи лет. Ненависть, которую ничто и никогда не поборет, и сопротивляться которой он не имеет никакого права...

...И от слов, слышанных не раз, но по-прежнему жгущий, ранящий, бьющих навывлет. Слов, выкрикнутых срывающимся голосом; слов, против которых он бессилен, которых не изменить никогда.

«Чудовище, чудовище!» — звенит в ушах — обвинительное, правдивое... и жестокое. Жестокое, как сама издевка, насмешка судьбы; как проклятие, которым *Она* наградила его по своей секундной прихоти...

Быстрее, быстрее! Дальше, все дальше от себя! Свистят яростно взвывающиеся поводья. И конь уже хрипит от усталости, того и гляди споткнется, сломает ногу... но Эрелайн все подхлестывает и подхлестывает его. Быстрее, быстрее! Быстрее...

«Как ни беги, ни прячься — всё без толку, — слышится в злом шепоте ветра. — Твои демоны никогда не оставит тебя в покое».

Не уйти, не сбежать, не спрятаться... и не победить. Никогда. Потому что тьме, живущей в душе, не дать бой. Все, что остается — идти дальше. Вперед, по дороге из обнаженных клинков, на каждом шаге боясь оступиться.

...Идти дальше, вперед, зная, что все равно проиграет. Но идти, поглотит его Тьма, идти до конца! Потому что должен. Потому что просто не умеет иначе. И неважно, что? там, в конце пути.

Поводья натягиваются. Разгоряченный конь с ржанием взвывается на дыбы, молотит копытами по воздуху — и тяжело опускается.

— Мы возвращаемся, — тихо шепчет Эрелайн. — Возвращаемся.

Возвращаемся, несмотря ни на что.

— Ну и долго же я тебя искала!

— В самом деле? — спросил я, не оборачиваясь и не отводя взгляда от пылающего костра. — Я не собирался прятаться... тем более от тебя.

— А от Беллetailна?

Я усмехнулся, но промолчал. Только разворошил древесные угли тоненьким, уже почерневшим от пламени прутиком. Огненные всполохи брызнули в разные стороны: впились в ладонь, оставили несколько подпалин на штанах... Я поморщился, но даже не шелохнулся.

Миринэ присела напротив. Сквозь обжигающее дыхание пламени ее черты дрожали, искажались, и сама она казалась всего лишь зыбким видением.

...Видением из прошлого.

— Ты совсем не похожа на Внимающую.

Длинное и плещущееся лазурными волнами платье сменилось простым дорожным костюмом из рубашки с кожаным корсажем, штанов и мягких туфель. Волосы, прежде обнимавшие ее стан, теперь были туго заплетены в косу.

— Сейчас? — улыбнулась aelvis. — В эту ночь я могу выглядеть так, как хочу.

Она замолчала — и с ней умолкла сама беллetailнская ночь, обнимавшая нас.

...Где-то совсем рядом, на соседних полянах, пылали костры. И лился смех — звонкоголосый, искренний, прекрасный и радостный, тонущий в восторге и водовороте чувств.

Где-то, среди шумных, кристально-звонких ручьев и молчаливых озер, в чернильно-синих, почти что черных водах резвятся водные fae. Их косы тяжелы и зелены, а глаза — темны. Водят они хороводы на берегах, плетут венки и могут до смерти затанцевать того, кто рискнет встать с ними в круг — не со зла, а просто оттого, что забывают, как хрупки смертные.

А где-то играют цветочный бал маленькие, совсем крошечные fae. Поют маленькие флейты, плачут нежные арфы, и танцуют fae, кружась в ночном воздухе искристыми вихрями под пьянящую песнь Беллetailна...

Ночь, когда можно все. Сбросить маски, забыть о долге и танцевать. Танцевать — и пить, пить это пьянящее счастье.

Ночь, когда можно немного побыть собой... или уйти от себя.

— Где твои друзья?

Не голос — шелест сонных ручьев, горных водопадов и тихих заводей.

Голос, который хочется слушать вечно.

— На Беллetailне, конечно. Камелия захотела посмотреть на праздник, а Нэльвё милостиво составил ей компанию.

— Все танцуют в ночь Беллetailна. Все, кроме нас.

— Да. Потому что мы безнадежные зануды, которые разучились радоваться, и которых раздражает чужой смех, но сказать об этом мы можем только сегодня. Чью маску сбросила ты, Миринэ? Беззаботной и улыбчивой девушки, которой была раньше, вечно юной душой и радующейся легкости, невесомости бытия? Или молчаливой, недостижимой ни для смертных, ни для бессмертных, всепонимающей и всезнающей Shie-thanу? Что из них твоя маска?

— Обе, — безразличное, спокойное... пустое. — А сколько их у тебя, Мио?

— Ни одной. Мне не перед кем их надевать.

— Неужели? — она, прежде смотревшая в костер, подняла на меня тяжелый взгляд. В ее глазах — обычно всегда прозрачных, цвета синего моря — сейчас бушевал шторм. И в его круговерти было не разглядеть ничего. — А перед собой?

— Разве от себя можно укрыться за маской?

— Можно, почему нет, — сказала она, странно отрывисто. — Разве имеет значение, как это называть? «Иллюзия», «самообман», «бегство от себя»...

— Имеет. У каждой вещи есть имя.

Она грустно, даже немного мечтательно улыбнулась.

— «Имена, которые имеют значение»... как же давно это было. И как прекрасно. Ныне слова пусты, и лучше видеть за ними самую суть... или ничего не видеть вовсе, если не хочешь обмануться. Слышал, как говорят мудрецы Шектара? «Мысль изреченная есть ложь». Ныне правы они, а не мы. Время уходит.

— Ты пытаешься убедить сказителя в том, что слова пусты? — неожиданно развеселившись, я не удержался от усмешки. — Да и что человек может понять в Слове?

— Мне кажется, уже никто не может, — негромко ответила она. И, помедлив, добавила, подбросив пару веточек в костер. — Даже я.

— Наше время уходит. Уже очень давно...

— Час драконов близок, я знаю.

— Я не о нем.

Миринэ, вновь смотревшая в пламя костра, вздрогнула и подняла на меня удивленный взгляд.

— Посмотри кругом, Миринэ. Нас уже почти нет. Они лишь поставят точку, сыграют финальный аккорд.

— Ты о том, что волшебство уходит?

— А ты не замечаешь этого? Скольких еще волшебников, понимающих суть, ты знаешь? — горько спросил я. — Скольких, подобных тебе, мне?

Она молчала.

— Они так же сильны, так же способны... но ветер для них молчит. Они глухи и слепы, и не в силах даже заглянуть за Грань. Они не слышат *Её*. Не верят, не понимают. Зубрят формулы, не понимая о чем, зачем... То, что мы могли получить, просто пожелав, просто облекая мысль в приказ, мысль в слово, для них — непосильный труд. Волшебство исчезает, блекнет, слабеет. Становится пустым набором формул и переменных. А слова — мертвеют.

— Я знаю, — тихо сказала она. — Я тоже пробовала рассказать, объяснить, показать... но все тщетно. Война слишком нас изменила.

— Не изменила. Только приблизила к неизбежному.

Она не ответила, и в повисшее между нами молчание закралась горькая печаль конца осени.

Мы сидели так близко, почти что рядом — и так далеко. Слишком многое нас разделяло: дни и годы, радости и печали, отчаянье и одиночество. Бесконечное, бескрайнее одиночество, которое, вместо того, чтобы уйти, только больнее сжало сердце...

Мы были вдвоем, но не вместе. Одинокие и потерянные.

— То, что ты сказал там, на Совете... — тихо спросила Миринэ, подняв на меня взгляд, неожиданно жесткий. Не взгляд — холодная сталь. — Это правда?

— Совету невозможно лгать.

— Ты знаешь, о чем я, — резко сказала она.

— Правда ли это? — повторил я, подбрасывая еще несколько веточек в огонь и вспоминая.

Подбрасывая — и вспоминая...

Совету невозможно лгать потому, что, ступая под сень Дома Шепчущих и Внимающих, ты отрекаешься от себя. В льющимся из-под высоких сводов лиловом свете реальность теряет свои очертания, дрожит зыбким маревом, как робкое видение жарким полднем. Уходят границы, пределы, и в какой-то момент самый последний рубеж — твое Я — отступает в утренней дымке.

...и ты становишься Советом.

«Почему вы не откликались на наш зов, elli-e taelis? Почему пришли только сейчас?»

Не голос — мысль, моя и не-моя: здесь и сейчас, в это мгновение, затерявшееся в вечности, нет Меня.

Тот, кто прежде был Мной, не может уйти от ответа, потому что здесь и сейчас его глупые желания не имеют никакого значения.

Я отвечаю правду — ту, от которой так долго бежал, ту, которую отказывал не только признать, но и видеть. Потому что невозможно лгать тем, кто смотрит на мир твоими глазами, и слышит фальшь в твоём голосе, как в своём.

И невозможно лгать Ей.

«Я думал, что путь Сказителя для меня закрыт навсегда и не считал себя достойным его».

«Вы не слышали Зов?»

«Нет, не слышал. Не хотел слышать».

«Что заставило вас передумать?»

«Встреча с fae, сожженной Песнью дракона, — веско, уверенно, четко. — Я не имею права оставаться в стороне, когда Час драконов близок».

«Мы не пели Зов почти год. Почему вы пришли сейчас?»

«Чтобы принести весть о надвигающейся буре».

«Она грядет?»

Голос Шепчущего звучит сухо, спокойно, нарочито бесстрастно, но я знаю, как обманчивы эти интонации, потому что чувствую каждой клеточкой тела, подрагивающими кончиками пальцев нарастающее напряжение. Напряжение — и страх. Потому что слышу проносящиеся в их мыслях образы, переполняющие их чувства, различаю каждый оттенок играющей в их сердце мелодии...

Мой дар, от которого я так долго отказывался, который пытался заставить молчать, снова со мной и снова... нужен мне?

«Грядет. И такая, равной которой не было с Тысячелетней ночи. Это Ее слова и Ее воля».

Тишина. Филигранно-тонкая, хрупкая, сотканная ажурным кружевом. Абсолютная. Ни единый шорох, ни единое слово, ни единая мысль не смели нарушить ее.

Тихое, слабое, бесконечно усталое глухо упало в нее, как камень, канувший в воду. Озеро молчания всколыхнулось и задрожало рябью.

«Она молчит уже больше века. Молчит — и не откликается, когда мы просим Ее совета. Она отказалась от нас?»

«Нет, не отказалась».

Я не лгал, не судорожно искал ответа — просто вдруг понял, что Знаю. Такую невозможную уверенность мне, всегда и во всем сомневающемуся, могла подарить только Она.

А еще я неожиданно понял, что она снова рядом. И, кажется, не уходила никогда. Потянись к ней рукой, мыслью, мятущейся и неуверенной, душой, измученной холодом и нуждающейся в тепле — и она ответит легким прикосновением, нежным объятием ветра. Но — не словом. Почему?

«Почему Она не отвечает?»

Шепчет Совет, повторяя вслух то, что терзало меня и то, что я так боялся спросить, сказать вслух. Зря. Потому что как только вопрос прозвучал, я уже знал ответ — такой простой, очевидный и правильный, что мне не нужно было даже Ее подтверждение.

«Еще ничего не предопределено. Слишком много вероятных исходов. Она не может позволить себе вмешаться прежде, чем все станет ясно. Когда это случится, Она скажет, куда ведет Путь».

«Значит ли это, что мы должны ждать?»

С улыбкой — скупой, чуть грустной:

«И да, и нет».

«Мы не понимаем вас».

Да, именно «нас». Волю и Ее воплощение.

Я глубоко вздохнул, как перед прыжком в воду — или перед решающим ходом, от которого зависит исход игры. И сказал, сдержанно-раздраженно:

«Вам — ждать, оставаясь в стороне и наблюдая за тем, как будут развиваться события. И быть готовыми ко всему, что только может и не может произойти».

Голос — высокий и сильный, напевно прекрасный, ласкающий слух переливами обертонов. Узнаваемый мной даже здесь... нет, не так: «особенно» здесь.

«Ко всему?» Что вы хотите сказать, elli-e?»

Я обернулся к Миринэ, отвечая больше взглядом и полуулыбкой, чем словами, которым всколыхнули Грань секундой позже, бесконечно опоздав.

Отвечая только ей.

«Близок Час драконов, Внимающая. Час предательства и обмана, когда никому нельзя верить».

«А что будете делать Вы?»

Голос — безупречно ровный. Лишь брезжит на грани восприятия для других и отчетливо звенит для меня ее раздражение.

«А я, госпожа моя, отправлюсь на Жемчужные Берега. К Сумеречным. Чтобы убедиться в том, что драконы проснулись и Слово elli-e taelis, сковавшее их тысячелетия назад, потеряло силу».

«Вы уверены, что A'shes-tairu не встретят вас, обнажив клинки? Вам не стоит рисковать. Если вас не станет...»

«Сказители стоят над враждой, даже такой древней. Мы выше этого, как и наше предназначение. К тому же, — жестко добавил я, смотря на нее, но обращаясь ко всем, — у нас нет выбора».

...И Совет всколыхнулся ответом — одним на всех:

«Пусть будет так».

Пусть будет так...

— Мио, — окликнула меня Миринэ, все еще ждавшая ответа.

— Ты хочешь узнать, действительно ли я собираюсь отправиться на Жемчужные Берега? Если так, то вот ответ: да, собираюсь.

— Но ты...

— Я уверен, Миринэ.

Она замолчала, как-то горестно и рассеяно, только чтобы отвлечься, крутя в руках тонкий прутик.

— Все будет хорошо, — я тепло улыбнулся и потянулся к ее руке. — Я обещаю.

— Как сказитель? — Миринэ вскинула голову, заглядывая мне в глаза.

— Как обычный, ничем не примечательный aelvis, которым сейчас и являюсь, — рассмеялся я. И сказал уже серьезно, сжав ее ладонь. — Все в порядке.

— «В порядке»! — едко передразнила она, выдернув руку. — В порядке! Он отправляется к Сумеречным, к пробуждающимся драконам — и все в порядке! Это самоубийственно, Мио! Тем более что ты сам говорил мне, что ты не сказитель! Что, если они тебе не поверят? А ты даже не сможешь этого доказать!

— Но ты же признала во мне сказителя. Как и Совет. Почему с Сумеречным будет иначе? — и раздраженно добавил: — Они не дураки, Миринэ, и отлично знают, что ждет их, если они посмеют тронуть сказывающего Волю. А я... я мог ошибаться.

— Мне это не нравится, — с горечью сказала она. — Как не нравится, что ты пойдешь один. А ты пойдешь один, да?

— Именно. Незачем подвергать других риску, — резко ответил я.

— То есть ты признаешь, что риск есть?

— Риск есть всегда, — отрезал я. — И хватит на этом!

Shie-thany обхватила себя за плечи, поджала ноги и вся как будто съежилась, глядя в огонь.

— Миринэ, — позвал я. — Ну, не дуйся! Я не могу взять тебя с собой. И никого не могу. Я не прощу себе, если по моей вине что-нибудь случится!

— Иди к драконам! — огрызнулась она и тут же прикусила язык, поняв, что сказала.

— Обязательно, — улыбнулся я. — Ну, хватит! Смотри: кругом Беллетайн! А ты грустишь! Хочешь, потанцуем?

— Не надо! Я помню, как ты ужасно танцуешь!

— Ну, подумаешь, пару раз на ногу наступил и в фигурах запутался, — проворчал я. Говорила она, конечно, чистую правду, и ее возмущение я могу понять, но, дракон раздери, как же обидно! — Смысл-то не в этом!

— Ты был ужасным другом, — горько рассмеялась она.

— Зато собеседник хорошим, — нашелся я.

— О да! Хорошим. И отвратительным кавалером. «А сегодня на конференции леди Ллиан Шидари разгромила теорему Садарского!». «Ты слышала о модели Рин-Гвениэр?». «Только послушай, какую чушь мне сегодня доказывала Ильма!». «Театр? Какой театр? Прости, я совсем забыл! Сегодня конференция по симметричным построениям в пределах нестабильного поля, я выступаю с докладом. Придешь посмотреть? А театр... завтра сходим...». «Какая консерватория? Сегодня ведь ежегодное заседание Торлиссского научного общества! В другой раз, хорошо?»

— Ну... какой-никакой толк от меня был, — смутился я, угадывая в голосе Миринэ

собственные интонации. — Подарки, например. Выпечка по утрам... И цветы!

— Да. Цветы, — согласилась Миринэ саркастично. — Ирисы, на которые у меня аллергия!

— Да? — удивился я. И обиделся. — А почему ты не сказала?!

— Я не сказала? — развеселилась Shie-thany. — Я говорила! Трижды!

— Не помню такого... — пробормотал я.

— Конечно, не помнишь. Ты небось и не слушал! Думал о доказательстве теоремы какого-нибудь Беллири...

— У тебя действительно аллергия? — я расстроился. — Какая жалость! Ирисы всегда напоминали мне тебя. Такие же тонкие, нежные, прекрасные и синеокие...

Она выразительно промолчала. Я не нашел, что сказать в ответ.

Беллетайн кружил лесные поляны в вихре костров и пьянящих трав. Но это было так далеко... Совсем не про нас — и не для нас.

— Спой мне, — вдруг попросила Миринэ.

Руки вздрогнули, и тростинка выпала из пальцев.

Искры взметнулись из костра.

— Хуже, чем пою, я только играю. Ты же знаешь, — сказал я с укоризной. — Тем более, здесь не на чем.

— В самом деле? — улыбнулась Миринэ, лукаво сверкнув васильковыми глазами, и протянула мне изящную, светлую, отполированную до мягкого блеска гитару.

— Миринэ! — возмутился я полушутливо. — Прекрати.

— Спой мне, пожалуйста, — и взгляд, которому я никогда не мог отказать. — Спой что-нибудь... для меня.

Я принял гитару. Она казалась совсем легкой — как будто вовсе ничего не весела. Гриф лег в руки так точно, удобно, так правильно, словно выточенный для меня.

Что тебе спеть, прекрасная Shie-thany? О деве-птице из края снов и далеких северных грез?

Или о том, кто любил больше жизни, и готов был отдать все за нее? О любви, что дарила безудержное счастье — и сожгла сердце в огне?

Или о том, по чьему пути идут ночь и зима, оставляя изморозь на палых листьях и кромку льда на зеркалах лесных озер? О том, кто вечно один, всегда один, отдает всего себя без остатка тем, кто его ненавидит и уже плетет ложь?..

Или о...

Я ласково провел по струнам, уже зная, что буду петь.

То, что принес мне ветер.

Мягкий перебор, вздох струн, — и голос, чуть хрипловатый на первых словах; уже отвыкший от нот и песен.

...пальцы перебегают по грифу, и струны поют под ними — кажется, еще тогда, когда я только собираюсь их коснуться.

Я не смотрю ей в глаза. Незачем. Эта песня и так ее, вся, без остатка. Только ее.

Когда последний отголосок серебряных струн затих, и пьянящее волшебство музыки отпустило меня, тишина упала на нас, как расшитый жемчугом полог. Шепотки ночного леса затихли. Беллетайн — хмельной, игривый, одуряющий безумием весенней ночи — замер, не решаясь перебивать тогда и заговорить теперь. Фae больше не кружили хороводов под сенью древ, не плескались в темных, словно сотканных из ночи, водах. Шум и смех,

заливистый, пьянящим сумасшедшей радостью и восторгом, затих. Как затихла и музыка, вся остальная. Больше не гремели танцы, не прыгали через костры сбросившие груз тревог и условностей Shie-thany... На Лес опустилась тишина и какое-то робкое, трогательное молчание.

Я уже тысячу раз проклял тот миг, когда согласился. О, об этом же только и можно мечтать: опозориться на весь Беллетайн!

В кронах раздалось какое-то подозрительное шуршание. Я пригляделся и выругался.

— И вы туда же! — зло воскликнул я, слишком раздосадованный и раздраженный, чтобы сдерживаться.

Цветочницы, поспешно подобрав пышные юбки, затрепетали крылышками и затерялись в листве, удирая от гнева сказителя.

Я был зол, обескуражен и смущен. Или, скорее, наоборот: смущен — и уже оттого зол и обескуражен. Гитара, которая еще недавно так нежно и ласково льнула к рукам, теперь жгла их воспоминанием. Я отложил ее — резко, небрежно, выплескивая раздражение. И тут же пожалел об этом, устыдившись, когда она глухо ударилась о поваленный ствол и тихо заплакала.

— Для меня, но не только мне, — тихо сказала Миринэ с какой-то необъяснимой, невыразимой горечью, которую я не мог понять ни в скупых словах, ни в темноте ее взгляда.

Она порывисто поднялась. Небрежно отряхнула штаны от соринок, налипших трав... Я вскочил следом, чуть не уронив гитару. Чудом подхватив ее, не глядя пристроил ее рядом и только сейчас обернулся к Миринэ. Она уже стояла на краю поляне, странно смотря на меня.

— Я провожу... — начал было я, но замолчал, осекшись.

— Не стоит, — отрезала она. Глаза — больше не сине-лазурные, ясные и прозрачные, а темные, мятущиеся, как сердце шторма.

...она давно ушла, а все я смотрел ей вслед и никак не мог понять этих переменчивых, непокорных и непостоянных, глаз.

* * *

— Я пойду.

Камелия вскинула на меня взгляд удивленно расширившихся глаз. В нем так и читалось неверящее: «Как можно уйти с Беллетайна?»

Легко, маленькая Камелия. Тем, для кого он пахнет не луговым медом, а горькой полынью, с привкусом дымных пожарищ — легко.

— Но как же... — начала она, искренне расстраиваясь за меня. И такой забавной она была в своей смешной, искренней и детской заботе о других, что мне захотелось рассмеяться.

...Я нашел их на одной из затерянных в Лесу полян, среди круговерти танцев — неистовых, наполненных хмельной радостью и искренней простотой. Нэльвё и Камелия сидели рядышком на поваленном дереве, с кружками хмельного меда в руках, и о чем-то болтали. По счастливым, разгоряченным лицам было видно, что они только-только шагнули из круга танцующих. Я улыбнулся, заметив вплетенные в непривычную тугую косу девушки белые лилии. Кажется, маленькая леди, так непохожая в своей непосредственности ни на смертных, ни на aelvis, понравилась fae.

— Но ведь Беллетайн! — наконец, закончила Камелия, потерянно взглянув на меня.

— Для меня это грустный праздник, — вымученно улыбнулся я. И, помедлив, продолжил, зная, что она все равно спросит: — С ним связаны... плохие воспоминания.

— Но разве что-то плохое может случиться в эту ночь?

Как много в твоём голосе слепой детской веры, маленькая леди! Мне так не хочется ее разрушать, но еще больше — лгать.

— Может, — губы болезненно искривились уже не в улыбке, а в какой-то болезненной гримасе. — Например, война.

Я кивнул Нэльвё на прощанье и, не дожидаясь, пока девушка очнется и засыплет меня вопросами, чуждыми этой ночи и особенно в ней невыносимыми, стал проталкиваться к тропке, ведущей прочь из Леса. Поляну, тонущую в ало-охристых отблесках костра и густо-черном кружеве тени, расцветивали всплески золота, зелени и сини. То края легких, невесомых, полупрозрачных юбок взметались за тонкостанными, залиvisto смеющимися девушками, которых подхватывали и кружили в танце.

...Когда я, наконец, вырвался из круга, мне уже ничего не хотелось. Меня самого не стало. В душе поселились усталость — и пустота, будто ее выпили без остатка.

Усталость — от Совета и тянувшегося за ним Долга, от вывернувшей душу, ковавшей из нее песни. От Миринэ — такой близко-далекой, недостижимой и вдруг чужой. От Беллетайна, в котором я, кажется, уже никогда не смогу слышать перезвоны серебряного смеха...

Я сам не заметил, как вышел из Леса на тонкую, изменчивую, тонущую в шепчущем море трав тропку. А когда заметил — вдруг остановился и вскинул голову к небу.

Звездная ночь обнимала меня со всех сторон туманной взвесью созвездий и ослепительной россыпью звезд. Бесконечно вокруг меня, не злая и холодная, а теплая, дышащая сладковатым, дурманным ароматом луговых трав, укрывавшая от невзгод и потерь... А я вновь вглядывался в этот бездонный колодец, в бесконечно глубокое, бескрайнее море, сам не понимая, зачем. Вглядывался, как раньше, в детстве... и потом — каждую ночь.

Я вглядывался в звездное небо, не мигая, как будто хотел отыскать, увидеть в нем что-то непонятное, неясное, но невозможно важное, без чего моя жизнь не будет стоять и лунного гроша... Вглядывался до боли, до рези в глазах, боясь моргнуть — и спугнуть.

И резко выбросил руку вверх и вперед, словно стараясь дотянуться до искристого небосвода. Но тщетно: бездна — ясноглазая и прекрасная — отпрянула с тихим смешком ветра.

Кто-то другой, незнакомый, но вдруг ставший мной, тихо прошептал:

— Где ты, моя звезда?..

...и на секунду — на одну-единственную секунду до того, как я сморгнул, не выдержав долгого взгляда — мне показалась, что где-то далеко, высоко, в той выси, до которой ни за что не дотянуться, ослепительной искрой вспыхнула та, что я так давно искал...

Как возмутительно эгоистично он поступил, бросившись прочь! О чем он только думал?!

«Ни о чем, — безжалостно, беспощадно правдиво к себе. — Просто струсил — и сбежал».

Сбежал — и для чего! Чтобы еще раз пренебречь долгом! Чтобы умереть от своей руки, от клинка драконьего пламени, потому что больше не в силах выдерживать этот груз!

Нет, он не стал тяжелее. Просто сам Эрелайн — сломался. Он пережил бы любое предательство — как сотни предательств, случавшихся прежде, таких привычных, что уже почти не ранят душу — но только не свое. Эрелайн не был готов к нему, хоть ждал с того самого дня, когда впервые увидел злые тени в своем взгляде. Все разрушилось в один миг. Надежды брызнули разбитыми зеркалами, раня осколками доверчиво протянутые руки, измученное, усталое сердце. То, чем он так долго жил, во что верил, вдруг оставило его, и у него не осталось ничего. Ни уверенности, что он сможет дойти до конца... ни веры в то, что он идет верным путем.

Сумасшедшая скачка в ночь, бег от себя — не разбирая дороги, сжигая мосты за спиной — не уняла боль в растерзанном сердце, но притупила ее. Ледяной ветер ворвался в разворошенную грудь дыханием северного моря, снежной вьюгой и поселился в нем тем холодом, который приходит на пепелище души, унимая последние отголоски пожара, когда сердце уже не может болеть.

Чувства ушли. Осталось то единственное, что не давало ему уйти; чем он оправдывал свое противное всем существование. Долг.

Долг, которому он обязан следовать. Долг, с которым лучше него никто не справится. Долг, который не позволит ему уйти и не-вернуться.

«Должен, должен, должен», — шепчут его сухие, обожженные ветром губы. Повторять, твердить неустанно, чтобы не забыть, чтобы всегда помнить и не сметь думать иначе. И гнать, гнать коня вперед, в ночь — навстречу все приближающимся огонькам Faerie Nebulis...

«Должен» — такое привычное, такое знакомое и бесспорное, дарящее покой и уверенность. Почти что колыбельная; песня, которую пели в детстве.

...А леди Ириенн, должно быть, уже давным-давно в зале... музыка молчит, и свечи, просыпавшиеся золотистыми искорками из звездного подола Ночи, уже давно не говорят, вспугнутые пришедшими к порогу дворца сумерками.

Взгляд Ириенн, конечно, по-прежнему полон ужаса и ненависти. Она клянет его на весь зал, клянет и клеймит, как клеймила при нем же: чудовищем, отродьем, не-человеком... «aelari». Какая сдержанная красота, какая обманчивая мягкость и звучность сокрыта в созвучиях этого короткого слова — и сколько в нем боли и ужаса, сломленных жизнью и проклятых судеб!

Кто из aelvis первым взглянул в Ночь? Кто принес это проклятье в мир, открыв ему дверь и пустив Ночь за порог? Что это за Ночь, Тьма — безлунная, нездешняя; злая и чуждая, противная всему живому? Откуда она пришла? Чье она порождение?

...и почему именно в его сердце она поселилась?

«Ты знаешь ответ», — холодно, бесстрастно — и безжалостно. Как все, что делает

разум.

Знает. Тьме не взяться из ниоткуда. А значит вот он, ответ. Пусть даже самый главный вопрос так и не был задан.

Они ждут его, несомненно. В том самом зале, среди блистания огней и зеркал... Не его, Эрелайна, — а чудовище.

Чудовище, которому нельзя верить ни на секунду — ведь он волк в овечьей шкуре; только лжет, всегда и во всем, выжидая, когда нанести удар. Чудовищу, которое можно только ненавидеть и бояться — и ненавидеть еще сильнее, презирая себя за страх.

...чудовище — это только чудовище. Оно не стоит жалости... и понимания. Чудовище можно только убить.

Они ждут его, чтобы исполнить то, что было суждено, и чего Эрелайн так давно ждал.

А он... он не будет сопротивляться. Сам сложит меч к ногам лорда-правителя, признавая покорность Воле, сам протянет руки, чтобы их связали, сам взойдет на поставленный ему эшафот.

Потому что он — только чудовище. И для них... и для себя. А чудовища не должны жить.

Даже если у чудовища есть душа.

* * *

Эрелайн остановился почти у самого крыльца Круга Фаз. Бросил поводья, спрыгнул с коня — и остановился.

Остановился, не в силах сделать ни шагу, в недостойной, позорной слабости сжав клинок драконьего пламени. Выдержка оставила Эрелайна, второй раз за эту ночь — и впервые за много лет, и он был этому неприятно удивлен.

«Делай, что должно», — твердил он себе, злясь на собственную трусость.

Должно... но как же тяжело решиться!

«Ты решился еще тогда, когда проклятье сгубило твой Дом, когда возненавидел и проклял себя проклятием более страшным, чем любые другие проклятья — ненавистью к себе. Решился сегодня, когда готов был отдать жизнь за ту, кто стал случайной жертвой в чужой игре, несмотря на ее презрение. Так к чему медлить теперь? О чем эти сомнения? Иди к тому, о чем так долго мечтал, но на что не имел права. Теперь это не право — обязанность. Умереть, забыть, никогда не жить и не помнить... Иди же!»

Пальцы безвольно разжались.

...Каждый шаг дается тяжело, словно он идет не по залитому светом и искристыми отблесками зеркал залу, а продирается сквозь толщу воды. Не вздохнуть. Каждый шаг осыпается пеплом непрожитых лет и несказанных фраз. Каждый шаг убивает его: понемногу, по чуть-чуть, но надежнее злого взгляда, жестокого слова или холодной стали. Каждый шаг — приговор, вынесенный самым строгим судьей. Собой. Каждый шаг — как шаг на пути во тьму.

Или на эшафот.

...Тихий ропот толпы, как шелест плещущей за окнами листвы парка. И страх, везде страх — в каждом вздохе, взгляде, жесте.

Страх... и нетерпение.

Эрелайн на миг сбивается с шага, но тут же выпрямляется, не сбавляя ход.

Да, страх есть, но ненависть... Ненависти нет, совсем.

Глупая, нелепая, совершенно бессмысленная сейчас надежда предательски закрадывается в сердце, трогая его когтистой кошачьей лапкой. А если... неужели... нет, чушь, конечно! Быть не может!

Но все же... а если она не сказала?..

Эрелайн вскинул голову, ища ее льдисто-голубой, колкий взгляд — и не находя.

Сердце, мучительно-спокойное, давно смилившееся с тем, что его ждет, странно замерло. И выдержка — только-только вновь ставшая, как прежде, безукоризненной и безупречной — разбилась осколками отражений.

Ступени лестницы — как возвышение эшафота. Эрелайн подходит к нему, тяжело печатая каждый шаг. Подойдя на расстояние вытянутой руки, замирает подле — и преклоняет колено перед лордом-правителем, молчаливым и бесстрастным.

...Прежде он думал, что умирать — легко, и быстрая смерть — лучшее, что можно подарить врагу. Потому что нет хуже пытки, чем ждать исполнения приговора, когда понимаешь: ничего не изменить.

Прежде.

...А сейчас был готов отдать вечность, только бы это мгновение никогда не кончалось, потому что прежде не чувствовал себя таким невозможно, безумно, по-настоящему живым.

Еще хотя бы сотню мгновений до смерти!

— Встаньте, лорд.

Эрелайн вздрогнул — и распахнул глаза. Замешкался на секунду, до последнего не веря в услышанное — а если веря, то не понимая — и резко, излишне торопливо поднялся.

— Это тот самый меч?

Он замер, не веря словам. «Меч»? Это все, что его интересует сейчас? Но как же...

Или... Неужели она все-таки не сказала?

— Да, мой лорд. Хотите взглянуть? — голос — еще отстраненнее, холоднее, чем обычно: за сдержанностью и спокойствием прячутся приведенные в смятение чувства.

— Нет, — излишне торопливо откестился лорд-правитель, не желая лишний раз не то, что прикасаться к мечу — смотреть на него. — A'shes-tairu вы убили им?

— Именно так, мой лорд.

Этвор молча кивнул, принимая его ответ, но и только.

Поджатые губы, нахмуренный брови, сдержанность эмоций — лорд-правитель выглядел непривычно. Легкости и улыбчивости, которая всегда сквозила в его взгляде, жестах и словах, исчезли.

Сгустившуюся тишину нарушило резкое, недовольное:

— Лорд-хранитель! — вырывая Эрелайн из раздумий.

Он поморщился, прекрасная зная и этот голос, и эти повелительные нотки в глубоком, богатом обертонами голосе, и вскинул голову.

Угадал. Снова. Потому что по лестнице спускалась, звонко чеканя шаг маленькими каблучками, леди-правительница. Подчеркнуто-сдержанная, величественная, с тускло пламенеющим взглядом и печатью скорби на лице.

Айори вьер Лиин образ жесткой и грозной, беспощадной леди-правительницы шел, но она так отчаянно переигрывала, что это воспринималось только игрой. Талантливой, безупречной, почти что естественной, но все равно не настоящей.

— Как вы могли допустить произошедшее?! — в такт шагам — так же тяжело, чеканно — говорила она, устремив взгляд только на него.

Брови нахмурены, губы поджаты, вокруг них залегли тревожные тени. Веер стиснут в побелевших пальцах. Твердый шаг, прямая осанка — и перила, за которые она так старательно цепляется, будто едва держится на ногах от перенесенных страданий. На лице — скорбь, отчаянье, потрясение, горечь утраты, облегчение, ненависть и презрение...

Ненависть к нему, разумеется.

— Прошу прощения?

— Как вы могли допустить, чтобы кто-то из Сумеречных угрожал нам? Как вы могли допустить, чтобы хоть кто-то из них вообще смог подобраться к Faerie Nebulis в ночь Беллетайна?!

— Моя леди...

— Это ваша вина, ваша ошибка! Даже не смейте надеяться, что...

— Леди, — тихо, едва повышая голос — ровно настолько, чтобы он разносился по всему залу — начал Эрелайн. Леди-правительница осеклась и замерла под его неожиданно потяжелевшим взглядом, не дойдя нескольких ступеней. Удостоверившись, что перебивать его не собираются, Эрелайн продолжил, спокойно и сдержанно: — Вы правы, это моя вина. И я приношу вам свои извинения. Ранее подобных инцидентов...

— «Инцидентов»! Моя дочь, наследница лорда-правителя Зеленых Холмов, едва не погибла, а для вас это всего лишь «инцидент»! Это трагедия!

— Если бы погиб кто-то другой из высоких лордов, надо полагать, это не было бы трагедией? — в его словах не звенела издевка, не струился яд — только холодная сталь. — Как не является трагедией и то, что сегодня в столкновении с отрядом Сумеречных погибли пятеро стражников?

— Да вы... вы просто... — задохнулась Айори. И выплюнула так, что ее голос дрожал от презрительности и злости: — Бесчувственное чудовище!

Бесстрастное, ничего не выражающее лицо Эрелайна исказилось уродливой маской, но всего на мгновение.

Он поднял взгляд — тяжелый, пронзительный, с грозowymi отблесками в глубинах иссиня-черных глаз — и негромко спросил:

— «Чудовище»?

Спросил, впервые посмеив оспорить это ненавистное слово.

Эрелайн не был уверен, что леди Ириенн промолчала и лорд-правитель ни о чем не знает, но хотел в это верить. Потому что это значило бы, что у него есть надежда и глупый, невозможный шанс оправдаться — перед ними, перед собой...

Оправдаться — и заставить поверить, что у него все-таки есть душа.

— Позвольте спросить — почему? — спросил он — холодно, невыразительно, но в напряженном голосе слышалась угроза.

— Ириенн — ваша невеста!

— Верно. И я готов был, презрев себя и свой долг, отдать свою жизнь в обмен на ее. Более того, не просто «был готов», а почти это сделал. Надо полагать, это вы считаете достойным чудовища?

— Вы сказали, что...

— Что для меня смерть любого из рода aelvis одинаково ужасна и неприемлема. Особенно — если происходит по моей вине. И я готов отдать свою жизнь за любого, кто

стал бы заложником в руках Сумеречной.

— И это, по-вашему, не бесчувственность?! — воскликнула она, стукнув веером по ладони и до боли сжав его тонкими пальцами.

— Это, по-моему, благородство. И прежде, чем выдвигать обвинения, будьте любезны ответить на один вопрос. Вы, моя леди, готовы отдать свою жизнь не за свой Дом, не за своих детей — а за человека вам незнакомого. Нет? Досадно! Тогда это вас стоит обвинять в бесчувственности, а не меня.

— Вы наносите мне оскорбление, — чуть не прошипела леди-правительница, зло и яростно.

— Не большее, чем вы мне, — жестко отчеканил Эрелайн.

Айори побледнела — теперь, наконец, по-настоящему. Губы дрогнули, золотые глаза вспыхнули опасным огнем. Леди была из тех, кого гнев делает только сильнее, никогда не заставляя бежать от сумятицы чувств.

Она больше не играла роль леди-правительницы — она ею стала.

— Правящий дом потерял к Вам доверие, лорд-хранитель. Вас отстраняют от командования внутренней стражей в день свадебной церемонии, — унизительно-приказной, нетерпящий возражений тон.

Сказав так, она развернулась на каблуках и неторопливо, с королевским достоинством удалилась из зала.

Злость, раздражение и упрямство, которые заставляли Эрелайна бороться, не отступаться в споре с ней, ушли, и его вновь охватило привычное безразличие, уводя от себя, позволяя забыть и не помнить.

Забыть, что он живой человек, а не орудие долга, не карающий меч Холмов... Забыть — и не чувствовать боли, отчаяния, бессилия перед судьбой.

Забыть — и принять. Потому что тому, кто не жил, не жалко умереть.

— Приношу вам свои извинения, лорд, — сухо начал лорд-правитель, вырвав его из размышлений. — Моя супруга несколько... забылась. Женщины, охваченные горем, часто позволяют себе лишнего. Думаю, вы поймете меня, — с легким нажимом закончил он, намекая на столкновение с Алишей.

Эрелайн слабо улыбнулся.

— Несомненно, мой лорд. Но я вынужден принести ответные извинения. Полагаю, что тоже являюсь виновником этой отвратительной... сцены.

Резкая, невыносимая боль пронзила ногу. Дыхание перехватило, слабость подогнула колени, и Эрелайн пошатнулся, сбившись на середине фразы.

Боль? Откуда?! Когда, где...

Проклятье! Та царапина! Почему она еще не затянулась?! И как давно болит, пока он, поглощенный черными мыслями и чувствами, замкнувшись в себе, ее не замечает?

Волевым усилием Эрелайн выпрямился, подавив слабость. Боль не ушла, но отступила, свернувшись клубком, затаившись. Он по-прежнему чувствовал ее, но теперь мог взять себя в руки и хранить маску прежнего спокойствия на лице.

— Лорд Эрелайн, вам нехорошо?

Проклятье! Все-таки заметил!

Эрелайн досадливо поморщился. И, спохватившись, резко прижал к телу руку, предательски ищущую хоть какую-то опоры. Но было, конечно же, слишком поздно.

— Нет, пустяки, — процедил лорд, надеясь, что Этвор не придаст этому значения. И

совершенно напрасно, потому что так просто переубедить лорда-правителя было невозможно.

Этвора сбежал с лестницы и обошел болезненно выпрямившегося Эрелайна быстрее, чем тот успел обернуться, и охнул:

— Вы ранены!

— Царапина, — отрезал Эрелайн и одернул штанину, запоздало пытаясь укрыть рану. — Она не стоит вашего внимания.

— Царапина или нет, она нанесена drakkaris flamarу, иначе уже затянулась бы!

— Я уверяю вас, все в порядке, — отчеканил Эрелайн, теряя терпение и даже не пытаясь смягчить резкость слов. — С вашего позволения я вернусь к стражникам, чтобы выяснить, как так получилось, что Сумеречная смогла проникнуть в Faerie Nebulis, обойдя патрули. И почему потери, которые мы понесли в столкновении, так высоки, когда их не должно было быть вообще.

— Не сходите с ума! — рявкнул лорд Этвора, отбросив обычные мягкие, уговаривающие интонации, как ненужную маску и заставив вздрогнуть даже Эрелайна. В голосе лорда-правителя звенела сталь, лицо застыло. Таким его видели редко, но если видели — спорить было бесполезно. Только беспрекословно подчиняться. — Если немедленно не приняться за лечение, боль не уйдет, и вы никогда не избавитесь от хромоты. А это точно не в интересах Холмов!

— Вы преувеличиваете, — негромко проговорил Эрелайн, но от сковавшего его голоса льда, казалось, огоньки свечей подернулись изморозью, а в воздухе зазвенела ясная и звонкая песня инея.

— Я преуменьшаю! Еще не от таких пустячных царапин, нанесенных клинком драконьего пламени, достойнейшие из достойнейших складывали свои жизни! Поручите выяснение случившегося кому-то из ваших доверенных лиц — и срочно ищите лекаря. Это приказ.

Эрелайн не желал отступать, но раньше, чем он успел возразить, из толпы, очертившей их полукругом, шагнула Сэйна. И, присев в столь изящном реверансе, что гораздо более именитым дамам оставалось только кусать губы, обратилась к лорду-правителю:

— Если мой господин сочтет это возможным, я могла бы заняться этим вопросом. Как гвардеец, я приносила клятву верности не только клану, но и лорду-хранителю, поэтому в моей верности сомневаться не приходится: она подкуплена жизнью.

Этвора взглянул на него взглядом победителя.

— Что вы скажете на это, лорд? — прекрасно зная, что Эрелайну нечем возразить, спросил лорд-правитель. Неприкрытое торжество так и звенело в его голосе, вновь обретшем мягкость.

Эрелайн не сказал ничего. Просто поднял на Этвора хмурый взгляд и, криво улыбнувшись, выдавил скупое:

— Спасибо. Вы правы, я иногда... слишком усердствую.

— И за это мы вам все бесконечно благодарны! — с чувством закончил Этвора, обращаясь уже не столько к нему, сколько к залу. Шепоток, круживший по залу с робостью дебютантки, заиграл в полную силу. — Посмотрите: вы же еле стоите без трости! — продолжил он досадливо. И нетерпеливо обратился к залу. — Кто-нибудь, принесите лорду стул! И позовите лекаря.

— Я уверяю вас, мой лорд: в Драконьих Когтях есть лекарь, — с легкой, едва уловимой

насмешкой перебил его Эрелайн. В глазах то и дело темнело от боли, и стоять становилось все тяжелее, но принимать чужую помощь он не хотел. Слишком унижительно. — Если вы не возражаете, я бы с куда большим удовольствием занялся лечением... дома. Думаю, отдых необходим мне не меньше колдовства.

— Не уверен, что вам стоит отправляться одному, — нахмурился правитель. — Я подыщу вам сопровождающего.

— Благодарю за заботу, но полагаю это...

От слабости, незаметно подкравшейся на мягких кошачьих лапах, закружилась голова. Тело вдруг стало каким-то странно легким, не имеющим веса. Слепо нащупав перила и вцепившись в них дрожащими пальцами, Эрелайн устоял, а потом обессиленно привалился к балюстраде лестницы.

Слово сорвалось с мгновенно пересохших губ сыпучим шелестом, слышимым в воцарившейся тишине даже в самых отдаленных уголках зала:

— ...излишним.

— В самом деле? — голос лорда-правителя сделался откровенно саркастичным. Лица Эрелайн не видел за расцветающими перед глазами черными пятнами.

Слабость не уходила, напротив, неотвратимо нарастала — как волны, набегающие на берег, неумолимо приближают последнюю, девятую. Эрелайн сжал перила так сильно, как только мог в надежде, что резкая вспышка боли прояснит сознание.

Каменная крошка брызнула из-под пальцев, опалая кожу царапинами. Перила больно ударили по спине, когда он сорвался, лишившись опоры.

Боль прокатилась дрожью по всему позвоночнику. Пальцы звенели. Сердце, обманутое чувством неконтролируемого падения, отчаянно колотилось.

Эта вспышка отняла у него последние силы. Эрелайн слепо нащупал перила, и, уцепившись за них, медленно опустился на ступени.

Слабость уходила постепенно. Чернота вытеснялась искрами света, и он вдруг разглядел в ослепительном сиянии зеркал одно из своих отражений. Благородная белизна кожи сменилась восковой бледностью. Черты лица болезненно заострились, вокруг глаз залегли тени. От тяжелого взгляда не осталось и следа: вместо звездной ночи — мутное море в шторм.

Обычные темно-синие глаза больного человека. И не верится, что еще недавно они могли пугать.

...рядом уже давно звенели испуганные женские голоса, но различил он их только сейчас. Как только сейчас понял, что кружившие в зеркале золотые, индиговые, лазоревые, опаловые всполохи — это платья суетсящихся вокруг него девушек.

Кажется, они, встревоженные, что-то спрашивали, а он не отвечал...

— ...в порядке?

— ...лорд-хранитель!

— ...Ах!

— ...бедненький...

Неожиданная злость накатила на Эрелайна. Он глубоко вдохнул, пытаюсь успокоить расшалившиеся нервы — и чуть не сорвался, услышав милый голосок:

— Лорд, возьмите мой платок! Мы перевяжем рану и...

«И что?!» — едва не рявкнул Эрелайн.

Какая же идиотка! Безнадежная, невыносимая идиотка.

«Впрочем, пусть лучше будет идиоткой», — с неожиданной горечью подумал он, вспомнив леди Ириенн. Она подозревала его с самого начала, с самой первой встречи, и непременно догадалась бы сама, если бы не невероятность, невозможность этой догадки. Aelari — среди бессмертных! И так долго! Почти невозможно поверить. Она и не поверила, пока не получила подтверждения.

Хотя что там этого «подтверждения»? Разве эта девица с батистовым платочком догадалась бы, что кроется за словами Сумеречной? «Смотрящий в ночь», «сердце, чернее ночи», «путь во тьму»... пустые слова для тех, кто не умеет слышать и слушать. Да что там — не умеет! Чтобы знать столько об aelari — самой черной из сказок старых времен — нужно любить предания и легенды. А чтобы узнать по одному лишь взгляду — обладать тонкостью чувств художника. Леди Ириенн располагала и тем, и другим... на его беду.

Эрелайн выдавил из себя кривую улыбку. Она исказила лицо гримасой боли, и причитания только усилились.

— Спасибо за вашу заботу, леди, — мягко, как мог, начал Эрелайн. Голос стал покатым, мурлыкающим: только сквозь мед слов иногда прорывалось злое рычание. — Очень признателен. Но ваш платок, леди Делирия, я принять не могу: боюсь, моя невеста может сочтет это оскорблением.

И, прежде чем девушки разразились новой порцией вздохов, ахов и стенаний, жестко спросил:

— Лорд Этвор еще не нашел того, кто согласится сопровождать меня?

— Вы удивительно вовремя спросили, друг мой!

Веселый, мягкий и непривычно искренний голос заставил Эрелайна вздрогнуть — и, облегченно выдохнув, откинуться на спину.

— И я рад вас видеть, Лоир. Очень. Думал, что вы не пришли.

— Я опоздал, — покаялся мужчина, неспешно подходя к нему.

Эрелайн улыбнулся при виде него, одетого, как обычно, с легкой небрежностью. В характере Лои было надеть рубашку наизнанку, застегнуть сюртук наискось, пропусти одну или две пуговицы, или и вовсе заляпать ворот краской... как, например, сейчас.

«Что рисовал на сей раз?» — невозмутимо спросил Эрелайн. Улыбка, адресованная единственному другу, вышла слабой, почти незаметной, но зато настоящей.

Лоир смутился и попытался поспешно стереть зеленый росчерк краски с воротника.

«Зря! Этот оттенок «удивительно шел к твоим глазам!» — оставаясь внешне невозмутимым, откровенно веселился Эрелайн. Лоир его веселья не разделял, скривившись, как если бы съел кислый лимон — но руку, помогая подняться, подал. Впрочем, в этом Эрелайн даже не сомневался.

Он ухватился за нее и рывком встал. Ногу прожгла острая, но короткая вспышка боли, почти сразу отступившая.

— Вы точно сможете переместиться? — любезно, но отчужденно полюбопытствовал подошедший Этвор.

— Я довольно частый гость в Драконьих Когтях, — с той же доброжелательной вежливостью ответил Лоир. — Не сомневайтесь.

— Проследите за тем, чтобы Эрелайн сразу же отправился к лекарю. Это приказ. Нап лорд-хранитель слишком мало думает о себе. Если с ним что-то случится, Холмы понесут невосполнимую потерю, — и добавил, с улыбкой: — как и мой дом. Мы должны вам нечто бесценное за жизнь дочери.

— Как... леди Ириенн?

Слова застревали в горле, царапая его острыми гранями сбивчивых чувств.

— С Ириенн все в порядке, — улыбка — настоящая, искренняя — озарила лицо правителя, когда он заговорил о дочери. — Она слишком сильно взволнована и не может прийти в себя. И потому, принеся извинения, была вынуждена покинуть бал. Я передам Ириенн, что вы справлялись о ее самочувствии. Думаю, ей будет приятна ваша забота.

Эрелайн еле подавил нервный смешок. О да! «Приятна»! Наверняка решит, что он горячо интересовался, жива она или нет, чтобы закончить начатое!

— До скорой встречи, лорд-хранитель, — легко, с оставшейся от воспоминания о дочери улыбкой, попрощался Этвор.

— До встречи, — сухо закончил Эрелайн, неприязненно поморщившись от резанувшего слух слова.

«Скорой»...

Даже слишком скорой встречи.

Зал, тонущий в золотой взвеси, растаял, чтобы соткаться из эфирных струн другим — пустым и холодным, незнакомым. Бледный свет изменчивой, неверной луны лился из-под высоких окон. Его не хватало, чтобы разогнать мрак: только чтобы расцветить черноту пепельно-жемчужной серостью и заставить сгуститься клубящиеся у подножий колонн тени.

Что-то знакомое чудилось в переплетении колонн, в темных сводах и призрачных кляксах окон. Но узнать Эрелайн не мог.

Он тяжело отстранился от Лоира, на которого опирался все это время. Слабость никуда не делась, и выпустила маленькие коготки сразу же, как только он выпрямился. Эрелайн покачнулся, но устоял. Вскинул голову, вглядываясь в очертания дальней стены, едва угадывающейся в темноте.

Мгновение колебания — и он спросил со смешком:

— Я все понимаю, Лои, — голос хриплый, глухой, как будто простуженный, — но зачем ты переместил нас в Тронный зал?

— В Тронный?!

* * *

Благостная темнота, мягкая и уютная, полнящаяся ночной тишиной и одиночеством, окутывала ее нежной вуалью. Иришь сидела в карете, дожидаясь леди-правительницу. Отец позволил покинуть им Беллетайн после... случившегося.

Улыбка искривила губы. Хотелось и плакать, и смеяться. Все казалось дурным сном: мутным, злым. Тяжесть чужого решения и чужой лжи легла ей на плечи. Проклятье Эрелайна стало ее проклятьем.

Иришь не рассказала о том, кто он: просто не смогла.

«Не смогла и не смогу», — со странной смесью горечи и отчаянной гордости добавила она.

Самое страшное, что может сделать судьба — исполнить желание. Иришь, прежде искавшая ответы со страстью и пылом мятежной души, теперь готова была бежать от них, не вынося тяжести решения, которое опустилось на ее плечи. Она должна рассказать, должна! Или нет?..

Как обречь на смерть того, кто ее не заслуживает? Как называть — и считать! — чудовищем того, кто им не является? То есть является, но не является! Как в детских сказках о принцах, превращенных в чудовищ... только вот в них, лживых, любое проклятье можно разрушить.

Иришь, на свою беду, смогла разглядеть за маской чудовища истерзанную проклятием душу. Да какую душу! Благородную, самоотверженную, жизнь отдавшую служению долгу! И как после этого выносить приговор, по какому праву? Иришь не выговорит, просто не сможет выговорить слова обвинения.

В этом вся беда — и вся горечь. Потому что неважно, есть ли у чудовища душа до тех пор, пока оно остается чудовищем. А Эрелайн им останется. До конца. И когда-нибудь станет только им — но тогда будет уже слишком поздно.

«У него нет ни единого шанса. Не расскажешь — погубишь множество жизней».

Рука, водившая до того по вышитым на спинке противоположной сидения узорам, бессильно опустилась.

«Расскажешь — погубишь его».

Сумеречная говорила, что у него осталось не так много времени... И он сам так говорил. Проклятье — врожденное. Сколько ему лет? Кажется, он немногим старше ее... Семьдесят?

— Семьдесят... — прошептала Иришь. — Семьдесят лет борьбы с проклятьем...

Она не слышала, чтобы кто-то из aelari продержался так долго. Обычно проклятье вырывается в детстве. Или позже, в пору вольной, не приемлющей запретов юности, щедрой на чувства.

— Семьдесят лет, — с неожиданной жалостью повторила Иришь. — Такой груз... Понятно, откуда эта сдержанность, паническая боязнь показать свои чувства — и испытывать их...

Иришь схватилась за виски, в которых предательски заломило. Нет, нет, нет! Не сметь сочувствовать ему! Не сметь понимать! Потому что иначе...

«Поздно, — с отчаянным смешком подумала она. — Слишком поздно».

И истерически рассмеялась.

«Извечная, какая же я идиотка!»

Иришь одинаково ненавидела себя за то, что собиралась сделать и не сделать. Ненавидела и презирала.

За малодушие и трусость, которые толкали ее к тому, чтобы выдать Эрелайна и забыть все, как страшный сон, покончив с ним — и с ненавистой свадьбой.

За детскую, граничащую с глупостью веру в чудо и в то, что его можно спасти, которые могут стоить стольких жизней.

...и за предательство, которое она уже совершила, никому ничего не сказав.

Это было каким-то безумием. Иришь уже трясло от переживаний, нервов и сумятицы чувств. Что бы она ни выбрала, как бы ни поступила — все равно ошибется. И ошибка обойдется слишком дорого.

Дорого, и что самое страшное — не ей.

Осознание замкнутого, порочного, проклятого круга сводило с ума. Ни выхода, ни брезжащего в обнявшей ее тьме света. Ничего. Чувства, желания, стремления и долг — разрозненные, противоречивые — терзали измученную девушку, раздирали на части в противостояния разума и сердца.

Она обессиленно обессилено опустилась на сиденье, сжавшись: пальцы зябко обхватили плечи, ноги поджаты к груди. Лежать в жестком корсете было неудобно, но сейчас это волновало ее меньше всего.

Иришь закрыла глаза. Сон не шел, но стало как будто бы чуточку легче — по крайней мере, ломота в висках поутихла. Темнота *ничто*, сменившая чернильную темноту кареты, помогла хоть немного отрешиться от терзающих ее мыслей.

Как бы хотелось сейчас уснуть насовсем... или, скажем, забыть все. Да, вот так: просто забыть.

Иришь слабо улыбнулась. Снова малодушие, черствость и трусость, снова нежелание брать ответственность.

Ответственность за чужую судьбу — и за выбор.

...шаги — летящие, разбивающиеся о вымощенную камнем дорожку перестуком каблучков — потревожили баюкавшие ее тишину, всколыхнули сонную дрему. Иришь поспешно вскочила, кое-как расправила безнадежно измятое платье.

Девушка едва успела смахнуть слезы, блестевшие на ресницах россыпью хрустальных искорок, прежде чем шаги оборвались. Дверца кареты распахнулась, и в нее шагнула не ночь, темноокая, склоняющая голову под тяжестью звездной короной, а обжигающий огненный вихрь, воплощенный по чьей-то насмешке в легкомысленно-прекрасной бессмертной.

Леди Айори пылала злостью, как пылает не костер, не жарко растопленный камин, а дикое пламя пожарища — яростное, безумное, всежигающее и готовое обернуться даже против того, кто выпустил его в ночь. Так зла Айори не была, кажется, даже когда леди вьер Шаньер посмела попрекнуть ее судьбой дома Темного льда. Иришь кожей чувствовала исходящий от матери жар: только шевельнись, шепни о себе — и сгоришь.

Иришь смотрела на Айори в немом изумлении, вглядываясь в такие знакомые — и такие чуждые ей черты, как если бы с ее глаз вдруг упала пелена. Она никогда не видела мать такой прежде, но почему-то ей вдруг подумалось, что это обличье подходит ей куда больше.

Нет, не так. Что это обличье — настоящее.

— Отвратительный человек!.. Возмутительное поведение! — восклицала Айори, не замечая ее странного изучающего взгляда.

Иришь осторожно спросила, стараясь не задеть мать — незнакомую и оттого опасную:

— Мы уезжаем?

— Уезжаем! Немедленно! — она развернулась, шурша подолом драгоценного платья, и требовательно постучалась в оконце кареты: — Домой, Джеррен! Немедленно! — и тут только, кажется, очнулась от пьянящего ее гнева.

От ярости, владевшей ей без остатка, осталась только злые искорки в расплавленном золоте глаз, которые тут же погасли, опасно вспыхнув.

— Ох... прости, милая, — Айори провела пальцами, затянутыми шелком перчатки, по вновь безупречно прекрасному лицу, стирая усталость. Виновато улыбнувшись, она повторила мягко-вкрадчиво, с сожалением: — Прости. Сама не знаю, что на меня нашло. Как ты?

Иришь прикусила язык, с которого едва не слетело скупое: «прекрасно!». Леди-правительница вряд ли поверит такому ответу: только разозлится. Как злится всегда, когда кто-то смеет выказывать неповиновение.

Пауза непозволительно затягивалась. Иришь попыталась изобразить улыбку, усталую и измученную, и слабо сказала:

— Ужасно. Не могу отойти от пережитого.

Подумав, что слова звучат слишком сухо и оттого неискренне, Иришь поспешно добавила:

— Как подумаю, что могла умереть сегодня — сердце замирает.

Добавила — и вдруг поняла, что не играет.

Голос, сухой, как тростиночка, надломился — и оборвался. И в теплом дыхании весенней ночи ей вдруг стало зябко.

— Сумеречная на Беллетайне! — со злостью воскликнула Айори. — Возмутительно!

Иришь вздрогнула, вырываясь из цепких пут предчувствия, и подняла на нее взгляд.

Глаза матери недобро полыхнули, а спокойствие, которое она надела на лицо изящной расписной маской, брызнуло осколками разбитого зеркала. И она продолжила, так же раздраженно, негодуя, почти оскорбленно:

— Недопустимо! Прежде такого не случалось!

«Случалось, — машинально поправила ее Иришь. — В первые годы после Рассвета, в котором растаял ужас Тысячелетней ночи, и, кажется, в 4075 году, когда вьер Фьорре сплели заговор против дома Темного льда, спровоцировав раскол в Холмах и тем ослабив их».

Но повторять это вслух она не стала.

— Как безответственно! — продолжала рассыпаться в обвинениях Айори. — То, что могло случиться с тобой... это преступно! Непростительно! Я ему этого не забуду!

— Но матушка, — в голосе Иришь звучало удивление, — он ведь спас меня.

— Тебе вообще ничего не должно было угрожать! Это его ошибка, его вина! Какая безответственность: предаваться веселью, когда от тебя зависят сотни жизней! И как предаваться — танцуя на балу!.. — веер, которым она с ненавистью стукнула о дверцу кареты, жалобно треснул — безнадежно искалеченный, смятый.

Иришь показалось, что она ослышалась.

— Но ведь Эрелайн пришел на бал только потому, что ты настояла!

— Значит, нужно было отказаться!

— Но тогда бы ты сочла это оскорблением! — воскликнула Иришь.

Айори замерла — и перевела на нее золотой, дрожащий от переливов пламени взгляд.

— Ты его защищаешь, — прошептала Айори. — Ты смеешь его защищать! — и обвиняюще продолжил, не найдя больше, чем возразить: — Ненавидела, а теперь защищаешь!

Иришь вздрогнула от вопроса. Да, ненавидела — раньше. А теперь?

Боялась? Жалела? Уважала?..

— Не защищаю. Возражаю.

Ни один проблеск чувств не прозвучал в ее голосе, не пробежал по лицу предательской тенью, выдавая охватившее ее смятение.

— Если возражаешь, значит я не права?

От вкрадчивого, обманчиво-мягкого голоса Айори по открытым плечам Иришь пробежала дрожь.

Нужно было что-то сказать, как-то сгладить неловкость, но Иришь не знала, как. Отвечать правду — нельзя, молчать — тоже. Уйти от ответа она не сможет, как не сможет увести разговор туда, куда нужно ей. Безнадежно.

Напряжение, звеневшее перетянутой струной, вдруг оборвалось. Злость, владевшая Айори, отпустила ее, и она улыбнулась почти виновато.

— Прости, я опять на тебя давлю, — негромко, с сожалением сказала она и потянулась к Иришь.

Девушке стоило большого усилия не отшатнуться, позволив ей мягко погладить щеку.

Пальцы Айори не были холодными. Напротив: такими горячими, что кожу неприятно закололо.

— Вы — самое дорогое, что у меня есть, — тихо начала она, не сводя с Иришь нежного взгляда. — И я очень боюсь вас потерять. Поэтому сейчас, когда это едва не случилось, мне так тяжело держать себя в руках.

Айори порывисто подалась вперед — и обняла ее. Прежде сердце Иришь бы замерло, пропустив удар, а теперь не сбилось с привычного хода.

Леди-правительница говорила так искренне и проникновенно, что ей невозможно было не поверить — но Иришь не верила. После сегодняшних потрясений она увидела ее как никогда ясно, словно с глаз вдруг сдернули бархатную повязку.

Сколько еще неприятных прозрений ее ждет?

Иришь вымученно улыбнулась. Больше всего ей хотелось брезгливо отодвинуться, выпутаться из кольца рук матери. К ее облегчению, она отстранилась сама. Расплела ласковые, удушающе-тяжелые, как аромат роз, объятия и ласково погладила ее по волосам.

— Уже совсем скоро приедем.

— «Скоро»? — запоздало насторожилась Иришь. — Мы не в Излом Полуночи?

— В этом нет смысла. До свадьбы остался всего день. Мы остаемся в Арьеннесе.

— День? — прошептала Иришь, отказываясь верить услышанному. — Но разве...

— Разве «что»? — холодно спросила Айори, смотря на нее с прежней жестокостью.

— Ничего.

Иришь вновь обессиленно откинулась на спинку сидения. Силы оставили ее.

Силы — и какая бы то ни было уверенность. Сумятица чувств, едва улегшись, вновь закружила ее, не давая остановиться, подумать и, наконец, решить...

За окном давно занимался рассвет. В комнате было темно: ни единый, даже самый робкий лучик не пробивался сквозь плотно задернутые шторы. Жарко горел камин, но растопить холод, звенящий в воздухе, морозным дыханием оседающий на волосах и ледящий кровь, не мог — как не могла поющая в его руках скрипка.

Скрипка плакала и смеялась, всхлипывала и пела под дрожащим смычком: мягко, переливчато, звонко — и резко, порывисто; с надрывом, надломом.

Плакала и смеялась вместо него.

...Пальцы жгло от впивающихся с каждой нотой струн, и боль выливалась отдельной мелодией, вплетаясь в основное звучание трели, повторяясь, дробясь. Эрелайн играл — и не мог остановиться. Губы шептали, беззвучно, молчаливо: «Пой за меня, плач за меня — прошу! Только не молчи! Потому что я — не могу, а молчать больше нет сил».

Быстрее, быстрее, едва перебирая струны, едва касаясь их в нервных, резких движениях. Быстрее, в погоне за чем-то недостижимым, неуловимым — и от себя. Со струн срываются диссонансы, скрипка уже не поет, а вскрикивает, не плачет — рыдает, но и это каким-то непостижимым, дьявольским образом складывается в мелодию.

В дьявольскую мелодию.

Быстрее, больнее, тоньше, звонче! Пронзительнее до невозможности!

— Айн? — негромкое, мягкое, успокаивающее — едва слышное.

Скрипка вскрикивает, раз за разом, как под ударом плети. Вскрикивает, всхлипывает — и плачет навзрыд, захлебываясь, срываясь в диссонансах.

— Айн! — почти укоризненное. Шаги — тихие, глухие, тонущие в мягком ворсе ковра.

Музыка срывается в одном бесконечном крике, плаче, вое, терзая душу, разрывая сердце, пробирая — и пробираясь. Быстрее, быстрее! С анданте на аллегро! Злее, отчаяннее, еще больнее!

— Да отложи эту проклятую скрипку, наконец!

Скрипка взвизгнула не-созвучием — и оборвала ноту, захлебываясь криком. Лопнувшая струна хлестнула по лицу, обжигая щеку жарким поцелуем.

Рука со смычком безвольно упала. Взгляд такой же пустой, безвольный. Дыхание сбито, как будто он не играл — бежал. Сил совсем нет.

— Айн! — уже не злое, а спокойно-раздраженное. Рассудительное и предупреждающее. — Не перестанешь меня пугать — врежу!

Эрелайн вздрогнул. Взгляд, затуманенный, смотрящий куда-то вдаль немного прояснился и сфокусировался на друге. На лице отразилось выражение крайнего скепсиса.

— Что-что ты сделаешь? — переспросил он, как будто не услышав. В голосе, приглушенном и охрипшем после долгого молчания, прорезались знакомые ироничные нотки.

Лоир вздохнул с облегчением. Пройдя в комнату, повторил с какой-то затаенной гордостью:

— Врежу! — и упал в кресло.

— Ты? Мне? — Эрелайн с сомнением вскинул бровь. Улыбка, настоящая, радостная, без тени грусти, на секунду озарила его измученное тяжелой ночью лицо — и погасла.

Он бережно опустил скрипку на стол, с нежностью провел по ней ладонью.

Побарабанил по рабочему столу, не зная, куда себя деть. И, с сомнением глянув на стул, так и остался стоять.

— Конечно! — торжественно подтвердил Лои.

— Ну-ну! — фыркнул Эрелайн. — Хотел бы я на это посмотреть!

— Показать?

— Нет, спасибо, — на этот раз улыбка вышла вымученной. — Лишаться друга сейчас было бы... некстати.

— Что случилось? — прямо и без обиняков спросил Лоир, становясь неожиданно серьезным. — Сегодня ночью, в Беллетайн. Ты так и не рассказал.

Эрелайн не вздрогнул, не изменился в лице, не ссутулился. Напротив: болезненно выпрямился. Не мужчина — натянутая струна, дрожащая от напряжения. Лицо, только что по-мальчишески лукавое, застыло невыразительной маской, прибавив ему десяток лет.

...к окну отвернулся не Эрелайн — лорд дома вьер Шаньер.

— A'shes-tairu смогли обойти стражу. Одна из них взяла леди Ириенн в заложницы и шантажировала меня ее жизнью, — сухо, коротко, безразлично. Голос вновь омертвел, из него ушла жизнь.

— Это я слышал! Но все же разрешилось. Разве нет?

— Сумеречная была столь любезна, что несколько раз напомнила о моем проклятии. А леди Ириенн слишком умна и начитанна, чтобы не понять, что A'shes-tairu имеет в виду.

— То есть она...

— Знает, — подтвердил Эрелайн. В одном коротком слове смешались и злость, и отчаяние, и обреченность.

— И?..

— У нас... состоялся пренеприятный разговор. Леди вполне определенно сказала, *чем* она меня считает, добавив в конце несколько слов о моей семье и о том, что Ночь преданных клятв — наше наказание. Заслуженное наказание.

Повисла гнетущая тишина.

— Но... кхм... — Лои кашлянул. — Она, кажется, еще жива?

— Жива, — Эрелайн криво улыбнулся, — но ты прав. Я почти сорвался.

— И что будет теперь? — голос Лоира нервно подрагивал несмотря на все его попытки сохранить спокойствие.

— Не знаю, — просто сказал Эрелайн, резко развернувшись. И с нервным смешком продолжил: — Не знаю. Я возвращался на бал как на смертную казнь, смиренно и коленопреклонно, — а там меня Этвор благодарит за спасение дочери! И даже не подозревает, кого благодарит!

— То есть... — Лои нервно облизнул пересохшие губы, не решаясь огласить такой желанный, но почти невозможный ответ.

— Она не сказала? Похоже, что да.

— Но это же!.. — воскликнул Лои, вскакивая с кресла, и радостно шагнул навстречу, но отпрянул, натолкнувшись на стену из свинцово-синего взгляда.

— Что?

— Ну... — смутился художник. — Значит, она не выдаст?

Эрелайн, не выдержав, рассмеялся. Но веселья в его голосе не было.

— Ириенн не будет молчать. Я уверен.

— Тогда почему она до сих пор не рассказала? — возразил Лоир. — Может быть все-

таки...

— Исключено.

— Тогда почему?!

— Не знаю, — огрызнулся Эрелайн и с силой, до противного хруста, сжал ладони. Сегодня он был возмутительно не сдержан. И, глубоко вздохнув, продолжил спокойно и терпеливо: — Лои, я слышал, что она говорила. И видел ее взгляд.

— Может быть, ты ошибся? Или ошиблась она, и все еще может измениться?

— Это не тот случай, когда что-то может измениться.

— И все равно, — настойчиво продолжил Лоир, — я бы не был так уверен. Стоит дождаться завтра. Хотя бы — завтра.

— Да не будет никакого завтра! — рявкнул Эрелайн, не выдержав.

Руки нервно подрагивали, требуя хоть перо, хоть смычок, хоть меч, чтобы унять сбивчивые, перепуганные чувства. Отчаянно хотелось что-то делать, куда-то идти, что-то решать — только бы не думать, не метаться в проклятом замкнутом круге.

Так и не придумав, чем занять руки, Эрелайн засунул их в карманы. Потребность действовать — немедленно, без промедления — никуда не ушла, и он нервно заходил по комнате.

— «Передумать»! Может, еще и «простить»? Простить можно за предательство, за измену. Но за проклятье?!

— Ты преувеличиваешь.

— Преувеличиваю?! — Эрелайн сбился с шага. И резко развернулся к другу, рявкнув: — Да я преуменьшаю! Я — чудовище, Лои, и чуть не убил ее! Что здесь изменится? Что?!

— Ты сказал, что Сумеречная шантажировала тебя ее жизнью, — помедлив, тихо сказал Лоир. — Но не сказал, что было дальше. И чего она хотела.

— Мою жизнь в обмен на ее.

— И ты согласился?

— Я не имел права отказаться.

— И... что было после?

— А после, — губ Эрелайна коснулась слабая улыбка, — после взошла луна. Ириенн ушла по лунному лучу, и я смог схлестнуться с Сумеречной.

— Ушла, но дождалась тебя? Раз вы говорили? — переспросил Лоир. И, не дожидаясь ответа, быстро продолжил: — Ты готов был отдать за нее жизнь, просто потому, что должен. А потом — отпустил, дал ей уйти тогда, когда она узнала твой секрет. Разве после этого она может считать тебя чудовищем, не знающим жалости? Ведь что-то остановило ее. Тогда — и сейчас.

— Я не знаю, что остановило ее, но тогда, когда я подошел к ней, она не дала сказать мне ни слова. Я видел, я чувствовал ее ненависть, а потом, когда сорвался — ее страх. Этого ничто не изменит, — Эрелайн покачал головой. И остановился, оперевшись о стену. Ярость опалила душу, выжгла дотла, оставив только соленый привкус пепла на губах — и пустоту. — Теперь — ничто.

Разговор угас, как гаснет одинокий костер, замеченный снегом. Молчание, воцарившееся следом, не было напряженным или злым. Только холодным, снежным... потерянным.

— Я не знаю, что делать, — негромко начал Эрелайн, подняв усталый, невыразительный взгляд на друга — впервые за разговор. Губы его дрогнули в слабом

подобии улыбки. — И не знаю... стоит ли?

— Что? — глупо спросил Лои, не веря услышанному. А когда понял, что Эрелайн не шутит, воскликнул: — Что значит «стоит ли»?!

— Я себя не контролирую, — легко сказал Эрелайн и улыбнулся. Так просто, как будто речь шла о сущей ерунде.

Просто, устало... беспомощно.

И добавил:

— Вообще.

— Айн, — не сводя с него настороженного, тревожного взгляда, начал Лои. — Ты же не собираешься...

— Не собираюсь, — подтвердил он. — Не собираюсь делать ничего.

И резко продолжил, раздражаясь неодобрению, мелькнувшему в травянисто-зеленых глазах:

— А что я должен делать? Нет, не так — что я могу сделать? Я не знаю, как развивается ситуация, не знаю заданных условий. Почему Иришь не рассказала обо мне? Что ей движет? Чего она хочет, ждет — или чего боится? Если она решила молчать, как надолго хватит ее терпения и что может заставить ее передумать? А если я не прав, и она все рассказала? Чего хочет Этвор? Почему он бездействует? Я не знаю. Впрочем, даже если бы знал — это ничего не изменило бы.

Всплеск чувств на мгновение всколыхнул угасшее пламя души, заставив его воспрянуть, потянуться ввысь, но почти сразу же сошел на нет. Огненные всполохи опали, исчезая в сыпуче вздыхающим под стопами пепле.

— Что я могу сделать? Бежать? — с горькой усмешкой спросил Эрелайн. — Предав, тем самым, долг, который должен нести по праву рождения? Но что тогда? Что тогда я сохраню, Лои? Себя? Себя я потерял так давно, что, кажется, никогда не имел. Жизнь? Что это за жизнь, когда нужно контролировать каждый шаг, каждый взгляд, каждый вздох, и не спать всю ночь, забываясь только на рассвете, потому что так страшно, что однажды проснусь не я, а она. Ночь, которая будет не только смотреть моими глазами, не только сжигать сердце — но и жить мной, дышать мной. Я не хочу этого, и не позволю.

— И? — хмуро спросил Лои, поджав руки.

— «И»? — повторил Эрелайн, обращаясь к себе. И, не ответив, отвернулся.

Медленно подошел к окну. Поколебавшись, сжал шторы — и резким движением раздернул их. Солнечный свет брызнул из окна, опалив взгляд сияющей белизной.

Он тяжело оперся руками о подоконник, опустил голову.

Действительно — «и»? Что ему делать?

Эрелайн поднял взгляд от блекло-серого, с искристыми белыми прожилками камня. Перед ним разверзалась бездна неба, пронизанная солнцем и светом — нежно-золотистым, мягким, рассеянным в предутренней дымке. Рассвет, совсем недавно только зарождавшийся в мгlistой серости, теперь вошел в свои права.

Еще одна бессонная ночь позади. Бессонная — и худшая из всех, что он знал.

Чувства, которые еще недавно жгли его, вплеснувшиеся яростным пламенем скрипичных нот, теперь потухли. Вслед за безразличием выгоревшей дотла души накатила усталость. Хотелось лечь — и забыться тревожным сном, до полудня.

А лучше — навсегда.

...ответ, уже высказанный, но так долго не принимаемый, вертелся на языке.

Эрелайн с силой оттолкнулся от подоконника и обернулся. Ладонь мазнула по шершавому, приятно охлаждающему кожу камню.

— И ничего. Все будет так, как прежде. Идти с повинной я не собираюсь. Но если все узнают... что ж.

Пальцы, в такт задумчивости, забарабанили по подоконнику.

— Я не буду сопротивляться. Выбор, жить мне или нет, останется за ними.

— «Выбор»... — с горьким смешком откинулся Лои, точно слабое эхо. — «Выбор»! Ты всерьез думаешь, что они будут способны сделать его? Как повела себя леди Ириенн, узнав?

— Как? — голос Эрелайна дрогнул, но лицо осталось по-прежнему безразличным. Только усталым до невозможности. — Как с чудовищем.

— Они не будут ни выбирать, ни судить. Ты знаешь это. Стоит им узнать, как они обезумят, став чудовищами в своей жестокости.

Лои поднял взгляд — выцветший, обессиленный, как бы безмолвно спрашивающий и ждущий ответа.

Эрелайн покачал головой.

— Но ты даже не...

— В конечном счете, у меня всего два пути: захлебнуться Тьмой, потеряв себя и забыв о себе, или шагнуть на эшафот. И знаешь...

Он замолчал, на мгновение, чему-то грустно улыбнувшись, и закончил:

— Я предпочту второе.

— Всегда есть другой путь, — Лои покачал головой, зная, что не переубедит, но не желая отступить.

— Я не верю в него.

Эрелайн отвернулся, показывая, что не собирается продолжать разговор. Подошел к столу. Нежно провел пальцами по скрипке — такой теплой, живой, родной...

Звука шагов он не слышал — только легкий стук, с которым за Лоиром закрылась дверь. Сам не зная, зачем, он обернулся, провожая ушедшего друга долгим взглядом.

Опомнившись, Эрелайн качнул головой, стряхивая овладевшую им задумчивость. Бережно убрал скрипку в стоящий рядом, на столе же, футляр. Защелкнул его, подхватил и направился к двери, ведущей в спальню. Маленькую, небольшую, тонущую в свете — штор в комнате не было.

День жег, мучил его; день обещал борьбу. Ночь успокаивала, дарила любовь, утешение... и этим была гораздо страшнее невозможно-ясного дня. Поэтому в свои сны он ее никогда не впускал.

* * *

То же зеркало — только больше оно не дрожит в неверном свете свечей, а изменчивые тени, таящиеся в его глубине, растаяли в светлой ясности дня. Черные локоны не обнимают острые плечи ночной мглой, а собраны в высокую прическу, подчиненную строгой четкости линий. Нить жемчуга не лежит на тонкой шее — сдавливает ее. Пальцы нервно комкают кружево. Прежде ясные, льдисто-голубые озера глаз теперь укутаны дождливой пеленой.

То же зеркало, только теперь ему нечего предсказывать: время пришло, и то, что еще недавно было возможным, стало единственно-настоящим.

— Вы прекрасны, леди! — восхищенно всплеснула руками фрейлина, отходя на шаг и любуясь ей.

— Восхитительны! Вы будете самой прекрасной невестой в Зеленых Холмах!

Иришь горько поджала губы, едва удерживаясь от слез.

Да, самой прекрасной! Самой прекрасной — и самой несчастной! И как бы свадьба вскорости не сменилась трауром.

«Не сменится, — жестко оборвала она себя. — Эрелайн ничего тебе не сделает».

Оборвала — и невольно додумала, хотя отдала бы все, чтобы не продолжать эту мысль:

«Не сделает... пока будет оставаться собой».

— Нужно позвать госпожу, — убрав посеребренные ножнички в футляр и закрыв его с сухим щелчком, сказала фрейлина, темноволосая и темноглазая.

— Позовите госпожу! — вторила ей другая, с копной рыжих волос и выбеленными веснушками.

— Кто-нибудь, кто-нибудь, позовите госпожу!

Приступ мигрени сдавил виски Иришь: ей невыносимы были звонкие, залиvistые, восторженные восклицания девушек, которых она видела впервые, но которые прислуживали ей так преданно, будто делали это уже не раз.

Упоминание матери ударило не тупым ударом в висок, а раскаленной иглою — в сердце.

«Тебя я видеть точно не хочу», — сжав пальцы так, что ногти впились в ладонь, отчаянно подумала Иришь.

...Вчерашний день прошел, как в тумане: в какой-то момент ее измученное сомнениями и противоречиями сердце просто устало терзаться и бороться — и выгорело дотла. Теперь она смотрела на все как бы сквозь молочно-белую пелену, туманную дымку, не искажающую, но странно скрадывающую, притупляющую чувства.

Иришь помнила придворных лекарей, дотошно интересующихся ее самочувствием, и свои скупые безразличные ответы. Помнила обеспокоенные, мягкие расспросы отца — и цепкие, вытравливающие душу вопросы матери. Помнила теплоту отцовских рук и дарреновых глаз — краткую, но озарившую ее день робким лучиком света, тут же растаявшим в сумерках хмурого дня.

Под вечер ее, наконец, оставили в покое. Иришь медленным, нетвердым шагом подошла к кровати — и в изнеможении упала на нее, закрыв глаза. Забыться сном она не смогла. Так и пролежала, не шевелясь и едва дыша, ни о чем не думая, ничего не желая и ни о чем не жалея. Глаза оставались сухи: у нее больше не осталось слез.

После ужина, любезно принесенного ей в покои, Иришь немного ожила. Во всяком случае, смогла заставить себя сесть и полистать любимые книги. Пробовала играть, но почти сразу с сожалением опустила крышку фортепиано: у нее не осталось ни единой эмоции, ни капельки чувства — ничего, что можно было сплести в музыку. Книги немного развеяли дождливую пелену, застелившую ее взгляд, и она сама не заметила, как уснула.

Но это было вчера. Сегодня ее ждало венчание.

Оно, как всегда в Зеленых Холмах, должно было начаться с последним лучом солнца, но первые гости прибывали уже после полудня, и их надлежало встречать будущим супругам...

При мысли об Эрелайне сердце Иришь испуганно и отчаянно сжалось.

Страх, упрямство, жалость к себе, надежда, ненависть, сомнение... Противоречиво, невыносимо противоречиво!

За последние сутки она столько раз думала об этом, что сейчас просто не в силах была начинать все снова. И зачем думать? Все уже решилось, просто и жестоко.

Иришь не могла обречь его на смерть, как ни пыталась убедить себя в обратном. Выбор, который она так боялась сделать, изводя себя сомнениями, на самом деле никогда не существовал. Оставалось только признать — и принять его.

— Вы были правы, Беата. Ириенн действительно прекрасна.

Девушке дорогого стоило не скривиться при мягких, обманчиво-ласковых нотках знакомого голоса.

Ей следовало бы приветствовать мать реверансом — почтительным, сдержанно-радостным — и робкой улыбкой. Следовало бы. Но она осталась сидеть, даже не повернув головы в знак внимания. Будь на ее лице написан хоть малейший оттенок чувств, и этот жест выглядел бы оскорбительным, а сейчас — равнодушным.

Гнев, злость, отчаянье — все спряталось за лживым равнодушием. Лицо Иришь казалось прекрасной застывшей маской, безупречной и неживой. Улыбка не касалась ее губ, черты не искажались ни тревогой, ни радостью, а в глазах, потемневших от слез, невозможно было услышать отголоски чувств.

Маска, не лицо. Неживая лживая маска. Чересчур идеальная, слишком совершенная, чтобы быть живой.

Ей вдруг стало жутко, и она опустила ресницы, разрывая нить странного и страшного взгляда с той, кто смотрит на нее из зеркала.

Зашелестели юбки, скрипнул паркет под чьими-то шагами. Тяжелый, удушающе-сладкий аромат духов сжал виски, золотистый локон мазнул по плечу, и ее ласково обняли за плечи.

От прикосновения матери Иришь болезненно выпрямилась, точно натянутая до звона струна.

— Поверить не могу, что настал этот день, — улыбнулась ей Айори из зеркала. Золотой взгляд, золотые серьги, золотые кольца, золотая корона в золотых волосах, золотое шитье на пенно-золотом платье... Цвет не янтаря, не солнца, а золота.

Золото... Изменчивый кровавый металл, неверный и лживый. В этом вся она — ослепительная и обманчивая, ведущая за собой во тьму, в бездну.

— Я тоже.

— Ну же, душа моя! Улыбнись! — улыбка — не золотая, а карминно-алая — коснулась ее губ, пальцы ободряюще огладили плечи, а сама она прислонилась к стулу, склонившись к дочери: — Ты будешь самой прекрасной, а этот день — твоим! Все поклоны, восторги, вся музыка — твоя и в твою честь! Это ли не чудесно?

Дрожь безразличия и злости пробежала по рукам. Губы Иришь дрогнули, и она попыталась улыбнуться:

— Чудесно, мама. Я ужасно рада.

И ведь верно! Действительно — ужасно.

Айори выпрямилась. Отошла на шаг, окидывая ее взглядом... и Иришь увидела то, что заставило ее похолодеть. Увидела самое чудовищное, самое невозможное, что только можно увидеть — и чего бы лучше бы никогда не видела и не знала!

Иришь увидела в ее глазах любовь.

Любовь! Все, что Айори делает и когда-либо делала, сделано не для себя — для них! Все ее лицемерие, вся эта игра масок и лживость только для того, чтобы сделать их

счастливыми!

Только что она, слышащая только себя, может знать о счастье других?

Леди-правительница бесконечно ласково погладила Иришь по плечам, улыбнулась и сказала:

— Все будет прекрасно, душа моя. О таком мы не могли и мечтать! Я обещаю.

Напоследок сжав ее плечи, Айори развернулась — и, всплеснув золотистым подолом платья, покинула будуар.

Иришь не сводила взгляда с ее отражения, исчезающего в зеркальной дали. И, не удержавшись, обернулась — сама не зная, зачем.

— Леди-леди! — защebetали испуганные фрейлины, о которых она уже успела позабыть. — Не шевелитесь! Не делайте таких порывистых движений! Будьте осмотрительны! Ваша прическа, Ваше платье!..

Внезапное раздражение, усиленное не проходящей мигренью и коротким разговором с матерью, захлестнуло ее с головой. Пальцы сжались уже не нервно и отчаянно, а в попытке сдержать переполняющий гнев.

— Прочь, — негромко сказала Иришь, прикрыв глаза. Молоточки мигрени уже ударили в виски, заставляя ее морщиться и прикусывать губу в надежде заглушить одну боль другой.

— Прочь! — рявкнула она, громче и злее, когда фрейлины даже не шелохнулись. — Немедленно! Я не ясно выражаюсь?

Ставший жестоким и злым голос заставил фрейлин занервничать и засомневаться, но не исполнить приказ.

— Нам велено... — нерешительно начала одна из девушек — та, что занималась ее прической, с серебряными ножницами — но, встретившись с уже не мгlistо-туманным, а ледяным до прозрачности и ясности северных вод взглядом, осеклась. И, почтительно склонив голову, молча покинула будуар.

Иришь с ненавистью взглянула на свое отражение. Из зеркала на нее смотрела не она сама, а кто-то другой. Хотелось сорвать с себя платье, растрепать кудри, вырвав из сложной прически все шпильки и гребни, смыть белила...

Хотелось, но нельзя. Потому что с Айори бессмысленно воевать. Она ослеплена своей любовью и пойдет на все, на любую жестокость, только бы добиться для них счастья. Даже против их воли.

Иришь коснулась зеркала, соприкасаясь кончиками пальцев с той, кто смотрела на нее оттуда.

«Бессмысленно воевать...»

Пальцы медленно заскользили вниз, не размыкая странного прикосновения.

Да, бессмысленно. Сейчас — бессмысленно. Но если она станет женой Эрелайна... больше Айори не сможет ей приказывать. И Иришь получит свободу.

«Свободу»!.. Какую свободу! Что за насмешка?!

Ногти скрежетнули по зеркалу, бессильно и отчаянно, и Иришь отдернула руку.

Даже если она не ошиблась в Эрелайне, и он действительно из тех, кто может дать ей свободу, какой от нее прок, когда тьма завладеет им без остатка?! Когда он сам станет тьмой?

И когда ночь, выплеснувшаяся ясным полднем, захлестнет Драконыи Когти, обрекая на забвение все, до чего сможет дотянуться?

Иришь отшатнулась от зеркала, рывком встав. Опрокинутый стул с грохотом упал на

паркет. Чудом не запнувшись о его предательски выставленные ножки, она бросилась к окну, глотая злые и отчаянные слезы. Прочь отсюда, из опостылевшего будуара, в одно мгновение ставшего жесточайшей из темниц, где каждый вдох, каждый оброненный вскользь взгляд напоминал о Айори и свадьбе, об Эрелайне и его тьме.

Иришь вцепилась в подоконник. Пальцы отчаянно сжались, побелев. Дрожащей рукой (одной, боясь отнять вторую и лишиться опоры) она отщелкнула замок — и распахнула окно настежь. Ледяной ветер ворвался в комнату, беспорядочно разметав плохо закрепленные пряжи, взметнув подол кружевного расшитого жемчугом платья, смахнув слезы с ресниц. О, как хочется улететь с ним — туда, в эту заоблачную высь и ослепительно лазурную даль! Уйти от всего, не распутав, а разрубив этот клубок чужих судеб! Кружить по долинам, перепрыгивая через ручьи, смеяться с ветром, упасть в вересковые объятия, в эту нежную лиловую дымку, что мягче любой постели... упасть — и вдыхать его сладковатый аромат...

Но ей томиться в далеких и пустых Драконьих Когтях. В замке, утопленном в крови бессмертных — Сумеречных и Зарерожденных. В первой и последней, единственной крепости, видевшей взлеты и падения aelvis. В первом и последнем рубеже... В колыбели предательства и благородства, высочайших стремлений и низких поступков...

«Томиться в замке чудовища... принцессе».

Какая злая ирония! Совсем как в старинных сказках и преданиях, все как она любит! Только когда принц и чудовище — один человек, чудовище победить некому. Вряд ли у сказки будет счастливый конец.

Слезы сбегали прозрачными икристыми дорожками, каплями падали на ладони, срывались, уносимые ветром. Иришь плакала, не позволяя себе сорваться в рыдания. И не плакала бы вовсе, если бы могла.

«Не будет», — горько повторила она и, закрыв глаза, обессиленно осела на пол.

Я взбежал по тонущему в зелени дикого сада крыльцу. Тихонько заскрипели половицы, прогибаясь под легкими шагом. И резко вздохнули, когда я на секунду сбился с него.

Возвращаться — или?..

Пальцы, почти коснувшиеся дверной ручки, замерли в нескольких дюймах от нее. Замерли — и сжались в кулак.

Я обернулся. Выложенная осколками искристых разноцветных камней дорожка, игриво виляющая то влево, то вправо, уводила вглубь сада и дальше, на мозаичные улицы нис-Эвелона. По изящным, по-кошачьи выгнувшим спины мостам, по старому парку, вниз по улице Старых Лип, до маленького домика со скрипучей калиткой, затерянного среди бушующей зелени сада...

Рука опустилась вниз. Я в нерешительности остановился.

Больше всего мне хотелось сбежать с крыльца и ступить на дорожку — не прежним нарочито спокойным, будто бы пытающимся скрыть волнение, шагом, а бегом. И оставив позади и кованые перила мостов, и тенистую прохладу парков, и ворчливо скрипнувшую калитку, не сказать — крикнуть, задыхаясь от бега и чувств, рвущихся из груди.

Крикнуть... но что? За тот час, что я проходил по прилегающим улочкам и скверам, я так и не смог решить. Как не смог решить сейчас.

Я тряхнул головой, отгоняя мысли, в которых окончательно запутался. И, потянув дверь на себя, не колебаясь, шагнул в дом.

— Собираетесь? — окликнул я тех, кого оставил здесь, мягко прикрыв за собой дверь.

Глубоко вдохнул, как перед прыжком в воду. Привести в порядок растрепанные чувства это, конечно же, не помогло, но собраться — вполне. Светлое дерево, которыми были отделаны стены, казалось, излучало свет и тепло, и вязкая горечь сожаления, ощутимая как назойливый, навязчивый привкуса во рту, почти растаяла. Настроение понемногу улучшилось, и я, больше не давая себе задерживаться у порога, в несколько шагов пересек крошечную прихожую.

Сборы шли полным ходом. В и без того небольшой гостиной стало не протолкнуться. Плетеные креслица погребены под стопками со сменной одеждой и зачем-то развернутым шерстяным одеялом, на котором мы спали в одну из лесных ночевок. На столе, вперемешку с высыпанными мимо стоящей рядом вазы фруктами, лежали книги, а рядом с ними — баночки и пуховые подушечки, перепачканные в чем-то кремово-розовым. «Пудра, — не сразу сообразил я. — Пудра Камелии. Наверное, осталась со вчера».

— Доброе утро! — звонко воскликнула Камелия, одарив меня лучистым взглядом и такой же светлой улыбкой. Невольно улыбнувшись в ответ, я подумал, что утро, кажется, не так уж не задалось. Но следующей фразой она убедила меня в обратном: — А где вы были? Та милая девушка, которая помогала нам со сборами, сказала, что видела вас гуляющим на улице Старых Лип...

— Гулял, — излишне резко, в миг растеряв все благодушие, сказал я. — Что-то не так?

— Так, но... — робко начала Камелия, сбита с толку такой реакцией на невинный, как ей казалось, вопрос.

— Тогда о чем разговор?

Девушка, совершенно ничего не понимая, замолчала. И молчание это было каким-то

особенно грустным.

Я почувствовал легкий укол совести, но извиняться и не подумал: слишком был зол. Терпеть не могу, когда посторонние лезут в мои дела. Особенно если дела эти не ладятся.

Это настолько не вязалось с моим обычным поведением, что даже Нэльве отвлекся от копошения в сумках — кажется, тех самых, прихваченных при побеге из Торлисса — и поднял на меня заинтригованный взгляд.

— Что это с тобой?

Я проигнорировал его и, пройдя в гостиную, присоединился к сборам.

Совет посчитал своим долгом посодействовать нам в сборах. И, как я видел сейчас, выполнил данное вчера обещание. Правда, помимо фруктов, сыра и свежее выпеченного хлеба нам зачем-то принесли и два комплекта одежды. Мужской.

Эдак мне тонко намекнули, что сейчас я в редком рванье? Нет, конечно, в некотором смысле так и есть, но...

— С утра и уже не в духе, — фыркнул Отрекшийся. И задумчиво протянул, глядя в распахнутое в весну окно: — Видимо, прогулка не задалась...

Мне ужасно захотелось сгрести эту самую одежду и швырнуть ее в Нэльвё, но я сдержался. Перебрав стопку и убедившись, что предназначена она именно мне, я подхватил штаны и рубашку, отложив пока сюртук в сторону, и отправился в спальню переодеваться.

Вернулся я остывший и устыдившийся собственной вспышки: как всегда, слишком запоздало, чтобы что-то изменить. Старая одежда, чего только не претерпевшая за наше короткое путешествие, выглядела так плачевно и жалко, что я даже складывать ее не стал: скомкал. И, не найдя, куда ее забросить, не нашел ничего лучше чем примостить старую одежду на край стола.

Камелия, оглянувшаяся на скрип дверей, не сдержала удивления:

— Ой! А так вам лучше!

«Так» — это как? — так и подмывало спросить меня. — Не в обносках?»

Я сжалился и смолчал, хотя вопрос был закономерен: что сейчас, что прежде я ходил в совершенно обычных штанах и обычной рубашке. Всей разницы — качество ткани и пошива. И сидит, наконец-то, по размеру, а не как придется.

Нэльвё, все еще занятый разбором впопыхах забранных из дома вещей, покосился на меня через плечо и многозначительно хмыкнул. Я, пользуясь тем, что Камелия на что-то отвлеклась и не смотрит в нашу сторону, украдкой показал ему кулак — и заработал еще один смешок, не менее обидный.

Я снова огляделся, на этот раз с практическим интересом. По всему выходило, что возиться со сборами нам никак не меньше часа. Вздохнув, я побродил по гостиной в поисках очередной чересседельной сумки. И, найдя, присоединился к сборам, начав с мозолившего глаза и мешающего сесть на диван одеяла.

Краем глаза я постоянно следил за Камелией, не рискуя выпускать ее из вида: за те дни, что мы путешествуем вместе, это стало привычкой. К счастью, ничего непредвиденного не происходило. Я расправился с первым одеялом, вплотную подобрался ко второму. Нэльвё, покончив с инспекцией вещей, отобрал у меня третье. Я взялся складывать тяжелые плащи, от которого днем никакого прока, но без которых так тягостно-холодно в густых сумерках.

Отвлекся я только тогда, когда Камелия, собрав рассыпанную по столу косметику, вдруг заинтересовалась той кучей тряпья, которая когда-то была моей одеждой. Она с любопытством потянула за рукав — и выпустила его прежде, чем я успел ее окрикнуть,

когда уютную тишину позднего утра всколыхнул серебряный перезвон колокольчиков. В двери, ударом сердца позже, шагнула Миринэ, одетая так же скромно и просто, как вчера.

Я, уверенный, что она не то, что сама не придет — вообще не захочет со мной говорить (и потому, как полный идиот, все утро проходил у ее крыльца, так и не решившись постучаться), вострепнулся. И от неожиданности не нашел ничего лучше, чем сбивчиво пожелать ей доброго утра.

Миринэ опустила ресницы, скрыв лукаво сверкнувшие глаза цвета весеннего неба, и ответила со сдержанной улыбкой:

— Доброе утро.

— А вы ведь Внимающая, правильно? Та самая, что нас встретила?

Восклицание Камелии разбило повисшую между нами неловкую паузу новой, еще большей неловкостью. Миринэ смутилась — если это прелестное создание вообще действительно умеет смущаться — и, с секундным промедлением, ответила, улыбнувшись:

— Да. Я заглянула, чтобы узнать, как у вас идут дела...

Я наградил ее скептическим взглядом, который Миринэ тактично не заметила и поспешно продолжила, уходя от неинтересной ей темы:

— Я хотела бы переговорить с elli-e Taelis.

— Мы, вероятно, любезно должны вас оставить? — фыркнул Нэльвё, как-то странно поглядывая на Слышащую.

— Я думаю, нас не обременит прогуляться, — спокойно выдержав его взгляд, сказала она. — Утро так и шепчет...

Что шепчет утро, я так и не узнал: потому что Миринэ замолчала, оборвав себя на полуслове, когда что-то тихонько пробежало по паркету, догоняемое растерянным «ой!» Камелии.

Я резко обернулся, ругая себя за то, что отвлекся и совсем перестал следить за девушкой.

Обернулся — и выругался уже вслух.

Камелия глупо застыла, прижимая к груди мои изгвазданные и изодранные вещи, а на полу замерла, переливчатая, искрящаяся на солнце капелька-бриллиант. Прозрачнее, чем слеза.

— Что... — начала девушка, но, встретившись с моим безотчетно злым, взбешенным взглядом, побледнела: — Я не хотела! Она сама! Я просто взяла и...

Не слушая ее сбивчивых оправданий, я в два шага преодолел расстояние, разделявшее меня и подвеску. Не останавливаясь, наклонился — и зачерпнул пальцами пустоту.

Я резко вскинул голову, обжигая полным ненависти взглядом того, кто ловко вытянул из-под моего носа капельку-бриллиант.

Нэльвё, пакостливо ухмыляясь, отступил на шаг, разрывая дистанцию. И на мгновение разжал пальцы, позволив подвеске птицей выпорхнуть из них — и рвануться назад, когда цепочка натянулась звонкой струной.

Видя, что я не свожу с подвески-капельки взгляда, Отрекшийся отвел руку вбок и приподнял ее, любуясь игрой переливчатых радужных бликов в острых гранях.

— Отдай, — не просьба, приказ. Пока ещё сдержанный; опаляющий, но не угрожающий.

— Что это? — повторил он вопрос Камелии, отступая еще на шаг.

— Отдай. Немедленно.

— Скажи что — и отдам.

Я молча протянул руку, не сводя с Нэльвё злого взгляда.

— Какой-то амулет? Нет? — начал гадать он, вглядываясь в мое лицо, словно не замечая, как оно все уродливее кривится в маске гнева. — А, может быть, подарок возлюбленной?

— Я тебе этого не прощу. И не забуду.

— Или ключ от чего-то? — насмешливо продолжил он. От злости меня почти трясло. Я едва удерживал готовые сорваться с языка слова проклятья — жестокого и злого, как то, что он делал сейчас. — Родовая безделушка? Или...

— Память о сестре, погибшей на войне.

Воздух всколыхнулся голосом, который я меньше всего ждал услышать.

Который — и о чем.

Она не могла это знать, просто потому, что не могла, — зато могла почувствовать, кто и с какими чувствами дарил эту маленькую, смешную в своей кажущейся ценности вещицу.

Рука Нэльвё опустилась, и сам он посерьезнел, разом оставив глупую шутку. Но было поздно.

— Доволен? — едко спросил я. И, шагнув к нему, вырвал кулон из его пальцев. Нэльвё не успел ослабить хватку — и тонкая цепочка порвалась, жалобно звякнув.

Не оборачиваясь, я развернулся и, не оборачиваясь, направился в спальню, со всей злости хлопнув дверью.

* * *

Взгляд беспорядочно метался по комнате, цепляясь за предметы обстановки, пока я мерил комнату нервными шагами. Хотелось перевернуть ее всю, вверх дном, крушить, ломать, бить на части то, что только попадется под руку. От окончательного срыва в приступ бесконтрольной злости меня удерживало только четкое осознание того, что комната принадлежит не мне.

Удерживало — и бесило еще больше.

Тихонько скрипнула дверь, и в появившуюся узенькую щель, вкрадчиво, по-кошачьи, проскользнула Миринэ.

Аккуратно прикрыв за собой дверь, она прислонилась к ней. Молча.

И правильно делала! Стоило ей сказать хоть слово — и я сорвусь на нее, даже если не хочу.

При Миринэ бессильно метаться по комнате было еще глупее, и, в конце концов, мне это просто надоело. Злость перегорела, надломилась с сухим треском — и навалилась апатией. Я обессиленно сел на кровать, равнодушный ко всему.

Помедлив, зашуршал ворс ковра мод мягкими шажками — и прогнулась перина. Миринэ присела рядом, по-прежнему молчаливая.

— Ты так и не рассказал мне о том, что случилось, — тихо начала она. Мы сидели на редкость глупо: слишком близко для приятелей и слишком отстранено для друзей... или не друзей.

— И не скажу, — отрезал я, чувствуя, как злость поднимается вновь. Сначала удушающим дымом, и только потом — пламенем. — Миринэ, пожалуйста, не надо. Я не

хочу об этом ни думать, ни вспоминать. Ни, тем более, говорить.

— И напрасно.

— Я сам решу, что напрасно, а что нет. Хорошо?

— Мио, пойми: пока ты отрицаешь свое прошлое, пытаешься забыть его, отдалиться от него, ты не сможешь жить дальше.

— Да причем здесь это?! — рыкнул я, вскакивая и резко поворачиваясь к ней. — Я ничего не отрицаю, ясно? Я просто не хочу вспоминать! Что в этом такого?!

— Отрицаешь, — повторила она, не сводя с меня упрямого взгляда. Даже больше, чем упрямого — уверенного, непоколебимого! И это злило меня больше всего.

— Сделай милость: не говори о том, чего не знаешь!

— Ты просто бежишь от себя! — отчаянно, почти срываясь на крик, воскликнула она. — Как ты этого не поймешь?!

— Это ты не поймешь, потому что просто не сможешь понять! Ты не знаешь, что я пережил, что со мной стало! Как ты можешь что-то говорить, и... — я осекся, замолчав. Слова застряли в горле ломким льдом, снежным крошечком, когда ее синева взгляда, пронзительно нежная, вдруг вымерзла до холодного дыхания зимы.

— Я не знаю?! — даже не прошептала — прошипела она. И, сорвавшись на крик, так не похожий на ее мягкий переливчатый голос, продолжила зло и горько: — Я не знаю, каково это? Я не могу понять?! Все, что было мне дорого, сгинуло в этой войне. Я тоже потеряла близких. Я тоже слышала, как мир рвется на части, тоже задыхалась его болью. И диссонансы, бьющие по оголенным нервам, тоже сводили меня с ума! Но я почему-то нашла силы идти вперед, и не срываюсь на тех, кто хочет помочь!

Она замолчала так же резко, как начала, но ее дрожащий от злости голос все еще звенел у меня в ушах. Ярость, владевшая мной еще совсем недавно, ушла совсем, оставив после себя не пустоту выжженной души, а стыд и отчаянную злость.

Злость — и чувство вины.

— Миринэ, я...

Она оборвала меня, не дав сказать и двух слов, хлестнув наотмашь:

— Иди к драконам!

— Миринэ! — бесконечно-виновато, извиняясь, с сожалением.

— Иди к драконам! — повторила она зло и попяtilась, когда я шагнул к ней. — Да, к тем самым, к которым ты собрался, на Жемчужные Берега. Надеюсь, они тебя сожрут, и больше я никогда тебя не увижу!

— Миринэ, перестань!

— Не хочу тебя видеть! Убирайся!

Я сделал шаг навстречу, но замер под взглядом ледяной ненависти, останавливающим лучше любых слов.

Захлопнулась дверь. Я медленно подошел к ней и, развернувшись, привалился спиной.

Я клял себя за несдержанность, глупость, за вспыльчивость и не способность промолчать...

За то, что вообще смел на нее кричать. И за то, что ответил злостью на ее помощь, хотя она была права, отчаянно права во всем. А я — дурак. Просто дурак.

Не успокоившись, но взяв себя в руки, я рывком встал. Резко, пока не успел передумать, толкнул дверь. Кожей чувствуя заинтересованный взгляд Нэльвё, я подхватил одну из чересседельных сумок. Сунув в нее нос, убедился: пустая.

Только отложив сумку, я огляделся. Миринэ, конечно же, не было. И я сделал вид, что искал вовсе не ее.

* * *

Нам оставалось всего ничего.

Отыскав кусок холщевины, я завернул в него сыр и хлеб и отправил их на дно сумки. Сверху уложились сухари и яблоки. Встряхнув флягу, я поморщился: вода плескалась на самом дне. Нужно набрать.

Я огляделся, раздумывая, кому перепоручить эту, несомненно, важную задачу, но вдруг понял, что мне совершенно нечем заняться. Так что — почему бы и нет?

Заткнув флягу и бросив короткое:

— Я за водой! — я толкнул дверь и легко сбежал по крыльцу. Дорожка, вившаяся по тенистому саду, разноцветной лентой ложилась под ноги. Шутливо отсалютовав ей, когда она вывела меня на узкую городскую улочку, я замер, столкнувшись с той, кого меньше всего ожидал увидеть.

Миринэ, смущенная не меньше меня и явно жалеющая о том, что случилось, удерживала в поводьях троих тонконогих и изящных, но не хрупких лошадок.

— Взамен ваших, — уцепившись не только за поводья, но и за них самих, как за повод сменить тему разговора, сказала Миринэ — и робко, совершенно очаровательно улыбнулась.

— Наши вам так не понравились? — неловко отшутился я, только бы что-нибудь сказать.

— Нет, просто вы их совсем умаяли, — смутившись еще больше, ответила она. И только спустя несколько мгновений досадливо поморщилась: — Опять я не понимаю твоих шуток!

— Неудивительно. Они на редкость дурацкие, — слабо улыбнулся я. И, спохватившись, спросил: — Где можно набрать воды?

— Я покажу, — с готовностью предложила Миринэ.

Правда, тут же вышла заминка: нужно было что-то делать с лошадьми. Оставленные без присмотра, они наверняка разбредутся, а искать лошадок по всему городу нам не хотелось.

Не придумав ничего лучше, Миринэ, торопливо, пока никто не заметил, привязала поводья к низкой ограде. Я выразительно промолчал, строго и укоризненно поглядев на нее. Только в уголках губ пряталась улыбка.

Ничуть не обманувшись, она улыбнулась в ответ.

Оставив лошадей на попечение забору и совести, мы направились вниз по улице.

— О чем ты хотела поговорить? — спросил я, нарушив молчание. Мы шли бок о бок, ничего не говоря, и я вдруг подумал, многое отдал бы, чтобы вот так идти рядом.

Миринэ встрепелась, очнувшись от собственных мыслей, и тут же замялась, когда до нее дошел смысл вопроса.

— Да так... — неопределенно сказала она, отводя взгляд. И обернулась, лукаво сощурившись: — А ты?

— Я?

— Мне сказали, что ты все утро проходил возле моего дома, — легко пояснила Миринэ. В голосе ее не было и намека на улыбку: только глаза смеялись.

— Так и сказали? — чересчур резко ответил я.

— Сказали, что elli-e taelis гулял по городу больше часа, но дороги неизменно выводили его к маленькому домику с садом по улице Старых Лип. Я ошиблась? — она заглянула мне в глаза, так же весело и смешливо.

Смеялась она не надо мной, но я чувствовал себя уязвленным. И отвернулся.

— Ни о чем.

Нежность и уютное молчание, когда слова не нужны, развеялись, оставив напоследок очередное разочарование и раздражение.

Дальше мы шли в тишине, колкой и напряженной.

Улочка, название которой я не запомнил, через каких-то два поворота вывела нас в маленький скверик, в сердце которого бил ключ.

Когда я наклонился, чтобы набрать воды, из дрожащей серебряной глади на меня глянул незнакомец, усталый и хмурый. Время, прошедшее для него, отразилось печатью прожитых лет и перенесенных невзгод. Ярко-зеленые глаза поблекли, волосы, и без того приглушенно-русые, выцвели до невнятного серого. Вокруг губ залегли жесткие складки, а сами они истончились, как если бы их хозяин постоянно поджимал их.

Фляга едва не выскользнула из моих рук, когда я встретился с его тяжелым взглядом. Мгновенный испуг отразился на лице, уже снова моем, а не его, в воде, как в зеркале — и наваждение развеялось.

Я зачерпнул воду, родниковую, ключом бьющую из-под земли, дрожащей рукой. И, не оглядываясь, зашагал обратно, к ждущей меня у поворота Миринэ.

Когда мы прошли почти половину пути, Shie-thanu остановилась. Я не сразу понял, что ее мягкая поступь больше не звучит в такт моей, и остановился на три шага позже.

— Ты не вернешься со мной? — спросил я, первым нарушив молчание. Под ее странным, непонятным взглядом мне было неуютно.

Миринэ покачала головой.

— Нет. Попрощаемся здесь, — и, помолчав, добавила: — Я проложу вам дорогу. Вы быстро доберетесь туда, куда направляетесь.

— Спасибо.

Слова давались тяжело, и звучали на редкость фальшиво.

— Ты сказал, что пойдешь один, — помедлив, начала Миринэ. Так говорят, когда хотят спросить совсем другое, но не знают, с чего начать. — А твои спутники? Что будет с ними?

— Оставлю их в Арьеннесе, а сам отправлюсь на Жемчужные Берега. Лорд-правитель даст им свое покровительство. За них можно будет не переживать.

— А ты не попросишь покровительства? Или хотя бы содействия? Не хочешь? — предугадала она, пытливо заглянув в глаза и прежде, чем я успел ответить. И спросила, после того, как я качнул головой: — Но почему?

— Я бы просил, если бы видел в этом какой-нибудь толк. Чем они смогут помочь мне? На Берега я отправлюсь один, сразу же, как оставлю Нэльвё и Камелию. Не думаю, что кто-то станет мне препятствовать. А дальше, за перевалом, правитель бессилен.

— Я не о нем. Я о лорде-хранителе. Лорд вьер Шаньер — человек долга. Он неглуп и знает, что драконы проснутся. Вы могли бы обсудить и согласовать с ним дальнейшие действия — твои и Холмов.

— Миринэ, — мягко улыбнулся я, — я знаю, что мне делать. Правда. Лорд-хранитель, думаю, тоже, и не нуждается в моих советах. Время на исходе, я чувствую это. И не хочу задерживаться нигде.

Она вымученно улыбнулась в ответ.

Пауза затягивалась, превращаясь в молчание — вязкое и липкое, неприятное, обнимающее со всех сторон.

— Ты права, — сказал я, неожиданно для себя. Миринэ удивленно вскинула на меня взгляд. — Права во всем, что сказала. Но я не могу рассказать. Пока. Не могу, даже если бы захотел. Воспоминания... еще слишком яркие.

— Пока ты их не отпустишь, они не утратят четкость, — тихо ответила она. Не осуждая, не поучая — просто говоря. И переживая за меня.

— Я не могу. Не сейчас.

Мир застыл еще одной паузой — давящей, не дающей вздохнуть. Словно в капельке янтаря.

Паузой, когда, наверное, уже давно стоит уходить и прощаться, а мы не уходим.

— Когда ты пришел, — негромко начала она, и я понял, что ошибался. Тишина была не тягостной, а выжидающей; сотканной из ее молчания и незаданного вопроса, — то сказал, что больше не сказитель, и был в этом уверен. Но уже на Совете ты говорил иное. На Совете — и после. До сих пор.

— И что ты хочешь услышать? — голос вдруг сел, охрип, и неприятно царапал слух.

— Где конец твоей игры? Ты принял себя, свою судьбу, поверил в себя — или только играешь?

— Я не знаю, — когда молчание затянулось до невозможности, и не ответить я просто не имел права, сказал я. — Я хотел бы, что бы все было так, но... Я не верю в себя, но делаю то, что должно, — и твердо закончил: — И буду делать. Не сомневайся.

— Если ты не веришь в правильность того, что делаешь, все зря.

— Миринэ, я не могу, просто не имею права верить в себя, пока всё твердит об обратном. Если *Она* протянет мне руку, если *Она* покажет, что это мой путь — я поверю. *Ей*.

— Ты должен поверить не *Ей*, а в себя. Вне зависимости от того, что *Она* скажет и сочтет нужным.

— Верю я в себя или нет — мое дело. И разбираться с этим мне. А с тем, верю ли я в своей путь... в то, что я действительно *elli-e taelis* и что я достоин им быть — *Ей*.

— Если ты думаешь, что одно не влияет на другое, то заблуждаешься.

— Оставим это, — чувствуя, что разговор принимает опасный оборот, а я снова начинаю раздражаться, сказал я. — Я буду делать вид, что ничего не изменилось — и хватит об этом.

И тихо, с грустной усмешкой, закончил:

— Иногда это лучший способ заставить поверить себя и других.

Миринэ качнула головой, несогласная, но ни слова возражения не сорвалось с ее губ.

Только — прощания. Скупые и сдержанные.

— Прощай, Mio.

— Прощай... Миринэ.

* * *

Прошло уже больше часа с тех пор, как Лес сомкнулся за нашими спинами пологом шепчущей на ветру листвы, укрыв нис-Эвелон, а из головы никак не шли слова Миринэ.

Вернее, не ее слова, а мой ответ.

...Солнце вплеталось в листву тончайшим кружевом — зелено-золотистым, слепящим глаза. Утренняя свежесть ушла, сменившись невыносимой духотой, какая бывает только перед грозой. И с этой духотой на Лес опустилась тишина.

Тишина, в которой не переломится хрупкая ветка под мягкой поступью хищника, которую не прорежет птичья трель. Тишина не та, от которой пробегает дрожь, или начинает звенеть в ушах, а другая — странно-задумчивая, вкрадывающаяся в паузы между словами.

Нэльвё и Камелия перебрасывались ничего не значащими фразами, пытаясь втянуть меня в разговор, о наверняка собирающейся грозе, о скучной и долгой дороге, о том, когда лучше сделать привал... о чем угодно, только бы не молчать.

Даже шумный, обычно навязчиво-озорной ветер не шумел в густых кронах, не трепал кое-как заплетенную косу, не нашептывал очередные сказки — словно нашел на сегодня дела поинтереснее, чем развлечение хандрящего сказителя.

А жаль. Я был бы рад ему — моему извечному спутнику. Особенно сейчас.

Я зажмурился, когда плещущееся над головой море вдруг схлынуло, сменившись ослепительной белизной, и по глазам ударил яркий свет. Инстинктивно натянув поводья, я заставил лошадь — тонконогую, беспрекословно подчиняющуюся воле всадника — остановиться и вскинул руку к лицу.

Мы вылетели на прогалину, обрывающуюся пропастью. Я поднял взгляд от волнующегося моря, невозможно-зеленого, дрожащего в ладонях скал — и замер, забыв, что нужно дышать. Передо мной в капельках радуг и водной пыли дрожали, переливаясь, Поющие водопады. Не в призрачной дымке дали, а вот, рядом, протяни руку — и коснешься...

— Вот бы оказаться там... — прошептала Камелия, кажется, бесконечность минут спустя.

Наваждение растаяло. «Конечно же, он не может быть так близко», — пришла запоздалая и оттого досадная мысль. Словно я, как мальчишка, повелся на нескладную чушь.

— Еще окажешься, — отмахнулся Нэльвё. И, вырвавшись вперед, подхлестнул нас нетерпеливым: — Поехали!

— Когда? — с неожиданным упрямством спросила Камелия. И напомнила — спокойно и безразлично, хотя мне послышалась неприкрытая горечь: — Меня не пустят одну.

Я был неприятно удивлен, что слова Хозяйки больно задели ее — гораздо больнее, чем я мог бы предположить. Даже нет, не задели — ранили своей правдивостью, жестокостью... и неизменностью.

— Пустят, куда денутся! Если один раз пустили, впустят и в другой! — фыркнул он. — Ну, чего ждем!

Но Камелия колебалась, теребя поводья, а я... не вмешивался, ожидая ее решения.

— Насмотришься на него еще потом, непременно! — раздраженно добавил он. И нетерпеливо окликнул меня, надеясь, что моим-то заверениям она поверит: — Скажи ей, Мию!

Камелия обернулась — и слова обещания застряли у меня в горле.

Мне вдруг вспомнился мой голос — тогда, у тела истерзанной Песнью fae. Холодный, безжизненный, чужой. Вспомнилось лицо Миринэ, искаженное болью — не за себя, за умирающий, стремительно срывающийся в пропасть мир — когда она с дрожью в голосе,

шептала, что все кончено...

Как я могу внушить ей ложную надежду? И как я могу лишить ее маленького, трепетного чуда, которое она так ждет?

Я принял решение и улыбнулся легко, свободно — впервые за последние дни. На душе стало светло и покойно как всегда, когда делаешь то, что считаешь правильным.

— А давайте спустимся — и устроим привал?

Взгляд Камелии вспыхнул надеждой. На лице расцвела робкая улыбка.

Нэльвё впервые на моей памяти не нашел, что сказать. Только предостерегающе полыхнул потемневшими глазами.

— Это займет часа два, не больше, — миролюбиво, но несколько поспешно продолжил я, не дав ему разразиться злой тирадой. — Может быть, три. Брось, Нэльвё! Мы не настолько торопимся. Неужели тебе самому не интересно?

Он хотел что-то сказать, возразить в своей обыкновенной язвительной манере, но почему-то резко отвернулся и, бросив короткое:

— Нет, — ударил каблуками по крупу лошади, пуская ее вперед. Не прямо, как собирался и куда звал нас, а вбок — по забирающей влево дороге, ведущей в долину.

Камелия нерешительно замерла, оглядываясь на меня. Наверное, все еще не верила, что мы согласились — или, того хуже, чувствовала вину.

Я ободряюще ей улыбнулся и, легонько потряхнув поводьями, пустил лошадь вскачь.

* * *

Откуда-то издалека, переплетаясь с шумом падающей в озеро воды, долетал залиvistый смех Камелии и обрывки слов. Изредка в их песнь, светлую, сотканную из раннего вечера, вплетался другой голос — низкий и глубокий, насмешливо-раздраженный. Но любому, кто позволил бы себе вслушаться, сразу же стало бы ясно, что эта злость — напускная.

Улыбнувшись своим мыслям, я круговым движением кистью перемешал закипающую на слабом огне и источающую соблазнительные ароматы кашу. Камелия, к нашей вящей радости, была слишком занята, чтобы принимать участие в готовке, и теперь я следил готовящимся обедом, а Нэльвё — за испаривающейся с одного места на другое Камелией.

Я дважды постучал по краешку котелка, стряхивая налипшую кашу, и отложил ложку в сторону. Поднял взгляд, чуть привстав, чтобы лучше видеть — и сощурился от бьющего в глаза солнца. Поняв свою ошибку, я поспешно исправился, приставив козырьком ладонь.

Из-за переливчатой, рассыпающейся брызгами воды и солнца выпорхнула Камелия — и едва устояла на скользких камнях, круглых, странно-плоских. Будто не сама собой образовалась эта каменная дорожка, а кто-то давным-давно проложил ее через озеро.

За ней, пригнувшись, шагнул Нэльвё. При виде него я едва сдержал улыбку: обычное высокомерно-снисходительное выражение лица боролось с другим, прежде мне неизвестным — веселым, улыбчивым и безмятежным. В ответ на ее неловкость он, как обычно, щедро рассыпал колкости, но они не были злыми. А Камелия, кажется, вовсе их не замечала: кружилась на маленьком, неровном пяточке, рискуя оступиться, сорваться в воду, но не останавливаясь. Не девушка — озерная фея, чей зыбкий, невесомый, тоненький силуэт пропадает в дымке водяной пыли, окутывающей ее искристым пологом.

...она смеялась и смеялась, задыхаясь от восторга, переполняющего ее, отбивалась от

подставленных рук Нэльвё — а на меня вдруг накатила злость, глухая и отчаянная. Злость на себя.

Как я мог позволить себе сомневаться, колебаться, бежать от себя и своего пути? Пути, который предназначен мне, и который никто, кроме меня, не в силах пройти?

Как я мог позволить себе колебаться, когда моя нерешительность могла погубить то, что мне дорого? Как мог бежать от себя, решив отчего-то, что мой мир, настоящий мир сгинул в антерийской войне, и что мы остались на обломках, руинах, которые уже не спасти и не нужно спасать?

Как я мог позволить себе оставаться в стороне, в конце концов, — и сметь оправдывать свое невмешательство?!

— Вот! — прозвенел рядом голос Камелии — серебряно-игристый, переливчатый, вырвавший меня из зыбкой полуяви, точно зов маяка. — Держите!

Я встрепенулся, сбрасывая остатки наваждения. И, подняв взгляд, увидел на протянутой мне узкой ладошке тускло сияющий камень: полупрозрачный, дымчато-белый — цвета парного молока.

Приглядевшись, я с улыбкой сказал:

— Спасибо, Камелия. Жаль, когда высохнет, он не будет и вполовину таким красивым.

Расстроено поглядев на камушек, Камелия сжала пальцы и хотела было отнять руку, но я перехватил ее.

— Спасибо, — повторил я. — Он правда мне нравится. И правда очень красивый.

Поколебавшись, она все же решилась. Камушек скользнул в мою раскрывшуюся ладонь. Я сжал его, чувствуя, как он приятно холодит пальцы в обжигающе-жаркий полдень.

— Я... почти нигде никогда не было, — словно извиняясь, начала она. — То есть была, немного — в Лазурной Гавани. Но...

Она замолчала и как-то грустно, бессильно улыбнулась.

Была, но едва ли видела что-то кроме дворцовых стен и узкой, далекой, недостижимой полоски моря — бирюзовой, переменчивой... Цвета робкой несбыточной мечты.

Мы оба — я и незаметно подошедший Нэльвё — поняли то, что она хотела, но не смогла сказать. Бессмертный тут же разбил сгустившийся воздух шуткой, и помрачневшее лицо Камелии вновь озарилось улыбкой, в глазах заплясали смешинки, и она упорхнула обратно к водопаду, выскользнув из рук попытавшегося перехватить ее Нэльвё. Отрекшийся, ухмыльнувшись, развернулся и медленно, неторопливо направился за ней.

А я смотрел им вслед, и в душе, прежде мятущейся, запутавшейся в недосказанности, во лжи и полуправде, крепла уверенность. Сомнения вдруг ушли, все разом, и путь, еще с утра бывший не моим, жавший ноги неудобными ботинками и цепляющий дорожный посох низким кустарником, вдруг расстелился передо мной, приглашая идти.

Идти по тому самому пути, о котором я, еще сам не зная и не понимая, говорил Корину. Тернистому, бегущему по холмам и вересковым пустошам, петляющему и уходящему в ясную синь.

По пути, способному вывести кого и к чему угодно; подарить чудо тому, кто осмелится на него встать — и, не отступившись, дойти до конца.

Откуда-то из бездны того, что зовется душой, чужим, не моим голосом шепнулось извечно-эльвское, только теперь обретшее смысл:

«Делай, что должно, и будь, что будет...»

— Делай, что должно, и будь, что будет... — эхом повторил я уже вслух. И вдруг,

повинуясь какому-то неясному, бессмысленному порыву, разжал пальцы.

Камешек, подаренный Камелией и не думал блекнуть красотой. Напротив: он будто светился изнутри — мягко, тепло, как солнце в утренней дымке. Я перевернул его, крутанул в зажатых пальцах — и замер, не веря своим глазам. Потому что из камня, самого настоящего камня, проклевывался маленький цветок, еще не разобрать, какой. Но я почему-то не сомневался, что он расцветет нежной камелией.

Есть ли вообще хоть что-то невозможное для тех, кто идет по своему пути, не отступаясь и не зная преград, веря — всегда и что бы ни случилось?

Нет. Не то, что должно.

— Больше, чем должно, — повторил я сам себе. Повторил, потому что эта мысль обязана быть облеченной в Слово.

Я сжал пальцы — осторожно, чтобы спрятать цветок, но ни в коем случае не повредить его трепетных лепестков — и убрал камешек в карман, к другому моему подарку-воспоминанию.

Я поднялся с колен, отряхнул штаны от травы и лесного сора. Присел не у полыхавшего, а у слабо горящего костра, запоздало вспомнив о томившейся на огне каше. По счастью, она только-только сварилась. Снимать котелок я не стал: просто задул костер — легко, почти не прикладывая усилия. Скорее волей-приказом, чем дыханием.

Путь, прежде незнакомый, непонятный, стал простым и ясным. Я знал, что нужно делать; не когда-то потом, уже сейчас.

Знал — и собирался претворить в жизнь.

— Погодите! Вот так!

Висения поправила его ворот рубашки. Смахнув незаметные глазу пылинки, откинулась на спинку сидения, критически оглядела результат — и кивнула:

— Все! Теперь можно идти.

Эрелайн терпеливо дождался, когда леди-распорядительница сочтет его облик соответствующим придворному этикету и, рассеянно кивнув на ее слова, открыл дверь кареты. Ослепительный полдень больно ударил по глазам своей белизной, заставив зажмуриться и вскинуть руку.

Залитый солнцем двор резиденции лорда-правителя пустовал: в нем едва ли можно было насчитать несколько экипажей. Гости только начинали прибывать.

Значит, не опоздали.

Не дожидаясь лакея, Эрелайн подал руку Висении, помогая ей выбраться из кареты. И, вздрогнув от звука шагов, которых не должно было быть здесь, резко развернулся.

— Я же просил, Лоир, — негромко, но напряженно начал Эрелайн, едва унимая дрожь в руках. Потому что едва не схватился за меч, готовый не отбивать удар — бить на опережение, — не подходить ко мне со спины.

— Извини, — смутился художник, только сейчас сообразив, что именно сделал. Впрочем, почти сразу он забыл о раскаянии и, дернув Эрелайна за локоть, спросил: — Ну что, есть какие-нибудь вести о...

— Тише!

Лоир спохватился и повторил, ужав вопрос до короткого:

— Узнал что-нибудь?

Эрелайн покачал головой. Тени, разбуженные им, не сказали ничего. Сам он не покидал Драконьи Когти, отстраненный прихотью леди-правительницы от командования внутренней стражей и скованный ноющей, незажившей раной, весь день посвятив расследованию. Результаты Эрелайну не нравились: сухие строки отчетов не складывались в четкую картину. Случившееся выглядело чередой не связанных друг с другом совпадений, и оснований считать иначе, кроме неясного беспокойства, не было. Эрелайн раз за разом перебирал в уме факты, играя с ними, рассматривая то с одной, то с другой стороны. Любое предположение требовало слишком большого количества допущений, и не имело права претендовать на достоверность.

Разговор с первым из его личных стражей ни к чему не привел. Адрин настаивал на том, что имел место заговор. Эрелайна такой ответ не устраивал: взять эту версию на рассмотрение означало встать на скользкий путь поиска предателя, которого вполне может не быть.

Под утро ему, вымотанному и неспособному забыться сном, даже подумалось: «Может, не стоит бороться с собой, и отдаться тьме, ни о чем не думая и не сожалея? Во всяком случае так у меня появится хоть какой-то шанс выспаться». Шутка заставила его улыбнуться, но не смогла разогнать тревожные тени, притаившиеся у изголовья: слишком много горечи крылось в этих скупых словах.

— Значит, по-прежнему неопределенность? — огорчился Лоир.

— Именно, — усмехнулся Эрелайн. — Идем. Иначе я рискую опоздать на собственную

свадьбу.

— О, это тебя так расстроит!

— Лорда, быть может, и не расстроит, — строго отчеканила Висения, о которой они успели позабыть, — но ударит по его репутации.

Разговор оборвался. Эрелайн согнал с лица улыбку и, с обычным выражением равнодушия, быстро зашагал к крыльцу.

Двустворчатые двери с вставками из стекла были распахнуты в полдень. Солнечный свет, льющийся из высоких окон, золотил витые светильники, дробился в хрустальных подвесках и зеркалах.

Мажордом, приветствующий гостей любезно, но несколько холодно, при виде них засуетился. Выражение скупающего равнодушия сменилась крайней любезностью.

— Лорд-хранитель, леди, лорд-наследник, приветствую вас! Лорд вьер Шаньер, Вас уже ждут. Следуйте за мной.

Эрелайн коротко кивнул Висении, улыбнувшемуся Лоиру и направился за управителем двора, ждущего его впереди.

Створки дверей распахнулись. Гулкое эхо шагов, торопливых — мажордома, и мерных, спокойных — Эрелайна — единственные, тревожили тишину, в которой застыл зал.

Зал — и несколько тонких фигурок, стоящих на ступенях широкой мраморной лестницы. В свете, льющемся из окон и слепящем глаза, невозможно было разглядеть их. Но Эрелайн и без того знал, кто его ждет.

* * *

— Идет, идет! Он идёт! — зашептала одна из фрейлин, едва удерживаясь от того, чтобы не воскликнуть в полный голос. Ее останавливали только правила приличия и дыхание, которое сбилось от торопливого подъема по лестнице.

Холод — не такой, который бывает от сквозняка, а который оседает на коже морозным дыханием — пробежал по спине, плечам, кольнул льдистыми осколками запястье. Иришь сжала веер, до боли, чтобы притупить страх, сдавивший грудь так, что не вздохнуть.

— В самом деле? — голос предательски дрогнул, и она сама поморщилась от того, как нервно это прозвучало. Иришь попыталась улыбнуться, но не смогла заставить себя, и улыбка вышла слабой.

— Да, леди.

От понимающей улыбки фрейлины в Иришь вспыхнуло раздражение. Страх отступил, забрав с собой слабость.

Иришь глубоко вздохнула, выравнивая дыхание, расправляя плечи. Но стоило ей поднять взгляд, как сердце сбилось с ритма, пропустив удар: перестук каблуков, разносившийся по всему залу, оборвался — и голос, резкий и неприятный, как звон монет, объявил:

— Эрелайн вьер Шаньер, лорд-хранитель Сумеречного перевала и сумеречных дорог, лорд дома Пляшущих теней! Ириенн вьер Лиин, третья наследница лорда-правителя, верховного правителя Зеленых Холмов и лорда дома Лунного света.

Когда последний отголосок гулкого эха затих, в воцарившейся тишине стало можно различить чьи-то негромкие шаги.

Шаги, уже на лестнице! Собраться, успокоиться!

Собраться — и начать вновь дышать.

Иришь до боли сжала веер, надеясь придать себе решимости — и, не давая себе времени на сожаления или раздумья, резко вскинула голову.

— Добрый вечер, леди Ириенн.

— Вы ошиблись, — девушка через силу улыбнулась, стараясь не встречаться с ним взглядом. — Еще только день.

— Да, действительно, — Эрелайн смутился, виновато улыбнувшись — и Иришь с удивлением поняла, что он тоже избегает ее взгляда. — Прошу прощения.

— Вам не за что извиняться.

Тревога, терзающая Иришь, исчезла, и дышать стало неожиданно легко и свободно, почти пьяняще.

— Лорд вьер Шаньер! Как чудесно, что вы уже прибыли!

От голоса подошедшей сзади Айори девушка едва не вздрогнула, успев забыть о ней.

Эрелайн обернулся. Иришь не шелохнулась, и без того прекрасно зная, кого увидит.

— Мы уже вас потеряли, — улыбнулась Айори. И, поравнявшись с ними, склонилась в легком поклоне, выпустила острую шпильку-комплимент: — Вы сегодня элегантны, как никогда.

Ударение, сделанное на «как никогда», придало ее словам оттенок насмешки.

Иришь замерла, похолодев.

— Спасибо, — ответил Эрелайн и улыбнулся, разбив объявившие ее опасения. — Я рад, что смог угодить высшему свету. Я не слежу за модой.

Лорд Эрелайн не лгал. Обыкновенно он не придавал значения столичным веяниям, предпочитая носить рубашки без жилета и сюртука, но оступаться от моды на церемонии не мог даже он. И черный с серебряным шитьем костюм удивительно ему шел.

— С минуту на минуту придут первые гости, — продолжила Айори, перейдя к беспокоящей ее теме. Ее голос поскучнел, стал сухим и деловитым. — Вынуждена вас оставить: мне нужно закончить необходимые приготовления. Мы с лордом-правителем будем приветствовать гостей позже.

И, дождавшись короткого поклона Эрелайна, торопливого и оттого скупого реверанса Ириенн, она, не прощаясь, заспешила вверх по лестнице.

— Прошу прощения, — начала фрейлина, едва только затихли шаги Айори. Ее глаза блестели тем самым лукавым блеском, который появляется, когда человек уверен, что посвящен в чью-то сердечную тайну и всячески потворствует влюбленным. — Мне нужно быть в....

— Нет, куда же вы! — всплеснула руками Иришь. Веер с сухим щелчком раскрылся и сложился. Изображать испуг ей не пришлось: при одной мысли о том, что они с Эрелайном могут остаться наедине, девушке стало нехорошо. — Я же... не знаю, чем занять гостей! И совершенно не знаю дворец! Как же я смогу провести их? Нет, милый друг, вы мне очень нужны!

— Но леди, — робко начала девушка, бросая странные взгляды на Эрелайна. В лазурно-голубых глазах не было ни решительности, ни страха: только непонимание, — вы уверены, что...

— Уверена!

— Как пожелаете, моя леди, — сдалась она, склонив голову в знак почтения.

Иришь отвернулась от своей собеседницы, обратив все внимание на створчатые двери, куда вот-вот должны были войти первые гости. Она не хотела встречаться взглядом с юной фрейлиной и читать в нем немой вопрос.

Эрелайн молча подал ей локоть, больше не пытаясь начать разговор. Девушка медлила, колеблясь, не решаясь преодолеть страх и коснуться его руки. В старых сказках смотрящие в ночь могли выпивать жизнь прикосновением.

Не выдержав, Иришь все же вскинула на него взгляд — и тут же отвернулась. Бездна небесного колодца, холодной зимней ночи не ушла из его глаз, но теперь она смогла увидеть за ней его настоящего.

Смогла — и, все еще колеблясь, не решаясь, несмело взяла его под локоть.

* * *

Закатное солнце вересковым медом лилось из высоких окон, пронизывая каждую пинту ясного и хрустального воздуха, ложась на паркет узорчатым кружевом. Малый бальный зал, светлый и просторный, предстал во всем своем великолепии.

Иришь стояла в дверях, под руку с Эрелайном, нервно поджав губы и сминая нежные стебли белых лилий. Вот-вот должна политься музыка, начаться церемония — и тогда пути назад уже не будет.

«Ты будешь свободной, — твердила Иришь, как заклинание, цепляясь за мечту, которой жила, дышала всю жизнь. — Свободной!»

Которой жила, дышала — и не могла позволить не сбыться. Особенно сейчас.

Иришь мельком, словно против своей воли, взглянула ему в глаза.

На этот раз Эрелайн успел перехватить ее взгляд. И улыбнулся, как обычно — едва заметно, уголками губ, немного печально. Только сейчас за этой улыбкой она увидела бесконечную усталость.

Иришь вдруг поняла, что он не спал этой ночью. И прошлой, кажется, тоже не спал...

Музыка не грянула, не полилась — вплелась в воздух волнительной трелью, дрожащей мелодией. Иришь сама не заметила, как шагнула вперед — и не остановилась, околдованная волшебством переливов и золотых бликов.

Ее шаги были так легки, будто она вовсе не касалась пола. Мимо проносились чьи-то платья, веера и взгляды, вились чужие косы и лились лукавые речи, но она не замечала ничего кроме распахнутых окон, золота прощающегося дня — и жрицы, чей тонкостанный, хрупкий силуэт почти исчезал в водопаде света.

Спину то вкрадчиво, то торопливо, порывисто касались чужие взгляды. Иришь шла, гордо вскинув голову, с безупречно ровной спиной. Шаг за шагом зал таял, плавился, неотвратимо уносил ее все дальше от дверей — и все ближе к дальней стене, где ждала заключенная в узкой чаше ее судьба.

Они остановились перед жрицей, не дойдя пары шагов. Она казалась обманчиво юной в белом струящемся платье. Глаза, серо-зеленые, лучились светом и удивительной ясностью. Прожитые годы не ложились на ее плечи нестерпимой тяжестью; не сдавливали грудь, мешая дышать, и не чернили взгляд.

— Лорд Эрелайн, леди Ириенн, — певуче начала жрица. — Когда вы разделите солнечный кубок, ваши судьбы переплетутся. Вы станете друг другом, станете одним — и

будете неразлучны, неделимы. Одна жизнь — и одна смерть. Вы восстанете из солнечного, рожденные заново — уже вместе. Вы действительно хотите этого? Вы готовы здесь и сейчас?

От ее слов, давно утративших смысл и уже не имеющих власти, у Иришь побежали мурашки, и сердце вдруг сбилось, пропуская удар.

Просто слова. Только слова, и ничего больше.

— Да, готов, — раздалось рядом, сдержанное и решительное.

— Да, — выдавила из себя Иришь, сама не понимая, отчего медлит и что ей мешает.

Жрица протянула руки к стоящему рядом кованому треножнику. Бережно взяла с него кубок, выточенный из кварца и бесконечно изящный. Вскинула голову и, сощурившись от льющегося света, стала неотрывно смотреть в окно, вслушиваясь во что-то понятное только ей.

Жрица должна поймать последний луч заходящего солнца. И тогда вересковый мед, плещущийся в кубке, вопьет в себя его волшебство.

Прежде слова жриц имели силу, не были пусты. Те, кто хотел соединить свои судьбы в одну, должны были испить из чаши не вересковый, а солнечный мед, не обласканный солнцем, а рожденный, сотканный из него.

Но то было прежде. Волшебство не ушло — забылось, потому что больше никто не хотел менять свою судьбу.

Приближались сумерки. Солнце садилось за горизонт, и его косые лучи, еще недавно расцвечивающие пол, ложились на стены. Время тянулось патокой — вязкой, густой. Ждать было не выносимо.

Иришь неотрывно следила за жрицей, вслушивалась в тишину зала — и все равно пропустила момент, когда она резко воздела руки с чашей и туманная дымка ушла из ее глаз, а сами они вспыхнули зеленью.

Чаша налилась светом, став на мгновение полупрозрачной, и угасла вместе с враз потускневшим, выцветшим небом. «Солнце зашло», — неожиданно ясно осознала Иришь.

Зашло не сейчас, раньше. Когда жрица только воздела руки.

Горящие золотом окна потухли, и в сумраке, обнявшем зал, тускло мерцал только обласканный солнцем кубок. Иришь невольно поежилась: ей показалось, что с вечером в бальный зал пришел холод.

Эрелайн первым принял чашу из рук жрицы, склонив голову в знак благодарности. Поднес кубок к губам, наклонил, сделал несколько глотков и передал ей.

Иришь, от волнения забыв, куда нужно было деть злосчастный букет, в нерешительности замерла. Передать матери нельзя, убрать некуда. Поколебавшись, но ничего не придумав, она приняла чашу. Измученные лилии вжались в граненый кварц.

Руки тряслись.

...Какая-то неясная тревога витала в воздухе, звенела в напевах флейт и скрипок. Тревога нависала над ней чьей-то пугающей тенью, стояла за спиной.

Иришь поднесла чашу к губам и вдохнула тонкий, дрожащий цветочный аромат, горько-сладкий. «Не вересковый», — с удивлением поняла она.

Уверенность уходила — неумолимо, неотвратимо, безвозвратно. И Иришь, зная, что еще немного, и она ни за что не решится, резко прижала чашу к губам, наклонила ее, расплескав мед — и, захлебываясь, сделала глоток. Пролитая капля пробежала до подбородка — и, на секунду замерев, сорвалась, разбившись о кружево.

По залу пробежал порыв теплого ветра. Ласковый, игривый, он закружил платья, растрепал прически, мягко огладил плечи — и, набирая силу, сорвался ввысь. Зазвенели хрусталем окна. Одно из них с грохотом распахнулось.

Чаша выскользнула из рук Иришь, и, отскочив от пола, и плеснула золотистым медом. Белоснежные лилии, несвязанные в букет, рассыпались по полу.

Ветер умолк, и в тишине, опустившейся на зал, прозвучал голос жрицы:

— Теперь вы вместе. Навсегда.

И Иришь вдруг все стало ясно.

— Ритуал... — потрясенно прошептала Иришь, едва способная сейчас говорить или думать. Сжала пальцы, зажмурилась, не давая уже блестящим на глазах слезам сорваться вниз. Резко повернулась к жрице и уже вернувшимся, срывающимся голосом, воскликнула: — Ритуал был настоящим!

Тишина всколыхнулась ее высоким сопрано. Еще не успели затихнуть его последние отголоски, как потрясенные сказанным гости загалдели.

Иришь, тяжело дыша, едва не срываясь на слезы, спросила:

— Но... как? Тысячи судеб, и только наша... как? Почему?!

Взгляд жрицы заледенел, и приглушенная зелень ее глаз теперь походила на колкие осколки льда.

— Если в чаше будет мед, солнце лишь позолотит его. Чуда не случится, слова не обретут силу. Но если чаша будет пуста, последние лучи солнца, зачерпнутые в нее, станут медом. Медом, одного глотка которого достаточно, чтобы изменить судьбу.

— То есть вы... знали? — севшим голосом пошептала Иришь, едва помня себя. И повторила с бессильной злостью: — Вы знали! Но как, зачем?! Почему?!

— Я не понимаю причины вашего негодования. Вы сами дали согласие на ритуал.

— На свадьбе?! — воскликнула Иришь. — Да это же... это же... просто ничто! Пустые слова! Их повторяют на каждой свадьбе, не задумываясь о смысле слов! И...

— Не сейчас. Раньше, — оборвала ее жрица. Мягкость, напевность, бывшие только что, ушли из ее голоса, оставив холодную сдержанность. — Вы сами просили о n'orrin est.

— И вы согласились.

В негромком обманчиво спокойном голосе Эрелайна звенела ярость. Не то безумие, которое обуяло его тогда, после их разговора, а ледяная ярость, спокойная и расчетливая. И это испугало Иришь гораздо больше.

Она повернулась к нему — и отшатнулась, столкнувшись с его взглядом: бездонно-черным, бесконечно злым.

— Согласились, зная, кто я, — продолжил Эрелайн.

Обманчивая юность жрицы ушла, обнажив сталь. И в ее глазах Иришь с ужасом, от которого зашлось в испуганном беге сердце и перехватило дыхание, прочитала понимание.

Жрица увидела тьму Эрелайна.

Он понял это. И, не теряя хладнокровия, продолжил:

— Согласились, зная, что я хранитель сумеречных дорог. Как я могу исполнять долг, рискуя чужой жизнью?

— Я согласилась на просьбу, — смерив его долгим, странным взглядом, медленно проговорила жрица. — Как всегда соглашаюсь, если это не противно Воле.

— Интересно, чью просьбу вы исполняли, если ни я, ни леди Ириенн не знали о ритуале?

— Леди Айори.

Зал, еще мгновение назад бурливший, пенящийся голосами, утих, словно кто-то бросил на него полог безмолвия.

— Простите?

— Я исполняла просьбу леди Айори. Написанную ее рукой и заверенной печатью дома вьер Лиин.

— «Моей рукой»? Заверенная печатью?! Я ничего об этом не знала и ничего не писала! — раздраженно отрезала Айори. — Клянусь!

И, не удержавшись, зло закончила:

— Я бы никогда, ни за что в жизни не отдала за него свою дочь.

Жгучее пламя ненависти матери разбилось о холод Эрелайна.

— «Написано рукой леди Айори»? Вы знаете ее почерк? — отвернувшись к жрице, продолжил Эрелайн прерванный разговор.

— Знаю. Как знаю и то, что почерк можно подделать. В отличие от родовой печати. Она была настоящей, за это я могу поручиться.

— Вы не беретесь со всей уверенностью утверждать, что это был почерк леди вьер Лиин?

— Я могу сказать, что почерк был похож на почерк леди вьер Лиин. И только.

— Тогда это мог сделать кто-то из доверенных лиц вьер Лиин.

— Доступа к печати нет ни у кого из них, — раздраженно вмешалась Айори. — И пустых листов с оттиском печати — тоже. В этом я могу поклясться.

— А в чем не можете? И у кого, в таком случае, есть доступ?

— Ни у кого, кроме семьи! — не сдержавшись, прошипела Айори. Она была похожа на взбешенную кошку: так же шипела, так же полыхала золотом взгляда.

— Значит, виновника нужно искать среди них?

— Что вы себе позволяете?!

Иришь никогда не видела леди-правительницу в такой ярости. Больше всего Повелительницу злило, когда что-то шло вопреки ее замыслам или кто-то отказывался принимать ее правила. Политический брак, спланированный ей до мельчайшего нюанса, до последнего перелива играющей в зале мелодии, обернулся n'orrin est — и ее поражением. Поддавшись злости, леди Айори ошибалась на каждом шагу и разрушала все то, что с таким трудом создавала. Она бы, быть может, смогла взять себя в руки, успокоилась, если бы Эрелайн не выводил ее из себя хлесткими, прямыми, выбивающими воздух вопросами и своим спокойствием, когда она сама была уже на грани неистовства.

«Еще один вопрос, еще хоть слово — и что-то случится», — неожиданно ясно осознала Иришь.

Эрелайн, цепким взглядом охватывающий зал, вдруг замер, не шевелясь. Лиц его исказила такая ненависть, которую Иришь не могла даже представить. Лед его взгляда надломился — и рассыпался мириадам искристых осколков, обнажив злое, черное пламя. А тени, до того недвижимые, молчаливо таящиеся в глубине зала, вдруг ожили, задрожали волнующимся морем.

— Значит, виновника нужно искать среди них? — спросил Эрелайн так холодно, что, казалось, воздух вокруг должен вымерзнуть. Он чувствовал ярость леди-правительницы, но сейчас ему было плевать, чем она оплатит за свое унижение.

— Что вы себе позволяете?!

Эрелайн был уверен, что леди вьер Лиин солжет- поэтому смотрел не на нее, а в зал, пытливо вглядываясь в лица гостей, не успевших спрятаться за ничего не выражающими масками. Вглядываясь — и запоминая, кто приглашен.

От знакомых-незнакомых лиц рябило в глазах. На каждого — меньше, чем по секунде. Мало, чудовищно мало, но времени нет: как только паника, захлестнувшая бальную залу, спадет, по лицам гостей, надевших безупречные маски, невозможно будет прочесть ничего.

Вьер Тьерри, вьер Арми, сестры вьер Ильис... побледневшая, но как обычно, владеющая собой Висения... вьер Сизэ, кто-то из дома Луны... Лои, быстрым шагом идущий навстречу... И....

Эрелайн осознал, с кем встретился взглядом, только спустя мгновения других лиц. А когда осознал и рывком вернулся — уже не увидел.

Того, кого искал столько лет. Того единственного, кого ненавидел.

Иллюзия спокойствия разлетелась брызгами осколков. Ярость захлестнула его с головой. Все, что было прежде, потеряло значение. Остался только его взгляд — темно-серый, почти черный, насмешливо-злой.

Взгляд — и он сам.

Его одного Эрелайн хотел убить не потому, что так нужно, не из справедливости или возмездия, а из ненависти — такой сильной, что не дает дышать.

Среди сотни лиц, не видя и не замечая их, Эрелайн искал его. Искал — и не находил.

Он шагнул вперед, словно в надежде схватить за руку исчезнувшего в толпе отверженного. Не отдавая себе отчет, Эрелайн сделал еще шаг. И еще один, не видя ничего перед собой и ища в пустых лицах, в размыто-серых силуэтах ненавистные черты.

Его самого не стало: он растворился в ненависти и одном-единственном желании, бьющимся пульсом. Найти его, найти сейчас, немедленно!

Найти — и уничтожить.

— Эрелайн!

Кто-то ухватил его за локоть, не дав сделать следующий шаг. Эрелайн хотел грубо отмахнуться, вырвав руку, но голос показался смутно знакомым. Он резко повернулся, обжигая злым взглядом того, кто посмел ему помешать.

Мглисто-зеленый взгляд, каштановые вихры...

Лоир.

Наваждение ушло, а ненависть, жгущая изнутри, нет.

Эрелайн оглянулся назад, зло и отчаянно. Ожег взглядом друга, негрубо, но жестко высвободил локоть из его стиснутых пальцев — и широким тяжелым шагом направился к лорду-правителю.

— Кэррой вьер Шайес, — отчеканил он, с ненавистью выплевывая даже не каждое слово — каждое созвучие этого имени. И рявкнул, заставив вздрогнуть и испуганно попятиться даже безумную в своем бесстрашии леди-правительницу: — Кто пригласил изгнанника?!

— Я повторяю, — не дождавшись ответа, зло продолжил Эрелайн, до боли, до побелевших костяшек стиснув пальцы. Боль — единственное, что удерживало его, не давая

сорваться в безумие. — Кто. Пригласил. Его. Сюда?!

— Вы сошли с ума! Его просто не может здесь быть! — воскликнула Айори, не столько сейчас злящаяся, сколько растерянная.

— Я видел его здесь. Только что.

— Мы не...

Эрелайн не стал дослушивать, уже зная, что она скажет. Круто развернулся и, перебив ее, рывкнул замершим у стен стражникам:

— Закрывать ворота и двери! Никто не выйдет отсюда, пока я не скажу.

— Что вы делаете? — дрогнувшим голосом и почти с испугом спросила она, в отчаянии сжав пальцы на веере — так, что он не выдержал и надломился. Айори словно очнулась, и с прежней злостью, истекающей из гордыни, закончила: — И по какому праву?!

— Я делаю то, — вкрадчиво и обманчиво-мягко, почти сладко, но с пробивающимися опасными нотками, начал Эрелайн. И резко, хлестко продолжил: — Что должен был делать с самого начала. Величайшей глупостью было позволить вам отвечать за охрану, и больше я такой ошибки не допущу. Ваша небрежность стоила нам слишком дорого. Хотите, чтобы виновник случившегося ушел? Я этого не позволю.

— «Виновник»?! — изменившись в лице, повторила Айори. И, сощутив полыхнувшие расплавленным золотом глаза, прошипела: — А, может быть, это вы все подстроили?!

— Я? — на мгновение опешив от глупости ее заявления и как будто успокоившись, переспросил Эрелайн. И раздраженно добавил: — Зачем мне это?! Да и как бы я сделал это от вашего имени?

«Есть зачем, — вдруг осекся он. — Теперь того, что Ириенн проболтается, можно не опасаться. Иначе она умрет вместе со мной».

— Думаю, вы бы нашли, как! — выплюнула Айори. — А зачем — всегда можно придумать. Например, очернить нас. Или чтобы быть уверенным в том, что вьер Лиин вам ничем не угрожают.

— «Не угрожают вьер Лиин?» — с откровенной издевкой повторил Эрелайн, едва сдерживаясь, чтобы не расхохотаться. И продолжил уже по-другому, резко и жестко, — интересно, чем же вы можете мне угрожать? Войска в моих руках и верны мне. Власть, если я захочу, станет моей. Чего я должен бояться? Вас и ваших интриг? Сплетен, которые вы распускаете обо мне?

— Достаточно.

Эрелайн обернулся к лорду-правителю. Сине-свинцовый взгляд, тяжелый и злой, встретился с серым.

— Достаточно, — повторил Этвор, не изменяя своему обыкновенному тону. — Как лорд-правитель и как лорд дома Лунного света, на который пало подозрение, я обещаю оказывать содействие в расследовании. Что касается вьер Шайес, я не думаю, лорд Эрелайн, что ваши гвардейцы могли его пропустить, а никто из гостей — не узнать. Боюсь, вы обознались.

— Кэррой, — медленно, обманчиво спокойно начал Эрелайн, — был другом нашей семьи. И в первое время после трагедии — одним из моих ближайших советников. Можете поверить, я виделся с ним часто. Очень часто. А после случившегося его образ врезался в память до последней черты.

— Но его здесь нет, лорд, — жестко сказал Этвор.

Эрелайн глубоко вдохнул, в тщетной попытке сдержать рвущийся наружу гнев.

Успокоиться. Главное — успокоиться. И так слишком много эмоций, и так уже дважды почти перешел грань, сорвался: первый — когда понял, какой ритуал провела жрица, и второй — когда увидел Кэрроя.

Нет, о нем нельзя думать, иначе снова забвение, забвение и ярость. И ненависть — удушающая, сводящая с ума, ведущая к тьме.

Нельзя. О чем угодно, только не о нем. Хоть задачи решать, простейшие. Сложение, умножение, вычитание...

Или считать, до сотни. Хотя бы до сотни.

Раз. Два. Пять...

Семь... Десять...

Вдох застрял в груди, сбив со счета, когда волнующееся море теней вдруг задрожало — и сгустилось, обретая реальность.

И когда шепот, волнующе-сладкий, ожег шею жарким дыханием:

«Он все еще здесь. И ты знаешь об этом».

Ярость, еще какое-то мгновение назад владевшая им без остатка, ушла, уступив его измученную душу отчаянью. Силы враз оставили Эрелайна, и он едва не пошатнулся. Хотелось смеяться — взхлеб, запрокинув голову, до слез; выкрикивая, раз за разом, до сорванного горла: «Тебя нет!».

Но она была. Сотканная из мглистых теней и дыхания ночи, чернокошая, долгожданная и ненавидимая до боли; реальнее любого из цветистых наваждений с маской гостя в руках. Невидимая для глаз, но осязаемая кожей и оголенными истерзанными нервами.

Закрывать глаза — и выдохнуть, не размыкая губ; только для нее:

«Знаю».

Свет торопливо зажженных свечей, рассыпающийся по залу искристыми радужными отблесками, дробящийся в зеркалах, отступает. И он может почти что увидеть ее: невыразимо прекрасную, бесконечно жестокую, одержимую... Ее, обретающую черты только в безлунные ночи.

...Тьма прильнула к нему, как кошка — ласково, жеманно. Обвила шею, коснулась коготками груди и прошептала:

«Мы можем убить его, прямо сейчас. Он не успеет уйти. Только выпусти меня...»

Если бы Эрелайн мог, он бы рассмеялся, хрипло и зло.

«Выпустить тебя? Здесь, среди сотни aelvis, просто для того, чтобы покончить с Кэрроем? Обменять его жизнь — на сотни? Я не соглашусь на такое, никогда».

Но она услышала — и слова, и не вырвавшийся из груди смех. И рассмеялась в ответ, в полный голос — красивый, низкий, бархатистый — словно не боясь быть услышанной.

«Неужели? Можешь лгать о справедливости другим, но не мне. Я знаю, что тобой движут гораздо менее высокие чувства. Назвать их, или скажешь сам?»

И, слыша его молчание, начала со смешком:

«Ненависть, гордость, отчаянье, злость... продолжать?»

«Я боролся с тобой столько лет... — негромко не сказал — подумал Эрелайн, но в этом живом царстве тени, дымчато-сером, мглисто-черным, мысль воплотилась шепотом. — И не сдамся сейчас».

И добавил, неожиданно жестко, несмотря на оставившие его силы:

«Никогда не сдамся».

«Я — это ты, — мягкий, вкрадчивый шепот то убыстрялся, то замедлялся — и

завораживал, почти дурманил. — Тебе не победить. Зачем тогда сражаться?»

«Чтобы не проиграть».

«Ты в любом случае проиграешь!»

Тьма, еще мгновение назад ласково обнимающая плечи, стиснула их, больно впившись когтями. Но почти сразу опомнилась — и, спрятав их, вновь прильнула гибким станом.

«Выпусти меня — и мы будем вместе. Навсегда. Идти шаг в шаг, рука об руку — только я и ты. И наша вечность».

Шепот, такой прекрасный, невообразимый, завораживал, очаровывал, соблазнял обещанием. Обещанием возмездия — и свободы, который у него никогда не было и не могло быть. Свободы от пересудов, от ненависти — чужой и своей... свободу от долга и свободу быть, быть собой...

И свободу от себя.

Эрелайн с силой, грубо оттолкнул ее, распахнув глаза. Губы исказились в одном-единственном — и отчего-то таком сладком слове:

«Никогда».

Тьма всколыхнулась, бледнея и выцветая; теряя власть. Тени истончились.

«Проклятый упрямец!» — зашипела она, отстранившись сама — и растаяла в бесконечной игре отражений и ослепительном свете.

— Лорд-хранитель, — голос Этвора выдернул его из сонма тяжелых мыслей, — вы действительно настаиваете на том, чтобы никто не покидал зал до окончания расследования? Я не совсем понимаю, как вы будете проверять каждого.

— Разумеется. Зал был оцеплен лишь для того, чтобы не дать никому покинуть церемонию до начала расследования. Проверять каждого нет необходимости. Достаточно составить полный список гостей, в котором каждая позиция будет подкреплена личной подписью.

Голос звучал невыразительно, бесцветно, без намека на чувства. Короткая встреча с Тьмой окончательно подкосила его. Бессонные ночи, борьба с самим собой, ритуал... Кэррой... Слишком много даже для него.

— Ваше приглашение остается в силе? После случившегося, боюсь, я не имею права покидать Арьеннес.

— Разумеется. Вам отведены покои в восточном крыле, — со скупым, тщательно отмеренным радушием сказал Этвор.

Сочтя разговор оконченным, Эрелайн коротко кивнул и, отвернувшись, обратился к залу — сухо и равнодушно:

— Прошу. Вписывайте свои имена.

Тени, мягко клубящиеся под ногами и дрожащие в свете свечей, явственно всколыхнулись. На вытянутой в требовательном жесте руке появились несколько выхваченных с его письменного стола листов и чернильница с позабытым пером.

Спиной чувствуя напряжение и недовольство, нарастающее в зале, он аккуратно опустил находки на пустующий треножник и, не оборачиваясь, повторил:

— Прошу. Вас, леди-правительница, это тоже касается.

Айори, не проронив ни слова, со смесью гордости и презрения на лице, подошла к треножнику, оставив подпись одной из первых. Да, безупречно прямая спина демонстрировала несломленность и говорила, что это не конец, что он не победил и что она оплатит за сегодняшнее унижение, золото глаз яростно вспыхивало, но — подчинилась.

Чем оказала ему большую услугу: увидев, что даже леди-правительница сочла за лучшее подчиниться, остальные не осмелились нарушить приказ.

Эрелайн ни на мгновение не отвлекался, напряженно наблюдая за тем, как вносят свое имя в список и отходят от треножника высокие леди и лорды. Выражение лиц, интонации и суть вскользь брошенных слов, росчерки, оставленные пером — небрежные и сдержанно-спокойные, летящие и выписанные до последней завитушки, нервные и оставленные твердой рукой... Эрелайн готов был поклясться, что среди гостей нет того, кто одним-единственным письмом навсегда перечеркнул их судьбы. Готов был, но не спешил. Потому что всегда есть шанс, что он ошибается.

— Какое-то безумие, — Эрелайн с силой сжал ноющие виски — и откинулся на спинку стула, сцепив дрожащие пальцы. Невидящий взгляд скользил по погребенному под листьями отчетов и поименных списков столу, обшитым светлым деревом стенам кабинета, золоченым светильникам.

— Ритуал или Кэррой?

— Что? — Эрелайн вздрогнул, очнувшись от мыслей, и встретился взглядом с Сэйной.

Мгновением позже он с удивлением отметил, что в комнате они остались вдвоем. Причем уже давно.

— А где... — вопросительно начал он. — Остальные?

— Ушли. Вы не заметили? — с не меньшим удивлением ответила Сэйна. И, видя написанное на его лице недоверие, продолжила: — Адрин и Геллен, как вы и просили, следят за тем, чтобы гости покинули дворец без затруднений. Дэйн и Эталъ допрашивают стражников. Я заканчиваю сверку списка приглашенных, любезно переданного вам леди-правительницей, с пофамильным перечнем прибывших на церемонию... Что-то не так? — оборвав саму себя, спросила Сэйна, заметив, как он помрачнел.

— Все так. Кроме того, что я только что обращался к Адрину, которого уже некоторое время нет в комнате.

— Вы устали.

— Устал, — Эрелайн прикрыл глаза, на мгновение — и, открыв, сухо спросил: — Вы закончили?

— Да, мой лорд. На церемонии присутствовали только те, кто получил приглашения. Леди вьер Тесс и чета вьер Сиэ не смогли прибыть. Вьер Тесс не здоровится, а вьер Сиэ...

— Как всегда. Можешь не продолжать. Это все?

Сэйна коротко кивнула:

— Желаете ознакомиться со списками?

— Если это возможно.

Приняв из ее рук аккуратную стопку листов, Эрелайн заскользил взглядом по строкам, ни на чем не останавливаясь. От имен, личных и родовых, зарябило в глазах.

Эрелайн сверился с перечнем гостей, лежащим тут же, подле. Отложил один из листов, второй... пробежал глазами, сравнивая.

Боковым зрением заметив движение, он вскинул голову, оторвавшись от бумаг. Сэйна, сидевшая напротив, тихонько шелестела страницами, то перелистывая их одну за другой, то замирая и напряженно углубляясь в чтение.

— Вы что-то ищете? — не помня, чтобы отдавал какой-то приказ, спросил он.

— Да. Кое-что, что вызвало у меня подозрение, — не поднимая головы от документов, ответила она.

— «Подозрение»? В каком из отчетов?

— Вчерашнем, — рассеянно бросила она, перелистывая страницы. — Да где же! Я ведь помню, что... ага!

Листок выскользнул из стопки и лег на стол.

— Я взгляну? — полуутвердительно спросил Эрелайн и протянул руку.

Не дожидаясь, пока Сэйна передаст заинтересовавшую его бумагу, взял ее со стола сам.

Встряхнул, распрямляя, и вчитался.

Пробежав беглым взглядом по строкам, Эрелайн нахмурился и поднял тяжелый взгляд.

— Я помню эту страницу, Сэйна. Но не понимаю, что именно вас смущает.

— Смотрите, — она перегнулась через стол, склонившись над бумагой и вглядываясь в перевернутые буквы. — Мне кажется, что столкновение с отрядом Сумеречных в Беллетайн...

— Вы говорили с Адрином?

От его резкого вопроса Сэйна вздрогнула и вскинула голову. В ее глазах, серых блеском стали, а не серебра, отразилось ненимание.

— Простите?

— Да или нет? — повторил он. И, смягчившись, пояснил: — То же самое я слышал от Адриана.

— Нет, не говорила, — помедлив, ответила она тогда, когда попытка молчанием стала не просто невыносимой — невозможной.

Сэйна в задумчивости поджала губы. Решив что-то, мягко, но настойчиво потянула лист на себя, высвобождая из пальцев Эрелайна. Развернула и вновь вчиталась, раз за разом пробегая по нему взглядом.

— Что именно вас смущает?

Встав с кресла, Эрелайн обогнул стол и подошел к ней со спины, заглянув через плечо.

— Думаю, все, что я скажу, вам и так известно, — не оборачиваясь, сухо сказала она.

— Возможно. Но не откажусь услышать собственные сомнения из чужих уст.

— Что сказал вам Адрин?

— Ничего, что могло бы быть мне полезным.

— И все же.

Эрелайн помедлил, неприятно удивленный ее настойчивостью, но ответил, не видя причин упорствовать — только безразлично пожал плечами:

— Адрин настаивает, что произошедшее представляет собой не череду случайностей, а результат заговора против меня. Я не исключаю подобного, но бессмысленно строить догадки, пока к тому нет веских оснований. Особенно если это касается предательства.

— Бойтесь волнений внутри дома?

— В том числе, — уклонился от прямого ответа Эрелайн. — Вы придерживаетесь точки зрения Адрина?

Сэйна опустила лист на стол и развернулась. Взгляды — сине-свинцовые, сумрачный, и серо-стальной скрестились.

— Пока — нет. Вы правильно заметили: когда дело касается предательства, не стоит спешить. Особенно если оно связано с Сумеречными.

«И карается смертью».

— Что вы находите подозрительным? — нарушил молчание Эрелайн, разорвав нить их взгляда. Голос его звучал ровно и спокойно. Напряжение, звеневшее в паузах между словами, ушло. — Короткую стычку с Сумеречными? Это отнюдь не первая попытка нападения. Ее исход? Он закономерен и не выбивается из общего ряда. Прямую связь между нападением отряда и одиночки установить нельзя: слишком много случайных, не поддающихся просчету факторов.

— Например?

— Например, я не имею привычки прогуливаться не в одиночестве, — слабо улыбнулся

он и, заметив странный блеск глаз, предвосхитил вопрос, готовый сорваться ее губ: — Не могу сказать, что уповаю на добродетельность леди-правительницы, но сомнительно, чтобы она решилась рискнуть жизнью дочери. Вряд ли здесь уместно говорить о предательстве.

— Разумно, — Сэйна поджала губы. Пальцы забарабанили по столу — нервно, резко, подчиняясь ломаному ритму. — Но почему бы не предположить иное: Сумеречная могла проскользнуть мимо стражей, воспользовавшись возникшей суматохой, и остаться ждать вас у дверей, — и добавила, видя написанный на его лице скепсис: — Зная, как тщательно вы исполняете свой долг, несложно догадаться, что рано или поздно вы покинете Faerie Nebulis — либо чтобы проверить посты, либо услышав о нападении.

— Возможно. Как возможно и то, что ее пропустил кто-то из стражей. Или что наша гостья пробралась во дворец за несколько дней до бала, когда он практически не охранялся. Это равновероятные исходы, и определить, какой из них имел место в нашем случае затруднительно. К тому же, не исключено, что есть и другие. Так какого рода сомнения вас беспокоят? — закончив мысль, повторил он уже заданный вопрос.

Сэйна поджала губы. Опустила взгляд в лежащий на столе лист отчета. И, когда он уже не ждал, заговорила — тихо и негромко, продолжая что-то напряженно обдумывать:

— Отряд Сумеречных налетает на стражей. Короткая стычка, несколько раненных — все как всегда. Приказ отозвать стражей с нескольких близкорасположенных постов понятен. Но частности... — она замолчала, но ненадолго, только чтобы собраться с мыслями: — Мне настораживает, что из отряда, первым столкнувшимся с Сумеречными, никто не выжил. Из доклада Рейгена следует, что старший из них известил о нападении в первые же секунды боя. Посты находятся друг от друга в двух минутах верхом, но, когда Рейген и стянутые им силы прибыли, все было кончено. Стражи, не раз сталкивающиеся с Сумеречными у перевала, не могли так просто пасть от их мечей. Разве что их было слишком много...

— ...или Рейген намеренно сообщил о нападении позднее, и бой длился дольше, чем мы предполагали.

— Сообщил позже? Намеренно? — Сэйна нахмурилась, не понимая, к чему он ведет. — Но зачем ему это?

— Потому что он предатель.

Слова, короткие и безразличные, царапали горло.

Эрелайн отвернулся.

Едва отдавая себе отчета в том, что делает, отошел к окну. Паркет тихонько поскрипывал под его шагами.

— Вы уверены? — вопрос Сэйны ударил в спину больнее ножа.

— Практически полностью.

Тяжелые бархатные шторы прянули в сторону, когда он раздернул их.

— Но оснований...

— ...было достаточно, — спокойно закончил он за нее, смотря на город, тонущий во тьме. Искорки фонарей не разгоняли ее, только расцвечивали, дрожа на поверхности, как отражение звезд в ночном море.

В такой же тьме, которая плескалась теперь в его взгляде.

— Только он мог пропустить Кэрроя на церемонию. Он — и никто другой. Обращаться к теням рядом со мной вьер Шайесс бы не рискнул.

— Вы давно это поняли?

То, что ему меньше всего хотелось слышать.

— Нет.

— Но раньше, чем начали наш разговор? — упрямо повторила она.

— Раньше, — безразлично признал Эрелейн. — Но окончательно убедился только после ваших слов, — и усмехнулся: — Мне следовало быть осмотнительнее. Не допустить того, что случилось.

— Вы не могли...

— Мог. Его отец был среди тех, кто ворвался в *ту* ночь в Драконьи Когти. И погиб там.

— Среди тех, кто желал вам смерти? — переспросила Сэйна. Он не видел ее лица, но по голосу было слышно, как она удивлена и раздосадована: — И вы приблизили его?

— Я дал ему шанс. Простил. И он оправдал оказанное доверие, — кривая усмешка коснулась его губ. — Вернее... оправдывал.

Эрелейн отвернулся от окна.

— Где он остановился? — буднично, как будто говоря о чем-то каждодневном и не представляющим интереса, осведомился он.

Это безразличие и спокойствие на мгновение обмануло Сэйну, и она механически ответила, не успев задуматься о том, зачем ему это:

— Западное крыло, третий этаж... — и воскликнула, когда увидела, что Эрелейн взял прислоненный к креслу меч и направился к двери: — Подождите! Лорд!

— Ты останешься здесь.

— Я не имею право отпускать вас одного!

Эрелейн резко остановился и развернулся — так, что они едва не столкнулись:

— Ты. Останешься. Здесь.

Он говорил тихо, ровно, но за этим спокойствием скрывалась холодная, еще сдерживаемая, в любое мгновение готовая выплеснуться ярость.

Говорил так, что невозможно было ослушаться.

Сэйна замерла, не смея сделать и шагу, нарушив прямой приказ.

Развернувшись, Эрелейн толкнул дверь, переступил порог — и зашагал, быстро удаляясь.

* * *

Шаги — быстрые, нервные, размашистые — дробным эхом отдавались в тишине коридора. Ярость уходила, уступая место холодной злости. Когда Эрелейн вышел в картинную галерею с распахнутыми окнами, от нее осталась только сдержанность и собранность.

Не пройдя и половины, он сбился с шага и остановился, нахмурившись. Зачем искать комнату Рейгена, если ему, владыке теней, всего один шаг до любого из живущих?

Робкого, не ало-рыжего, а бледно-золотого света было недостаточно, чтобы разогнать пришедшую из города тьму, и по зеркально отполированному паркету пробегали, как волны прибой, зыбкие тени.

Эрелейн повернулся. Его тень, легшая на пол рисунком масляных красок — нет. Бессмертный прикрыл глаза, воскрешая в памяти образ Рейгена, всегда нелюдимого и молчаливого. Темные волосы, строгие, резкие черты... и ненависть, прячущаяся на дне

зрачков за преданными клятвами.

Не размыкая век, Эрелайн ступил в тень, — и, открыв глаза, нашел себя в той же галерее. Тень осталась всего лишь тенью, неживым рисунком.

— Даже так? — неприятно удивился он, не заметив, что произнес это вслух. — Решил играть в открытую?

В голосе его не было ни злости, ни ярости — только легкая досада оттого, что придется искать другой выход.

...Под его взглядом тень ожила, повинувшись позвавшей его воле. Растеклась по паркету чернотой беззвездной ночью, поглощая свет свечей, отражением дрожащий на паркете — и рванула вперед, когда Эрелайн приказал:

— Найди его.

* * *

На третьем этаже западного крыла тень резко вильнула вправо и, истончившись, густо-черной струей дыма втянулась в узкую щель под дверью. Эрелайн ступил в нее, еще не успевшую полностью скрыться — и вынырнул уже по другую сторону двери.

Меч с тихим шелестом выскользнул из ножен.

Эрелайн огляделся — настороженно, прислушиваясь к каждому звуку. Он оказался в гостиной зале — богато, но скупо обставленной, как любая комната, в которой никто не живет. Кофейный столик, несколько кресел, диван, полка с книгами, камин...

Лорд нахмурился, заметив на одном из кресел россыпь бумаг. Шагнул к нему, подхватил один из листов и, мельком пробежав взглядом, отложил в сторону, потеряв интерес. Этот отчет он уже видел.

Бегло просмотрев остальные листы, Эрелайн не нашел ничего, что представляло бы для него интерес и могло хотя бы косвенно указывать на предательство Рейгена. На какое-то время в его душу закрались сомнения. Не ошибся ли он, так скоропалительно вынеся приговор?

Цепко оглядев гостиную, Эрелайн быстрым шагом направился к двери. С ней Эрелайн не церемонился: распахнул ударом ноги. Не дожидаясь, пока противник среагирует, ворвался в спальню — и едва удержался от того, чтобы зло выругаться.

Комната была пуста.

Ни небрежно сброшенного на стул сюртука, ни единого документа из его многочисленных отчетов, ни убранного в ножны меча, ни самого Рейгена. Если бы не чуть смятое покрывало, как будто на уже заправленную кровать решил кто-то присесть, и оставленные в гостиной отчеты, можно было бы подумать, что в Эрелайн ошибся покоями.

Он выдвинул один за другим ящики комода, перевернул примостившуюся на нем шкатулку, распахнул шкаф. Ничего.

Эрелайн развернулся и медленно, не отдавая себе отчет, опустился на кровать. Взгляд бессмысленно скользил по комнате, не зная, на чем задержаться — пока вдруг не запнулся о то, чего в покинутой комнате быть не должно.

О сумку с вещами.

Эрелайн напрягся, резко выпрямившись и напрягшись, готовый к бою. Апатия, еще мгновение назад укрывавшая непроглядной пеленой серости, слетела в миг. И запоздалое

смутное беспокойство, маячившее на краю сознания с самого прихода в покои Рейдена, облеклась в кристально-ясную мысль: зачем свечам гореть в комнате, где никого нет?

...Но противник, если и был здесь, прячась в ночной тиши, не появлялся. Еще минуту простояв в напряжении натянутой тетивой, с которой в любой момент готова сорваться стрела, Эрелайн устало опустил меч.

Поддев острием клинка завязки сумки, он одним легким движением взрезал их. Сумка раскрылась, смешно накренившись на один бок. Эрелайн перевернул ее ногой.

Беглого взгляда на вывалившиеся из нее вещи хватило, чтобы с уверенностью сказать, что они принадлежат лорду-командующему. Смятый, с несвойственной Рейгену неаккуратностью сложенный сюртук, несколько бумаг — потом стоит непременно изучить их — отцов перстень, оставленный на память... Вряд ли бы он бежал без них. Тем более, собранных.

Эта странность, зацепившись за обрывок невыраженной в словах мысли, заставила Эрелайна вскинуть голову. Он вспомнил о кое-чем несущественном и потому пропущенном при первом взгляде.

И не ошибся: на кровати, на смятых темно-красных и черных узорах покрывала, что-то белело.

Лорд одним рывком оказался у кровати и схватил записку. И едва не выпустил ее из рук, вздрогнув: рядом лежал, ранее незамеченный, клинок. Drakkaris flamary.

Злое предчувствие прокатилось мучительным диссонансом по натянутым нервам-струнам, отдавшись слабостью в стиснутых пальцах; холодным дыханием пробежав по плечам. Губы пересохли. Эрелайн медленно перевернул листок, стараясь не замечать предательской дрожи в руках.

Сердце мучительно сжалось — и замерло, пропуская удар. Небрежно выведенные, строки раскололи надвое рельефный оттиск сплетенных в танце силуэтов, герба дома Пляшущих теней...

Его дома.

«Чистые листы есть только у членов Малого совета. Значит...»

Эрелайн опустил руку с бумагой, переводя дыхание и успокаивая колотящееся сердце. И тут же, не выдержав пытку неизвестностью, рывком поднес к глазам, вглядываясь в едва различимые в полумраке комнаты буквы. Чтобы увидеть две строчки, написанные таким до боли знакомым почерком...

Эрелайн стиснул зубы, едва сдерживаясь, чтобы не швырнуть бумагу в камин или не разорвать ее в клочья.

Кэррой в его доме! Кэррой был здесь!

Эрелайн глубоко вздохнул, пытаясь взять себя в руки, но получалось плохо: дыхание сбилось, а в голове пульсировало одно-единственное, почти обезумевшее от злости: «Ненавижу».

Прочитать записку — значит принять его правила; одеть поданную им маску и стать безвольной фигурой в его игре. Не прочитать — отравлять душу сомнениями, вздрагивать от каждой тени и терзаться неизвестностью, ожиданием...

Сжав зубы до скрежета, Эрелайн смог сфокусировать метущийся в бездумии, в безумии взгляд.

«Это только первое в череде предательств. Как долго еще ты продержишься до падения?»

Где-то внутри забился, вместе с истерзанным сердцем, глухой, раскатистый звук. Не то смех, не то всхлип, он разрастался, сотрясая тело Эрелайна — и вырвался из его груди не смехом даже, истерическим хохотом вперемешку со злой дрожью слез. Робкие, приглушенные поначалу всхлипы вылились в звонкие, пронзительные в почти звенящей неподвижности комнаты переливы, от которых вздрагивали подвески люстры и дрожали стеклянные вставки в шкафу.

Смех оборвался так же резко, как начался. Эрелайн сжал лист с такой силой, что побелевшие пальцы впились в бумагу и вспороли ее, раздирая в клочья, — но и это не принесло желанного спокойствия.

Эрелайн поднес к лицу трясущиеся руки. Повинуясь неясному, смутному наитию, поднял взгляд на зеркальные створки шкафа — и замер, побледнев, не в силах шевельнуться от сковавшего его страха.

Из зеркала, темнеющего в полночный час, на него смотрели не его сумрачные глаза, а два черных провала ночи.

Серебряный омут всплеснулся, на миг взвившись мириадами брызг — и осыпался вниз с тихим перезвоном разбиваемого хрусталя. Айн, тяжело, отрывисто дыша, перевел непонимающий взгляд с укрытого инеем осколков ковра на дрожащие пальцы, на сбитых костяшках которых алела кровь.

Когда, что?..

Он попятился — и, натолкнувшись на комод, обессиленно к нему прислонился. Тряслись уже не только руки: его била крупная дрожь.

— Лорд!

Голос, смутно знакомый, едва пробивался сквозь безумие его измученных чувств, захлестнувшихся в неистовстве шторма.

Знакомый...

Сэйна.

— Уходи, — едва слышное, хриплое, через силу. И резкое, хлестнувшее по ушам криком: — Убирайся!

— Мой лорд, — жестко начала она, еще не зная и не понимая, что случилась — и к чему идет. — Я не могла оставить вас одного с предателем и убийцей! Вы...

Бессмертная осеклась, замерев под его взглядом.

Эрелайн выпрямился — и обманчиво-медленным, смазанным движением, уложившись в один вздох и один стук сердца, оказался рядом с ней, преодолев полдюжины шагов. И ласково провел по шее пальцами, сверху вниз.

Такая тонкая, хрупкая, что можно переломить одним легким движением... но это неинтересно. Быстрой смертью нельзя упиваться, как пьянящим вином. Она не закружит голову, не заставит смеяться от переполняющей радости безумия. И не подарит того сумасшедшего мига, когда замирает испуганно бьющаяся под его пальцами артерия, и вместе с чужим сердцем останавливается, на миг, — свое.

Эрелайн вдруг нахмурился и отстранился, пытливо заглядывая в глаза.

Страх в них — холодных, бесстрастных, серо-стальных — не было.

— Ты не боишься меня, — удивленно-насмешливое, ничуть не разочарованное. Заинтригованное обещанием новой игры.

— Верно. Я боюсь за вас.

Он отвел руку — и, не давая попятившейся Сэйне разорвать дистанцию, одним шагом

нагнал ее.

— И не только. Я вижу твою Тень — и твои страхи. Которому из них позволить свести тебя с ума?

— Это она, а не вы.

— «Она»? — Эрелайн заливисто рассмеялся. Но в глазах — беспросветно-черных, пустых, безумных и жестоких — не было и тени улыбки. — Кто «она»? Злая воля? Тень проклятья?

— Ночь, которая смотрит из Ваших глаз.

Эрелайн мягко провел рукой по ее щеке, пряча издевательскую усмешку в уголках губ. И вздрогнул, когда с уст Сэйны сорвалось отчаянное:

— Эрелайн!

Растерянность, захлестнувшая его при звуках имени, сменилась жгучей злостью.

— Эрелайн, — повторила она в слабой, ничтожной надежде, отступая назад. И выкрикнула еще раз, когда в его глазах впервые промелькнул отголосок себя прежнего: — Эрелайн!

Каждый выкрик, каждый выдох хлестал наотмашь, заставляя его вздрагивать, как под плетью. Сэйна твердила его имя, как заклинание — и в какой-то момент на нее взглянула не Тьма, а Эрелайн.

Взглянул — и отшатнулся, увидев в ее глазах отражения своих, окутанных тьмой.

Эрелайн отшатнулся от Сэйны, радостно подавшейся ему навстречу, отступил на шаг — и сорвался на крик:

— Зачем вы пришли, Сэйна?! Зачем?! Я запретил вам следовать за мной!

Не дожидаясь ответа, избегая смотреть в ее расширившиеся глаза, он попятился, каждый миг рискуя оступиться. Упершись в стену, развернулся — и, не отрываясь от нее, на подгибающихся от слабости ногах, направился к двери.

...И в спину ему летел безумный хохот Тьмы, осыпающейся, как зеркало — хрустальными переливами.

* * *

Эрелайн ввалился в отведенную ему комнату, тяжело дыша. Измученно оперся о стену и, не в силах стоять на ногах, безвольно осел вдоль нее. Не было ни злости, ни ненависти — только глухое отчаянье, какое можно услышать только безжалостно-зимней ночью в волчьих песнях.

Отчаянье — и страх.

То, что раньше придавало сил, позволяло бороться, идти вперед, несмотря на падения, боль и отсутствие веры, едва не столкнуло его в пропасть.

Все было просто, предельно ясно: он больше не владел собой. Мир, так старательно, осторожно и бережно выстраиваемый им, разлетелся искристым вихрем осколков.

Впрочем, был ли он когда-нибудь настоящим?

«Дурак, — с горечью подумал он, уже в который раз. — Просто дурак».

В чем еще он обманулся? В себе, в своем доме; в тех, кто когда-то принес ему клятвы... как отчаянно самонадеянно было верить, что он сможет держать себя в руках; что те, кто боятся и ненавидят, когда-нибудь сочтут его равным?!

«Сделки заключают с людьми, а не чудовищами», — вдруг вспомнились жестокие слова, когда-то сказанные Алишей. Как она была права, Извечная! Права во всем!

Мир рассыпался, разлетался, развеялся на безжалостном ветру серым пеплом. Прежде боли и отчаяния у него было то, что оправдывало его искалеченную, но по какой-то причуде Воли нужную другим жизнь: уверенность в том, что если проклятье начнет брать верх, он сможет покончить с ним — и с собой. Но теперь даже этого выхода его лишили, переплетя в n'origin est их с леди Ириенн судьбы. Свою жизнь Эрелайн оборвал бы, не дрогнув, но ее! Какое он имеет право распоряжаться чужой судьбой?

«Я должен был умереть раньше, — с неожиданно ясностью понял он. — Должен, но не стал, не смог».

— Как ты жестока, Извечная... — полустон, полусмех — мучительный, невыносимый. — Даже сейчас ты смеешься надо мной. Зачем? За что?..

Тьма повсюду. Она смотрит из теней — прежде родных, мягких, грифельно-серых, а теперь злых и враждебных. Из ночи за окном, из темноты зеркал, в которые теперь он не может взглянуть, боясь увидеть ее...

— Эрелайн?

Голос — встревоженный и усталый, искаженный злым эхом дворцовых стен, неузнаваемый — звал его. Кажется, уже не в первый раз. Эрелайн обратил на него внимание только сейчас и болезненно застонал, сжавшись в клубок, как в детстве. Он не хотел никого видеть, ни с кем говорить, даже думать.

— Айн! — срывающиеся и отчаянное, но приглушенное. Как если бы тот, кто говорит, надеялся, что другие его не услышат.

Шаги становились ближе. Голос обретал краски, ширился обертонами.

«Лоир», — с отчаяньем подумал Эрелайн. В горле зародился глухой рык. Не злости — досады и раздражения.

Он сжался еще больше, подтянув колени к груди и уткнувшись в них лицом, в надежде стать хоть чуточку незаметнее. И согреться: в комнате почему-то было очень холодно, и Эрелайн цеплялся за крупички все ускользающего тепла.

Уходи, убирайся! Пройди мимо!

Эрелайн не боялся, что может вновь сорваться: тьма задремала мурлычущей кошкой, сонно приоткрывая лукавые зелено-желтые глаза. Ему мучительно было осознавать собственную слабость. Он знал, что сейчас не сможет взять себя в руки, не сможет оправиться от случившегося и позабыть тот ужас, который сдавил его горло, когда он очнулся от завладевшего им проклятия. Не сможет позабыть — и открыть свою истерзанную душу другим, а лгать нет сил. Все, что ему нужно: покой и одиночество. С остальным Эрелайн справится сам.

Шаги, все ближе и ближе.

Пройди мимо, ну же! Ну! Что тебе стоит?!

Дверь скрипнула, устало повернувшись на петлях. Эрелайн еще больше сжался, глупо, совсем по-детски надеясь, что Лоир не заметит его в густой, как патока, тени. Нужно было уйти через нее или скрыться в ней, но Эрелайн слишком устал, чтобы что-то делать.

От открывшейся двери потянулся, потягиваясь и лениво мазнув мягкой лапкой, сквозняк, заставив качнуться тяжелые шторы. Лои провоевал с дверью секунд пять: до тех пор, пока не смог пересилить шаловливый сквозняк и рывком захлопнуть ее. Тишина ночи, делавшая дворец не уснувшим, а умершим, всколыхнулась грохотом.

Эрелайн буквально кожей почувствовал его взгляд — и, не давая ему сказать ни слова, глухо проговорил:

— Уходи.

— Айн...

— Уходи.

— Айн, послушай...

— Я сказал, уходи, — жестко, почти жестоко повторил он, оборвав его фразу. И вздрогнул, когда услышал яростное:

— Да выслушаешь ты меня, наконец?!

Эрелайн вскинул голову, удивленный — так неожиданно резко и зло прозвучал обычно спокойный голос.

От прежнего прибранного облика Лои не осталось и следа: каштановые вихры растрепаны, шейного платка нет, сюртук расстегнут. По виду — только-только выдернут из постели, но в приглушенно-зеленых глазах нет и тени сонливости. Зато есть то, что он хочет видеть меньше всего.

— Я не нуждаюсь ни в сочувствии, ни в жалости.

— А в помощи? — ярость и злость ушли из голоса Лоира, сменившись чем-то похожим на бессилие.

— А помочь мне никто не сможет.

Эрелайн опустил голову, уткнувшись лицом в колени, показывая, что разговор закончен.

Тоскливо, как-то нерешительно скрипнул паркет, как если бы стоящий на нем не мог определиться, что делать — и тишину нарушил тихий перестук шагов. Шагов к нему, а не от него.

Лои остановился и, помедлив, присел рядом с ним.

— Что случилось сегодня? — негромко спросил он, нарушив молчание.

— Сэйна сказала только то, что ты не смог удержать проклятье, и оно едва не вырвалось из-под твоей воли.

Эрелайн никак не среагировал на его вопрос. Так и не дождавшись ответа, Лоир вздохнул и начал, так мягко, как только мог:

— Ты не должен во всем и всегда винить только себя. Есть вещи, которые от тебя не зависят, и ты не сможешь изменить их, как бы ни старался и сколько бы ни отдавал сил. И рассчитывать только на себя ты тоже не должен. Ты замыкаешься в себе — и ошибаешься. Потому что больше всего тебя тяготит не проклятье и не ненависть к себе, а одиночество.

Он замолчал, и с последним затихшим отголоском на гостиную упала тишина.

Тишина, которую никто не собирался нарушать.

Лоир вздохнул и поднялся. Помедлил несколько мгновений, развернулся и направился к двери. Тихонько скрипнула, проворачиваясь, дверная ручка. Сквозняк коснулся щеки, пробежал по волосам, вороша их, но не спеша уходить: дверь по-прежнему была открыта.

— А впрочем, знаешь, — глухо сказал Лоир, так безразлично, будто обращался в пустоту, а не к нему, — ты прав. Никто не сможет помочь. Никто, кроме тебя самого. Трясущиеся руки, полубезумный взгляд, посеревшее и осунувшееся от постоянного недосыпа лицо... Это не вина тьмы. Это твоя вина. Не она, а ты изводишь себя своей ненавистью и презрением. Когда ты поймешь, что борешься не с ней, а с собой, и этим убиваешь себя? Ты ничем не лучше тех, кто тебя ненавидит, считая чудовищем. Потому что ты так же себя ненавидишь. И так же не даешь себе ни единого шанса.

Лоир замолчал, но почему-то медлил, хотя лучше кого бы то ни было знал, что не услышит ответа. Он ушел только спустя минуту. Дверь закрылась резко и звучно, но без злости, как будто ее просто забыли или не сочли нужным придержать.

В голове не осталось мыслей. Все, что терзало его прежде, ушло, оставив после себя звонкую пустоту. Только дышать почему-то стало труднее.

Эрелайн не знал, сколько еще он просидел так, глядя перед собой и не замечая ничего. Как не знал, в какой момент он очнулся от странного забытья. Рывком встал, сделал по инерции несколько шагов и остановился. Качнул головой, словно это могло унести с собой оцепенение, и направился к шкафу, где обычно пылились вина в темных бутылках.

Дверца отворилась беззвучно. Только блеснуло, на мгновение отразив лунный свет, стекло — свечей он так и не зажег. Эрелайн, не выбирая, взял одну из бутылей, подхватил с верхней полки тонконогий бокал нетвердым шагом прошел к стоящему рядом столу.

Аромат — сладость винограда и терпкая горечь — пробежал по комнате, как только Эрелайн откупорил бутылку. Темное, кажущееся обманчиво густым, вино хлынуло в хрустальный бутон бокала, обагрив его стенки.

Первый глоток осел на языке горечью воспоминаний, не принес желанного успокоения. Которое, впрочем, не принесет ни второй, ни третий... ни последний.

Эрелайн отставил бокал, не сделав больше ни глотка. Развернулся — и тем же неспешным, механическим шагом, что и прежде, направился к двери в спальню. Чтобы забыться тяжелым сном без сновидений.

Вечер и день прошли неприметно. Мы перебрасывались короткими шутками и подколками, болтали о пустяках, но чаще думали о своем и понукали коней, почти нигде не задерживаясь. Чем ближе мы подъезжали к Зеленым Холмам, тем сильнее нами завладевало нетерпение.

Только поздним вечером, когда пришла пора делать привал и нежелание ждать, гонящее и гонящее нас вперед, поутихло, мы заговорили. Правда, далеко не так, как мне хотелось бы.

— Не остановились бы — прибыли бы уже сегодня ночью.

— Если тебе не терпится, можешь ехать дальше, — пожал плечами я, не отрываясь от прежнего занятия — развьючивания лошадей. И добавил подчеркнуто-безразлично: — Один.

— А ты? — лукаво сощурился Нэльвё. — Трусись?

— А я не настолько тороплюсь, чтобы ехать впотьмах.

— Трусись! — с удовольствием повторил он, смакуя слово, уже не как вопрос, а как утверждение. Насмешки в его голосе не было — только веселье.

В другой раз я бы обязательно подыграл ему, но не сегодня.

— Мне не нравится эта ночь, — просто сказал я, доставая из сумки тонкие и легкие шерстяные покрывала Shie-thany, на которых можно было спать даже на по-весеннему холодной земле. — Такой ответ тебя устроит?

— Неужели есть что-то, что может угрожать сказителю?

— Пущенная вслепую стрела A'shes-tairu, например, — в тон его деланному удивлению ответил я. Впрочем, ни чуточку его не убедив, потому что в голосе Нэльвё звучала уже не ирония: откровенный сарказм.

— «Сумеречные»? Что им делать тут, вдали от Перевала?

Я пожал плечами, как бы говоря, что не собираюсь ничего объяснять и оставляю его самого додумывать эту мысль. Благо, готовка — а именно ей сегодня предстояло заниматься Нэльвё — вообще располагает к созерцанию и неспешным раздумьям.

Поняв, что подыгрывать я не собираюсь, и на облюбованной нами полянке снова невыносимо скучно, Отрекшийся все-таки отправился кашеварить. Рядом тут же закрутилась, как любопытная кошка, Камелия. Она так и норовила сунуть нос в котелок, из которого доносились соблазнительные ароматы долгожданного ужина, и влезть под руку в самый неподходящий момент. Когда ее навязчивое внимание начинало совсем уж мешать, Нэльвё негромко, но угрожающе взрыкивал, как матерый кот на долговязого котенка, путающегося под ногами. Того и гляди стукнет лапой — не больно, но обидно — и больше нельзя будет совать любопытный нос в его дела.

Я закашлялся, безнадежно пытаюсь скрыть за кашлем смех. К счастью, мои спутники были так увлечены кулинарными подвигами, что не заметили моего возмутительно хорошего настроения. Покончив с расседлыванием лошадей и кое-как обустроив место ночлега, я шагнул за очерченный жарким костром круг света. Пришлось углубиться в лес: отблески пламени не давали глазам привыкнуть к темноте настолько, чтобы я мог различать в ее мягких объятиях нужный мне хворост. Костер должен гореть всю ночь, согревая податливую, мягкую и мшистую землю, разгоняя ночную мглу. И указывая мне путь, когда придет время.

— Мастер Мио, — негромко позвала меня Камелия. Она сидела напротив: продрогшая, сжавшаяся, как воробушек, и кутающаяся в одеяло. В глазах, непривычно темных, отражалось пламя, изгибающееся от прикосновений ветра.

Изгибающееся, выгибающееся и переплетающееся с ним воедино...

Негромкий и слабый, будто надломленный, голос Камелия прозвучал тогда, когда я уже перестал его ждать, заставив вздрогнуть.

— Я все время думаю о том, что вы мне сказали... о жестокости и преступности милосердия... Разве эта жестокость — не то же, что меньшее зло? И разве меньшее зло — это правильно?

Я молчал, удивленный ее вопросом, не зная, чем на него ответить. Потом усмехнулся, уставившись в огонь и далекое небо, сторающее во всполохах пламени.

...Ночь обнимала нас, пряча от черноты вокруг и от подбирающегося на мягких лапах зла. Ее косы пахли не свежестью древесной коры и прошлогодних листьев — жаром костра, позабытым домом, а глаза смеялись из небесной выси, прячущейся среди сомкнувшихся крон.

Нэльвё, посмеялся над моими опасениями и предложил побыть часовым первую половину ночи. По-хорошему я должен был устроиться поудобнее и задремать, вырвав у предначертанного хотя бы несколько часов сна. Но он все не шел, и я просто сидел, смотря в огонь, пока не пришла такая же вострепанная и лишенная сна Камелия.

— Меньшее зло, оправданная жестокость... — негромко начал я спустя пару минут. — Я бы хотел сказать, что нет никакого меньшего зла, но это было бы ложью. Да, Камелия, это действительно «меньшее зло». Его не должно быть и не было прежде.

— А когда — не было?

Я улыбнулся. Только улыбка вышла грустной.

— Давно... очень давно. Тогда, когда время шло иначе, и тысячелетия длились, как один день. Один из тех, кого вы называете мудрецами, когда-то сказал, что «боги бессмертны и вечно блаженны». Мы были в ту пору такими безмятежными богами, не знающими зла и жестокости.

— И... что случилось потом? Почему все стало так, как сейчас?

«Почему?» Я тихо усмехнулся. Помолчал, все глядя в огонь, не сводя с него взгляда ни на мгновение. И в этом пламени, светлом и ясном, мне вдруг привиделось другое: яростное и безжалостное, черно-красное, сжегшую Северу в дыхании драконов — и обрушившееся на нас кошмаром Тысячелетней ночи.

— У нас есть слова, которыми заканчиваются почти все старинные баллады и предания, — вдруг сказал я, когда Камелия уже отчаялась дожидаться ответа. Сказал, зная, что то, что она услышит, ей не понравится. — «Ess l'Line doerry».

И, помедлив, повторил на северском:

— «А потом пришли люди».

Камелия, подавшаяся было ко мне, отшатнулась.

— Но разве это правда? Разве может кто-то измениться не сам, а...

Она растерянно замолчала, не зная, что сказать: такая по-детски растерянная и расстроенная, как если бы я неосторожно сказал что-то, разбившее все, во что она верила прежде.

— Конечно, не виноваты, — улыбнулся я и разжал пальцы. Палочка, которой я прежде ворошил угли, упала в них, взвив рой обжигающе-ярких искр. На мгновение пламя прикикло

к земле, робко и пугливо, но тут же прянуло ввысь, еще жарче и сильнее, чем прежде. — Но с этого все началось.

Я поднялся и подал притихшей девушке руку.

— Пойдемте, Камелия. Вам пора отходить ко сну, а мне — сменять Нэльвё.

— Мне кажется, я ни за что сейчас не усну, — тихо пожаловалась она, вставая и зябко кутаясь в одеяло, как в шаль. Я только улыбнулся на ее робкое признание, потому что тоже не мог бы уснуть. Мной владело непонятное волнение с предвкушением и нетерпением.

Хотелось броситься в ночь сейчас, немедленно, ничего не объясняя тем, кто почему-то счел, что им со мной по пути. Не друзьям, не врагам — смутным теням, бродящим впотьмах, не видя дороги... Теням, тянущим назад тогда, когда я не могу, не имею права остановиться.

Я тряхнул головой, отгоняя навязчивые и странно чуждые, как будто принадлежащие не мне, мысли. И, ускорив шаг, направился туда, где меня ждал скучающий Нэльвё.

Во всем теле разлилась такая легкость, что, казалось, следующий шаг будет уже не по мягко пружинящей под ногами земле, а по звенящему от ночной свежести воздуху.

— Чтоб тебе! — беззлобно ругнулся Нэльвё, загоняя меч в ножны. — Жить надоело, что подкрадываешься со спины?!

— Я не думал, что смогу застать тебя врасплох.

Недоумения в моем голосе было едва ли не больше, чем в его. И он поверил.

Нэльвё ушел от лагеря больше чем на сто шагов. И это неожиданно оказалось мне на руку: проще будет незаметно уйти, растворившись в молчаливой музыке ночи.

— Оставить меч? — коротко спросил бессмертный. Таким — действующим и говорящим по делу — он мне нравился больше.

Я покачал головой. И, улыбнувшись, добавил:

— Поранюсь еще.

— Все настолько плохо? — Нэльвё иронично приподнял бровь. — Не поверю, что ты не владеешь мечом от слова «совсем».

— Владею — слишком громкое слово. Основные приемы знаю, тактики — тоже, — пожал плечами я. — Парировать пару ударов я, конечно, смогу, но и только.

— Ну, смотри! Я предложил.

Отрекшийся шутливо отсалютовал и развернулся, чтобы уйти.

— Тебе придется открыть свое имя и свою историю. Иначе правитель вправе отказать тебе в покровительстве.

Мой окрик ударил в спину, не разбив тишину, а всколыхнув чернотой, как омут.

— Знаю, — коротко сказал он. — Знаю и скажу.

Сказал — и остался так, не спеша уходить, словно чего-то ждал. А я вдруг, подчиняясь какому-то странному, непонятному мне самому порыву, спросил то, о чем совсем не хотел спрашивать:

— Тогда, перед тем, как спуститься в долину... ты ведь был против. А потом передумал. Почему?

— Потому, — его ответ застал меня врасплох, прозвучав тогда, когда я уже не чаял его услышать, — что я не такой жестокий, как может казаться. И потому, что у меня есть младшие сестры, которым я слишком многое запрещал. А когда понял, что ошибался, было уже поздно.

Я хотел спросить, для чего поздно — но Нэльвё уже шагнул прочь с затерянной в Лесу поляны, растаяв где-то в переплетении шепчущих, качающихся на ветру ветвей.

Сердце пропустило удар, замерев в предвкушении. Легкость пьянила сильнее вина. Я знал, что нужно выждать, пока Нэльвё не дойдет до костра и не отправится спать. Знал — и едва мог заставить себя не сорваться с места, чувствуя, как время, отмеренное мне, уходит.

За неимением другого ориентира, я отсчитывал удары сердца, но оно постоянно сбивалось с ритма, и я оставил это. Мне начиналось казаться, что прошла уже целая вечность; что еще немного — и край неба озарится золотом нового дня, сжигая мой путь в черном пламени невозвращения.

Я не мог больше ждать. Рывком поднявшись с поваленного дерева, я закрыл глаза, вслушиваясь в ночь, льнущую ко мне — мягкую, бархатистую, беззаветно верную, доверчиво открывающую тайны. И, не задумываясь, не открывая глаз, шагнул в обступившую меня, ставшую мной темноту.

* * *

Я шел мягко, едва касаясь земли; то стремительно, то замедляя шаг. Мне не нужно было таиться, притворяться кем-то в этой бесконечности, облеченной в черноту и расцвеченной искрами звезд — я и без того был ей.

Я шел, не разбирая дороги, не замечая стелящиеся под ноги травы — только слушая почти не бьющееся, словно замершее тогда, на полпути в ночь, сердце. А она, черноокая ночь обнимала меня — и вела, улыбаясь из вышины, даря невесомый легкий шаг и укрывая от чужих глаз. Мне казалось, я ушел уже так далеко, что не найду брошенный мной костер; что ночь на изломе, и вот-вот займется заря, но небо по-прежнему ярко горело звездам. Не рассвет — Час Волка, пугающий и безмолвный, набирал ход, бессилён был прогнать с небес мою улыбчивую и прекрасную госпожу.

Но то, что не сумел сделать он, ужасный и безликий, — как тот, кто в Дикую Ночь проходит по миру, ища безумцев, вставших на пути Охоты, — смогли негромкие голоса и отблеск костра. Ночь улыбнулась, прощально коснулась лица в подобии пьянящего поцелуя, пробежалась по волосам нежнейшим из прикосновений — и исчезла, забрав свои дары.

Исчезла, оставив меня один на один с Сумеречными.

Боялся ли я? Нет.

Ветер бросил в лицо обрывки фраз. Пахнуло дымом, теплом и чем-то гораздо более аппетитным, чем наша каша. Эта мысль неожиданно меня смутила, и своей нелепостью и неуместностью окончательно вернула в реальность. Я прислушался уже слухом — обычным, почти что человеческим слухом, а не смутным чувством-предвиденьем — и безошибочно повернул направо. Только заколебался, всего на мгновение: уходить за Грань или нет?

«Уходить». Так далеко, как сумею: чтобы еще видеть потускневшие краски бытия, но почти что исчезнуть самому, и пройти к разбитом Сумеречными лагерю незамеченным.

Я поднял руку, собираясь сделать тонкий надрез реальности — погружаться одним рывком сейчас, когда даже уход на первые Грани лишал меня сил, я не рискнул — и вздрогнул, потому что слуха коснулся знакомой смехок:

— Вот и наш легкомысленный страж!

Рывком обернувшись, я нос к носу столкнулся с Нэльвё. И, проглотив все пришедшие на ум ругательства, зашипел:

— Какого демона вы тут забыли?!

— А какого демона ты покинул пост?! — огрызнулся он в тон мне. — Что мы, по-твоему, должны были делать?

Я глубоко вдохнул, собираясь сказать, куда Нэльвё может идти со своей заботой, но из-за его спины выглянула белокурая головка Камелии. Ярость вспыхнула легко, как если бы какой-то дурак ссыпал искры в золотистое море степных трав — и оно захлебнулось пожаром.

— Ты в своем уме?! — злым, срывающимся на крик шепотом, начал я. — На кой ты притащил с собой ее? Ты хоть понимаешь, куда я шел и зачем?! Какому риску ты ее подверг? Да кто вам вообще дал право?..

Я захлебнулся на полуслове, как захлебываются, сорвавшись с обрыва в воду. Горло перехватило спазмом, и из него могли сейчас вырваться только короткие, задыхающиеся вдохи. Тревога накатила, пробежав ледком по затылку, рукам, спине... нет, не ледком мурашек, а настоящим: воздух вдруг вымерз до последней капельки воды, рассыпавшейся в нем, и ударил в лицо инистым крошевом.

Не замечая искажившегося лица Нэльвё, я грубо оттолкнул его. Все потеряло значение, кроме ощущения приближающейся беды.

Я не слышал ни мягких, крадущихся шагов aelvis, ни глухого перестука копыт коней, ни тихого, на грани слышимости, треньканья, с которым срывается с натянутой до звона тетивы стрела, но точно знал, что они приближаются. И выкрикнул единственное, что могло спасти нас; изменить то, что должно случиться.

Слова, впечатавшиеся в память каждого бессмертного без исключения, даже если он никогда их не слышал, даже если не знал аэльвского, уходящего сейчас в небыль:

— Atre Vie! Именем ветра!

Всадники, рвавшие в ночь, нам на встречу, остановились.

Ржание вставших на дыбы коней, свист спускаемой тетивы — и холодное злое касание ветра, когда одна из стрел пролетает в одном пальце от моего лица, уходя в ночь.

Я не шелохнулся и даже, кажется, не вздрогнул, за целую вечность до этого мига зная, что стрела пройдет мимо. Нэльвё и тихонько вскрикнувшая Камелия моей выдержкой не отличались. Отрекшийся грубым движением задвинул девушку за спину, не очень-то считаясь с ее растрепанными чувствами, и потянул из ножен меч. Он казался обломком лунного луча — такой же тонкий и бесконечно изящный.

— Нэльвё! — предостерегающе окрикнул я, отворачиваясь, чтобы встретиться взглядом со спешившимся бессмертным.

Жилистый, гибкий и хлесткий, как плеть. Легкий доспех — не доспех даже, кожаная куртка с нашитыми поверх металлическими пластинами — не стесняет движений. Перчатки плотно обтягивают ладони, изогнутый лук в пол его роста кошкой льнет к ногам. На поясе — перевязь с коротким мечом.

— Скажи своему другу, elli-e Taelis, чтобы он убрал меч и стал твоей молчаливой тенью, если хочет сохранить жизнь, — иронично сказал Сумеречный, замирая в шаге от меня.

Глава отряда.

— Нэльвё, — повторил я, не оборачиваясь. — Делай, что он говорит.

Злая и неразборчивая ругань стала мне ответом. На долю секунды я решил, что он не подчинится из глупого, неуместного сейчас упрямства, но тишина безвременья почти сразу сменилась скрежетом вогнанного в ножны меча.

— Так-то лучше. А теперь — к делу, — и обратился резче, жестче; голосом, в котором звенел только лед и не было ни намек на прежнюю смешливость. — Ты пришел к нам, *elli-e*. Что тебе нужно?

— Ответы.

Губы главы отряда искривились в улыбке. Одна из Сумеречных рассмеялась, и бусины, вплетенные в ее косы, зазвенели. В этом перезвоне не было ничего чудесного. Напротив — жуткое, пугающее. Злое.

— В самом деле? И не боишься? Скажем, шальной, пущенной с закрытыми глазами стрелы? — насмешливо, с тщательно скрытой угрозой, спросил он.

— А ты не боишься, Эдвин? Песни, которая приходит с каждым новым днем, и от которой дробятся в крошево кости, рвутся жилы, терзаются нервы? Или драконов, которые уже проснулись и рвутся из ледяного плена, срывая с себя путы давно утративших силу Слов?

A'shes-tairu оцепенел, когда я назвал его, даже не думавшего представляться, по имени — и когда прочитал и сказал то, что мучило их, став худшим из кошмаров.

— Среди вас есть сказители? — требовательно — по праву, данному *Ей*. Неоспоримому. Пустое, надтреснутое, сломленное:

— Нет.

— Драконы уже проснулись, — не спрашиваю — утверждаю, но окончательно убеждаюсь только после его кивка. — Сколько еще воля прежних сказителей сможет удерживать их?

— Что тебе за дело до нас, Зарерожденный? — резко спросил Эдвин, вскидывая на меня острый, непокорный и живой, невозможно живой взгляд того, кто долго бродит по краю Бездны, зная, что каждый момент рискует сорваться вниз.

Взгляд, в котором сначала мелькнуло что-то светлое, ясное — но почти сразу сгорело в отчаянии и всепожирающей злости, удушливой, как гарь.

— Я сказитель.

— Ты и шагу не сделаешь по Жемчужным Берегам.

— Ошибаешься.

Он, прежде готовый бросить очередную злую колкость, осекся и замолчал, не сводя с меня долгого, пристального взгляда. В нем боролись неверие, усталость — и надежда.

— Ты не лжешь.

— Сколько еще воля сказителей сможет их удерживать?

— Я не знаю, — оборвал меня он. И, помедлив, все же ответил: — Королева знает.

— Я приду к ней тогда, когда будет должно, чтобы получить ответы и помочь. Передай ей.

— Передам, — процедило он. — Даю слово. А теперь убирайтесь. Немедленно Замешкаетесь — сочту, что ты лгал, ожидая отряд Безупречного, чтобы ударить нам в спину. И тогда не надейтесь уйти живыми.

За обманчивым спокойствие слов *A'shes-tairu* плескалась ничем незамутненная ярость. Ни мгновения не сомневаясь в его угрозе и чувству направленные на меня стрелы, я развернулся, дернул за руку молчаливую и бледную от испуга Камелию и быстро зашагал прочь. Нэльвё замешкался, но последовал за нами, догнав в несколько размашистых шагов.

До самого лагеря мы шли, не проронив ни слова. А дойдя, не сговариваясь и ничего не обсуждая, стали собираться в дорогу — прочь от идущей за нами шаг в шаг смерти. Я

последним вскочил в седло, оставшись гасить костер, и пустил коня стремительной рысью вслед за удаляющимися в рассветное небо спутниками.

Разговоры будут потом. Или не будут вообще — потому что то, что случилось, не касается никого, кроме меня.

* * *

Мы скакали все утро, сначала рассветное, серо-мглистое, туманное, потом — ослепительно яркое и солнечное, постепенно переходящее в такой же ослепительный день. Не останавливаясь, мы гнали коней на восток, не зная, но чувствуя, где лежит Арьеннес — первый город aelvis, воспетый в легендах. Говорят, его невозможно не любить, и каждый бессмертный, хоть раз побывавший в Первой розе, дарит ей частицу своей души.

Говорить было некогда — и не о чем. Солнце поднималось нам навстречу, сначала робко расцвечивая небосвод розовато-алым, а потом затопив землю рассветным золотом от края до края. Все исчезло в этом свете новорожденного дня. Все, кроме дороги, ведущей нас, и города.

Я так отчетливо видел перед собой его, сотканный из солнца и золотой взвеси, что не сразу понял, когда наваждение уступило место Арьеннесу. И это так поразило меня, что я натянул поводья, останавливая тонконового жеребца. Кони моих спутников проскакали вперед еще с десятков шагов — и тоже замерли, остановленные седоками.

— Вот и Арьеннес, — негромко сказал я.

Место, где начнется новый путь. Наконец-то правильный — и предназначенный только мне.

* * *

— Приветствую вас, мой лорд, — Эрлайн склонился в поклоне — скупом; ином, чем обычно, и от лорда-правителя это выражение неприятия не укрылось.

— Приветствую, — сухо ответил Этвор, коротко кивнув. — Вам есть, что сообщить?

— Подтвердилось, что Кэррой вьер Шайесс действительно был в зале. Его причастность к заговору не доказана, но не вызывает сомнений. Предполагается, что он действовал не один и был не единственным заговорщиком, присутствующим на церемонии. Имен назвать пока не могу. Мы разрабатываем эти версии. Каким образом в руки заговорщиков попала печать дома вьер Лиин не установлено. Пока. Я полагаю необходимым провести расследование, подвергнув допросу всех, кто имел доступ к печати. Списки присутствующих с результатами допросов и наблюдений за поведением гостей в течение церемонии составлены и прилагаются к докладу.

Эрлайн говорил со сдержанным безразличием. Короткие, рубленые, почти что лязгающие фразы сами срывались с языка, выстраиваясь в такой же безликий, как и они сами, текст.

Текст, за которым он, потерянный, лишенный уверенности хоть в чем-нибудь, мог спрятаться и казаться если не собой прежним, то кем-то другим, спокойным и уверенным.

— Немного, — резюмировал правитель. Он сцепил руки, и в этом незначительном

жесте проскользнуло что-то нервное, что-то неправильное. Только сейчас Эрлайн заметил, что лорд-правитель, несмотря на все свое обаяние, выглядит усталым и издерганным. Как будто не спал всю ночь.

— Есть еще что-то, о чем я должен знать? — вскинув голову и сконцентрировав усталый взгляд на нем, спросил Этвор.

— Сегодня ночью убит Рейген вьер Шадэ. Лорд-командующий внутренней стражи Зеленых Холмов и участник заговора.

— Что? — выдохнула стоящая рядом, по правую руку от лорда-правителя, леди Айори. Черное платье и кружевной батистовый платочек, которым она то и дело промачивала совершенно сухие злые глаза, лучше любых слов выражали ее отношение к происходящему. Но к последним его словам она не смогла остаться равнодушной. И, отбросив скорбь, как надоевшую маску, Айори скомкала платочек — и продолжила, полыхнув пламенем глаз: — Глава вашей стражи — участник заговора?! Значит ли это, что в доме, подвластном вам, давно зреет недовольство, а вы ничего об этом не знаете?

— Теперь — знаю, — холодно сказал Эрлайн, поднимая тяжелый взгляд, от которого даже леди-правительницу, ни во что не ставящую других, пробрало. — Не вам осуждать меня. Смее напомнить, что в руки заговорщиков попала печать вьер Лиин, а не моя — значит, и ваш дом тронул тлен предательства. Но если мне известен и главный заговорщик, и круг лиц, и причины недовольства, вы впервые об этом слышите.

— Вы правы. Мы не имеем никакого представления ни о личностях заговорщиков, ни об их целях. И рассчитываем на вашу помощь, — сухо проговорил Этвор, перебивая готовую разразиться негодованием жену. — Если сочтете возможным, конечно.

— Разумеется.

— Я почти уверена, — едко продолжила Айори, считавшая должным озвучивать каждую свою мысль и судить, кто прав, — что этот якобы заговор в рядах вьер Лиин — ничто иное, как отражение вашего. Всем известно, что подданные вас боятся. В отличие от нас.

— Бояться — не то же, что ненавидеть. Подданных можно держать в подчинении или страхом, или любовью. Но, так как любовь непостоянна и не зависит от воли правителя, страх предпочтительнее. Я полагал это известным вам.

— Прагматик, — выплюнула Айори, как худшее из ругательств, со злостью и презрением. — Ни минуты в вас не сомневалась! Кто еще мог быть вашим учителем в искусстве политики, кроме вьер Эрн?!

— Уверю вас, леди, я знаком не только с трудом вьер Эрн, — за прежним безразличием проскользнула усмешка — впрочем, совершенно неразличимая. — Правителю необходимо разбираться в политической и военной стратегии, уметь своевременно и верным образом реагировать на события, выстраивать линию поведения. А в этом нельзя желать лучшего учителя, чем книги.

— Жаль, эти знания не помогла вам предотвратить заговор, — с откровенной издевкой проговорила Айори. — Видимо, не так уж они хороши.

— Матушка! — не выдержала леди Ириенн, молчавшая прежде, резко отвернувшись от окна. Черное платье, черный шелк собранных под вуалью волос делал ее похожей на чернокрылую птицу. — Прекратите. Вы переходите всякие границы.

— Не вмешивайся.

— Может быть. Равно как и вам, — спокойно, нисколько не выказывая раздражения,

вернул шпильку Эрелайн. И тем же ровным, нарочито безразличным тоном, продолжил, резко сменив тему: — По какому праву вы позволяете себе приказывать леди Ириенн?

Айори, не ожидавшая подобного вопроса, на мгновение смешалась, но почти сразу взяла себя в руки и ответила с царственным пренебрежением:

— По праву крови.

— Вот как? Мне казалось, что отныне леди принадлежит к другому дому, — и жестко закончил, не угрожая — предупреждая. — Впредь я бы попросил вас избегать подобного тона. Леди Ириенн — моя жена. Обращаясь с ней так, вы наносите оскорбление не только ей, но и мне. Вы уверены, что вам это нужно?

Повисла тишина — напряженная, гнетущая, звенящая перетянутой струной. Того и гляди не выдержит, лопнет, и разразится буря.

Легкий стук в дверь заставил всех вздрогнуть. Струна распрямилась. Правитель кашлянул, пряча вздох облегчения, и, поднявшись из-за стола, быстро спросил:

— Да, Мэлори? Что-то случилось?

— У вас просят аудиенции, — Эрелайн нахмурился: голос, доносившийся из-за двери, был странно глухим. В нем едва угадывались нежные девичьи нотки.

Лорд Этвор, мимо которого не прошел этот странный факт, поджал губы и стиснул пальцы до побелевших костяшек.

— Я сейчас занят, — напряженно следя за реакцией девушки, начал он. — Леди, не могли бы вы передать, что я приму наших гостей позже. Скажем...

— У вас просит аудиенции сказитель.

— Что? — осекся лорд-правитель, не веря услышанному. И Эрелайн его понимал: ему самому сейчас казалось, будто он ослышался, потому что... потому что...

Потому что такого просто не могло быть. Не должно быть.

— У вас просит аудиенции сказитель. Сейчас, — повторил голос, уже немного окрепший. — Приять его прошение?

— Да-да, конечно, — правитель рывком встал из-за стола — так, что едва не уронил стул, зацепившийся за край ковра, но даже не заметил этого. Огляделся нервным взглядом. Перевел его с Эрелайна на царственную супругу, на дочь — и резко вернулся к нему.

Этвор кашлянул, выровняв вдруг решивший подвести его голос, и обратился:

— Лорд, не присоединитесь ко мне?

— Сочту за честь.

Он шагнул за порог последним, пропустив зло сверкающую золотым пламенем глаз Айори, молчаливую и безразличную, будто душу сковало льдом, Иришь, впервые на его памяти взволнованного лорда-правителя — и потянул дверь. Она захлопнулась резко и громко, и в этом звуке ему на миг почудился то ли звон скрежывающихся мечей, то ли перестук копыт.

Путь назад, казавшийся прежде возможным, теперь был отрезан.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Примечания

N'orre Llinadi — *аэльвский*; «первопришедшие».

Nieris — *аэльвский*; не переводится.

Fae — *аэльвский*; не переводится.

Thas-Elv'inor — *аэльвский*; «Отрекшиеся».

Месяц Поющей воды — четвертый месяц в году.

Alle-vierry — *аэльвский*; «Действующие».

Orfen di-erre — *аэльвский*, «Аметистовые чертоги».

A'shes-tairy — *аэльвский*, «Сумеречные».

Shie-thany — *аэльвский*, «Сумеречные».

Atris Oerfen — *аэльвский*, «Аметистовая крепость».

Eneid ri-Vie — *аэльвский*; «вытканная из камней».

Elli-e Taelis — *аэльвский*; «сказывающий волю». То же, что сказитель.

Месяц Золотых туманов — десятый месяц в году.

Llirey aethis — *аэльвский*; «Лиирские горы».

Drakkaris — *аэльвский*; «дракон».

Faerie Nebulis — *аэльвский*; «Круг Фаз».

Drakkaris flamary — *аэльвский*; «Драконье пламя».

Aelari — *аэльвский*; «смотрящий в ночь».